ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ

ПОСТОЛИТИЗДАТ
1957

1917·1957

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ

СБОРНИК СТАТЕЙ
под редакцией А. Я. МАНУСЕВИЧА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1957

ГИ200
0413

Библиотека ин-та
Марксизма-Ленинизма
при ЦК КПСС

713076

ПРЕДИСЛОВИЕ

Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало новой эпохе мировой истории — эпохе победы социализма, строительства коммунизма. В результате подвига, совершенного рабочим классом России в союзе с трудящимся крестьянством и под руководством выпестованной Лениным большевистской партии, была создана Республика Советов — оплот свободы и независимости народов всего мира.

Героическая, самоотверженная борьба народов Страны Советов за построение социалистического общества явилась вдохновляющим примером для всех угнетенных и эксплуатируемых на всем земном шаре. Воспламененные великими идеями мира между народами, самоопределения народов, дружбы народов, идеями коренных социальных преобразований и строительства социализма, трудящиеся всех стран поднялись на борьбу за свое освобождение от ига империализма, от колониального гнета, от господства капиталистов и помещиков.

Непосредственный и глубокий отклик Октябрьская революция вызвала у зарубежных славянских народов. К моменту революции они находились под двойным — национальным и социальным — гнетом. Польша, Чехия, Словакия, Сербия, Хорватия, Словения, Босния и Герце-

говина, Македония, Черногория были во власти австро-венгерских и германских империалистов, в Болгарии правила немецкая династия Кобургов. Фронты первой мировой войны, армии захватчиков, своры иностранных чиновников, поток реквизиций, мобилизация в иностранные армии прокатились по землям западных и южных славян. Октябрьская революция показала выход из невыносимого положения, дала мощный толчок революционному, освободительному движению всех славянских народов.

Наличие общих с Россией черт в экономическом и политическом положении зарубежных славянских стран, близость славянских языков и культур, территориальное соседство славянских народов, исторически сложившиеся тесные связи с русским революционным движением способствовали бурному подъему революционной борьбы болгарских, польских, чешских, сербских, хорватских рабочих и крестьян. Многие из тех польских, югославских и других трудящихся, которых война привела на территорию России, немедленно встали в ряды защитников Октября, борцов за победу и утверждение Советской власти. У себя на Родине болгарские и польские, чешские и сербские, словацкие и хорватские рабочие выступили против своих притеснителей.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции сделала невозможным сохранение чужеземного господства в славянских странах и явилась одним из решающих факторов образования в конце 1918 г. независимых Чехословакии, Польши и Югославии. Однако власть в этих странах, как и в Болгарии, сумели удержать эксплуататорские классы. Пролетариат славянских стран, вдохновляемый героической борьбой народов Советской Республики, продолжал стремиться к своему социальному освобождению. Руководящей и направляющей силой этой борьбы явились коммунистические партии, сложившиеся во всех славянских странах на теоретической основе и организационных принципах марксизма-ленинизма.

Реакционные правящие классы зарубежных славянских стран и их империалистические покровители выдали Чехословакию, Польшу, Югославию, Болгарию гитлеровским человеконенавистникам. Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. спасла от уничтожения зарубежные славянские народы, героически боровшиеся против гитлеровского ига, и сыграла решающую роль в достижении ими свободы и независимости.

Подготовленные сотрудниками Института славяноведения Академии наук СССР и привлеченными институтом лицами статьи настоящего сборника посвящены как ближайшим по времени откликам трудящихся зарубежных славянских стран на Октябрьскую революцию, так и их непосредственному участию в борьбе Советской власти против иностранных интервентов и сил контрреволюции в 1917—1920 гг. Большинство освещаемых в статьях вопросов еще не получило отражения в советской исторической литературе. Почти все статьи сборника носят исследовательский характер.

Статьи об образовании Чехословацкого государства в 1918 г. и о революционном движении в Словакии в 1918—1919 гг. были любезно прорецензированы Институтом истории Чехословацкой Академии наук.

Последовательность статей в сборнике определяется алфавитным расположением названий зарубежных славянских государств.

71-2

ХРИСТО КАБАКЧИЕВ

ПАРТИЯ ТЕСНЫХ СОЦИАЛИСТОВ, РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ И ЦИММЕРВАЛЬДСКОЕ ДВИЖЕНИЕ[1]

I

Февральская революция была встречена народами всего мира, в том числе и широкими трудящимися массами болгарских рабочих и крестьян, бурным взрывом радости и воодушевления. В бескрайне долгой ночи империалистической войны Февральская революция явилась огненной молнией, которая разбудила гибнущие в кровавой катастрофе империализма народы и озарила своим светом все углы земного шара, пробудив повсюду светлую надежду на освобождение и спасение.

Февральская революция прогремела мощным призывом к борьбе для десятков и сотен миллионов трудящихся, изнемогавших на фронтах и в тылу во всех странах от опустошений войны. Февральская революция дала мощный толчок растущему революционному движению рабочего класса в воюющих странах и левым революционным течениям международной социал-демократии.

В рядах нашей партии — партии тесных социалистов Февральская революция вызвала новый бурный прилив боевой энергии и воодушевления. Сразу же после того, как пришли первые сообщения о революции, софийская пар-

---

[1] Автор настоящей статьи Христо Кабакчиев (1878—1940 гг.) — видный деятель болгарского и международного рабочего движения. С 1905 по 1928 г. он был членом ЦК партии тесных социалистов, преобразованной в 1919 г. в Болгарскую коммунистическую партию. В 1910—1923 гг. Х. Кабакчиев — редактор центрального органа партии, газеты «Работнически вестник». Настоящая статья представляет собой часть литературного наследства Х. Кабакчиева — главу из его неопубликованных «Воспоминаний и материалов из истории партии тесных социалистов». Глава печатается с некоторыми сокращениями. — *Прим. ред.*

тийная организация созвала большое открытое собрание, которое состоялось во дворе Народного дома в Софии. На этом собрании выступил Д. Благоев, с пламенным юношеским энтузиазмом приветствовавший революцию, за которую он боролся в самой России еще на заре русского рабочего движения [1] и которую он предсказывал еще в начале империалистической войны. Собрание приняло резолюцию, в которой послало горячие братские приветствия русскому революционному пролетариату.

Небывалый подъем охватил партию и всех ее членов в тылу и на фронте. «Работнически вестник» встретил Февральскую революцию восторженными статьями, газета стала истинным выразителем общего настроения партии и трудящихся масс и повела непрестанную борьбу в защиту русской революции [2]. Лозунги русской революционной социал-демократии были подхвачены «Работническим вестником» и уже не сходили с его страниц. Вопреки цензуре, «Работническому вестнику» удавалось в той или иной форме пропагандировать и защищать эти лозунги. «Работнически вестник» постоянно помещал сведения о революции и событиях в России, с огромным вниманием следил за ней и, насколько позволяли эти сведения, освещал важные моменты развития революции.

Партийная конференция, состоявшаяся 16—17 сентября 1917 г.,— первая после съезда партии в 1915 г. и после вступления Болгарии в империалистическую войну — констатировала подъем в партии и в Общем рабочем профессиональном союзе [3]. Она отметила особенно боль-

---

[1] Автор имеет в виду то, что Димитр Благоев (1855—1924 гг.), основатель и вождь болгарской революционной партии тесных социалистов, в 1878—1885 гг. жил в России. Зимой 1883—1884 гг. он создал одну из первых в России социал-демократических групп («группа Благоева»), сыгравшую значительную роль в пропаганде марксизма и приступившую к изданию первой русской социал-демократической газеты— «Рабочий». В марте 1885 г. Благоев был арестован и выслан на родину, в Болгарию. Деятельность Благоева и его группы занимает видное место в истории русского рабочего движения 80-х годов XIX в.— *Прим. ред.*

[2] К сожалению, я не имею под рукой как раз тех номеров газеты «Работнически вестник», которые относятся к этому первому периоду после Февральской революции 1917 г. до середины мая, чтобы привести здесь из нее некоторые статьи и цитаты.

[3] Общий рабочий профессиональный союз — объединение профессиональных союзов Болгарии, возникшее в 1904 г.; руководителем Общего рабочего профессионального союза в 1909—1923 гг. был Г. Димитров.— *Прим. ред.*

шой успех в распространении «Работнического вестника», наступивший в период после Февральской революции. Число членов Общего рабочего профессионального союза поднялось с 1800 — в начале войны, до 5 тыс., а тираж «Работнического вестника», сократившийся было до 2 тыс. экземпляров, после Февральскої революции быстро увеличился, и ко времени партийной конференции газета распространялась в количестве 11 500 экземпляров.

Народный дом, расположенный на одной из самых многолюдных улиц Софии, был украшен громадной красной лентой с надписью: «Да здравствует русская революция!»; над домом было поднято красное знамя. Более месяца полиция не смела посягнуть на эти эмблемы революции, которые вызывали восхищение трудящихся масс и особенно бойцов с фронта, проезжающих через столицу, пока, наконец, по распоряжению правительства и военного коменданта столицы эти эмблемы не были сняты с Народного дома. Но лозунги русской революции не могли быть вырваны из самого рабочего движения и борьбы трудящихся масс, которые с начала русской революции вступили в новый период непрерывного подъема.

«Работнически вестник» не всегда правильно ориентировался в событиях русской революции, нам не всегда удавалось усвоить и защитить большевистскую оценку событий, дать правильное марксистско-ленинское объяснение развития революции. В широком и бурном потоке революции, насколько мы могли в условиях цензуры следить за ее развитием, мы не всегда занимали правильные позиции. Но с самого начала партия и ее орган «Работнически вестник» встали на сторону революционной социал-демократии, большевиков, наши горячие симпатии были всегда на их стороне, даже и тогда, когда мы не вполне осознавали правильность их линии, когда были не в состоянии объяснить сменяющиеся этапы революции. В то же время еще с самого начала мы осудили позицию, занимаемую в революции меньшевиками, правыми социалистами-революционерами и группой трудовиков.

Партия и «Работнически вестник», выступая в защиту русской революции, в то же время боролись за лозунги, провозглашенные Циммервальдской и Кинтальской конференциями.

На Циммервальдской конференции (состоявшейся 5—8 сентября 1915 г.) наша партия, как известно, не заняла правильной позиции, она не присоединилась к позиции группы левых революционных элементов во главе с Лениным, которая выдвинула лозунги о превращении войны империалистической в войну гражданскую, о братании на фронте, о сплочении левых течений и борьбе за создание нового Интернационала. Но партия и «Работнически вестник» самым энергичным образом защищали решения и манифест Циммервальдской конференции, за которые голосовала и ленинская группа, после того как предложенная ею резолюция была отклонена конференцией. Партия и «Работнически вестник» также энергично защищали и решения Кинтальской конференции (состоявшейся 24—30 апреля 1916 г.) [1].

Наша партия встала на позиции Циммервальдской конференции. На протяжении всей войны она боролась против оппортунистов и социал-патриотов. Партия была на стороне левых, революционных течений в международной социал-демократии, она боролась против измены II Интернационала и самым беспощадным образом бичевала его руководителей. В действительности наша партия в это время все еще стояла на позициях сохранения единства Интернационала, но в то же время в лице Д. Благоева она все смелее и решительнее поднимала свой голос за создание нового, революционного Интернационала.

Борьба в защиту русской революции, прежде всего от врагов в самой Болгарии, от клеветы, которой обливала революцию буржуазия, ее партии и пресса, в том числе и широкие социалисты [2], с одной стороны; борьба в защиту принципов и тактики революционного крыла международной социал-демократии, Интернационала, выдвинутых Циммервальдской конференцией, с другой стороны,— это две основные линии, которым следовала наша партия и ко-

---

[1] Следует отметить, что по вопросу о борьбе против оппортунизма и социал-шовинизма и о создании нового Интернационала тесные социалисты были гораздо ближе к позиции большевистской партии, чем большинство участников конференции в Циммервальде. Делегаты тесных социалистов не смогли принять участие в конференции в Кинтале, но партия открыто солидаризировалась с этими решениями, представлявшими собой шаг вперед по сравнению с решениями, принятыми в Циммервальде.— *Прим. ред.*

[2] Широкие социалисты — оппортунистическое направление в болгарском рабочем движении.— *Прим. ред.*

торые самым энергичным образом проводил «Работнически вестник» после Февральской революции. Вопросы русской революции и международной революционной социал-демократии занимали в этот период центральное место в деятельности и борьбе партии тесных социалистов.

II

«Работнически вестник» после Февральской революции следил за событиями в России; насколько было возможно, регулярно информировал о них и старался освещать наиболее важные моменты развития революции. Несмотря на недостаточную осведомленность и главным образом отсутствие правильной и последовательной большевистской линии в анализе революционных событий и критике буржуазных партий, меньшевиков, трудовиков и пр., «Работнически вестник» постоянно разоблачал измену, половинчатость, ошибки и непоследовательность партий и сил, участвовавших в революции, и всегда выступал за дальнейшее развитие революции, за расширение ее, углубление и непрерывное движение вперед, к полной победе. Это наглядно покажет краткий обзор основных статей «Работнического вестника» за период от Февральской революции до Великой Октябрьской революции.

11 мая 1917 г. «Работнически вестник» в передовой статье [1] под заглавием «Путь революционной России» связывает задачи русской революции с задачами международной революционной социал-демократии.

«Русская революция,— писал «Работнически вестник»,— является поражением особого рода, поражением сокрушительным и безвозвратным тактики социал-патриотов в России... Русский революционный пролетариат на деле доказал принцип самостоятельности классовой борьбы. Он доказал, что этот принцип является верным и единственным для спасения пролетариата не только в мирное время, но и во время войны».

Это было ответом, который в связи с русской революцией дала наша партия социал-патриотам и центристам и самому Каутскому на их позорную и предательскую позицию, на их утверждения, что Интернационал был инстру-

---

[1] В этот период все передовые статьи в «Работническом вестнике», авторы которых не указываются, были написаны Х. Кабакчиевым. — *Прим. ред.*

ментом борьбы в мирное время, но не может являться орудием борьбы во время войны.

По поводу изменений во Временном правительстве в мае 1917 г. «Работнически вестник» писал 19 мая в передовой статье «Новый кабинет в России»: «Телеграмма из Петрограда сообщила, что Совет рабочих и солдатских депутатов решил послать своих делегатов министрами в кабинет Львова — Милюкова — Керенского. Другая телеграмма называет уже и имена нескольких таких социалистов-министров, которые вошли в правительство. Если эти известия соответствуют действительности, то они показывают, что Совет рабочих депутатов решил принять участие в управлении — решение, которое может иметь роковое значение для роли Совета в революции и для самой революции... Если либеральная буржуазия уже вступила на путь контрреволюции и скомпрометировала себя, то революционная демократия должна взять власть. Но это не означает, что нужно послать своих министров во Временное правительство, а что надо его свергнуть и взять власть в свои руки...»

«Мы убеждены,— продолжала газета,— что точка зрения оппозиции в Совете рабочих и солдатских депутатов является правильной» [1].

«Но Совету рабочих и солдатских депутатов не хватает сознания и смелости... Он не решился всецело взять власть в свои руки и через диктатуру революционного пролетариата и сплоченных вокруг Советов рабочих и солдатских революционных сил (рабочих и крестьянских масс) совершенно парализовать поползновения империалистической реакционной буржуазии, сорвать всякую контрреволюцию и обеспечить дальнейшее развитие революции...»

Наша партия с возмущением и протестом встретила воинственную политику нового правительства в революционной России. «Работнически вестник» в передовой статье «Россия и война» 25 мая писал:

«...Воинственная политика нового правительства, правительства Керенского с участием меньшевиков, способна только продолжить войну и ведет не к торжеству «демо-

---

[1] Под оппозицией имеются в виду большевики, которые в рассматриваемый период революции были в меньшинстве в Советах и выступали против политики меньшевистско-эсеровского большинства, открыто перешедшего с созданием в мае коалиционного Временного правительства в лагерь контрреволюционной буржуазии.— *Прим. ред.*

кратии» у союзников России, а к укреплению империалистических правительств в Англии, Франции, Италии и пр.»

В этот период Г. Кирков и В. Коларов опубликовали целый ряд статей о русской революции — корреспонденции из Стокгольма, куда они выехали в мае 1917 г. для участия в третьей Циммервальдской конференции, созванной Международной социалистической комиссией. Эта конференция не могла состояться в назначенное время. Г. Кирков и В. Коларов были вынуждены в ожидании конференции пробыть долгое время в Стокгольме и участвовали лишь в нескольких предварительных заседаниях прибывших на эту конференцию делегатов. На этих заседаниях и было принято известное воззвание левых циммервальдцев [1].

Сама конференция циммервальдцев состоялась лишь в начале сентября 1917 г., когда Г. Кирков и В. Коларов уже уехали из Стокгольма; таким образом, в конференции они не участвовали.

Во время своего продолжительного пребывания в Стокгольме Г. Кирков и В. Коларов направили в «Работнически вестник» целый ряд корреспонденций из Стокгольма о русской революции и циммервальдском движении. 30 июня «Работнически вестник» напечатал статью Г. Киркова «Что происходит в России», в которой он писал:

«...Как известно, группа Ленина выступает против *частичного* вхождения социал-демократов во Временное правительство, являющегося не только бесполезным, но просто вредным и опасным для развития революции вообще и социализма в частности. Эта группа подчеркивает, что именно Совет рабочих депутатов должен взять всю власть в свои руки... Группа Ленина убеждена, что правительство, которое опирается на рабочие и крестьянские массы, сможет не только успешно справиться со всеми требованиями революционного момента, но и довести развитие революции до ее завершающего конца, т. е. из буржуазной прев-

---

[1] Как известно, В. И. Ленин был против созыва третьей Циммервальдской (Стокгольмской) конференции, считая совершенно необходимым полный разрыв с большинством участников циммервальдского объединения и создание нового, подлинно революционного международного пролетарского объединения — III Интернационала. Воззвание левых циммервальдцев, подписанное от имени партии тесных социалистов Г. Кирковым и В. Коларовым, содержало положения, близкие к большевистским лозунгам борьбы против империалистической войны.— *Прим. ред.*

ратить революцию в социальную [1]. Является ли эта линия соответствующей объективным условиям русской революции — об этом можно спорить; однако большое преимущество этой линии состоит в том, что она *прямая, ясная и определенная* и основательно отличается от линии действия других социалистических групп — *линии колеблющейся, неясной и непоследовательной.* Знаменательным фактом является то, что стрелы как всех остальных социалистических групп, так и всей буржуазии, направлены исключительно против группы Ленина и его «преступной, анархистской пропаганды». Этот факт бросает очень подозрительный свет на путь, по которому идут другие социалистические группы в революционной России...»

По поводу кровавой расправы поднявшей голову контрреволюции над революционными рабочими в Петрограде в июле 1917 г. «Работнически вестник» 24 июля напечатал передовую статью: «Контрреволюция в Петрограде», в которой говорилось:

«Империалистическая буржуазия в достижении этих реакционных замыслов, к сожалению,— и в этом состоит большой трагизм кровавых событий в Петрограде — была поддержана большинством Петроградского Совета рабочих и др. депутатов и министрами социал-патриотами... Большинству Петроградского Совета рабочих и др. депутатов остается выбрать одно из двух: или опомниться, своевременно принять тактику, рекомендуемую социал-демократами (большевиками), и взять, если нужно силой, всю власть в свои руки, или открыто перейти в лагерь контрреволюции. Но и в последнем случае Совет еще некоторое время будет использован для того, чтобы затем окончательно его отстранить и заменить контрреволюционной Думой. Империалистическая буржуазия, воспользовавшись Советом и его министрами, прогонит их, чтобы создать «твердую власть» и «полный порядок» в стране и продолжать завоевательную войну».

Касаясь уроков июльских событий, газета продолжала: «Министры социал-патриоты обагрили свои руки кровью рабочих. Они безвозвратно проиграли. Но не только они проиграли, окончательно провалилась политика социал-патриотизма. Пока что это единственный выигрыш для пролетариата, русской революции, народа из кровавой

---

[1] Имеется в виду социалистическая революция.— *Прим. ред.*

бани, устроенной петроградскому пролетариату. Если жестокий урок будет вовремя извлечен и использован русским революционным народом, то тяжелые и дорогие жертвы, понесенные им, окупятся...»

После контрреволюционного похода генерала Корнилова на Петроград и разгрома этого похода петроградским пролетариатом под руководством большевиков «Работнически вестник» в номерах от 15 и 17 сентября 1917 г. опубликовал передовую статью «Гражданская война в России», в которой дал следующую оценку переживаемому этапу революции:

«...Когда на третий день после революции в России Милюков провозгласил на весь мир, что революция закончена, мы в передовице сказали: революция в самом начале. Мысль Милюкова выражала его желание, которое было также желанием русской буржуазии,— потушить революционный вулкан. Революция выдвинула Милюкова к власти — большего буржуазия не желала, следовательно, революцию нужно было объявить завершенной!..

Жестокое испытание, которому подверглись в последние недели Советы рабочих депутатов, помогает вывести русский пролетариат из больших заблуждений. Лишь сейчас он понял, что, когда его представители в Советах рабочих и др. депутатов помогали буржуазии нанести удар большевикам, т. е. самому передовому и сознательному отряду пролетариата, они тем самым подготавливали его собственную гибель.

Так буржуазия, воспользовавшись Советами рабочих и солдатских депутатов, чтобы нанести поражение революционной социал-демократии, теперь обратилась и против самих Советов. Монархические генералы и приверженцы старого режима, поддержанные кадетами, направляют сегодня самый тяжелый удар гражданской войны не только против социал-демократии, но и против рабочего класса вообще...

Победа в гражданской войне принадлежит той стороне, которая получит поддержку крестьян — самого многочисленного класса сегодняшней России...

Если бы в сохранении широких демократических завоеваний революции был заинтересован только рабочий класс, то в гражданской войне он оказался бы изолированным и побежденным, борьба была бы жестокой и упорной, но не

713076

[illegible]

долгой. К счастью, в сохранении демократических завоеваний революции заинтересованы еще крестьяне и многочисленные угнетенные народы России...»

Накануне Октябрьской революции, 28 сентября, Г. Кирков опубликовал в газете «Работнически вестник» замечательную статью под названием «На перепутье».

«...Эта коалиция,— писал Г. Кирков,— доказывает полную неспособность социал-патриотов и русской буржуазии разрешить важные задачи революции. Но она доказывает и другое, еще более важное: *невозможность* совместного участия в революции не только пролетариата и буржуазии, но и буржуазии и крестьянских масс. Крестьянская масса требует *земли и мира*. Однако буржуазия и ее союзники — дворяне и социал-патриоты — не желают дать и не дадут им ни того, ни другого. Это ясно и наглядно видно как из бесплодной пятимесячной революционной шумихи Керенского и его оруженосцев, так и из последней неудачной попытки Корнилова. Крестьяне не имеют и не могут иметь союзников в лице Милюкова, Львова и Терещенко. Их союзником в настоящей фазе русской революции может быть только пролетариат, которому принадлежит и руководство самой революцией.

Русская революция является запоздавшей буржуазной революцией. Как таковая она может быть осуществлена только пролетариатом при содействии крестьянских масс, так как в отличие от всех предшествовавших буржуазных революций в русской революции имеется налицо более или менее сформировавшийся и организованный пролетариат со своей программой и линией действия...

Но русская революция имеет и другую особенность. Она является не только запоздавшей буржуазной революцией, но и буржуазной революцией, вспыхнувшей, так сказать, накануне большой социальной революции, на пороге которой стоят все развитые капиталистические страны. Это особое обстоятельство делает и роль русского пролетариата особой. Стремление его к руководству революцией вполне оправдано.

...Совету предстоит выбрать одно из двух: или вернуться снова к только что обанкротившейся политике социал-патриотов, или взять политическую власть в свои руки и немедленно приступить к тем мероприятиям, которые освободят революцию от позорной зависимости от Милюковых и их союзников во Франции, Англии и Америке».

III

Партия тесных социалистов встретила Великую Октябрьскую революцию новым, еще более бурным взрывом энтузиазма. Из приведенных на предыдущих страницах отзывов и оценок газеты «Работнически вестник» и руководящих товарищей о развитии русской революции и ее наиболее важных этапах становятся ясными как ошибки и недостатки, так и положительные стороны отношения партии к революции.

Мы не сумели полностью разобраться в движущих силах революции, понять и усвоить тактику большевиков, полно осветить пути революции с точки зрения ленинизма. Но мы понимали, что передовым, руководящим отрядом революции, который указывает и расчищает ей путь, который сплачивает ее силы и непрерывно двигает ее вперед, который ведет ее к верной и окончательной победе, является большевистская партия, партия Ленина. Изучая шаг за шагом развитие революции, ее крупные сражения и повороты, временные поражения, новые победы и постоянный рост ее сил, мы все более убеждались в правильности пути, который большевики указывали революции и который вел к окончательной ее победе.

Победа Великой Октябрьской революции ознаменовала начало нового революционного подъема среди широких трудящихся масс. Распространение газеты «Работнически вестник» в период после Февральской революции постоянно увеличивалось, после Октября оно сделало новый большой скачок,— тираж газеты вскоре превысил 25 тыс. экземпляров, более половины его распространялось на фронте. «Работнически вестник» выходил в условиях строгой военной цензуры, но цензуре не удавалось задушить революционную пропаганду и агитацию, которую партийный орган упорно продолжал вести. Голос великой русской революции и ее мощное растущее влияние нельзя было задушить, этот голос проникал через цензуру и военное положение.

«Работнически вестник» 12 ноября 1917 г. встретил Великую Октябрьскую революцию передовой статьей «Победа большевиков». В этой статье говорилось: «Еще до революции большевики твердо и последовательно стояли на интернациональной позиции революционной социал-демократии. А после революции они стали самой большой

массовой рабочей партией и в настоящее время являются в действительности единственной партией русского организованного социалистического пролетариата...

Но не нужно строить иллюзий. Кадеты и остатки абсолютистского режима, буржуазия и дворянство сплотят свои силы перед общей опасностью, какую для них представляет окончательная победа революционной демократии. Эта победа, несомненно, лишит их привилегий и, передав власть в руки пролетариата, городской мелкой буржуазии и крестьян,— в России еще немыслима полная и окончательная победа пролетариата, там еще отсутствуют условия для социалистической революции — лишит их перспективы возвратить себе когда-либо эти привилегии. Буржуазия и дворянство, поддержанные английским и американским капиталом, притаятся, возможно, только для того, чтобы сплотиться и подготовиться и ополчиться с еще большими силами против победоносной революции. Они сделают все, чтобы развязать гражданскую войну в России.

...Сила революционного пролетариата заключена как в нем самом, так и в доверии, которое он своей политикой все более приобретает среди широких народных масс, крестьян и городской мелкой буржуазии.

Революционный комитет, который взял власть в Петрограде, тотчас поднял знамя, которое сплотит весь пролетариат, городские мелкобуржуазные массы и крестьян. На этом знамени написано: немедленный демократический мир, земля и свобода! Этот призыв найдет отклик во всех уголках необъятной русской земли. Он найдет отклик и во всех концах света. Поэтому то, что происходит сегодня в России, имеет всемирно великое историческое значение».

Как видно из этой статьи, партийному органу «Работнически вестник», мне, руководившему газетой и писавшему в ней передовые статьи, партии вообще в тот момент был еще не вполне ясен социалистический характер Октябрьской революции. Но мы сознавали великое историческое значение революции как победы рабочих и крестьян под руководством революционного пролетариата и понимали руководящую роль большевиков в революции. Победа революции была для нас победой большевизма.

Несколько позднее, 2 января 1918 г., «Работнически вестник» в передовой статье «Новый год» писал: «От рус-

ской революции веет духом интернационального социализма, духом великого основателя социал-демократии Карла Маркса. Поэтому победа русской революции является победой интернационального социализма. Поэтому болгарский пролетариат, наша социал-демократическая партия в успехах русской революции видят успехи дела своего собственного освобождения.

Истекший 1917 год останется в истории бессмертным. В этот год вспыхнула и победила революция русских рабочих и крестьян. В этот год впервые в истории рабочий класс захватил политическую власть в одной стране, в самой большой стране Европы...

Ни в один год не было сделано так много для освобождения народов от ига капитализма, как в 1917 г. Ни в один год народы не вступали с такой глубокой верой в то, что спасение их только в социализме, с какой вступают в 1918 г. Капиталистический режим расшатан в своих основах. Русская революция нанесла ему такой сильнейший, сокрушительный удар, какого он никогда до сих пор не терпел. Из пепелища мировой империалистической войны возвышается уже гранитный фундамент будущего социалистического общества, общества, несущего мир, братство и свободу человечеству.

Никогда звезда социализма не восходила так высоко на небосклоне, как в наступившем 1918 г. Народы во всех углах земли обращают свои взоры к высоко восходящей звезде социализма, которая освещает темные и крутые дороги, по которым в тяжелых муках и страданиях поднимаются народы к будущему своему счастью и спасению».

Но наша партия после Октябрьской революции не ограничивалась только высказываниями в «Работническом вестнике», который подвергался строжайшей военной и политической цензуре. Вскоре после Октябрьской революции Центральный Комитет партии нелегально напечатал обширное воззвание, написанное Г. Кирковым. В этом воззвании партия открыто и ясно высказывалась о своем присоединении к лозунгам, выдвинутым Октябрьской революцией, решительно объявляла себя сторонницей Октябрьской революции и победоносной тактики, проявленной большевиками в ходе революции. Это воззвание было широко распространено внутри страны и на фронте, оно с большим воодушевлением было встречено не только чле-

нами партии, но и широкими массами рабочих, крестьян и солдат. За распространение этого воззвания в армии и на фронте десятки наших товарищей были арестованы и преданы военно-полевому суду, многие из них были приговорены к долголетнему тюремному заключению или службе в дисциплинарных ротах, а некоторые даже расстреляны.

Как раз в этот период после Октябрьской революции распространение «Работнического вестника» приняло наибольшие размеры. Газете, несмотря на цензуру, удавалось печатать известия о развитии революции в России, а также о важных революционных событиях в других странах. Были случаи, когда «Работнически вестник» печатал сообщения о революционном подъеме масс в других воюющих странах, извещать о которых цензура не разрешала. Так, например, 31 января 1918 г. газета напечатала телеграмму из Берлина о массовой стачке рабочих на металлургических и военных заводах Германии; за это нарушение цензуры «Работнически вестник» был запрещен с 8 февраля до 1 марта того же года.

Но газете «Работнически вестник» удавалось не только «контрабандой», т. е. без разрешения цензуры, расширять и усиливать свою революционную пропаганду в связи с Октябрьской революцией и общим подъемом революционной волны в народных массах всех воюющих стран. Сама цензура была вынуждена ослабить свой режим, правительство и генеральный штаб армии вследствие бурного роста недовольства и возбуждения рабочих, крестьян и широких трудящихся масс внутри страны, а особенно на фронте, были вынуждены примириться и терпеть усиливающуюся борьбу нашей партии и ее органа «Работнически вестник» против войны и в защиту Октябрьской революции. Отставка правительства либеральной коалиции Радославова и образование правительства демократической коалиции во главе с Малиновым в мае 1918 г. были не только маневрами монархизма и буржуазии, чтобы сблизиться со странами Антанты, шансы которых на победу в войне все более увеличивались после присоединения Соединенных Штатов Америки, но и вынужденной уступкой растущему недовольству и назревающим революционным событиям на фронте и внутри страны.

Влияние и значение Великой Октябрьской революции для нашей партии в этот период не исчерпывались

лишь мощным подъемом борьбы против войны и в защиту революции. Революция открыла для нашей партии новый исторический этап в ее развитии, она помогла ей стать на путь пересмотра своих основных идеологических принципов и тактических методов как партии тесного социализма, выработать свое критическое отношение к теснячеству и начать освоение — хотя постепенно, непоследовательно и с новыми ошибками — принципов и тактики большевизма.

Именно с Великой Октябрьской революции в развитии нашей партии начался переход от теснячества к большевизму, но решительный поворот партии от теснячества к большевизму произошел лишь позднее, на основе ее собственного опыта во время борьбы в 1918—1923 гг., во время героического революционного Сентябрьского восстания 1923 г.

IV

Наряду с революционными событиями в России другим центральным вопросом, который поглощал основное внимание и определял линию партии в этот период, была борьба левых революционных течений, циммервальдских групп и партий в международной социал-демократии против измены II Интернационала, против войны. «Работнически вестник» следил за всеми важными проявлениями циммервальдского движения и после Февральской революции в России. Как партия в целом, так и партийная газета все более приближались к группе левых в циммервальдском движении.

14 мая 1917 г. «Работнически вестник» рассмотрел в передовой статье «Международная социалистическая конференция в Стокгольме» решение Международной социалистической комиссии (МСК) о созыве этой конференции. 31 мая газета сообщила, что ЦК партии самостоятельно, по своей инициативе поставил перед МСК вопрос о созыве новой, третьей Циммервальдской конференции до того, как нам стало известно, что сама МСК решила созвать такую конференцию в Стокгольме.

15 мая 1917 г. «Работнически вестник» опубликовал резолюцию Кинтальской конференции (происходившей 24—30 апреля 1916 г.), в которой наша партия не могла принять участие, так как Г. Кирков и В. Коларов, уполномо-

ченные представлять партию и выехавшие в Кинталь, смогли доехать только до Вены, поскольку им было отказано в визах на въезд в Швейцарию.

Как известно, наша партия еще в первые месяцы империалистической войны разоблачила измену II Интернационала, а Д. Благоев уже тогда высказался за создание нового Интернационала на основе революционного социализма. Но тогда и еще некоторое время спустя наша партия стояла вообще на точке зрения сохранения единства Интернационала, борясь против социал-патриотизма и оппортунизма и за очищение Интернационала от изменников и предателей. Сохранение единства и целостности II Интернационала было старой традицией, унаследованной от его первого периода, когда он стоял на революционных позициях, а оппортунизм в нем был слабым течением, представленным отдельными лицами и небольшими группами, не имевшими особого влияния.

Но единство Интернационала, которое в тот первый период его развития было необходимой и правильной революционной линией, позднее — после того как в нем усилились оппортунизм и реформизм, а революционные резолюции конгресса Интернационала на деле все чаще стали топтаться оппортунистами и реформистами, число и влияние которых во многих секциях Интернационала сильно увеличилось,— когда, наконец, в начале империалистической войны крупнейшие секции Интернационала открыто перешли в лагерь империалистической буржуазии, идея сохранения единства Интернационала стала препятствием в борьбе и тормозом развития в нем революционных течений. Самыми горячими защитниками сохранения единства Интернационала в период империалистической войны были центристы во главе с теоретиком центризма Карлом Каутским. Но центристы вообще и Каутский в частности во время войны стояли фактически на позициях социал-патриотов и оппортунистов, центризм прикрывал измену Интернационала и задерживал развитие левых, революционных течений, мешал начавшемуся революционному подъему.

Наша партия, как и еще ряд партий и групп циммервальдского течения, сразу не выступила решительно против центризма в Интернационале. Особенно сильно задерживала наш полный разрыв с центризмом и переход к сме-

лой, открытой и последовательной борьбе против него именно старая традиция сохранения единства Интернационала и большой авторитет Каутского в рядах нашей партии — даже тогда, когда Д. Благоев поднял свой голос против измены II Интернационала, за создание нового Интернационала. Однако и после того, как Благоев выступил против взглядов Каутского (1915 г.), журнал «Ново време» и газета «Работнически вестник» продолжали печатать без комментариев переводы статей Каутского и поддерживали каутскианско-троцкистскую платформу создания Соединенных Штатов Европы. Именно эта старая традиция единства Интернационала, от которой наша партия полностью не освободилась в первые годы империалистической войны, явилась одной из причин, по которой партия на Циммервальдской конференции не могла занять ленинские позиции.

После Февральской революции наша партия изменила свое отношение к центризму и в циммервальдском движении поддерживала вообще группу левых, хотя в этот период партия и не стояла полностью на позициях ленинской группы и на позициях, которые Ленин занял на конференции РСДРП в 1917 г. по отношению к циммервальдскому движению (на эти позиции она перешла в дальнейшем). Господствующим течением в Международной социалистической комиссии было правое течение, которое и после Февральской революции не изменило своих позиций и не стало на точку зрения ленинской оппозиции на Циммервальдской конференции. Правда, на некоторое время после Февральской революции МСК лишила полномочий и отстранила Гримма (представителя Швейцарской социал-демократической партии в этой комиссии), который играл руководящую роль в МСК и возглавлял в ней группу правых элементов. МСК сделала несколько шагов вперед в борьбе против социал-патриотов во II Интернационале, выступив против усилий голландско-скандинавского комитета, инспирировавшегося ими, за созыв общей мирной международной социалистической конференции, но МСК не встала на позиции ленинской группы на Циммервальдской конференции.

Поэтому и третья конференция, которая была шагом вперед в борьбе против социал-патриотов и свидетельствовала о новом успехе в сплочении левых, революционных течений, групп и партий в Интернационале, не могла

последовательно и до конца провести лозунги, выдвинутые Лениным в Циммервальде еще в 1915 г.

О том, как относился в это время партийный орган «Работнически вестник» к вопросу о единстве Интернационала, свидетельствует передовая статья, помещенная в нем 23 мая 1917 г. под заглавием: «Каково единство». В этой статье говорилось:

«...В настоящее время только интернационалисты-социалисты на деле трудятся для единства пролетариата воюющих стран. Они хотят, чтобы рабочий класс отошел от политики гражданского мира и «священного единства», восстановил свою самостоятельную классовую борьбу и таким образом восстановил интернациональную пролетарскую солидарность. Прежний Интернационал, Интернационал оппортунистов и социал-патриотов, безвозвратно разрушен, восстановить его означало бы передать руководящую роль в борьбе международного пролетариата оппортунизму и социал-патриотизму. Историческим долгом и задачей интернационалистов-социалистов являются, во-первых, борьба за отрыв левых оппозиционных течений в социал-демократии от социал-патриотов и сплочение их как независимых партий в каждой стране, во-вторых, международное соглашение и объединение таких обособленных «меньшинств», которые именно и заложат основы нового Интернационала...»

«Большим шагом вперед в этом направлении будет третья Циммервальдская конференция, которая созывается в Стокгольме. Задача этой конференции заключается не в том, чтобы «объединить» все течения в Интернационале, а *чтобы объединить только течения, которые стоят на позиции самостоятельной классовой борьбы и интернациональной пролетарской солидарности.*

Только между этими течениями *возможно единство в настоящее время* и только они своими действиями могут приблизить пролетариат и народы к миру».

«Таков путь создания нового Интернационала. Таков путь к достижению близкого всеобщего мира».

«Социалистический революционный пролетариат Европы, сплоченный вокруг Международной социалистической комиссии, двинет русскую революцию вперед, поддерживая левое, революционное течение в Совете рабочих депутатов, представители которого являются членами комис-

сии, и именно они должны быть приглашены на третью Циммервальдскую конференцию» [1].

«Работнически вестник» еще 30 мая 1917 г. в передовой статье «Конференция в Стокгольме» разоблачил истинный смысл подготовлявшейся социал-патриотами конференции, инспирированной правительствами центральных держав, против которой были правительства стран Антанты и их орудие — социал-патриоты стран Антанты, не посмевшие открыто выступить против конференции, но сделавшие все возможное, чтобы сорвать ее (в этом им помогли правительства стран Антанты, отказавшиеся выдать паспорта делегатам конференции).

Когда стало известно, что Совет рабочих депутатов в Петрограде решил по предложению Боргбьёрга [2] созвать всеобщую международную социалистическую конференцию о мире совместно с социал-патриотами, «Работнически вестник» тотчас ясно и решительно высказался против этого предложения. В передовой статье «Русская инициатива» от 7 июня 1917 г. «Работнически вестник» заявил:

«Усилия русского Совета объединить в международном масштабе социал-патриотическое «большинство» с циммервальдцами, представляющими социалистический революционный пролетариат, показывают, что в нем самом борются эти два течения, что он не является единым. Поэтому и его решение о международной конференции является компромиссным решением».

«Совершенно иначе было бы, если бы русский Совет единодушно и сплоченно стоял на точке зрения социалистического революционного пролетариата. Тогда и его

---

[1] Как показало последующее развитие событий и как тогда же указывал В. И. Ленин, путь создания нового Интернационала вокруг Международной социалистической комиссии, поддерживавшийся тесными социалистами, оказался несостоятельным.— *Прим. ред.*

[2] Датский социал-демократ Боргбьерг, приехав в апреле 1917 г. в Петроград, предложил от имени скандинавских социалистов созыв в Стокгольме Международной социалистической конференции с целью давления на правительства воюющих стран по вопросу о мире. Однако изложенные Боргбьергом условия, на которых, по его словам, германские социал-демократы считали возможным заключение мира, показали, что идея созыва конференции инспирирована в интересах германских правящих кругов. Предложение Боргбьерга было отклонено Всероссийской конференцией большевистской партии в апреле 1917 г. Международная социалистическая конференция в Стокгольме не состоялась.—*Прим. ред.*

инициатива созыва международной конференции имела бы громадное значение, она немедленно объединила бы не только циммервальдцев, но и оторвала бы большие массы пролетариата во всех странах, идущие еще за социал-патриотами».

Руководитель Международной социалистической комиссии Гримм, который во время переговоров о Стокгольмской конференции поехал вместе с другими членами МСК в Петроград, злоупотребил доверием русских товарищей, которые добились для него разрешения на поездку и пребывание в Петрограде, и без ведома и согласия русского правительства через дипломатического представителя Швейцарии в Петрограде установил связи с германским правительством с целью начать переговоры о мире. Гримм был разоблачен и изгнан из России. После этого пребывание Гримма в МСК стало невозможным, комиссия осудила его поступок, и он должен был выйти из нее. Но разоблачение Гримма не ограничилось раскрытием и осуждением поведения его в Петрограде; против его политики и роли в МСК выступили группы и партии, участвовавшие в ней, которые, не разделяя взглядов правой группы в МСК, вдохновителем и вождем которой был Гримм, до того еще не выступали открыто против этой группы.

Ясно и решительно против Гримма и правых в МСК выступили представители нашей партии Г. Кирков и В. Коларов, которые в это время находились в Стокгольме в качестве делегатов третьей Циммервальдской конференции. Ясную и решительную позицию против Гримма и правой группы в МСК занял и партийный орган «Работнически вестник», опубликовавший 18 июля передовую статью «Роль Гримма», в которой говорилось:

«Гримм стал выразителем того течения в комиссии, которое, заявляя, что стоит на точке зрения, принципиально отличной от точки зрения социал-патриотов и Международного социалистического бюро, в то же время в действительности не пыталось разорвать свои связи с бюро и отклоняло идею о новом социалистическом Интернационале».

«К сожалению, от этой двойственности не могла освободиться ни первая, ни вторая Циммервальдская конференция».

«Какой был вывод с этой точки зрения о роли Международного социалистического бюро? Поскольку оно полностью отказывалось от своей задачи, поскольку оно проводило политику социал-патриотов — политику, принципиально отличную и несовместимую с политикой международной социал-демократии,— можно ли было поручить этому самому бюро руководство будущей судьбой Интернационала? Очевидно, нельзя. Но, несмотря на это и главным образом под влиянием Гримма, Международная социалистическая комиссия решила, что «никоим образом не следует замещать Международное социалистическое бюро и что она тотчас перестанет существовать, как только бюро сможет снова выполнять свою миссию» (см. Бюллетень комиссии № 1, стр. 8).

«Из сказанного становится ясно, что большинство из Международной социалистической комиссии во главе с Гриммом отводило комиссии *временную* роль — замещать Международное социалистическое бюро и поддерживать международные связи, до тех пор пока оно не возобновит свою деятельность. Комиссия осуждала социал-патриотическую политику бюро, но в то же время признавала за ним право представительства и руководства в будущем Интернационале».

«Вторая Циммервальдская конференция включила в свою резолюцию отрывок из проекта резолюции германской группы «Интернационал» (группа Меринга, Розы Люксембург и К. Либкнехта), в котором говорилось, что ввиду измены представительств социалистических партий в руководящих странах целям и интересам рабочего класса, «ввиду их отхода с позиции пролетарского Интернационала на позиции буржуазной империалистической политики *жизненной необходимостью для социализма является создание нового, рабочего Интернационала, который должен возглавить и сплотить революционную классовую борьбу против империализма во всех странах».*

Вслед за этим проект резолюции указывает основы, на которых должен базироваться новый Интернационал» (см. «Работнически вестник», 16 апреля 1916 г.).

«Наша партия предложила Международной социалистической комиссии созвать самостоятельную Циммервальдскую конференцию. Мы убеждены, что в настоящее время возможно только единое интернациональное объединение пролетариата — объединение *левого социалисти-*

ческого меньшинства, стоящего во всех странах на позициях самостоятельной классовой борьбы и международной пролетарской солидарности».

«Мы убеждены, что только революционный социалистический пролетариат ведет серьезную, настоящую борьбу за мир, что только в результате расширения, распространения и интернационального объединения его действий создаются элементы и условия для построения нового Интернационала. Верные этому убеждению, мы писали 1 мая в статье «Новый Интернационал»: сегодня социал-патриоты выступают на стороне реакции, завтра они будут на стороне контрреволюции. Такой, а не иной является и роль Международного социалистического бюро. Поэтому первоочередная задача Международной социалистической комиссии состоит в том, чтобы решительно действовать за отделение и самостоятельное сплочение интернационалистов-социалистов как на национальной почве, так и особенно на международной. Международная социалистическая комиссия должна прекратить считать свою миссию временной и дополнительной по отношению к Международному социалистическому бюро, *она должна стать действенным и единственным центром* международной организации и действий интернационалистов-социалистов всех стран. Поэтому она должна отрицать всякое право Международного социалистического бюро действовать от имени международного пролетариата».

Г. Кирков и В. Коларов ясно и решительно высказались против центристов и против правых колеблющихся участников циммервальдского движения еще по пути в Стокгольм, в Берлине, на заседании парламентской группы Независимой социалистической партии Германии, на которое они были приглашены. Позднее в Стокгольме еще на предварительных заседаниях собравшихся на третью Циммервальдскую конференцию делегатов товарищи Г. Кирков и В. Коларов заняли те же позиции.

«Работнически вестник» в это время неоднократно возвращался в передовицах к вопросам, связанным с циммервальдским движением. 13 августа 1917 г. в передовой статье «Борьба в Интернационале» «Работнически вестник», отмечая еще раз крах II Интернационала, писал, что «действовать для построения краеугольных основ Интернационала в настоящее время означает действовать за

72-1

отделение рабочих масс от социал-патриотической политики и сплочение их вокруг левых социалистов-интернационалистов» и что «разногласия и борьба между самими левыми интернациональными течениями» являются неизбежной внутренней борьбой, «из которой родится новый Интернационал».

V

Г. Кирков после своего возвращения из Стокгольма, где он имел возможность близко и непосредственно изучить как состояние циммервальдского движения и левых течений в Интернационале вообще, так и полную компрометацию германских независимых социалистов во главе с К. Каутским, написал в газете «Работнически вестник» от 14 сентября 1917 г. замечательную статью — «Рождение Интернационала». В этой статье он заявил:

«II Интернационал своими бесспорными заслугами и большими недостатками уже принадлежит истории и лицемерные вопли его сознательных или бессознательных убийц останутся воплями вопиющего в пустыне. Теперь в порядке дня стоит III Интернационал».

«Этот Интернационал *родится в атмосфере разгорающейся классовой борьбы в крупных капиталистических странах и на основе пробуждающегося рабочего сознания...*»

В связи со Стокгольмской конференцией Коларов написал в газете «Работнически вестник» целую серию статей под общим заглавием «От Циммервальда до Стокгольма».

Г. Кирков в одной из своих корреспонденций из Стокгольма, помещенной в газете «Работнически вестник» 23 июля 1917 г. под заглавием: «Положение в России.— Роль социал-патриотической конференции», писал:

«За исключением социал-демократической партии, во главе которой стоит Ленин и которая в настоящее время проводит прямую линию, все остальные буквально не имеют ни одной определенной мысли в своей голове».

Явно отрицательное отношение к социал-патриотическим «конференциям о мире», которыми империалистические правительства и их социал-патриотические агенты пытались отвлечь рабочий класс от революционной борьбы

72-1

и поставить его на службу подготовлявшемуся империалистическому миру, подобно тому как они втянули его и в империалистическую войну, заняла не только наша партия, но и Общий рабочий профессиональный союз, который вместе и нераздельно с партией боролся против войны. Когда вожди реформистского профсоюзного Интернационала, находящегося под влиянием оппортунистов и социал-патриотов, пригласили ОРПС Болгарии участвовать в подготовленной ими международной профсоюзной конференции, то в октябре 1917 г. Г. Димитров от имени Комитета профессионального союза ответил им следующим письмом (напечатано в газете «Работнически вестник» 8 октября 1917 г.):

«Швейцарскому профессиональному союзу — Берн.

Дорогие товарищи,

В ответ на приглашение, посланное Вашей страной всем профсоюзным центрам, принять участие в созванной 1 октября 1917 г. в Берне интернациональной синдикальной конференции я уполномочен Вам сообщить, что Общий рабочий профессиональный союз Болгарии не может принять участие в этой конференции по следующим принципиальным соображениям:

«Считая, что восстановление пролетарского Интернационала является жизненной необходимостью для борющегося пролетариата всех стран, наш профессиональный союз вместе с Болгарской рабочей социал-демократической партией принял участие в интернациональных социалистических конференциях в Циммервальде, Кинтале и Стокгольме и всеми силами поддержал усилия Бернской интернациональной комиссии в этом направлении».

«Профессиональный союз, однако, стоит на той точке зрения, что восстановление интернациональных связей пролетариата сегодня имеет смысл лишь постольку, поскольку оно содействовало бы организации решительных международных действий пролетариата; установлению демократического мира и расчищению пути освободительной классовой борьбе пролетариата».

«Восстановление этих интернациональных связей, с другой стороны, возможно только между рабочими организациями, которые не имеют ничего общего с воюющими правительствами и их империалистической политикой, прервавшей гражданский мир, и которые в своих собственных странах ведут независимую классовую борьбу».

«При этом борьба пролетариата против империализма и войны способствовала созданию полного единства между профсоюзными и политическими действиями рабочих как в каждой отдельной стране, так и на интернациональной почве. Невозможным и бессмысленным является восстановление профсоюзного Интернационала *до* и *независимо* от восстановления интернациональных социалистических связей пролетариата».

«Созванная интернациональная профсоюзная конференция, однако, как по своему составу и характеру, так и по указанному ей порядку дня не в состоянии ни выполнить подобную задачу, ни сделать что-либо серьезное для восстановления интернациональных связей между борющимся пролетариатом разных стран».

«Если эта конференция вообще состоится, то она может быть использована только социал-патриотами воюющих государств для сохранения еще на известное время духовной и политической зависимости пролетариата от господствующих классов, отвлекая его внимание от независимой классовой борьбы и его исторической задачи и направляя его внимание к мирному конгрессу правительственной дипломатии, которому будет послана социальная программа профсоюзов, предложенная для обсуждения и принятия конференцией».

«Такому делу болгарский организованный пролетариат не может оказать никакого содействия. Более того, он решительно его осуждает, готовый и в дальнейшем, как и до сих пор, поддержать только такую инициативу, которая направлена на восстановление пролетарского Интернационала на основе независимой классовой борьбы и на базе неразрывного единства между профсоюзными и политическими действиями пролетариата».

«Работнически вестник» не пропускал случая отмечать и защищать все проявления левых революционных течений и нарастающей революционной борьбы рабочего класса в воюющих странах. Так, 20 июня 1917 г. «Работнически вестник» публикует письмо Франца Меринга, которое он от своего имени и от имени Карла Либкнехта и Розы Люксембург, как и от имени группы «Интернационал», которую они трое возглавляли, послал Исполнительному Комитету Совета рабочих депутатов Петрограда. В этом письме говорилось:

2-38

«В силу внешних препятствий мы приходим, может быть, последними с нашими благопожеланиями и приветствиями русской революции. А мы желали бы быть с нашими поздравлениями в числе первых, так как наше течение в Германии, течение группы «Интернационал», борется в самых тяжелых условиях того же самого режима, теми же средствами и применяя ту же тактику, какую применяли вы до того, как славная революция увенчала вашу борьбу и ваши усилия победой. Мы выражаем свою глубокую радость, так как ваша победа является и нашей победой, победой той части пролетариата всех стран, которая осталась верной социализму во время войны».

«Работнически вестник» в номерах от 12 и 13 октября 1917 г. напечатал под заглавием «Исторический обзор» почти полностью резолюцию августовского съезда большевистской партии в 1917 г., в которой даются исторический анализ и оценка развитию революции за весь период с февраля 1917 г. Партия и ее печатный орган «Работнически вестник» в этот период защищали тактику большевиков в революции, и, если нам не всегда удавалось правильно и последовательно защитить эту тактику, если иногда наши объяснения событий во время и после Февральской революции были неполными или ошибочными, это объяснялось как недостаточной нашей информацией, так и главным образом неумением перейти тогда еще от наших тесняцких позиций по вопросу революции вообще и русской революции в частности на ленинские позиции, на позиции большевистских принципов и тактики.

Р. ЕРМОЛАЕВА

К ИСТОРИИ ПОЛЬСКИХ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ОРГАНОВ РКП(б) ДЛЯ РАБОТЫ СРЕДИ ПОЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1917—1921 гг.

Польское рабочее движение всегда было связано с русским революционным движением тесной совместной борьбой против общих врагов. Это исторически сложившееся русско-польское революционное сотрудничество особенно ярко проявило себя в героические дни октября 1917 г. Подавляющее большинство польских рабочих и деятелей польского революционного движения, находившихся в то время в России, активно участвовало в Великой Октябрьской социалистической революции и в строительстве первого в мире социалистического государства.

Ко времени Великой Октябрьской социалистической революции на территории России оказалось много поляков. Их количество резко возросло за годы первой мировой войны за счет беженцев, эвакуировавшихся из так называемого Королевства Польского, которое в 1915 г. было захвачено австро-германскими войсками. Царские власти эвакуировали из Королевства Польского в глубь России крупные промышленные предприятия вместе с их рабочими. Численность польских беженцев к моменту Октябрьской революции на территории России составляла около полутора миллионов человек [1]. Кроме того, в годы войны польское население России пополнилось за счет военнопленных поляков, служивших ранее в австро-венгерской и германской армиях.

---

[1] Народный комиссариат по делам национальностей. Отчет о деятельности 1 ноября 1917 г.— 20 июня 1918 г., М. 1918, стр. 18.

На территории России в царских тюрьмах, на каторге, в ссылке находилось много польских революционных социал-демократов. После того как Февральская революция освободила их из заключения, они активно включились в борьбу за власть Советов под руководством большевистской партии. Возможности, которые возникли после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г., были немедленно использованы польскими революционерами, приступившими к организации своих групп, кружков, ячеек.

Задачей настоящей статьи является показать процесс возникновения и развития польских коммунистических организаций на территории Советской республики. В ходе своего развития эти организации стали органами Российской коммунистической партии (большевиков) для работы среди польского населения.

Изложение истории польских коммунистических организаций, действовавших на территории Советского государства, должно быть начато с истории групп Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) и секций Польской социалистической партии — левицы (ППС-левицы), сложившихся в России после Февральской революции. СДКПиЛ и ППС-левица расходились между собой по ряду существенных вопросов, но обе они представляли революционное крыло польского рабочего движения. В польском рабочем движении как в самой Польше, так и в эмиграции, в России, им противостояла националистическая и реформистская Польская социалистическая партия — «революционная фракция» (ППС-фракция), хотя отдельные члены ППС-фракции, порывая со своей партией, включались в польское революционное движение на территории Советской республики. В целом ППС-фракция оставалась на националистических и антисоветских позициях и была глубоко враждебна как ППС-левице, так и СДКПиЛ.

Первые группы СДКПиЛ и ППС-левицы возникли во многих городах России вскоре же после Февральской революции.

Группа СДКПиЛ в Петрограде нелегально существовала еще до Февральской революции при польском клубе «Промень» («Луч»).

После Февральской революции члены СДКПиЛ создали в Петрограде свою организацию, которая в тот момент насчитывала 20 членов. На собрании организации 21 марта 1917 г. было принято решение вступить в состав РСДРП. На этом же собрании Советы рабочих депутатов были признаны единственными органами революционной демократии и было решено послать в Петроградский Совет двух представителей, а также направить представителя в Бюро ЦК РСДРП [1]. Необходимо отметить, что несколькими днями раньше (15 марта 1917 г.) Бюро ЦК РСДРП решило обратиться к СДКПиЛ с предложением направить своего представителя в Бюро ЦК [2].

Касаясь отношений между Петроградской группой и РСДРП, один из ее руководителей, старейший член СДКПиЛ Бронислав Весоловский в письме от 22 марта писал: «Петроградская группа вступает в состав РСДРП, координирует свою деятельность с местной организацией партии, с Петербургским комитетом» [3]. На последующих собраниях Петроградской группы СДКПиЛ обсуждался вопрос о характере происходившей в России революции, о роли в ней пролетариата и о задачах польского пролетариата в России [4].

Польские социал-демократы, образовав группу при Петроградском комитете РСДРП, развернули работу среди трудящихся-поляков города. Они провели собрания поляков, работавших в Нарвском, Невском, Московском, Выборгском районах Петрограда, и расширили район своих действий на Кронштадт, Гатчину, Шлиссельбург.

Руководители Петроградской группы СДКПиЛ Ю. Лещиньский, Б. Весоловский, Ю. Уншлихт, З. Фаберкевич организовали издание партийного печатного органа на польском языке, призванного стать массовым агитатором и пропагандистом среди польского населения в России.

Таким органом польских групп СДКПиЛ стала еженедельная газета «Трыбуна», начавшая выходить в Петрограде с мая 1917 г. «Трыбуна» сыграла большую роль в объединении всех действовавших на территории России

---

[1] Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (в дальнейшем Архив ИМЛ), ф. 63, оп. 1, д. 409, л. 1, 4, 5.
[2] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 385, л. 16.
[3] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 409, л. 4—5.
[4] «Trybuna», 17 (30) июня 1917 г.

групп СДКПиЛ; она, борясь против меньшевиков, социал-шовинистов и буржуазных националистов, неустанно пропагандировала лозунги большевиков, отстаивала дело социального освобождения польских трудящихся и освобождения Польши от ига захватчиков.

Почти одновременно с Петроградской группой СДКПиЛ на организационном собрании 3 марта 1917 г. возникла группа СДКПиЛ в Москве. 26 марта 1917 г. состоялась конференция этой группы [1]. На конференции была принята резолюция о вступлении членов Московской группы в члены РСДРП (большевиков). Конференция признала РСДРП единственной выразительницей интересов рабочего класса без различия национальностей.

Члены Московской группы СДКПиЛ считали, что единство социал-демократического движения в России абсолютно необходимо. Нельзя допускать, говорили они, чтобы пролетарская партия делилась по национальному принципу. Вступая в РСДРП и становясь составной частью этой партии, польские социал-демократы считали своей специальной задачей пропаганду и агитацию среди широких масс польских рабочих в целях тесного сплочения и использования их в революции, а также для успешной борьбы с польским национализмом.

При Московском комитете РСДРП было создано Бюро польской социал-демократии, в которое вошли Ф. Дзержинский, Э. Прухняк, С. Лазоверт и др. [2] Представители Московской группы были введены в Московский комитет РСДРП и Московский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Свое отношение к войне и задачам текущего момента конференция Московской группы СДКПиЛ высказала в обращении «Ко всем русским рабочим» [3], в котором призывала рабочий класс к объединению и поддержке Советов рабочих и солдатских депутатов.

Вслед за созданием организаций в Петербурге и Москве группы СДКПиЛ начали возникать и в других городах России. В апреле 1917 г. образовалась «Группа рабочих поляков и литовцев г. Тулы» [4]. Работая вместе с боль-

---

[1] «Социал-Демократ», 1 апреля 1917 г.
[2] «Trybuna», 10 (23). VI. 1917.
[3] «Социал-Демократ», 2 апреля 1917 г.
[4] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 520, л. 14, 21.

шевиками, члены группы постановили вступить в РСДРП и вскоре образовали при Тульском комитете РСДРП группу СДКПиЛ.

В июне 1917 г. образовалась Тифлисская группа СДКПиЛ [1], внутри которой велась жестокая борьба: кого поддерживать на выборах в местные Советы, с кем идти — с большевиками или меньшевиками. К совместной работе с большевиками группа СДКПиЛ пришла не сразу.

К июню — июлю 1917 г. группы СДКПиЛ действовали также в Ростове, Саратове, Краматорске, Киеве, Николаеве, Нижнем Тагиле, Тамбове, Харькове, Пскове и в других городах.

Местные группы СДКПиЛ принимали деятельное участие в революционном движении, вели активную работу среди многочисленных беженцев и поляков — солдат русской армии. Они систематически разоблачали контрреволюционные происки многочисленных польских буржуазных организаций в России.

Польская буржуазия пыталась создать на территории России свои самостоятельные военные силы для поддержки русской контрреволюции и защиты Польши от революционного влияния русского рабочего движения. Группы СДКПиЛ вели борьбу как против происков польских буржуазных националистов, так и против националистической и реформистской деятельности ППС-фракции.

Ведущими организациями польского пролетариата на территории России явились Петроградская и Московская группы СДКПиЛ. Они и взяли на себя инициативу объединения всех групп СДКПиЛ и создания руководящего центра.

В предмайской листовке, выпущенной на польском и русском языках, Петроградская группа СДКПиЛ обратилась к польскому пролетариату: «Сегодня, когда война и насилия царского правительства бросили нас внутрь России, когда мы работаем при одном станке с братом — русским рабочим, наше место в одних рядах под знаменем партии революционного пролетариата, под знаменем Российской социал-демократической рабочей партии, как в дни борьбы, так и в день майского праздника» [2].

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 525, л. 1.
[2] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 436, л. 1.

Еще в апреле 1917 г. член Петроградской группы СДКПиЛ З. Фаберкевич обратился с письмом в Московскую группу, предлагая создать при ней Центральное бюро всех польских групп, которое связалось бы с местными группами и начало руководить их деятельностью [1]. Однако Московская группа СДКПиЛ не сыграла роли центра всех организаций СДКПиЛ в России. Органом, объединившим деятельность организаций СДКПиЛ на территории России, явился возникший в июне 1917 г. Исполнительный комитет групп СДКПиЛ в России (ИК групп СДКПиЛ). Местом пребывания его был Петроград. ИК ставил перед собой задачу — объединить все группы СДКПиЛ в России, установить связи с партийной организацией в оккупированной Германией и Австро-Венгрией Польше, а также быть представителем польских групп в ЦК РСДРП [2]. ИК намеревался в возможно короткий срок созвать конференцию всех групп СДКПиЛ, действовавших на территории России.

С 10(23) июня 1917 г. газета «Трыбуна» стала органом ИК групп СДКПиЛ в России. Редакцию «Трыбуны» возглавляли Ю. Лещиньский, Ю. Уншлихт, С. Бобиньский и др.[3] Летом 1917 г. польские социал-демократы в России выдвинули те же лозунги, что и большевики: «Долой десять министров-капиталистов!», «Вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!», «Долой войну!» [4]

После июльских событий в Петрограде организации СДКПиЛ подверглись преследованиям со стороны реакции. В помещении редакции газеты «Трыбуна» был произведен обыск. Все члены редакции были арестованы и заключены в тюрьму [5].

На VI съезде большевистской партии СДКПиЛ в России была представлена членами ИК групп СДКПиЛ и редакции газеты «Трыбуна» [6]. От Петроградской группы СДКПиЛ съезд приветствовал С. Бобиньский [7].

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 412, л. 1.

[2] «Trybuna», 10 (23). VI. 1917. Архив ИК групп СДКПиЛ в России за 1917—1918 гг. пока обнаружить не удалось.

[3] «Trybuna», 5 (18). VIII. 1917; Архив ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 716, л. 14.

[4] «Trybuna», 24. VI (7. VII). 1917.

[5] «Trybuna», 22. VII (4. VIII). 1917.

[6] «Trybuna», 5 (18). VIII. 1917.

[7] «Протоколы шестого съезда РСДРП(б)», М. 1934, стр. 171.

VI съезд РСДРП, согласно указаниям В. И. Ленина, нацелил партию на вооруженное восстание против контрреволюционной буржуазии и ее Временного правительства и наметил путь, по которому партия пришла к победоносной Октябрьской социалистической революции.

Польские социал-демократы большевики приняли активное участие в великих исторических событиях в октябре 1917 г. Когда в августе 1917 г. на заседании ЦК РСДРП был образован военно-революционный центр для руководства вооруженным восстанием, вошедший в состав Военно-революционного комитета и практически направлявший его работу, то членом этого центра был избран Ф. Э. Дзержинский [1]. В Петрограде членами Секретариата ЦК в период подготовки вооруженного восстания были старейшие и видные деятели СДКПиЛ Бронислав Весоловский [2] и Станислав Пестковский [3]. Во время Октябрьского восстания по поручению Военно-революционного комитета С. Пестковский с отрядом красногвардейцев занял здание почтамта и Главного телеграфа. Сразу же после этого он был назначен комиссаром почты и телеграфа [4]. Непосредственное участие в октябрьских событиях приняли также член Петроградского революционного комитета Ю. Уншлихт [5], член Петроградского комитета РСДРП, видный деятель СДКПиЛ Я. Долецкий (Фенигштейн) и многие другие польские социал-демократы. Когда в ноябре 1917 г. был образован Комиссариат по польским делам при Наркомнаце, возглавил его выдающийся деятель польского революционного движения, один из руководителей СДКПиЛ в России — Ю. Лещинский.

В вооруженном восстании в Москве деятельное участие принимали члены Московского Совета, известные деятели СДКПиЛ С. Бобиньский [6], С. Моравский [7], члены Москов-

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 34.
[2] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 139, л. 32.
[3] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 127.
[4] Архив ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 1473, л. 12—13.
[5] Архив ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 1968.
[6] Архив ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 716, л. 14.
[7] Там же, л. 82.

ского военно-революционного комитета С. Будзыньский [1], Б. Закс [2] и др.

Многие рядовые члены СДКПиЛ участвовали в уличных демонстрациях, в разоружении полиции, вели агитацию среди рабочих и в воинских частях и тем самым внесли свой вклад в разгром сил контрреволюции.

После Октября группы СДКПиЛ в России еще более активно развернули свою работу среди польского населения.

2—4 января 1918 г. в Петрограде была созвана первая конференция групп СДКПиЛ в России [3]. Из 32 групп, имевшихся в различных городах страны, на конференцию сумели прибыть представители 12 групп. Конференция приветствовала Октябрьскую социалистическую революцию и заявила о полной поддержке правительства Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, являвшихся выразителями классовых интересов рабочих и крестьян. Конференция призывала польский пролетариат к борьбе с контрреволюцией и к организации защиты русской революции от внешних врагов — империалистов.

Она осудила националистическое отношение к Октябрьской революции со стороны ППС-фракции и оппортунистическое отношение к революции со стороны ППС-левицы.

В одной из резолюций конференция решительно высказывалась против создания исключительно польских национальных военных формирований, призвала к роспуску всех существовавших польских военных формирований и к вступлению поляков в организовывавшуюся Советским правительством рабоче-крестьянскую армию. Наряду с правильным стремлением к роспуску польских военных формирований, находившихся в распоряжении контрреволюционных элементов, в этом решении сказывались в известной мере недооценка национального вопроса и роли национального фактора в сплочении революционных сил в борьбе против контрреволюции. Отрицательное отношение СДКПиЛ к национальным воинским формированиям приводило к некоторому пренебрежению революционной работой в существовавших польских буржуазных контрре-

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 716, л. 26—27.
[2] Архив ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 695.
[3] «Trybuna», 21. I. 1918.

волюционных частях (так называемом корпусе Довбор-Мусьницкого и др.).

Конференция выдвинула задачу усиления социал-демократической работы среди беженцев. Было принято решение бороться с буржуазным влиянием и клерикально-националистической агитацией среди беженцев и организовать им помощь на принципах широкой демократии.

Конференцией был принят организационный устав групп СДКПиЛ в России. Согласно уставу членом группы мог стать только тот, кто принадлежал к РСДРП. Устав предусматривал во главе группы правление, избранное на общем собрании. От каждой группы предлагалось избрать своего представителя в местный комитет РСДРП [1].

ИК групп СДКПиЛ надлежало иметь своего представителя в ЦК РСДРП. Для укрепления связей польского и русского пролетариата группы СДКПиЛ должны были посылать своих представителей в Советы рабочих депутатов.

Конференция избрала Центральный исполнительный комитет групп СДКПиЛ в России; в состав ЦИК вошли: Ф. Дзержинский, Ю. Лещиньский, С. Будзыньский, С. Бобиньский, Т. Магжик и Я. Долецкий [2].

Зимой и весной 1918 г. значительное место в жизни Советского государства занял вопрос о мире с империалистической Германией. В этом вопросе ряд видных деятелей СДКПиЛ в России занял позицию, подобную антиленинской позиции «левых коммунистов», выступивших за отклонение условий мира, выдвинутых германскими империалистами, и продолжение войны. Вместе с тем ЦИК СДКПиЛ согласился включить своих представителей в общероссийскую делегацию на мирную конференцию в Брест, считая, что присутствие представителей СДКПиЛ поможет разоблачить антипольскую политику немецких империалистов [3].

Вслед за Советским правительством и ЦК большевистской партии ЦИК СДКПиЛ в России переехал в Москву; туда же было переведено издательство «Трыбуна».

---

[1] «Trybuna», 22. I. 1918.
[2] «Trybuna», 26. I. 1918.
[3] «Trybuna», 15.V. 1918.

12 мая 1918 г. в Москве состоялась вторая конференция групп СДКПиЛ в России [1]. В представленном конференции отчете о деятельности групп СДКПиЛ указывалось на возросшее влияние местных групп среди польского населения. Но из 34 групп СДКПиЛ в результате немецкой оккупации Украины и Белоруссии и контрреволюционных выступлений в Поволжье и в Сибири 16 групп оказались отрезанными от центра.

Главным вопросом на конференции был вопрос об отношении к навязанному Советскому государству грабительскому Брестскому миру. Конференция в целом обнаружила непонимание необходимости мирной передышки и резко высказалась против позиции В. И. Ленина. Решение ЦК большевистской партии и Советского правительства о подписании мирного договора многие участники конференции считали вредной уступкой империализму и опасным с ним компромиссом. Однако нельзя не отметить и тот факт, что на конференции имел место ряд выступлений, в которых выражалась безоговорочная поддержка ленинской тактики. В частности, С. Берсон, Домбровский, С. Будзыньский и др. отстаивали необходимость подписания мирного договора [2]. В поддержку позиции В. И. Ленина высказались представители Омской, Воронежской, Петроградской и других групп СДКПиЛ [3].

Несмотря на трудности, порожденные разрухой, империалистической и гражданской войной, оторванностью от центра, группы СДКПиЛ, находившиеся в различных городах Советской республики, продолжали свою работу.

Московская группа усилила работу среди польских трудящихся. Культурно-просветительная секция при группе развернула деятельность в районных организациях Москвы, а также на Московском железнодорожном узле. Секция организовала курсы инструкторов, собирала совещания агитаторов, которые работали на фабриках и заводах Москвы, создавала рабочие клубы, библиотеки, драматические кружки. В частях Московского гарнизона проводились митинги.

Саратовская группа СДКПиЛ, понесшая значительный урон во время чехословацкого мятежа, сумела в сотрудни-

[1] «Trybuna», 5, 16, 17, 22, 23, 24. V. 1918.
[2] «Trybuna», 23, 24, 25. V. 1918.
[3] «Trybuna», 3. III. 1918.

честве с местной партийной организацией большевиков, а также группой ППС-левицы [1] развернуть значительную деятельность среди многочисленного польского населения. Члены группы СДКПиЛ проводили работу среди военнопленных, беженцев, шли в казармы, на фабрики, заводы, устраивали митинги, собрания. Группа организовывала лекции как по политическим, так и по общеобразовательным вопросам. Так, например, в плане лекций Саратовской группы СДКПиЛ значились следующие темы: «История земли», «Дарвинизм», «Греция и Рим», «Феодализм», «Французская революция» и др.[2]

Примерно аналогичная работа проводилась и в других группах СДКПиЛ.

При участии членов ЦИК групп СДКПиЛ проводились митинги в Москве, Петрограде, Смоленске, Витебске, Тамбове, Казани. В местной советской печати помещались заметки о деятельности польских социал-демократических групп.

Ввиду отдаленности ряда групп от Москвы и затруднений в поддержании связи с центром они в своей работе были предоставлены самим себе и не всегда отражали организационную и политическую линию всей СДКПиЛ в России. Так, например, Астраханская и Царицынская группы СДКПиЛ, образовавшиеся в 1918 г., долгое время оставались самостоятельными, не входили в местные организации большевистской партии и не имели с ними должного контакта [3].

Поскольку непосредственная связь ЦИК групп СДКПиЛ с большинством групп на местах оказалась нарушенной, возросло значение газеты «Трыбуна». Тираж газеты поднялся с 4500 экземпляров в мае 1918 г. до 11 500 экземпляров в ноябре. «Трыбуна» широко распространялась в воинских частях, среди беженцев, переправлялась в оккупированные районы страны. С 1 декабря 1918 г. «Трыбуна» начала выходить 2 раза в неделю вместо 1 раза. В Петрограде стала издаваться новая газета «Справа роботнича» — орган Петроградской группы СДКПиЛ. Для бывших военнопленных-поляков в Москве выходила газета «Интернационалист». На польском языке

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 522, л. 22.
[2] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 463, л. 6.
[3] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 395, л. 24; д. 522, л. 6.

выпускались отдельными изданиями произведения В. И. Ленина, Розы Люксембург, Ю. Мархлевского, Г. В. Плеханова, К. Либкнехта, декреты Совнаркома, Советская Конституция и другие материалы.

С 18 декабря 1918 г. в Минске начала издаваться польская социал-демократическая газета «Млот» («Молот»)[1]. Создание газеты «Млот» было вызвано тем, что местом наибольшей концентрации польского населения являлась западная часть Советского государства.

11—12 ноября 1918 г. в Москве проходила третья конференция групп СДКПиЛ в России[2]. К этому времени связь с центром поддерживало лишь 18 групп СДКПиЛ.

В связи с расширением иностранной интервенции все большее значение приобретала задача укрепления Красной Армии, в частности за счет национальных формирований. Поэтому на конференции вновь был поднят вопрос об отношении к сложившимся польским революционным частям и о необходимости формирования новых польских революционных воинских частей. С. Бобиньский критиковал ЦИК групп СДКПиЛ за то, что тот не взял в свои руки дело формирования польских вооруженных сил. Только благодаря инициативе местных групп, говорил Бобиньский, в тяжелых условиях были организованы небольшие, но боевые части[3].

III конференция групп СДКПиЛ в России предложила группам СДКПиЛ обсудить вопрос о наименовании партии. Наименование Социал-демократия Королевства Польского и Литвы совершенно не отвечало фактическому положению вещей. Группы СДКПиЛ, во-первых, находились в составе Российской коммунистической партии (большевиков), во-вторых, не вели деятельности среди литовских трудящихся. ЦИК групп СДКПиЛ считал желательным, чтобы вся СДКПиЛ, т. е. не только ее эмигрантские группы, но и действовавшая в Польше партия, была переименована в Коммунистическую партию Польши[4].

III конференция групп СДКПиЛ обсудила также вопрос об объединении с ППС-левицей.

---

[1] «Trybuna», 22. XII. 1918.
[2] «Trybuna», 10, 13. XI. 1918.
[3] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 460, л. 6.
[4] «Trybuna», 17. XI. 1918.

Секции ППС-левицы, так же как и группы СДКПиЛ, начали стихийно создаваться в ряде городов России сразу же после Февральской революции 1917 г. К июню — августу 1917 г. они имелись в Москве, Петрограде, Сормове, Бобруйске, Харькове, Елизаветграде, Саратове, Новгороде, Могилеве и в других городах.

Роль временного организующего центра всех секций ППС-левицы приняла на себя Петроградская секция ППС-левицы [1].

20 апреля (3 мая) 1917 г. в Москве состоялось заседание активных членов ППС-левицы, на котором присутствовали С. Круликовский, Л. Пинкус и др. В повестке дня стоял вопрос об организации партии ППС-левицы в России [2]. Было принято решение о том, что члены ППС-левицы должны принимать активное участие в работе местных социал-демократических организаций, так же как в профсоюзной и клубной работе.

Московская и Петроградская секции ППС-левицы создали в мае 1917 г. руководящий орган, который получил наименование — Центральный исполнительный комитет ППС-левицы в России [3]. В состав ЦИК ППС-левицы в России вошли Д. Будняк, Ю. Чонглиньский, С. Круликовский, Ф. Пенташевский, Л. Пинкус.

ЦИК ППС-левицы поставил перед собой задачу объединения отдельных членов партии, координации работы партийных организаций, подготовки кадров для проведения революционной работы после возвращения членов партии на родину. В опубликованном извещении о создании ЦИК ППС-левицы содержался призыв к совместной работе с русскими братьями [4].

На одном из первых заседаний ЦИК ППС-левицы в его члены был кооптирован возвратившийся из эмиграции старейший деятель польского рабочего движения Феликс Кон [5].

Печатным органом ППС-левицы стала газета «Роботник в России» («Рабочий в России»).

---

[1] «Robotnik w Rosji», 7 (20). VII. 1917, str. 14—16.
[2] Архив ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 1, л. 1.
[3] Архив ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 2, л. 1.
[4] Там же.
[5] Архив ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 3, л. 8.

Первоначально ППС-левица, неправильно оценивая характер русской революции, не поддерживала большевиков. Руководители ППС-левицы подготовили в тяжелые июльские дни 1917 г. проект вступления в партию меньшевиков-интернационалистов [1]. Во время выборов в центральные городские и районные думы и в местные Советы ЦИК ППС-левицы призывал своих членов голосовать за меньшевиков-интернационалистов, сторонников группы «Новая жизнь» [2].

Следует отметить, что ряд местных секций ППС-левицы не пошел за своими руководителями. Московская секция ППС-левицы, во главе которой находились Е. Кубилюс, Л. Шмидт, С. Кулешинский, при выборах в Центральную и районную думы, а также в Учредительное собрание призывала голосовать за большевиков [3]. Секция ППС-левицы в Харькове постановила голосовать за кандидатов, выдвигавшихся большевиками [4]. Киевская секция во время выборов блокировалась с большевиками [5].

Если руководители ЦИК ППС-левицы готовили план объединения партии с меньшевиками, то ряд местных секций левицы самостоятельно решал вопрос, с кем им идти. Новгородская секция ППС-левицы официально послала своего представителя в большевистскую организацию для переговоров о совместной работе [6].

Совместно с большевиками действовали также Пермская, Сормовская и другие секции ППС-левицы [7].

Не поддержав многих мероприятий Советского правительства, руководители ППС-левицы обнаружили непонимание роли таких органов власти, рожденных борьбой пролетариата, как революционные комитеты и чрезвычайные комиссии. Они упрекали Советское правительство в том, что в борьбе против контрреволюции оно действует средствами «якобинского террора» [8].

Когда после Октябрьской революции ЦИК групп СДКПиЛ в России обратился к ЦИК ППС-левицы с

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 1, л. 26.
[2] «Robotnik w Rosji», 7. (20) VIII. 1917.
[3] Архив ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 35, л. 4.
[4] Архив ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 3, л. 51.
[5] Там же, л. 54.
[6] Там же, л. 49.
[7] Там же, л. 69, 75.
[8] «Robotnik w Rosji», 12(25). XI. 1917.

предложением сотрудничать в образовании Польского комиссариата при Народном комиссариате по делам национальностей, ЦИК ППС-левицы сначала отклонил это предложение [1]. В дальнейшем в работе Польского комиссариата участвовали представители как ППС-левицы, так и ППС-фракции.

24 декабря 1917 г. в Харькове состоялась конференция украинских организаций ППС-левицы в России [2]. В работах конференции участвовал член ЦИК ППС-левицы Ф. Кон. На конференции проявилось непонимание ППС-левицей характера Октябрьской революции, которая была определена в резолюции как крестьянско-буржуазная революция [3]. В то же время в резолюции, принятой конференцией, отмечалось международное значение революции и содержался призыв к польскому народу вести борьбу за свое национальное освобождение, за социалистическую революцию. Конференция, свидетельствуя о существенном сдвиге в позициях членов ППС-левицы, призвала к активной совместной деятельности с большевиками, но выразила несогласие с тактикой партии большевиков и заявила, что большевистская партия «с дороги революционного марксизма отходит на путь бланкизма» [4].

Несмотря на непонимание произошедших в России всемирно-исторических событий, руководство ППС-левицы отделялось от меньшевиков-интернационалистов, скатывавшихся к активной борьбе против Советской власти. На Харьковской конференции было принято решение отметить в публичных выступлениях и в печати расхождения между ППС-левицей и меньшевиками-интернационалистами.

Заняв в ряде вопросов неправильную позицию, Харьковская конференция ППС-левицы вместе с тем высказалась за защиту завоеваний революции и за оказание помощи Советской власти.

Революционная обстановка в Советской России, победа Великой Октябрьской социалистической революции, борьба рабочих и крестьян за свои завоевания, за восстановление народного хозяйства, за новую жизнь оказали революционизирующее влияние на колеблющуюся ППС-левицу. Под влиянием всемирно-исторических событий в

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 3, л. 52—53.
[2] Архив ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 7, л. 2.
[3] Там же, л. 4.
[4] Там же.

России происходило сближение ППС-левицы с партией большевиков и с группами СДКПиЛ. Крупнейшую роль в ускорении процесса перехода ее на позиции СДКПиЛ и большевистской партии сыграла Московская секция ППС-левицы.

Еще в январе 1918 г. в связи с ликвидацией мятежа контрреволюционного польского корпуса, находившегося под командованием царского генерала Довбор-Мусьницкого, Московский Совет рабочих и солдатских депутатов выпустил обращение «К братьям-полякам» [1]. Обращение наряду с другими организациями, в частности с Московской группой СДКПиЛ, подписала Московская секция ППС-левицы.

В июле 1918 г. Московская секция ППС-левицы осудила контрреволюционный мятеж левых эсеров против Советской власти [2].

16—18 августа в Москве состоялось совещание секций ППС-левицы в России. На нем была принята резолюция по текущему моменту, которая заклеймила вооруженную агрессию империалистов, стремившихся подавить русскую революцию и превратить Россию в свою колонию [3]. Совещание поставило в обязанность польским рабочим защиту и активную поддержку революции и Советской власти в России.

Августовское совещание ППС-левицы разрешило ряд организационных вопросов. Ввиду того что была установлена связь с Варшавой и с руководящим органом партии — с Центральным рабочим комитетом ППС-левицы, было признано целесообразным ликвидировать ЦИК ППС-левицы в России и вместо него образовать Секретариат секций и групп ППС-левицы в России в количестве трех человек [4]. В состав созданного в Москве Секретариата вошли Бродский, Будкевич и Кулешинский. Последний вскоре вышел из состава Секретариата, вступив в ряды РКП(б) [5].

В то же время августовское совещание ППС-левицы опять не высказало ясного и твердого отношения к партии большевиков. Между тем, например в телеграмме Сара-

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 11, л. 1—3.
[2] Архив ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 35, л. 13.
[3] Архив ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 13, л. 14.
[4] Архив ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 13, л. 21, 22 и д. 17, л. 2.
[5] Архив ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 20, л. 1.

товской секции ППС-левицы, приветствовавшей августовское совещание, было высказано пожелание, чтобы совещание определило «ясно нашу классовую политику на будущее» [1].

Местные секции ППС-левицы в своей практической работе среди польского населения, несмотря на неопределенную и колеблющуюся позицию руководства ЦИК ППС-левицы, тянулись к совместным действиям с большевистскими организациями.

20 октября 1918 г. на общем собрании одной из ведущих групп ППС-левицы — Московской секции была принята резолюция, в которой говорилось, что все силы международного пролетариата должны быть объединены в целях свержения капитализма и установления диктатуры пролетариата. Победа революции в России приближает победу пролетариата на Западе и в Польше. Единственной партией, которая стоит во главе революции, является Российская коммунистическая партия. Вся работа среди польского населения на территории России ведется при содействии РКП(б), через группы СДКПиЛ, которые являются составной частью большевистской партии. Интересы революции, указывалось в принятом документе, ставят в порядок дня объединение СДКПиЛ и ППС-левицы [2].

Общее собрание Московской секции ППС-левицы постановило объединиться с Московской группой СДКПиЛ и с РКП(б) и предложило Секретариату секций и групп ППС-левицы немедленно начать переговоры с Московским комитетом РКП(б) и с СДКПиЛ, чтобы наметить организационные формы объединения.

В октябре же 1918 г. Московская секция ППС-левицы выработала решение «По вопросу отношения ППС-левицы к СДКПиЛ» [3].

В решении говорилось, что война тяжелым бременем легла на плечи пролетариата. Ликвидировать войну можно только путем революции, свержения капиталистического строя и установления диктатуры пролетариата. Четырехлетняя война, страшный гнет оккупации, эмиграция и обнищание рабочих привели к ослаблению рабочего класса в Польше и к росту мелкобуржуазных и националистиче-

[1] Архив ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 13, л. 28.
[2] Архив ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 35, л. 19.
[3] Там же, л. 18.

ских тенденций. В таких условиях первоочередной задачей становится усиление партийных рядов польского пролетариата, объединение его под лозунгом социалистической революции. Московская секция ППС-левицы предложила обратиться к Центральному рабочему комитету ППС-левицы в Варшаве с предложением рассмотреть вопрос об объединении с СДКПиЛ.

Подобную же резолюцию 5 октября 1918 г. вынесла Сормовская секция ППС-левицы. «Признавая то, что польский пролетариат должен идти рука об руку с русским пролетариатом, так как только совместная дружная работа пролетариата всех наций России может привести к полной победе пролетариата над буржуазией и торжеству социализма, сознавая то, что в России стремится к этому только РКП, Сормовская группа решила вступить в ряды РКП в качестве автономного его члена» [1],— указывалось в резолюции. Вскоре подобное же решение приняла Петроградская секция ППС-левицы.

Московская и Петроградская секции ППС-левицы поставили перед Московским и Петроградским комитетами РКП(б) вопрос о своем вступлении в состав большевистской партии. Обеим секциям ППС-левицы был дан ответ, в котором указывалось, что они не могут быть приняты в РКП(б) ввиду того, что ППС-левица не входит в состав СДКПиЛ [2]. Этот ответ основывался на том, что по условиям договора о слиянии СДКПиЛ с РСДРП, заключенного на IV (Объединительном) съезде в 1906 г., социалистические организации Польши могли войти в РСДРП только путем предварительного вступления их в состав СДКПиЛ [3].

Таким образом, под влиянием революционных событий в России создались предпосылки как для объединения находившихся в России организаций СДКПиЛ с организациями ППС-левицы, так и для вступления последней в большевистскую партию.

В конце ноября 1918 г. Секретариат секций и групп ППС-левицы направил письмо в ЦК РКП(б) [4]. Признавая РКП(б) единственной революционной партией, стоящей

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 37, л. 21.
[2] Архив ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 19, л. 2.
[3] См. «Протоколы четвертого (объединительного) съезда РСДРП», 1934, стр. 549.
[4] Архив ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 19, л. 2.

во главе российской революции, Секретариат ППС-левицы призвал всех членов своей партии, проживавших на территории России, вступить в ряды РКП(б). Подобные же письма были разосланы всем местным секциям ППС-левицы [1].

Состоявшаяся в ноябре 1918 г. III конференция групп СДКПиЛ в России, обсудив вопрос об отношении к ППС-левице, приветствовала идею объединения двух партий, но решение вопроса об объединении отнесла к компетенции центральных партийных инстанций, действовавших в Польше,— Главного правления СДКПиЛ и Центрального рабочего комитета ППС-левицы.

Между тем в декабре 1918 г., вскоре после окончания первой мировой войны и образования Польского государства, в Варшаве состоялись конференции ППС-левицы и СДКПиЛ. Вечером 16 декабря 1918 г. обе конференции объединились, положив начало новой, единой пролетарской партии рабочего класса — Коммунистической рабочей партии Польши [2].

Объединение СДКПиЛ и ППС-левицы в единую Коммунистическую партию имело огромное значение в истории польского рабочего движения. Коммунистическая рабочая партия Польши выдвинула лозунг социалистической революции и диктатуры пролетариата и возглавила дальнейшую революционную борьбу польского рабочего класса.

Революционные события в Германии и Австрии, возникновение независимого Польского государства, восстановление Советской власти в Белоруссии, установление Советской власти в Литве выдвинули перед находившимися в России коммунистами-поляками новые задачи.

Наряду с продолжавшейся широкой агитационной работой среди беженцев и солдат и участием в общей революционной борьбе в России польские коммунисты-эмигранты стали активно готовиться к возвращению в Польшу. Часть польских партийных кадров переехала на работу в Белоруссию и Литву, где приняла участие в строительстве Советской власти.

Зимой 1918/19 г. и в последующие месяцы в России в тех городах, в которых существовали группы СДКПиЛ и

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 281, оп. 1, д. 19, л. 3.

[2] «Sprawozdanie ze zjazdu Organizacyjnego KPRP», Warszawa 1919.

секции ППС-левицы, проходили собрания, обсуждавшие вопрос о слиянии обеих партий. Объединенные группы СДКПиЛ и ППС-левицы приняли название групп Коммунистической рабочей партии Польши в России (групп КРПП в России). Формы организационной принадлежности к РКП(б) остались те же, что выработались в отношениях между группами польских социал-демократов и организациями большевистской партии.

Вновь образованный центральный орган объединившихся групп СДКПиЛ в России и секций ППС-левицы получил наименование ЦИК групп КРПП в России. Он был сформирован в следующем составе: Ф. Дзержинский, Ю. Лещиньский, Ю. Уншлихт, С. Бобиньский, Я. Долецкий, К. Бродский, М. Броньский, С. Будкевич и др.[1] ЦИК групп КРПП в России известил все местные организации о необходимости безотлагательного слияния местных групп СДКПиЛ и ППС-левицы и создания групп КРПП при губкомах РКП(б). Местом пребывания ЦИК групп КРПП стал Минск; центральным печатным органом — газета «Млот» («Молот»)[2]. В дальнейшем газета «Млот» некоторое время выходила как совместный орган ЦИК групп КРПП в России и ЦК КП Литвы и Белоруссии; в редакцию газеты входили от ЦИК групп КРПП Ю. Лещиньский, от ЦК КП Литбел — К. Циховский[3].

В Вильно была создана совместная издательская комиссия КРПП и КП Литвы и Белоруссии. Газета «Млот» распространялась среди поляков-красноармейцев, военнопленных, беженцев, солдат польской армии, среди многочисленного польского населения Литвы и Белоруссии. Помимо газеты, издавались листовки, брошюры. ЦИК групп КРПП занимался переброской литературы за линию фронта.

Кроме агитационно-пропагандистской работы, ЦИК групп КРПП в России проводил большую работу по мобилизации трудящихся поляков в Западную дивизию, костяком которой являлись польские революционные воинские части. Для этого ЦИК поручил всем местным организациям КРПП в Советской республике создать под

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 446, оп. 1, д. 2, л. 6.
[2] Там же, л. 1.
[3] Архив ИМЛ, ф. 446, оп. 1, д. 1, л. 1а.

партийным контролем польские вербовочные бюро Красной Армии [1]. В задачу вербовочных бюро входила широкая агитация среди польских рабочих и беженцев в России за вступление в ряды Западной дивизии и направление добровольцев в штаб Западной дивизии в Минск.

ЦИК групп КРПП в России занимался посылкой поляков-коммунистов на подпольную работу в Польшу, власть в которой захватили помещики и капиталисты, а также в оккупированные белополяками местности Литвы и Белоруссии[2]. На заседании ЦИК групп КРПП 7 июня 1919 г. было решено послать в Польшу делегата для установления связи с ЦК КРПП и для информации о положении в России [3].

ЦК КРПП предоставил ЦИК групп КРПП в России право быть представителем Коммунистической рабочей партии Польши в III Интернационале [4].

В марте 1919 г. состоялся VIII съезд РКП(б), в одной из резолюций которого по организационному вопросу было сказано: «Необходимо существование *единой* централизованной коммунистической партии с единым ЦК, руководящим всей работой партии во всех частях РСФСР. Все решения РКП и ее руководящих учреждений безусловно обязательны для всех частей партии, независимо от национального их состава» [5]. «Партия едина,— писал ЦК большевистской партии,— но для особых форм партийной работы выделяет специальные организации: военные, железнодорожные, национальные и др.» [6] VIII съезд РКП(б) определил организацию и дальнейшую работу особых отделов на местах (при местных органах РКП(б)) и в центре (при самом ЦК), которые должны были заниматься агитационно-пропагандистской работой среди национальных меньшинств.

В соответствии с решениями VIII съезда был создан специальный орган при ЦК РКП(б) для руководства всей партийной работой среди польского населения на территории России. В июне 1919 г. ЦИК групп КРПП, следуя

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 446, оп. 1, д. 2, л. 3.
[2] Архив ИМЛ, ф. 446, оп. 1, д. 1, л. 18.
[3] Там же.
[4] Архив ИМЛ, ф. 446, оп. 1, д. 3, л. 19.
[5] «Протоколы восьмого съезда РКП(б)», 1933, стр. 413.
[6] «Известия ЦК РКП(б)», 1919 г.

решениям VIII съезда РКП(б), обратился с циркуляром ко всем местным организациям в России и на Украине с предложением ликвидировать в России все самостоятельные группы КРПП [1]. ЦИК признал, что дальнейшее существование таких групп может создать нежелательный сепаратизм, и призвал к более тесному сплочению партийных рядов. Тенденции же к сепаратизму у некоторых групп КРПП действительно имели место. Например, в апреле 1919 г. была образована Киевская группа КРПП, которая в своем уставе записала, что группа подчиняется всем директивам ЦИК групп КРПП, а в отношении к КП(б) Украины считает себя автономной и находится в тех же отношениях, как с иностранными партиями [2]. Вскоре это решение было пересмотрено, однако проявление некоторой обособленности групп КРПП в России от большевистской партии продолжало иметь место.

ЦК РКП(б) признал необходимым преобразовать польские коммунистические группы в пределах России в польские коммунистические секции при местных комитетах РКП(б). Польские коммунисты обязаны были войти в местные организации РКП(б) [3]. Новый орган, созданный при ЦК РКП(б) для руководства работой среди поляков-коммунистов и всего польского населения, был назван Польским бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б).

Созданием в аппарате ЦК РКП(б) Польского бюро агитации и пропаганды было положено начало единому централизованному руководству со стороны ЦК Российской коммунистической партии местными польскими секциями, а также всей партийной и культурной работой среди польского населения, среди поляков-красноармейцев, а равно и поляков — военнопленных и военнослужащих в армии противника.

Вновь созданное Польское бюро агитации и пропаганды стремилось к ликвидации некоторой организационной обособленности польских групп. Оно вырабатывало новые организационные формы, которые, основываясь на полном органическом единстве партии, дали возможность в то же время учитывать интересы польских трудящихся масс, связанные с особенностями их быта и культуры.

---

[1] «Звезда», 14 июня 1919 г.
[2] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 528, л. 1.
[3] Архив ИМЛ, ф. 63, оп.1, д. 1, л. 2.

Созданные после ликвидации групп КРПП польские секции (бюро) при агитпропотделах местных партийных комитетов РКП(б) уже не рассматривали себя как организации Компартии Польши, имевшие право принимать в свои ряды новых членов, взимать партийные взносы и т. д., а являлись только органами РКП(б) для партийной работы на родном языке среди польского населения.

Однако каких-либо твердо установленных организационных форм Польское бюро не имело до созыва первой конференции поляков — ответственных партийных работников, состоявшейся 9—11 сентября 1919 г.[1] В письме к ЦК РКП(б) конференция определила задачи и состав Польского бюро. В задачи Бюро входило: партийная, культурно-просветительная и издательская работа среди польского населения на территории России, проведение агитационно-пропагандистской работы в армии противника, работа в оккупированных местностях, борьба с польской контрреволюцией на территории России, информация ЦК РКП(б) о положении в Польше, участие в обсуждении польских вопросов в ЦК РКП(б) и государственных органах РСФСР. Польское бюро оставляло за собой также право устанавливать связь с ЦК Коммунистической рабочей партии Польши и оказывать ей материальную и организационную помощь. Польское бюро агитации и пропаганды утверждалось и работало под контролем ЦК РКП(б). В состав Бюро было избрано семь человек: Ю. Мархлевский, Ф. Кон, С. Бродовский, С. Бобиньский, К. Бродский, Я. Долецкий и С. Лазоверт[2].

Несмотря на организационное объединение с РКП(б), польские коммунисты в России оставили за собой работу, как уже было сказано выше, по контакту с Польшей и по представительству КРПП в России. Наряду с Польским бюро агитации и пропаганды с сентября 1919 г. начало свою деятельность так называемое Исполнительное бюро КРПП, в функции которого входила поддержка связи с Польшей, материальная помощь КРПП, отправка в Польшу товарищей, обогащенных опытом русской революции, обмен с ЦК КРПП информацией о политической жизни Советской России и Польши, агитационная работа в армии

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 4, л. 1.
[2] Там же, л. 7.

противника и работа в оккупированных белополяками местностях [1]. Исполнительное бюро существовало недолго. В связи с организацией летом 1920 года Польского бюро ЦК РКП(б) (о чем будет сказано ниже), Исполнительное бюро прекратило свою работу.

Местом пребывания Польского бюро была Москва, а Исполнительное бюро находилось в Смоленске. Работу последнего возглавляли Я. Долецкий, К. Циховский, С. Пшедецкая [2]. Официальным печатным органом Исполнительного бюро КРП Польши была также газета «Млот». После захвата в августе 1919 г. Минска белополяками газета издавалась совместно с ЦК Литбел в Смоленске. Органом Польского бюро стала продолжавшая выходить в Москве «Трыбуна».

Польское бюро создало совместно с ЦК КП Литвы и Белоруссии комиссию для прифронтовой работы [3]. В редакционно-издательскую комиссию Польского бюро вошли Ю. Мархлевский, Ю. Лещиньский, Ф. Кон и С. Бобиньский [4]. Эта комиссия, координировавшая свою деятельность с работой ЦК КП Литвы и Белоруссии, сделала очень многое для распространения своих изданий. За период сентябрь — декабрь 1919 г. издательской комиссией или при ее содействии были изданы на русском, польском и литовском языках 62 названия журналов и газет, общим тиражом в 527 600 экземпляров, 39 воззваний, тиражом в 834 500 экземпляров, 8 брошюр, тиражом в 77 100 экземпляров, а всего — 109 названий, тиражом в 1 439 200 экземпляров [5]. Воззвания, газеты, журналы широко распространялись на фабриках, заводах, в частях Красной Армии, в частях белопольской армии и в оккупированных ею местностях. Издательская комиссия координировала свою деятельность с различными учреждениями. Так были направлены представители в Госиздат (Ю. Мархлевский) и в Реввоенсовет (Ф. Кон) [6]. Этой же комиссии было поручено увязать свою работу с деятельностью политотдела Западного фронта.

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 4, л. 1.
[2] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 66, л. 10.
[3] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 9, л. 1.
[4] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 68, л. 8.
[5] Архив ИМЛ, ф. 446, оп. 1, д. 15, л. 60, 61.
[6] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 19, л. 4.

Для организации постоянной политической работы среди красноармейцев, войск противника и польского населения прифронтовых районов были созданы польские отделы в 12, 15 и 16-й армиях [1].

Таким образом, на месте ликвидированного ЦИК групп КРПП в России была создана новая организация — Польское бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) — с более широкими полномочиями и задачами, руководимая единым центром — ЦК Российской коммунистической партии (большевиков), работающая под его политическим контролем и от его имени.

Польское бюро агитации и пропаганды проводило работу среди польского населения на территории Советской республики, выражавшуюся в организации и руководстве польскими секциями на местах, агитационной, пропагандистской, культурно-просветительной работе среди гражданского населения, а также среди белополяков на Западном фронте, в проведении мобилизации коммунистов-поляков на фронт, оно вело работу среди военнопленных и беженцев и поддерживало связь с ЦК КРПП и связь с подпольными партийными организациями в тылу у интервентов.

В апреле 1920 г. буржуазная Польша без объявления войны развернула военные действия против Советской России. На борьбу против белополяков совместно поднялись русские, украинские, белорусские, польские трудящиеся Советской республики.

3—5 мая 1920 г. в обстановке наступления Польши на Советскую Россию в Москве была созвана вторая Всероссийская конференция коммунистов-поляков. От 28 местных секций прибыло 38 делегатов с решающим голосом и 52 с совещательным [2]. Задачей конференции было обсуждение ряда вопросов мирного строительства, культурно-просветительных, организационных вопросов, вопросов работы среди военнопленных. Однако события на Западном фронте (взятие Киева белопольскими войсками) изменили характер конференции. На первый план был поставлен вопрос защиты Советской республики. Конференция единогласно постановила считать себя мобилизованной. «Ввиду гнусного нападения буржуазного польского прави-

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 19, л. 12.
[2] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 233, л. 2.

тельства на Советскую Россию,— гласила резолюция о мобилизации,— Всероссийская конференция коммунистов-поляков заявляет, что коммунисты-поляки строятся в ряды на защиту пролетарской республики»[1]. Конференция избрала комиссию для проведения мобилизации поляков на Западный фронт.

В отчетном докладе Польского бюро агитации и пропаганды на второй конференции был подчеркнут тот факт, что советские мирные предложения польскому правительству оказали сильное влияние на пролетарские массы в Польше, что антивоенные настроения в Польше усилились, возросло недовольство правительством. Польские трудящиеся, жившие на территории Советской республики, глубоко возмущенные гнусным нападением польских помещиков и капиталистов, выражали горячую готовность защищать Советскую Россию от империалистической Польши.

С началом войны с Польшей деятельность Польского бюро агитации и пропаганды подверглась значительным изменениям. Вся его работа была подчинена задаче оказания помощи Западному фронту.

Польское бюро агитации и пропаганды предприняло регистрацию всех коммунистов-поляков, владеющих польским языком, с целью учета польских партийных сил на случай необходимости переброски их на Западный фронт. Изменилась и территория деятельности Польского бюро. Вся работа по агитации и пропаганде перешла на Западный фронт и стала вестись среди населения местностей, освобожденных от белопольских войск перешедшей в наступление Красной Армией, среди частей Красной Армии, а также польской армии. Польское бюро агитации и пропаганды со своей стороны выделило особый орган для проведения работы на Правобережной Украине, назвав его Польским бюро агитации и пропаганды на Правобережной Украине[2]. В состав последнего вошли Ю. Лещинь-ский, С. Борский и Я. Войтыга[3].

4 июля 1920 г. части Красной Армии Западного фронта на территории Белоруссии перешли в наступление.

По предложению группы коммунистов-поляков — Ф. Дзержинского, Ю. Мархлевского и др.— ЦК РКП(б)

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 5, л. 3.
[2] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 233, л. 11.
[3] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 1, л. 86.

принял решение о создании специального Бюро для руководства партийной работой в тех местностях, которые по стратегическим соображениям будут заняты Красной Армией [1]. Этот новый орган, получивший наименование Польское бюро ЦК РКП(б), был составлен из пяти человек: Ф. Дзержинского, Ю. Мархлевского, Ф. Кона, Э. Прухняка и Ю. Уншлихта [2]. Председателем Бюро был назначен Ф. Дзержинский.

В Москве был сохранен небольшой агитационно-организационный центр, который оставался под прежним наименованием — Польское бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б). Секретарем этого Бюро была назначена С. С. Дзержинская. Задачей этого «маленького бюро» являлось: обслуживание нужд Западного фронта, участие в мобилизации поляков-коммунистов, издательская работа, агитация и пропаганда среди польского населения, работа среди военнопленных и беженцев [3]. Постоянная связь с КРПП в создавшейся обстановке не могла быть осуществлена.

По инициативе Польского бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) была создана междуведомственная комиссия из представителей Польбюро, Политуправления РККА, Реввоенсовета республики и других организаций, которая занималась улучшением быта военнопленных-поляков и организацией культурно-просветительной работы среди них [4].

23 июля 1920 г. в условиях развернувшегося контрнаступления Красной Армии Польское бюро ЦК РКП(б) выехало на фронт. Местом пребывания его стал наиболее значительный промышленный центр восточной части Польши — Белосток, освобожденный к этому времени Красной Армией от буржуазно-помещичьей власти. В распоряжение Польского бюро ЦК РКП(б) была выделена походная типография. В литературно-издательский отдел Бюро входили Ю. Мархлевский, Ф. Кон; партийный отдел возглавлял Ю. Уншлихт. Кроме этих отделов, Польбюро имело отдел военнопленных, отдел ревкомов и др. [5] Работа

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 3, л. 8.
[2] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 1, л. 41.
[3] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 233, л. 11.
[4] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 25, л. 3.
[5] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 82, л. 12.

Польского бюро на Западном фронте проходила в тесной связи с деятельностью Польского временного революционного комитета [1], Белостокского комитета КРПП, а также с другими партийными, советскими и военными организациями. Уполномоченные Польского бюро были в 3, 4, 12, 14, 15 и 16-й армиях и в Мозырской группе советских войск. Во все части Красной Армии, действовавшие против белопольских войск, были направлены политработники-поляки.

На заседаниях Польского бюро в это время рассматривались самые разнообразные вопросы, связанные с мероприятиями Советской власти на территории освобожденной Польши: введение 8-часового рабочего дня, аграрная реформа, восстановление промышленности, организация волостных и уездных ревкомов и органов местной власти, а также помощь партийным организациям КРПП.

5 августа 1920 г. за подписью Ф. Дзержинского, Ю. Мархлевского, Ф. Кона вышло обращение к пролетариям всего мира. «Красная Армия,— гласило обращение,— вступает в пределы Польши не для того, чтобы ее завоевать. Наоборот! Польский революционный пролетариат находит в ней помощь в борьбе за свое освобождение от ига польских капиталистов и от ярма империалистов Франции и Англии» [2].

Как известно, наступление советских войск на Варшаву потерпело неудачу.

Несмотря на отступление советских войск от Варшавы, Польша, истощенная войной, не могла продолжать военные действия и согласилась на мир. Когда было заключено перемирие и начались мирные переговоры с Польшей, значение Западного фронта уменьшилось. Польское бюро ЦК РКП(б), переехавшее еще в августе из Белостока в Минск, а затем в Смоленск, с конца октября 1920 г. вернулось в Москву. Здесь произошла его реорганизация [3]. Существовавшее в Москве Польское бюро агитации и пропаганды («маленькое бюро») вошло в состав Польбюро ЦК как его отдел агитации и пропаганды, в задачу кото-

---

[1] О деятельности Временного революционного комитета Польши см. ниже статью П. Калениченко.

[2] Архив ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 1253.

[3] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 233, л. 3.

72-1

рого входило налаживание прерванной войной работы по агитации и пропаганде среди польского населения Советской республики, организация руководства местными польскими секциями, культурно-просветительная работа среди военнопленных и беженцев, обмен заложниками и политическими заключенными.

Польское бюро и его отдел агитации и пропаганды продолжали проводить широкую организационную и политико-воспитательную работу. Во многих лагерях военнопленных устраивались школы для неграмотных, клубы, библиотеки, читались лекции, проводились митинги. В ряде лагерей военнопленных были организованы коммунистические ячейки [1]. Польбюро ставило своей задачей подготовку политработников в специальной школе. Такая школа была основана в Минске, где в сентябре 1920 г. были организованы политические курсы, количество слушателей которых составляло 85 человек; кроме того, 150 человек занимались на курсах по вечерам [2], совмещая свои занятия с другой работой. Вскоре такие же курсы были организованы в Москве при Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова. Под руководством Польского бюро проводилась культурно-просветительная работа, сосредоточенная в Польском подотделе Наркомпроса. Большая работа проводилась по созданию школ, в которых преподавание велось на польском языке.

Издательская комиссия была реорганизована в издательский отдел Польского бюро. В его состав вошли Ю. Мархлевский, С. Бобиньский и С. Будзыньский. В 1920 г. была развернута большая издательская деятельность не только в центре, но и на местах. Так, в 1920 г. в Москве издавались «Трыбуна комунистычна» — орган Польбюро, созданный вместо «Трыбуны» и выходивший тиражом в 20 тыс. экземпляров, газета для молодежи «Товажищ», выходившая тиражом в 2 тыс. экземпляров, и «Вядомости комунистычне». В Киеве издавалась газета «Глос комунисты», в Смоленске — газеты «Млот» и «Енец» («Военнопленный»), в Минске — «Штандар комунизму» и др.

Отдел учета и распределения партийных сил Польского бюро ведал учетом поляков-коммунистов. До мобили-

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 404, л. 17.
[2] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 233, л. 3.

72-1

зации поляков на Западный фронт учет поляков Польским бюро почти не велся. Точного количества поляков Польским бюро установлено не было. Однако, по приблизительным подсчетам, к апрелю 1921 г. в Советской республике проживало около 3 млн. поляков — коренных жителей, а также все еще имелось около 500 тыс. беженцев и 600 тыс. военнопленных; 18 тыс. поляков были членами партии [1].

К началу 1921 г. при местных организациях РКП(б) насчитывалось 81 польское бюро, из них 8 — областных, 37 — губернских, 36 — уездных [2].

Несмотря на большое количество польской молодежи на территории России, Польское бюро не втягивало ее в ряды Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ). Польская молодежь не была организована и в свои молодежные организации. Лишь Польская секция при Московском губкоме РКП(б) сделала попытку организовать польскую молодежь. Эта секция в ноябре 1920 г. провела общее собрание польской молодежи. На собрании было выбрано постоянное бюро для регистрации проживающих в Москве поляков — членов комсомола [3].

В январе 1921 г. при ЦК РКСМ было образовано Польское бюро; тогда же при местных губкомах РКСМ стали создаваться польские бюро РКСМ [4]. Польские группы комсомола сложились в Москве, Петрограде, Харькове, Минске, Витебске, Ростове, Одессе, Киеве, Нижнем Новгороде [5].

Заключение мирного договора между Советской республикой и Польшей в марте 1921 г. поставило в порядок дня вопросы отправки военнопленных и беженцев на родину. Сеть польских бюро сокращалась по мере выезда из России военнопленных и репатриантов и свертывания работы польских учреждений, библиотек, клубов.

Во многих местностях вместо ликвидировавшихся постепенно польских бюро образовывались польские культурно-просветительные секции [6]. Задача этих секций, имев-

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 99, л. 14.
[2] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 233, л. 84.
[3] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 404, л. 15.
[4] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 172, л. 6.
[5] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 233, л. 85.
[6] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 465, л. 60.

ших дело с коренным польским населением Советской республики, сводилась к проведению культурно-просветительной работы с учетом языковых интересов и культурных традиций и запросов польских трудящихся. В ряде городов создавались польские клубы, драматические, музыкальные кружки. Например, в вечернем клубе в Саратове был организован рабочий университет, где среди польского населения проводились занятия по изучению родного языка, по ликвидации неграмотности и изучению общеобразовательных предметов. Для детей сирот и беженцев устраивались детские дома, приюты. Большинство польских секций (бюро) при губкомах РКП(б) после репатриации беженцев и в связи с отъездом членов партии на родину начало ликвидироваться. К концу 1921 г. были ликвидированы секции (бюро) в Самаре, Саратове, Твери, Казани и в ряде других городов.

Третья Всероссийская конференция коммунистов-поляков, собравшаяся в ноябре 1921 г., наметила план перехода от работы среди «временного» населения (военнопленных и беженцев) к работе среди постоянного польского населения. Эта работа проводилась уже в соответствии с решениями X съезда РКП(б) по национальному вопросу. X съезд РКП(б) указал конкретные задачи, стоящие перед партией в области работы среди национальных меньшинств. В августе 1921 г. при агитпропотделе ЦК РКП(б) начал свою деятельность подотдел национальных меньшинств, в задачи которого входило объединение и руководство «агитацией и пропагандой на родном языке среди рабочих и крестьян нацменьшинств, для разработки и постановки перед ЦК РКП(б) вопросов партийного и советского строительства, вытекающих из бытовых и культурных особенностей этих национальностей» [1].

X съезд партии поручил ЦК РКП(б) «срочно закончить во всероссийском масштабе превращение отделов нацменьшинств в подотделы агитационно-пропагандистских отделов с отделением от них общеорганизационных функций и передачей их в организационный отдел ЦК» [2]. При подотделе нацменьшинств ЦК РКП(б), по положе-

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 16, л. 31.
[2] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 233, л. 74.

нию, создавались национальные Польская, Латышская и другие секции. Было особо оговорено, что во главе Польской секции стоит Бюро, которое назначается ЦК РКП(б) по рекомендации конференции или совещания работников секции. Постепенно все отделы Польского бюро ЦК РКП(б) были ликвидированы. За время своей деятельности они вписали не одну славную страницу в героическую борьбу народов Советского государства за упрочение Советской власти и разгром ее внешних и внутренних врагов.

А. МАНУСЕВИЧ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛЬСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(март — октябрь 1917 г.) [1]

I

Летом 1915 г., в ходе военных действий на восточном фронте первой мировой войны, территория так называемого Королевства Польского была оккупирована германскими и австро-венгерскими войсками. В известной мере под давлением царской администрации, частично по собственной инициативе из зоны военных действий в глубь России эвакуировались значительные группы польского населения.

Эвакуированное польское население расселилось по всему обширному пространству России. Наиболее многочисленные группы польских беженцев поселились или были поселены на Украине, на Урале, в Поволжье, в Москве и в Петербурге.

Главный комитет Польского общества помощи жертвам войны в своем отчете о положении к 1 декабря 1916 г. отмечает, что в 221 населенном пункте России осело 402 тыс. беженцев. «Число это,— указывается в отчете,— не включает беженцев, находящихся в сельских местностях, и большого количества мелких групп, находящихся в городах» [2].

Данные общества о количестве беженцев, как указывается в отчете, ни в коей мере не претендуют на полноту.

Среди беженцев численно преобладало городское население — рабочие эвакуированных предприятий, чиновники

---

[1] Редактором статьи А. Я. Манусевича является И. А. Хренов.

[2] «Polskie Towarzystwo Pomocy ofiarom wojny». Komitet Główny. Sprawozdanie. Piotrogród 1916, str. 52—54.

эвакуированных учреждений, мелкие торговцы, интеллигенция. «Петербург,— пишет в своих воспоминаниях деятель польской социал-демократии Р. Арский,— оказался наводненным рабочими от Лильпопа и Рау, Серковского, с Жирардова, Белостока и других центров. В этот период времени происходила лихорадочная, а часто совершенно бессмысленная эвакуация промышленности из Польши... Власти гнали перед собой в полном смысле этого слова сотни тысяч людей...

В результате эвакуации заводов получился весьма разношерстный в национальном отношении состав петербургского пролетариата. Здесь появились в большом количестве поляки, белорусы, украинцы, евреи, латыши, эстонцы и т. д.» [1]

Среди эвакуированного польского гражданского населения почти не было крестьян. Но они составляли значительную часть поляков, мобилизованных в царскую армию.

В царской армии военнослужащие учитывались не по национальному признаку, а по признаку вероисповедания. Соответственно все военнослужащие-поляки учитывались как католики. По данным генерального штаба, в российской армии на 1 апреля 1917 г. насчитывалось 119 генералов, около 20 тыс. офицеров и 700 тыс. солдат-католиков. Некоторую часть военнослужащих-католиков составляли литовцы и представители других национальностей. По расчетам Генриха Багиньского, автора специального исследования о польских военных формированиях в России в 1914—1920 гг., написанного с националистических, антисоветских позиций, в царской армии насчитывалось не менее 500 тыс. поляков [2]. Цифру эту никак нельзя считать преувеличенной. Однако следует иметь в виду, что в это число попадают и военнослужащие-поляки не только из Королевства Польского, но и из коренного польского населения России.

Кроме того, поляки составляли значительную часть военнопленных из числа военнослужащих австро-венгерской и германской армий. За годы первой мировой войны в русский плен попало около полумиллиона поляков — военнослужащих вражеских армий.

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 552, л. 3.

[2] *H. Bagiński*, Wojsko polskie na Wschodzie, Warszawa 1921, str. 107.

Следовательно, на территории России в годы первой мировой войны пребывало не менее полутора млн. жителей коренных польских земель, как гражданских лиц, так и военнослужащих.

Оторванные от родных мест, испытывавшие в большинстве своем тяжкие лишения эвакуации, польские беженцы оказались в России перед рядом сложных проблем. Общие интересы борьбы против царского самодержавия, против грабительской, опустошительной войны, сближали их со всем трудящимся населением России. Но, как справедливо отмечает Арский, «нужно было время для того, чтобы они втянулись в новые условия жизни и борьбы, нужно было время, чтобы они поняли и почувствовали в полной мере те вопросы, которыми жили русские пролетарии»[1]. Вместе с тем у польских беженцев были свои интересы, обусловленные их временным и вынужденным пребыванием в России, их стремлением сохранить свою национальную самобытность, вернуться на родину и увидеть Польшу независимой и демократической страной. Конечно, классовые интересы всех трудящихся многонациональной России и интересы польских трудящихся-беженцев полностью совпадали. Но, спекулируя на национальной и религиозной обособленности польских беженцев, польские буржуазно-помещичьи круги и органы государственной власти стремились помешать их сближению с трудящимся населением России. Многочисленные организации беженцев, возникшие в 1915—1916 гг., занимаясь бытовым устройством поляков, в большинстве своем старались изолировать их от русских трудящихся, вели националистическую, а нередко и процаристскую пропаганду.

Польские беженцы перенесли с собой в Россию свои польские политические течения и партийную принадлежность. Среди многих сотен тысяч вынужденных переселенцев было немало людей, находившихся под влиянием буржуазно-националистской, антантофильской и процаристской партии народовых демократов (эндеков) или связанного с эндеками клерикального и реакционного Национального рабочего союза; были сторонники националистической и соглашательской Польской социалистической партии — «революционной фракции»; наконец, имелись

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 552, л. 4.

приверженцы революционно-интернационалистских Социал-Демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) и Польской социалистической партии-левицы и других политических партий и организаций.

История участия польских революционных организаций в борьбе за подготовку Октябрьской революции все еще остается неосвещенной в литературе [1].

О польском революционном движении в России в период между двумя революциями 1917 г. весьма бегло рассказывают лишь Стефан Гельтман в работе об участии польских трудящихся в борьбе за победу Советской власти в Белоруссии [2] и современный польский историк В. Найдус в статье «Поляки в Октябрьской революции» [3].

Немало внимания польским революционным организациям в России уделяла современная событиям большевистская печать, в первую очередь газеты «Правда» и «Социал-Демократ».

Ценным источником по истории участия польских трудящихся в борьбе за победу пролетарской революции являются газета «Трыбуна», издававшаяся организациями СДКПиЛ в России, а также газета «Роботник в России» — орган ППС-левицы в России и журнал «Промень» — орган одноименного клуба в Петрограде.

В архивах Москвы, Ленинграда и Варшавы имеются отдельные материалы о деятельности польских революционных организаций в России в 1917 г. Однако ни в одном

---

[1] Несколько случайных упоминаний о революционной деятельности польских трудящихся в России в период между Февральской и Октябрьской революциями содержится в «Kalendarz komunistyczny na rok 1920», Wydawnictwo Biura Polskiego przy Centralnym Komitecie Komunistycznej Partii Rosji, Moskwa—Smoleńsk, 1919; в брошюре «Dziesięć lat. 1917—1927. Udział polaków w rewolucji Październikowej w Leningradzie. Zbiór artikulów», Moskwa 1928; в научно-популярной работе *J. Kowalski*, Wielka Październikowa Rewolucja Socialistyczna a wyzwolenie Polski, Warszawa 1952 и в монографии *L. Grosfeld*, Polskie reakcyjne formacje wojskowe w Rosji 1917—1919 rr., Warszawa 1956; в статье *П. Голуба* «Польские революционные войска под знаменами Октября», «Славяне» № 11 и № 12 за 1956 г. Даже о разносторонней деятельности Ф. Э. Дзержинского по сплочению польских революционных сил в России ничего не говорится в имеющихся многочисленных биографиях этого выдающегося деятеля русского и польского революционного движения.

[2] *St. Heltman*, Robotnik Polski w rewolucji Październikowej na Białorusi, Mińsk 1927, 136 str.

[3] W. *Najdus*, Polacy w rewolucji Październikowej. «Przegląd historyczny», t. XLIII, zeszyt 3—4, Warszawa 1952.

из архивов не удалось обнаружить фонды главного руководящего центра польских революционных организаций, действовавших в России в 1917 г.,— Исполнительного комитета групп СДКПиЛ в России. Судьба материалов Исполнительного комитета групп СДКПиЛ в России, равно как и материалов редакции «Трыбуны», пока остается невыясненной.

Из имеющихся в архивах документальных материалов, относящихся к истории польского революционного движения в России в 1917 г., наибольший интерес представляет хранящийся в Архиве ИМЛ фонд Польского бюро при ЦК РКП(б). Хотя этот фонд в целом относится к более позднему периоду, чем предоктябрьский, однако в нем имеются отдельные документы, отражающие некоторые стороны деятельности в 1917 г. Московской, Петроградской, Тульской и других групп СДКПиЛ. Ряд материалов по истории польского революционного движения в России в 1917 г. был собран Польской комиссией Истпарта ЦК ВКП(б) и хранится в ее фонде в Архиве ИМЛ. Известную ценность для решения поставленной задачи имеют находящийся также в Архиве ИМЛ фонд Общества старых большевиков и личный фонд Ф. Э. Дзержинского.

В коллекции Архива Института истории партии при ЦК Польской объединенной рабочей партии самостоятельное значение имеют лишь оригиналы различных листовок и других печатных изданий, выпускавшихся польскими революционными организациями в России в 1917 г.

Приходится констатировать, что выявленная архивная база не дает возможности осветить все стороны польского революционного движения в России в 1917 г., но в сочетании с материалами периодической печати она все же позволяет установить главное в польском революционном движении в России в 1917 г.— его тесную связь с борьбой рабочих и крестьян России за власть Советов, за социалистическую революцию, его организационную и идейную близость и единство с большевистской партией.

II

До Февральской революции основным легальным центром польского рабочего движения в России был существовавший в Петербурге с 1907 г. клуб «Промень» («Луч»). Официальным председателем клуба считался член Госу-

дарственной думы, умеренный либерал генерал-лейтенант в отставке А. Бабяньский [1]. Сам клуб помещался на Малом проспекте 41 Петроградской стороны [2], Отделения клуба, указывает в своих воспоминаниях один из его видных деятелей, социал-демократ Р. Арский, были в основных пролетарских районах столицы — на Выборгской стороне, в районе Путиловского завода, на Васильевском острове и в других местах [3].

В клубе происходила острая борьба за влияние на массы между либерально-буржуазными элементами, правыми социалистами-пилсудчиками, с одной стороны, и революционными социал-демократами и членами ППС-левицы — с другой.

Как правые социалисты, так и революционные социал-демократы широко использовали легальные возможности, предоставлявшиеся клубом для пропаганды их взглядов. В клубе сложилась довольно значительная социал-демократическая группа. Большую работу по сплочению польских революционных сил проводил Збигнев Фаберкевич (Гневич), проживавший с 1908 г. в Петербурге. Член СДКПиЛ с 1905 г., деятельный участник создания большевистского легального издательства «Прибой», корреспондент «Правды», он вел революционную работу среди рабочих и студентов [4]. Вместе с Фаберкевичем среди польских рабочих Петрограда вели работу члены СДКПиЛ Здехович, Ковалевский, Арский и др. [5] Польские социал-демократы знакомили польских рабочих с основными материалами, отражавшими позиции большевистской партии в отношении войны и задач пролетариата, а также с отдельными поступавшими к ним изданиями СДКПиЛ из Польши. Они имели связь с Петербургским комитетом большевиков [6].

В противовес официальному органу клуба — журналу «Промень поранны» группа социал-демократов сумела

---

[1] «Dziesięć lat. 1917—1927. Udział polaków w rewolucji Październikowej w Leningradzie», Moskwa 1928, str. 78.

[2] Там же, стр. 85. «Polski kalendarz Piotrogradzki na rok przestępny 1916» (Piotrograd), помещая на стр. 187 адреса клуба (Нарвская ул., 16 и Кирочная, 32—34), имел в виду, вероятно, отделение клуба.

[3] Архив ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 552, л. 8.

[4] Архив ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 874, л. 5; ф. 70, д. 718, оп. 2, л. 51. «Dziesięć lat...», str. 80.

[5] Архив ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 352, л. 5.

[6] См. там же, л. 10.

было выпустить свой журнал — «Жице». Но на втором номере цензурные органы прекратили его издание [1].

Победа Февральской буржуазно-демократической революции, совершенной рабочим классом и крестьянством России, открыла дорогу широкой политической активности масс. Легализировалась и деятельность многочисленных польских революционных групп и организаций. Из царских тюрем, из сибирской ссылки вместе с большевиками возвращались тысячи польских революционеров.

11(24) марта 1917 г. Исполнительный комитет образовавшегося незадолго до того Петроградского Совета постановил включить в свой состав одного представителя СДКПиЛ [2].

Одним из первых актов Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов было обращение «К польскому народу», единогласно принятое 14(27) марта 1917 г. по предложению большевистских депутатов Совета. Это обращение было опубликовано 16(29) марта в одном из первых номеров возобновленной изданием 5(18) марта большевистской газеты «Правда». Обращение начиналось с указания на то, что царский режим, в течение полутора веков угнетавший как польский, так и русский народы, низвергнут. Извещая польский народ об этой победе, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов провозглашал, что «Польша имеет право быть совершенно независимой в государственно-международном отношении». В конце обращения выражался братский привет польскому народу и пожелания успеха «в предстоящей борьбе за водворение в независимой Польше демократического республиканского строя» [3].

На заседании Петроградского Совета после оглашения обращения «К польскому народу» выступил представитель клуба «Промень» член СДКПиЛ Бернард Мандельбаум. «От имени польского пролетариата,— сказал он,— приветствую ваше обращение как великолепное выражение нашей пролетарской солидарности». Далее он отметил огромное значение для польского пролетариата его совместной борьбы с пролетариатом всей России. Когда началась

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 352, л. 13; «Dziesięć lat...», str. 80.

[2] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного комитета и Бюро ИК, М.—Л. 1925, стр. 42.

[3] «Правда», 29 марта (16 марта ст. ст.) 1917 г.

война, продолжал Мандельбаум, Гогенцоллерны, Габсбурги, Романовы пытались перетянуть поляков на свою сторону, обещая им независимость. «Мы старались всеми силами разоблачить обманчивую политику правительств. Мы говорили нашим товарищам: да, мы должны приобрести политическую свободу, мы должны приобрести политическую независимость. Да, мы жаждем независимости Польши, но, однако, мы ее не получим от правительств. Польша может стать независимой только в результате революционного выступления международной демократии.

Утопия, мечты,— говорили нам наши противники.

И вот теперь, товарищи, благодаря Вашему воззванию эта мечта стала действительностью...

Но, товарищи, государственная граница не создаст границы между польским и русским пролетариатом.

Независимость Польши не является нашей конечной целью, так же как Российская Народная Республика не является вашим конечным стремлением. Перед нами еще долгая тернистая дорога борьбы за конечную победу социализма» [1].

С речью на заседании Петроградского Совета выступил также представитель ППС-левицы С. Будкевич [2].

Обращение Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов к польскому народу было ярким выражением интернационалистских позиций рабочего класса России, безоговорочного признания им права польского народа на свободу и независимость. От этого обращения в корне отличалось обращение к полякам, принятое 17 (30) марта Временным правительством. Последнее, объявляя себя на словах сторонником создания независимого и объединенного Польского государства, тут же оговаривало, что решение польского вопроса должно принадлежать русскому Учредительному собранию, т. е. русским помещикам и капиталистам, издавна угнетавшим Польшу.

Польские рабочие-социалисты, собиравшиеся 3(16) и 4(17) марта 1917 г. на митинг в помещении клуба «Промень», приняли обращение «К польским рабочим и солдатам в России», проникнутое революционным и интернационалистским духом. В этом обращении подчеркивалось, что в течение десятилетий единственными союзниками польских рабочих в их борьбе против царизма были русские

[1] «Promień», 31.III (13.IV). 1917.
[2] См. там же.

рабочие. Победа в борьбе против царизма создает надежду, что Польша станет свободной и независимой. Но «единственно твердой гарантией независимости Народной Польши,— говорилось далее в обращении,— могут быть не дипломатические акты и не решения конгрессов, а международная солидарность народов». Классовые интересы требуют, чтобы польские рабочие и солдаты в России «помогли российскому пролетариату в доведении так энергично начатой борьбы до победного конца и таким образом способствовали победе пролетариата всех наций» [1]. Это обращение было опубликовано в двухнедельнике «Промень», который с 31 марта (13 апреля) стал издаваться как орган польских социалистов в Петрограде, а с 8 (21) апреля выходил под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» [2].

Подобную же позицию заняла сложившаяся в Москве группа СДКПиЛ. Эта группа выпустила листовку, в которой указывалось, что свержение царизма нанесло удар по национальному гнету и что польские рабочие должны стремиться к созданию независимой и объединенной Польской республики, основанной на развалинах российского, немецкого и австрийского империализма. Российская революция, говорилось в листовке, несет свободу и братство народам всей Европы, и польские рабочие, поддерживая революцию, должны бороться за Интернационал, за мир и братство между народами, за социализм [3].

Московская группа СДКПиЛ организационно оформилась сразу же после Февральской революции. В ее первом собрании, происходившем 3(16) марта, участвовало около 50 человек; большинство участников собрания до победы

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 70, д. 819, оп. 2, л. 3—4. Следует отметить, что обращение «К польским рабочим и солдатам в России» опубликовано без всяких оговорок среди других документов в специальном номере сборника «з поля валькі» («Z pola walki»), Warszawa, zeszyt 2, 1956, стр. 146—147), посвященном 50-летию ППС. Между тем как по всему его содержанию, так и по тому, что в обращении встречаются имена выдающихся революционеров — членов СДКПиЛ и членов ППС-левицы, нет никаких оснований этот документ рассматривать как партийный документ ППС-левицы, правильнее будет считать обращение «К польским рабочим и солдатам в России» совместным документом польских социалистов-интернационалистов, состоявших в клубе «Променъ».

[2] «Promień», 8(21). IV. 1917.

[3] Archiwum Zespóła Historii Partii przy Komitecie Centralnym Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej, Warszawa (в дальнейшем — AZHP) I AAG$^{1}/_{2}$. 1917, p. № 1.

революции находилось в тюрьмах [1]. Собрание избрало исполнительный комитет группы в составе С. Будзыньского, Ф. Дзержинского, Э. Прухняка, С. Лазоверта и Б. Закса [2].

Не только Ф. Дзержинский, но и остальные члены исполнительного комитета были видными деятелями польского рабочего движения. Так, Станислав Будзыньский, член СДКПиЛ с 1908 г., в 1915 г. был избран членом Варшавского комитета партии, в том же году он был арестован и находился в тюрьмах до конца 1916 г.[3]

Член СДКПиЛ с 1903 г. Эдвард Прухняк был активным участником революции 1905—1907 гг., он многократно арестовывался царскими, а также австро-венгерскими властями. В 1911 г. Прухняк учился в руководимой В. И. Лениным партийной школе в Лонжюмо, под Парижем; 1912—1917 гг. он провел в царских тюрьмах [4]. Бернард Закс был членом СДКПиЛ также с 1903 г. Он вел значительную партийную работу в стране и в эмиграции, тесно сотрудничал с большевистскими организациями. Царские власти несколько раз арестовывали его, в царской тюрьме он просидел с 1913 г. до Февральской революции [5]. Член СДКПиЛ с 1904 г. Станислав Лазоверт принимал участие в революции 1905—1907 гг., с 1910 г. был членом Варшавского комитета партии. Как и другие деятели партии, Лазоверт неоднократно арестовывался царскими властями [6].

Первое собрание членов Московской группы СДКПиЛ приняло резолюцию, в которой указывалось, что российский пролетариат должен обратиться к пролетариату всех воюющих стран с призывом к ниспровержению своих преступных правительств для прекращения вызванной ими кровавой бойни и установления всеобщего братства народов. «На основе братского соглашения всех народов,— указывалось в резолюции,— найдет свое полное разрешение польский вопрос, и польский пролетариат, свободный и объединенный, примет участие в дальнейшей борьбе за осуществление социализма».

---

[1] См. «Правда», 24(11) марта 1917 г.
[2] «Trybuna», 10 (23). VI. 1917.
[3] Архив ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 267, л. 3.
[4] Архив ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 732, л. 113.
[5] Архив ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 695, л. 5.
[6] Архив ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 1056, л. 5.

Собрание решило принять самое деятельное участие в революции, вступить в ряды РСДРП и призвать к этому же всех польских рабочих [1].

По окончании собрания его участники направились с красным знаменем к зданию городской думы, где происходило заседание Совета рабочих депутатов. Здесь перед собравшимися трудящимися выступил с речью от имени польских социал-демократов Ф. Дзержинский. Он приветствовал русскую революцию как начало революционной борьбы за прекращение войны, установление братства народов, уничтожение всякого насилия и гнета, утверждение светлых идеалов социализма. Речь Дзержинского была встречена горячими выражениями солидарности со стороны присутствовавших русских рабочих и солдат [2]. Делегация пришедших польских рабочих была приглашена на заседание Совета рабочих депутатов, где горячо приветствовала братьев и товарищей русских рабочих и заявила о своем полном единении с ними [3].

В уставе, принятом Московской группой СДКПиЛ, указывалось, что «группа, будучи политически и морально частью СДКПиЛ в крае (Польше.— *А. М.*), является составной частью Российской социал-демократической рабочей партии» [4].

5 (18) марта польские социал-демократы добились одобрения своей позиции на собрании в Доме польском, привлекшем более 700 участников. Тогда же на другом собрании, участниками которого были преимущественно представители интеллигенции, социал-демократы выступили с развернутой критикой позиций националистических элементов [5].

Через несколько дней, 12 марта, во время демонстрации московских трудящихся, в польской колонне, выступавшей под знаменами СДКПиЛ и ППС-левицы, собралось 6 тыс. человек [6]. Многочисленность этой колонны была весьма убедительным доказательством того, что в результате агитационной работы, развернутой Московской группой СДКПиЛ на предприятиях и в районах Москвы, широ-

---

[1] См. «Правда», 24(11) марта 1917 г.
[2] «Trybuna», 10(23).VI. 1917.
[3] См. «Правда», 24(11) марта 1917 г.
[4] AZHP, I AAG$^{1}/_{2}$, p. 17.
[5] «Trybuna», 10(23).VI. 1917.
[6] Там же.

кие круги польских трудящихся занимали свое место в общих рядах российского революционного движения.

В связи с тем, что Московская группа СДКПиЛ рассматривала себя как составную часть СДКПиЛ и РСДРП, ее представитель вошел в Московский комитет РСДРП (с совещательным голосом); при МК было открыто Бюро польской социал-демократии. Ф. Э. Дзержинский был избран в Исполнительный комитет Московского Совета рабочих депутатов [1].

1 апреля (ст. ст.) «Социал-Демократ» опубликовал резолюцию Московской группы СДКПиЛ об отношении к РСДРП и задачах польской социал-демократии [2].

В этом документе указывалось, что СДКПиЛ считает РСДРП единственной выразительницей интересов всех находящихся в России рабочих без различия национальностей и их идейной и организационной руководительницей как в борьбе за полную демократизацию России и введение 8-часового рабочего дня, так и в борьбе за ликвидацию войны путем согласованных действий организованных рабочих всех стран для ниспровержения во всей Европе империалистических правительств и установления всеобщей демократизации и всеобщего равенства и братства всех народов, в том числе и польского.

Считая единство социал-демократического движения на территории России абсолютно необходимым и не допуская разделения пролетарской партии по национальному принципу, документ сообщал о вступлении членов СДКПиЛ в ряды РСДРП, в ряды ее революционной части, т. е. партии большевиков. Вместе с тем резолюция указывала, что согласно позиции СДКПиЛ члены группы будут стремиться к восстановлению организационного единства РСДРП, в которой воспреобладает выдержанная революционная социал-демократическая идеология и тактика. Несомненно, что в этой части резолюции сказалось в известной мере влияние «объединительных» настроений, которые пыта-

---

[1] См. «Социал-Демократ», 16 апреля (ст. ст.) 1917 г.

[2] В «Социал-демократе» этот документ был опубликован как резолюция конференции Московской группы СДКПиЛ, состоявшейся 26 марта; позднее «Трыбуна» в № 3 от 10(23) июня воспроизвела этот документ как декларацию, выработанную Московским комитетом (т. е. исполнительным бюро Московской группы) СДКПиЛ.

лись вызвать в большевистской партии стоявшие на полуменьшевистских позициях Каменев и др.

В резолюции специально указывалось на наличие у членов СДКПиЛ, как представителей польского рабочего класса, особых национальных задач. «Вступая в ряды РСДРП, в ее заводские, районные и др. организации в качестве ее рядовых отдельных членов, мы,— говорилось в резолюции,— вместе с тем, имея в виду связь политическую и моральную с нашей партией СДКПиЛ — в Польше, наше в большинстве случаев временное пребывание в Москве и в России вообще, а также в целях более планомерной и успешной агитации среди широких масс польских рабочих, более тесного сплочения и использования их в целях революции, а также для успешной борьбы с польским воинствующим и реакционным национализмом, мы образуем отдельную группу рабочих (группу СДКПиЛ) в Москве, которая является составной частью РСДРП».

2(15) апреля Московская группа СДКПиЛ опубликовала в «Социал-Демократе» обращение «Ко всем русским рабочим», в котором выразила свое отношение к империалистической войне и к задачам текущего момента. В этом обстоятельном документе напоминалось о том, что польские рабочие, объединенные под знаменем СДКПиЛ, были и раньше вместе со своими товарищами и братьями — русскими рабочими. «Мы, польские рабочие, объединенные под знаменем Социал-Демократии, обращаемся к вам, чтобы громко на весь мир сказать то, что вы уже знаете: мы с вами, товарищи! Мы с вами и теперь, как были с вами и раньше»,— говорилось в обращении. «Наши общие усилия и жертвы не пропали даром... Но это только начало нашей борьбы». Предстоит одолеть тех, кто заинтересован в продолжении кровавого кошмара войны,— правящие классы России, Германии, Франции, Англии, всех, кто надеялся войной не только поработить конкурента, но и удушить собственные народы. Но не удалось буржуазии затопить в море крови «несбыточные» мечты рабочих о братстве народов. Грянул гром — русский народ разорвал не только свои цепи рабства, но и цепь международного безвыходного положения, которое создала война. Первым международным шагом русского пролетариата было обращение со словами, которые война не вытравила

из сознания и сердец пролетариев: «Пролетарии всех стран! Соединяйтесь для общей борьбы...»

«Русский рабочий класс,— говорилось далее в обращении,— первый обратился и к нашему польскому народу, столь долго томимому в общих с русским и в общих с германским народами цепях, неся нам свободу и братство для общей борьбы за счастье всех народов». Призывая сплотиться весь многомиллионный трудящийся люд России под знаменами русского пролетариата, на которых начертано: «Мир без завоеваний и контрибуций! Свобода и братство всем народам!», Московская группа СДКПиЛ указывала, что на основе международной солидарности пролетариат добьется победы революции и переустройства Европы и всего мира на новых началах. В развернувшейся борьбе польские рабочие будут вместе с русскими рабочими, вместе с германским пролетариатом, который только ждет возможности сбросить своих кровожадных правителей. Пролетариям всех стран надо теснее, чем когда-либо, сплотиться, выработать общие ближайшие цели и задачи и общее организационное руководство.

Обращение Московской группы СДКПиЛ, свидетельствовавшее о том, что она в целом стояла на большевистских позициях в отношении оценки задач пролетариата, заканчивалось здравицей в честь РСДРП [1].

Московская группа СДКПиЛ была представлена двумя депутатами с правом решающего голоса на состоявшейся 3—4 (16—17) апреля Московской общегородской конференции большевиков [2]. Ф. Дзержинский был избран в состав президиума второй Московской общегородской конференции, происходившей 15 (28) апреля. Конференция избрала его делегатом на Московскую областную и на Всероссийскую конференцию большевиков [3]. На Московской областной партийной конференции, происходившей 19—21 апреля (2—4 мая), он выступал с приветственной речью от имени СДКПиЛ [4].

Московская областная партийная конференция открылась на следующий день после массовой первомайской демонстрации московского пролетариата.

---

[1] См. «Социал-Демократ», 2 апреля (ст. ст.) 1917 г.
[2] См. там же.
[3] См. «Социал-Демократ», 3 мая (20 апреля) 1917 г.
[4] См. «Социал-Демократ», 13 мая (30 апреля) 1917 г.

Еще 9(22) апреля в юридической аудитории Московского университета состоялся митинг польских рабочих, созванный Московской группой СДКПиЛ в связи с подготовкой празднования 1 Мая. Участники митинга, числом до 500 человек, решили приложить все усилия к тому, чтобы на первомайскую демонстрацию вышли все находящиеся в Москве польские рабочие. День 1 Мая, говорилось в принятой собравшимися резолюции, «должен еще раз показать неразрывное единство не только польского и русского пролетариата, но и пролетариата всего мира в его международной революционной борьбе за мир и братство народов... за диктатуру международного пролетариата... за социализм» [1].

Развернула свою деятельность и Петроградская группа СДКПиЛ, основу которой составили социал-демократические элементы клуба «Промень». В появившемся в июне 1917 г. отчете о деятельности группы указывается, что на первом же ее собрании всеми голосами против 3 при 3 воздержавшихся было принято решение о вхождении группы в состав большевистской партии, о создании при районных большевистских организациях польских секций и о всестороннем участии всех товарищей в деятельности большевистской партии. К числу своих важнейших задач группа отнесла борьбу с буржуазным национализмом и подготовку кадров для революционной деятельности в Польше. Группа на своем первом заседании подчеркнула, что Советы рабочих и солдатских депутатов являются действительным представительством революционной демократии, и делегировала в состав Петроградского Совета М. Козловского [2], избранного затем в Исполнительный комитет Совета, и Ю. Здеховича.

---

[1] «Социал-Демократ», 16 апреля (ст. ст.) 1917 г.

[2] «Trybuna», 17(30). VI. 1917. В списке членов Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, содержащемся в публикации «Петроградский Совет рабочих и солдатских Депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного комитета и Бюро И.К.», М.—Л. 1935, на стр. 361 М. Козловский ошибочно назван представителем Латышской социал-демократической партии. Мечислав Козловский с 1894 г. участвовал в создании рабочих организаций в Литве. В 1900 г. совместно с Ф. Дзержинским добился объединения Польской и Литовской социал-демократических организаций в СДКПиЛ и в том же году был избран в Главное правление (ЦК) объединенной партии. Деятельный участник революции 1905—1907 гг., Козловский был делегатом V съезда РСДРП. С 1909 г. он вел революционную работу в Петер-

Петроградская группа СДКПиЛ указывала, что, во имя международной солидарности пролетариата и считая РСДРП единственной идейной выразительницей интересов рабочего класса России без различия национальностей, а также считая недопустимым создание на данной территории пролетарских партий по национальному принципу, она решила вступить в ряды РСДРП. «Принимая во внимание, что громадное большинство рабочих-поляков очутилось в Петрограде временно и лишь благодаря военным обстоятельствам, а также и в целях широкой и успешной агитации и пропаганды идей революционной социал-демократии среди широких масс польских рабочих, которым доступен лишь польский язык, и для борьбы с воинствующим польским национализмом,— петроградская группа решила оставаться и действовать в виде отдельной группы при Петроградском Комитете партии»[1]. Имеются сведения, что уже на учредительном собрании по организации временного Петроградского комитета РСДРП (большевиков), происходившем 2(15) марта, Петроградская группа СДКПиЛ рассматривалась как сложившийся национальный партийный район[2].

11(24) марта Петроградская группа СДКПиЛ опубликовала в «Правде» сообщение, в котором просила всех товарищей польских социал-демократов, желавших приехать в Петроград и нуждавшихся в средствах, обратиться к группе[3]. Все более активную роль польские социал-демократы играли в продолжавшем свою работу клубе «Промень». 12(25) марта в клубе был проведен митинг на тему «Русская революция и освобождение народов»[4].

Петроградская группа стремилась установить тесные связи со всем активом СДКПиЛ, находившимся в России, особенно с Московской группой.

Это обстоятельство позволяет несколько расширить весьма скудные газетные сведения о первых шагах деятельности Петроградской группы СДКПиЛ и пролить не-

---

бурге. О нем см. Архив ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 729, л. 167—168; «Правда», 5 и 6 марта 1927 г.; «Trybuna Ludu», 4. III. 1957.

[1] «Правда», 26(13) апреля 1917 г.

[2] См. «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г.», М.—Л. 1927, стр. 6, прим. 4.

[3] «Правда», 24(11) марта 1917 г., 11 апреля (29 марта) 1917 г. Такое же сообщение было опубликовано в «Социал-Демократе», 23 марта (ст. ст.) 1917 г.

[4] См. «Правда», 25(12) марта 1917 г.

который свет на всю ее внутреннюю жизнь. К тому же, как видно из ряда писем, в частности из письма З. Фаберкевича от 17 апреля (ст. ст.) 1917 г. к московским товарищам, первоначально предполагалось именно при Московской группе СДКПиЛ образовать Центральное бюро всех польских социал-демократических групп [1].

В делах Московской группы СДКПиЛ имеется собственноручное письмо З. Фаберкевича от 21 марта (2 апреля), являющееся ответом на письмо московских товарищей от 10 (23) марта. Фаберкевич рассказывает в письме о том, как создавалась Петроградская группа, сообщает, что группа отклонила предложение фраков [2] создать союз польских социалистов с участием социал-демократов, членов ППС-левицы и ППС-фракции. Автор письма указывает, что своими ближайшими задачами группа ставит установление контактов с группами СДКПиЛ в провинции и последующий созыв их конференции. «Надлежит определить нашу тактику отношения к РСДРП, к другим польским социалистическим группам и т. д. Затем должен быть разрешен вопрос о польском органе (печати.— *А. М.*)... Отношение наше к РСДРП еще резолюцией не решено, равно как и к левице» [3].

К письму Фаберкевича по своему содержанию примыкает написанное на следующий день, 22 марта, письмо одного из создателей СДКПиЛ и ее виднейших руководителей — Б. Весоловского, подписанное его партийной кличкой — Смутный [4]. Весоловский рассказывает московским товарищам о происходившем накануне, т. е. 21 марта, собрании Петроградской группы СДКПиЛ. Сопоставление этого письма с письмом Фаберкевича, написанным, видимо, в день собрания группы, но до того, как это собрание состоялось, а равно с газетными сообщениями о решениях собрания позволяет установить дату первого общего собрания Петроградской группы СДКПиЛ — 21 марта (2 апреля).

На собрании, сообщает Весоловский, присутствовало 20 человек. Как видно из письма Весоловского, центральным на собрании был вопрос об отношениях между СДКПиЛ и РСДРП. Полного единодушия в этом вопросе

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 412, л. 1.
[2] Фраки — члены ППС — «революционной фракции»
[3] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 409, л. 1—3.
[4] Smutny (польск.) — печальный, грустный.

не было. «Я выступил,— пишет Весоловский,— с указанием, что положение противоречиво, что группа может существовать как техническая единица для агитации среди поляков, которых здесь очень много (всего до 100 тыс. поляков)» [1].

Против позиции, отстаивавшейся Весоловским, выступил Ю. Уншлихт. Он предложил резолюцию, в которой отмечалось, что линия польской социал-демократии в целом, а в особенности в вопросах войны и Временного правительства, наиболее близка к большевизму; тем не менее предложенный им проект резолюции был направлен на некоторое обособление СДКПиЛ от РСДРП, так как предусматривал, что СДКПиЛ направляет своего делегата в Бюро ЦК РСДРП лишь с совещательным голосом. В этом случае отношения СДКПиЛ с РСДРП сводились бы к контактам, а не к органическому единству. Как указывает Весоловский, за проект резолюции, предложенный Уншлихтом, было подано 7 голосов, столько же голосов было подано против; большинством в 10 голосов против 7 была принята другая резолюция — о вступлении в РСДРП и направлении делегата в состав Бюро ЦК РСДРП с решающим голосом [2].

Можно предположить, что письмо Весоловского, написанное под свежим впечатлением событий, содержит более точные данные о первом собрании Петроградской группы СДКПиЛ, чем отчет, опубликованный несколько месяцев спустя в «Трыбуне». Основная историческая ценность сохранившегося письма Весоловского состоит в том, что оно позволяет в известной мере взглянуть на внутреннюю жизнь Петроградской группы СДКПиЛ, уяснить происходившую в ней борьбу мнений и дает отправную точку для наблюдения за организационно-политической эволюцией групп СДКПиЛ в России.

Установить адресаты З. Фаберкевича и Б. Весоловского не удалось: конверты писем не сохранились, письмо первого из них начинается обращением: «Уважаемые товарищи!», а второго — «Мои дорогие!» Весьма интересно, что на первой странице письма Весоловского имеется надпись, сделанная рукой Ф. Дзержинского: «Резолюция

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 409, л. 4—5.
[2] Там же.

выслана без отчета. 28. III» (речь идет, видимо, о высылке резолюции Московской группы СДКПиЛ в Петроград). Эта надпись дает основание считать, что именно к Дзержинскому и его товарищам по партийной работе в Москве обращались из Петрограда идейно и организационно наиболее близкие к большевикам польские социал-демократы.

Петроградская группа СДКПиЛ приняла решение издавать польскую социал-демократическую газету. Информируя через «Правду» об этом своем намерении, группа призывала товарищей поляков жертвовать в фонд газеты, указывая, что рабочая пресса может существовать только на средства рабочих. Призыв не остался без ответа, и в адрес Петроградской группы СДКПиЛ сразу же стали поступать средства от рабочих в фонд издания газеты [1].

22 апреля (5 мая) Петроградская группа СДКПиЛ отметила годовщину рождения К. Маркса открытым собранием.

О значительных успехах Петроградской группы свидетельствовало активное участие польских социал-демократов в проведении демонстрации 1 Мая (18 апреля ст. ст.) — в день международной пролетарской солидарности. К дню 1 Мая группа выпустила отпечатанную в типографии листовку на польском и русском языках. В листовке отмечалось большое значение происшедшей в России революции, которая «отзовется в других воюющих государствах...» Петроградская группа призывала польских рабочих идти под знаменем революционного пролетариата, под знаменем Российской социал-демократической рабочей партии [2].

Празднование 1 Мая происходило в боевой обстановке, вызванной антинародной политикой Временного правительства и соглашательской политикой меньшевистско-эсеровского большинства Советов рабочих и солдатских депутатов, развертывавшейся борьбой крестьян за землю, начавшимся братанием на фронтах, усиливавшейся ролью большевистской партии, как единственно последовательной революционной партии рабочего класса. Незадолго до майской демонстрации, 3 (16) апреля, из эмиграции возвратился в Петроград В. И. Ленин. В первом же

---

[1] «Правда», 26(13) апреля 1917 г.
[2] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 436, л. 1.

своем выступлении — в речи, произнесенной с броневика на площади Финляндского вокзала,— В. И. Ленин призвал массы к борьбе за победу социалистической революции. Буржуазия немедленно открыла погромную кампанию против Ленина и всей большевистской партии.

В этой обстановке Петроградская группа СДКПиЛ и находившиеся под ее влиянием польские рабочие показали свое полное единство с большевистской партией. Как описывал в «Правде» участник событий, польские социал-демократы собрались на Выборгской стороне и под своими знаменами с революционными призывами на польском и русском языках присоединились к шествию, организованному ЦК и Петербургским комитетом большевиков. Колонна прошла на Марсово поле и остановилась у трибуны, где происходил митинг рабочих завода «Новый Лесснер». Представитель польских рабочих выступил с речью перед русскими и польскими товарищами. К этому времени подошла еще одна группа польских рабочих — железнодорожников, эвакуированных с Варшавско-Венской железной дороги. «На трибуне появился т. Ленин, встреченный восторженно всеми присутствующими. После митинга лесснеровцев состоялся польский митинг. Говорившие товарищи свидетельствовали о совместной борьбе польских и русских рабочих. Затем польские рабочие и железнодорожники направились со знаменами ко дворцу Кшесинской, где помещаются Петербургский и Центральный Комитеты нашей партии, поставили там знамя польской социал-демократии...» [1]

О митинге на Марсовом поле сообщает также заметка в «Промень». Автор этой заметки, подписанной «З. Ф.» (возможно — З. Фаберкевич), пишет: «На трибуне появился идейный вождь русского пролетариата в его революционной борьбе — товарищ Ленин, которого с энтузиазмом приветствовали и внимательно слушали все присутствующие. Тут-то можно было себе представить, чем является тов. Ленин для русских рабочих, и тут-то можно было понять, отчего его так ненавидит вся русская и международная буржуазия» [2].

Всю свою текущую работу Петроградская группа СДКПиЛ проводила в соответствии с деятельностью пет-

---

[1] «Правда», 5 мая (22 апреля ст. ст.) 1917 г.
[2] «Promień», 1(14) мая 1917 г.

роградской организации большевиков. В апреле группа включилась в кампанию по выборам в районные думы, призывая повсеместно голосовать против соглашателей и открытых представителей буржуазии. «Если хотим совместно с пролетариатом России защититься от голода и безработицы, то мы должны помочь ему получить большинство в думах»,— заявляла Петроградская группа СДКПиЛ; она указывала, что следует вести агитацию как среди польских, так и среди русских рабочих в поддержку революционной социал-демократии [1].

О неразрывном единстве интересов польских народных масс и дела русской революции писал в «Правде» 26 апреля (9 мая) Ю. Ленский. Выдающийся деятель польского социал-демократического движения Ю. Ленский (Юлиан Лещиньский) [2] с гимназических лет, которые он провел в своем родном городе Плоцке, участвовал в революционном движении. В 1909 г., поступив в Ягеллонский университет в Кракове, он вступил в связанный с СДКПиЛ Союз социалистической молодежи. С 1912 г. Ленский перешел на нелегальную работу в варшавскую организацию СДКПиЛ и вскоре был избран членом Варшавского комитета партии. Ленский был одним из видных руководителей так называемых «розламовцев», выступавших против оппортунистических ошибок Главного правления СДКПиЛ, за тесное сотрудничество с большевистской партией. В августе 1913 г. он представлял варшавскую организацию СДКПиЛ на происходившем под руководством В. И. Ленина в Поронине совещании ЦК РСДРП с видными деятелями партии. Арестованный царскими жандармами в январе 1914 г., Ленский до победы Февральской революции находился в тюрьме и в ссылке, откуда после свержения царизма переехал для революционной деятельности в Петроград.

В своей статье «Польша и революция» Ю. Ленский указывал, что русская революция пошатнула устои реакции в оккупированной Австро-Венгрией и Германией Польше и вызвала там открытое движение антиимпериалистического характера. Во главе этого движения, несмотря на все преследования, идут польские социал-демократы — интерна-

---

[1] «Trybuna», 3(16). VI. 1917.

[2] О Ю. Ленском см. вступление к кн. *J. Lenicki*, «O front ludowy w Polsce», Warszawa 1956.

ционалисты. Только они вели борьбу против отечественного милитаризма, включая Пилсудского и ППС-фракцию, и милитаризма других стран. Под влиянием русской революции, деятельности польской социал-демократии и под напором своих рядовых членов «даже социал-патриотическая ППС заговорила уже более русским, чем польским, языком в своих листовках, обсуждая за последнее время вопрос о радикальном изменении своей тактики...» Русская революция, указывал Ю. Ленский, подтвердила правильность позиции польской социал-демократии. «Начинается первый акт международной революции, с которой неразрывно связано освобождение Польши. В тисках германского милитаризма разбитый, нищенствующий теперь польский пролетариат собственными силами не в состоянии сбросить с себя политическое и экономическое иго. Победа его связана с международным движением рабочего класса. В этой плоскости польская с.-д. рассматривает свои освободительные задачи, выступая в первых рядах революционного Интернационала» [1].

На заседаниях Петроградской общегородской конференции большевиков, происходившей 14—22 апреля (27 апреля — 5 мая) 1917 г., встал вопрос о правомерности существования национальных организаций революционных социал-демократов: польских, финских, эстонских и др. Некоторые делегаты конференции несправедливо утверждали, будто существование национальных организаций отражает бундовскую точку зрения. Представитель Петроградской группы СДКПиЛ на конференции Ю. Уншлихт выступил против того, что его точку зрения, сводившуюся к необходимости сохранения польской национальной организации ввиду наличия специальных вопросов, стоящих перед поляками, считают бундовской [2].

С разъяснением необходимости существования национальных социал-демократических организаций выступил на конференции М. И. Калинин. «Сейчас все национальности имеют свои организации и посылают в ПК представителей,— говорил он.— Сложившиеся таким образом естественные отношения сейчас нет основания ломать до будущего» [3].

---

[1] «Правда», 9 мая (26 апреля ст. ст.) 1917 г.

[2] См. «Протоколы седьмой (Апрельской) конференции РСДРП(б)», М. 1934, стр. 24 и 26.

[3] Там же, стр. 26.

Центральное место в работах конференции, почетным председателем которой был избран В. И. Ленин, занимал вопрос «Задачи дня — текущий момент (в основе тезисы тов. Ленина)».

В своем докладе о текущем моменте В. И. Ленин развил положения, выдвинутые им в незадолго до того изложенных и опубликованных 7 (20) апреля в «Правде» тезисах — «О задачах пролетариата в данной революции». В тезисах и в ряде последующих выступлений, в том числе в докладе на Петроградской общегородской конференции большевиков, Ленин анализировал своеобразие текущего момента в России, состоявшего «в *переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата,— *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства» [1].

В Апрельских тезисах, в докладе на Петроградской общегородской конференции большевиков Ленин дал партии, рабочему классу и всем трудящимся ясный и исчерпывающий ответ на все вопросы, выдвинутые развитием революции в России,— о войне, об отношении к Временному правительству, о двоевластии, о переходе от парламентской республики к республике Советов, об экономической программе переходного периода, о партийном строительстве, о создании нового, Коммунистического Интернационала.

Хотя между опубликованием Апрельских тезисов и развивавшим их докладом В. И. Ленина на Петроградской конференции прошла целая неделя, далеко не все деятели большевистской партии успели понять и усвоить глубочайший новый стратегический план, новые стратегические и тактические лозунги, выдвинутые Лениным.

Ю. Уншлихт являлся единственным членом СДКПиЛ — делегатом Петроградской конференции. Из письма, направленного им в Москву 17 (30) апреля, несомненно вытекает, что первоначально и он не понял всего исторического значения ленинского анализа обстановки и вытекавших из нее революционных задач [2].

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 24, стр. 4.
[2] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 409, л. 7—8.

Петроградская конференция подавляющим большинством голосов одобрила исторические ленинские предложения.

Работа Петроградской конференции большевиков по времени совпала с опубликованием ноты министра иностранных дел Милюкова. В этой ноте заявлялось, что Временное правительство остается верным всем договорам, заключенным царским правительством с союзниками, и что оно будет вести и дальше войну, вплоть до победы. Нота Милюкова вызвала огромное возмущение народных масс России.

Как и большевистская партия, СДКПиЛ решительно осуждала и разоблачала политику Гучкова — Милюкова. Суровое осуждение этой политики содержалось в выступлении Б. Мандельбаума на чрезвычайном заседании Петроградского Совета 20 апреля (3 мая) [1].

В опубликованном спустя несколько дней воззвании Петроградская группа СДКПиЛ подчеркнула, что *«нынешняя война велась и до сих пор ведется в интересах империалистических клик. Освобождение народов воюющими правительствами является обманчивой фразой»*. В этом же воззвании группа выражала свое отношение к развивавшимся буржуазно-националистическими кругами планам создания польского войска. Группа СДКПиЛ указывала, что эти планы имеют целью продлить войну, отделить польского солдата от русского солдата, для того «чтобы они солидарно не выступили в последний бой против объединенного капитала Польши и России...» [2]

Единство СДКПиЛ с партией большевиков убедительно проявилось в поддержке, оказанной польскими социал-демократами ленинской линии на VII конференции большевистской партии. VII (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков), состоявшаяся 24—29 апреля (7—12 мая) 1917 г., завершила выработку и принятие партией новой ориентировки в условиях борьбы партии за переход от буржуазно-демократической революции к революции социалистической, намеченный в знаменитых Апрельских тезисах В. И. Ленина. В работе конференции участвовали 133 делегата с решающим и 18 с совещательным голосом. Делегатами Апрель-

---

[1] «Promień», 6(19). V. 1917.
[2] Там же.

ской конференции от СДКПиЛ были С. Будзыньский (Московская группа), Ю. Лещиньский (Ленский) и Ю. Уншлихт (Петроградская группа). Кроме того, одним из делегатов московской городской организации РСДРП(б) был выдающийся деятель СДКПиЛ Ф. Дзержинский [1]. Делегаты — члены СДКПиЛ поддержали В. И. Ленина в решении всех важнейших вопросов, рассматривавшихся конференцией.

В отношении польского вопроса в проекте резолюции, утвержденном затем конференцией, говорилось: «Что же касается до восстановления независимости Польши, то оно является обманом, как со стороны германо-австрийских капиталистов, так и со стороны русского Временного правительства, говорящего будто бы о «свободном» военном союзе Польши с Россией. Ибо для действительного определения воли народа всех аннексированных областей необходим вывод войск и свободный опрос населения. Только применение этой меры ко всей Польше (т. е. не только захваченной русскими, но и захваченной немцами и австрийцами) и ко всей Армении и т. д. было бы шагом к превращению правительственных обещаний в дело» [2].

Таким образом, Апрельская конференция партии большевиков указала, что подлинное освобождение Польши неразрывно связано с ее воссоединением, с предоставлением возможности свободно определить свою судьбу как населению польских земель, захваченных в прошлом царизмом, так и польских земель, находившихся под пятой германских и австрийских захватчиков. Такой путь разрешения польского вопроса, предложенный конференцией, превосходил все самые широкие чаяния польского народа.

При обсуждении конференцией доклада И. В. Сталина по национальному вопросу польские социал-демократы обнаружили еще живучесть антиленинского, люксембургианского отношения к программному положению большевистской партии о признании права наций на самоопределение. Исходя из правильного представления о тождественности интересов польского и русского пролетариата,

---

[1] См. «Протоколы седьмой (Апрельской) конференции РСДРП(б)», приложение 20.

[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 24, стр. 222—223.

Ф. Дзержинский, выступая в прениях по докладу, отмечал лишь одну сторону развертывавшегося польского национально-освободительного движения и сводил его лишь к буржуазному сепаратизму. Само развитие этого движения он объяснял только тем, что «мелкая буржуазия, дворянство пробудились к государственной власти и требуют отделения от русской революции». Справедливо указывая на то, что националистические круги добиваются изоляции польского рабочего класса от русской революции, он переносил центр тяжести национального вопроса в экономическую область и утверждал, что «наша сила, сила рабочего класса, заключается в том, что наше хозяйственное целое объединяет весь мир, нас всех объединяет, уничтожает границы». Исходя из самых революционных побуждений, из стремления к борьбе с буржуазным национализмом и сепаратизмом, польские социал-демократы заявили устами Ф. Дзержинского: «Мы конкретно высказываемся против права наций на самоопределение» [1].

Выступая в прениях по докладу И. В. Сталина, В. И. Ленин с глубокой теплотой отметил громадную историческую заслугу польских социал-демократов, выдвинувших лозунг интернационализма, и в то же время он, как и в предыдущие годы, разъяснял польским товарищам односторонность их позиции и указывал, что «... надо в России налегать на свободу отделения угнетенных наций, а в Польше подчеркивать свободу соединения. Свобода соединения предполагает свободу отделения» [2]. Конференция приняла предложенную В. И. Лениным резолюцию по национальному вопросу, признавшую за всеми нациями, входящими в состав России, право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства.

Несмотря на отрицательное отношение СДКПиЛ к вопросу о самоопределении, ленинская постановка национального вопроса практически способствовала укреплению связи польских социал-демократов с трудящимися массами, а также постепенному переходу на последовательные ленинские позиции в вопросе о независимом Польском государстве.

По всем коренным вопросам русской революции и международного рабочего движения — об отношении к Вре-

---

[1] См. «Протоколы седьмой (Апрельской) конференции РСДРП(б)», стр. 201—204.

[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 24, стр. 265.

мейному правительству, переходе власти к Советам, об отношении к войне, о пересмотре партийной программы, по аграрному вопросу, по вопросу о создании нового, III Интернационала и др.— польские социал-демократы поддержали ленинский курс большевистской партии, направленный на подготовку нового, социалистического этапа революции.

В период работы Апрельской конференции, а особенно после того как она определила направление революционного движения, в России продолжала расширяться организационная и идейно-политическая деятельность СДКПиЛ. 26 апреля (9 мая) Петроградская группа СДКПиЛ провела собрание, в порядке дня которого были доклад представителя группы в Совете рабочих и солдатских депутатов, вопрос об издании польской социал-демократической газеты, вопрос о созданной Временным правительством так называемой Ликвидационной комиссии по делам Царства Польского и ряд других текущих вопросов [1].

3 (16) мая в «Правде» появилось объявление о том, что в ближайшем будущем в Петрограде начнется издание польской еженедельной социал-демократической газеты «Трыбуна» — органа Петроградской и Московской групп СДКПиЛ [2]. Вскоре «Правда» поместила приветствие подготовлявшейся еще к изданию «Трыбуне» от рабочих меднопрокатного и трубочного заводов, выразивших уверенность, что «Трыбуна» пойдет по тому пути, что и «Правда», и сделавших взнос в фонд польской социал-демократической газеты [3].

В связи с ростом Петроградской группы СДКПиЛ, расширением ее деятельности созрела необходимость в создании самостоятельных партийных организаций в отдельных районах города. Так, «Правда» известила о проведении 11 (24) мая собрания для создания районной организации СДКПиЛ при Василеостровском районе РСДРП [4], о проведении 11 мая организационного собрания польской секции при Московском районе РСДРП [5], затем в газете появилось извещение о времени работы

---

[1] См. «Правда», 9 мая (26 апреля ст. ст.) 1917 г.
[2] См. «Правда», 16(3) мая 1917 г.
[3] См. «Правда», 24(11) мая 1917 г.
[4] См. там же.
[5] См. «Правда», 15(2) мая 1917 г.

бюро польской секции при Выборгском районе РСДРП [1], при Невском районном комитете РСДРП [2] и т. д.

Петроградская группа СДКПиЛ развернула значительную организационную и пропагандистскую работу также среди польских рабочих Кронштадта, Гатчины, Шлиссельбурга, Сестрорецка. Постепенно налаживалась корреспондентская связь между Петроградской группой СДКПиЛ и группами польских социал-демократов, разбросанных по всей России [3].

В апреле — июне группы СДКПиЛ принимали активное участие в выборной кампании в районные думы Петрограда и других городов. Петроградская группа СДКПиЛ выпустила воззвание, призывавшее голосовать за избирательный список, выдвинутый большевистской партией.

В своем обращении к польским рабочим и солдатам, опубликованном отдельной листовкой с обычным грифом наверху — «Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия. Социал-Демократия Королевства Польского и Литвы», руководство СДКПиЛ в России призывало на предстоявших выборах в Петроградскую городскую думу поддержать только список № 6 — список кандидатов, выдвинутых большевистской партией. Польские социал-демократы указывали, что только поддержка большевиков может привести к победе революции, победа же других партий нанесет удар революции. «Поражение же русской революции — это крушение освобождения Польши из оков неволи и насилия, это триумф нашей реакции, которая превращается в передовую силу контрреволюции» [4].

В избирательные списки большевистской партии обычно включались и деятели СДКПиЛ. Так, например, среди 200 кандидатов, выдвинутых в Московскую городскую думу Московским комитетом РСДРП(б), Московской группой СДКПиЛ, Московской группой социал-демократии Латышского края, одним из первых был Б. Закс. В списке были также фамилии С. Лазоверта, С. Будзыньского и трех других членов СДКПиЛ — Ю. Каминского, А. Ягодзинского, С. Хилинского [5].

[1] См. «Правда», 16(3) мая 1917 г.
[2] См. «Правда», 19(6) июня 1917 г.
[3] «Trybuna», 17(30). VI. 1917.
[4] A Z H P, sygn. I AAG, 1.I. 1917, p. 4.
[5] «Социал-Демократ», 14(27) июня; 15(28) июня; 17(30) июня; 21 июня (4 июля) 1917 г.

1-113

По оценке, которая позднее была дана «Трыбуной», в результате агитационной деятельности Московской группы СДКПиЛ в Москве за список социал-демократов интернационалистов, т. е. за большевистский список, голосовало 15 тыс. польских избирателей [1].

Постепенно группы СДКПиЛ создались, кроме Петрограда и Москвы, в ряде других городов России.

В начале апреля 1917 г. образовалась группа рабочих — поляков и литовцев г. Тулы [2]. Вскоре группа организационно оформилась как группа СДКПиЛ.

В письме в Московскую группу тульские социал-демократы обращались к московским товарищам с просьбой об оказании помощи, в частности о присылке в Тулу московского представителя. На письме имеется пометка о том, что в Тулу была выслана литература и что туда ездил С. Бобиньский [3]. «Трыбуна» сообщила, что 14 (27) мая польские социал-демократы в Туле заслушали доклад С. Бобиньского «Польша и революция», после которого состоялся митинг с участием почти 300 человек, преимущественно рабочих и солдат [4].

Позднее, 4 (17) июня, Тульская группа СДКПиЛ на своем общем собрании всеми голосами при одном воздержавшемся приняла решение о вступлении в партию большевиков [5].

Группы СДКПиЛ были созданы при местных большевистских организациях Казани, Пскова [6]. Возникшая в Нижнем Тагиле группа СДКПиЛ создала пропагандистскую школу, чтобы «в момент возвращения в страну сразу же стать на твердую почву» [7]. Такая революционная перспектива, которую обнаружила Нижне-Тагильская группа СДКПиЛ, была характерна для деятельности многих организаций СДКПиЛ в России, неразрывно связывавших свои интернациональные задачи по совместной с пролетариатом России борьбе за победу социализма со своими специальными задачами по борьбе за социальное и национальное освобождение трудящихся Польши.

---

[1] «Trybuna», 8(21). VII. 1917.
[2] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 520, л. 14—15.
[3] Там же, л. 20—23.
[4] «Trybuna», 3(16).VI. 1917.
[5] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 520, л. 18—19.
[6] «Trybuna», 3(16).VIII; 22.VII (4.VIII). 1917 и др.
[7] «Trybuna» 8(21). VII. 1917.

1-113

К июню — июлю 1917 г. группы СДКПиЛ действовали также в Николаеве [1], Киеве [2], Ростове-на-Дону [3], Курске [4].

В июне же сложилась группа СДКПиЛ в Тифлисе. В конце месяца она насчитывала уже около 100 членов [5].

В Самаре одним из организаторов местной секции СДКПиЛ был член большевистской партии с 1910 г., член губернского комитета РСДРП Франтишек Венцек (Левандовский), погибший в 1918 г. во время захвата города мятежными чехословацкими частями [6]. В Перми видную роль в организации революционного движения играл член СДКПиЛ с 1906 г., корреспондент большевистской «Правды» с 1913 г. Станислав Кулешыньский [7]. Группа СДКПиЛ сложилась в Чугуеве, где ее возглавлял член СДКПиЛ с 1900 г., член комитета чугуевской организации большевиков и один из организаторов местного Совета рабочих депутатов — Ф. Перковский (Володыевский) [8]. Группы СДКПиЛ существовали и в ряде других городов России. В частности, активная группа членов СДКПиЛ оказалась в Крыму, куда для поправки здоровья прибыли отдельные социал-демократы, вышедшие из царских тюрем и вернувшиеся с каторги. В работе группы СДКПиЛ в Феодосии в марте — мае 1917 г. участвовал С. Бобиньский, затем возвратившийся в Москву, а оттуда переехавший в Петроград [9]. 10 (23) апреля в составе 40 человек оформилась Феодосийская группа СДКПиЛ. Уже на следующий день группа провела собрание польских и литовских рабочих, в котором участвовало 200 человек [10]. В Крыму развернул революционную работу старый деятель СДКПиЛ Тарвацкий. После Октябрьской революции и до момента своей гибели в 1918 г. вместе с членом СДКПиЛ Новосильским и др. Тарвацкий был одним из руководителей Советской власти в Крыму [11].

---

[1] «Trybuna», 24.VI (7.VII). 1917.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] «Trybuna», 9(22).IX. 1917.
[5] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 525, л. 3.
[6] Архив ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 727, л. 107—108.
[7] Там же, л. 189—190.
[8] Архив ИМЛ, ф. 70, д. 732, оп. 2, л. 37—66, 77—82.
[9] Архив ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 716, л. 13—15.
[10] «Trybuna», 3(16). VI. 1917.
[11] Архив ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 854, л. 5.

Во многих местах члены СДКПиЛ целиком включались в революционную деятельность большевистской партии. Так, например, поступил один из крупнейших деятелей СДКПиЛ, организатор ее II съезда и делегат V (Лондонского) съезда РСДРП Винценты Матушевский (Мартин), после освобождения из ссылки весной 1917 г. оставшийся в Восточной Сибири и боровшийся там за власть Советов до своей гибели от рук белогвардейцев, последовавшей в октябре 1918 г. [1]

III

Во многих промышленных центрах, в которых проживало польское население (беженцы в первую очередь), социал-демократам в силу различных причин не удалось создать самостоятельные партийные группы, и они вступали в так называемое Польское социалистическое объединение.

Создавшееся по инициативе правых пепеэсовцев — фраков, Польское социалистическое объединение не было однородным. В организации Польского социалистического объединения входили представители всех течений польского социалистического движения — фраки, члены ППС-левицы, отдельные члены СДКПиЛ, а также некоторые христианские демократы и члены Национального рабочего союза. Инициаторы создания Польского социалистического объединения имели в виду воспрепятствовать политической дифференциации среди польских трудящихся-беженцев, удержать их от участия в общероссийском революционном движении. Сильнейшая организация Польского социалистического объединения сложилась в Харькове.

Еще 3 и 4 (16 и 17) марта в Харькове по инициативе местной Польской социалистической группы и Союза обществ польской молодежи состоялись многолюдные собрания. На этих собраниях был образован Комитет польских рабочих и принята резолюция, имевшая программный характер. В резолюции отмечалось положительное значение русской революции, указывалось на общность интересов польских и русских рабочих; обходя полным молча-

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д.731, л. 6—8, 24—25, 78—79.

нием социальные интересы трудящихся, резолюция утверждала, что важнейшей задачей польских рабочих является борьба за независимую государственность Польши [1].

Спустя несколько дней Комитет польских рабочих приступил к изданию своего органа — нерегулярно выходившей газеты «Едносьц роботнича». В первом же номере газета выступила против попыток рассматривать польское рабочее движение в свете существовавшего партийного деления. «Мы не хотим прежних партийных перегородок. Мы не хотим разделения польского пролетариата. Мы стремимся к тому, чтобы создать в крае (Польше.— *А. М.*) единую социалистическую партию, и поэтому теперь не можем возобновить старых делений» [2].

На своем заседании 7(20) марта Комитет польских рабочих принял решение создать единую социалистическую организацию — Польское социалистическое объединение в Харькове.

Как показала последующая деятельность Польского социалистического объединения, его руководители пытались использовать стихийное стремление польских рабочих к единству, для того чтобы под видом сплочения рядов рабочего класса помешать укреплению революционного движения.

Харьковская организация Польского социалистического объединения имела тесные связи с группами этого объединения в Ровно, Чугуеве, Константинове, Александровске, Таганроге, Екатеринославе, Славянске, Саратове, Воронеже. 8 (21) марта 1917 г. состоялась первая конференция Польского социалистического объединения в Харькове, на которой присутствовали также представители из Чугуева. Своей главной задачей организация объявила борьбу за независимую Польскую республику. Это сближало позицию объединения с позицией буржуазных националистов, противопоставлявших дело национальной независимости Польши борьбе за пролетарскую революцию, победа которой была решающим условием восстановления независимости Польши. Программные требования, выдвинутые организацией, не выходили за рамки требований, выдвигав-

---

[1] «Jedność Robotnicza», 12(25). III. 1917. (Charków).
[2] Там же.

шихся прогрессивными буржуазными организациями и реформистскими профсоюзами: 8-часовой рабочий день, оплачиваемые отпуска, всеобщее, тайное, равное, прямое избирательное право и т. п. В аграрном вопросе резолюция конференции Польского социалистического объединения весьма неопределенно высказывалась за «урегулирование аграрных отношений с учетом интересов деревенского пролетариата и безземельных» [1].

Организации Польского социалистического объединения в Харькове, Гомеле, Александровске, Славянске, Воронеже блокировались с эсерами, Бундом, меньшевиками [2]. Но ни внутри организаций Польского социалистического объединения, ни между отдельными организациями не было и не могло быть единства взглядов. Во многих местах под влиянием деятельности СДКПиЛ организации Польского социалистического объединения оказывали поддержку большевикам. Так было, в частности, в Минске и Луганске [3]. В минской организации Польского социалистического объединения большую роль играли Стефан Гельтман и Станислав Берсон [4], ставшие в дальнейшем видными деятелями социал-демократических — большевистских организаций. Постепенно к поддержке большевиков стали склоняться организации Польского социалистического объединения Воронежа, Екатеринослава.

В Харькове уже в марте начались столкновения внутри Польского социалистического объединения между националистическими и интернационалистическими элементами. Интернационалисты вели борьбу против буржуазно-националистических элементов, агитировавших за создание польского войска и добивавшихся того, чтобы члены объединения не входили одновременно в состав русских революционных партий [5].

Среди многотысячного польского пролетариата Харькова, куда, в частности, было эвакуировано в 1915 г. одно из крупнейших предприятий Варшавы — завод «Герлях и Пульст», деятельность правого крыла Польского социали-

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 684, л. 20—21.
[2] Там же, л. 22; «Jedność Robotnicza», 9(22).IV. 1917.
[3] Архив ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 684, л. 21.
[4] «Jedność Robotnicza», 3(16).VI. 1917.
[5] См. «Пролетарий» (орган Харьковского комитета РСДРП), 26 августа (ст. ст.) 1917 г.

стического объединения вызывала все большие возражения.

Вскоре после Февральской революции стали создаваться в различных городах России и секции ППС-левицы. В марте сложилась секция ППС-левицы в Петрограде [1], в мае — в Москве и в Киеве; секции возникли также в Харькове, Бердянске, Минске, Нижнем-Новгороде, Перми и в других городах.

В первой половине апреля заграничное представительство Центрального рабочего комитета ППС — высшего органа ППС-левицы — приняло обращение «К российскому революционному пролетариату», посвященное оценке задач рабочего движения. В этом обращении, впервые опубликованном лишь в июле 1917 г., вполне правильно подчеркивалось, что хотя царизм низвержен, «но империализм продолжает существовать. Военная программа царизма не уничтожена одновременно с ним самим». Большинство Временного правительства состоит из представителей империалистической буржуазии, «выступает, хотя и в свободолюбивом убранстве, как наследник и душеприказчик низверженного царизма». Удар по империалистическим замыслам нанесла русская революция. «Здание старой Европы оказалось подожженным с русского края». Разоблачая лживые утверждения о том, что война продолжается во имя освобождения Польши, обращение указывало: «Лживому лозунгу продолжения войны за освобождение и воссоединение Польши польский пролетариат противопоставляет лозунг революции в Польше, как и во всей Европе!» [2]

Обращение содержало верную оценку обстановки и в целом правильно ориентировало сторонников ППС-левицы в вопросах войны и империализма. Но ни в обращении, ни в своей практической деятельности ППС-левица не сумела выработать последовательно правильной политической линии.

В мае Петроградская и Московская секции ППС-левицы приняли решение об объединении секций, существовавших в различных городах, и о создании печатного партийного органа. Петроградская группа направила

---

[1] «Robotnik w Rosji», 7(20). VII. 1917.
[2] Там же.

в объезд местных групп С. Круликовского, члена партии с 1901 г., активного участника революции 1905—1907 гг., проведшего многие годы в царских тюрьмах и в ссылке.

7 (20) мая на основе соглашения Петроградской и Московской секций ППС-левицы было создано центральное руководство ППС-левицы в России, в состав которого вошли: Д. Будняк, С. Круликовский, Ф. Пенташевский, Л. Пинкус и Ю. Чонглинский. Вскоре в центральное руководство ППС-левицы — (Центральный исполнительный комитет ППС-левицы в России) вошли П. Левинсон (С. Лапиньский) и возвратившийся в мае 1917 г. из эмиграции старейший деятель польского рабочего движения Ф. Кон [1]; происходили и другие изменения в персональном составе руководства. Местные организации ППС-левицы сложились в секции и группы. К лету 1917 г. в России действовали 33 секции ППС-левицы и ряд групп [2].

В своей практической деятельности ППС-левица занимала позицию, близкую к позиции меньшевиков-интернационалистов и группы «Новая жизнь», и осуждала линию большевиков. Однако отдельные секции и группы ППС-левицы поддерживали большевиков. В отношении к польским буржуазно-националистическим организациям ППС-левица занимала позицию, близкую к позиции СДКПиЛ.

Между отдельными секциями и группами ППС-левицы и СДКПиЛ был установлен контакт. В частности, контакт между собой установили важнейшие секции обоих партий — петроградские [3].

К лету 1917 г. завершился период организационного оформления польских социалистических организаций в России: сложилось большинство их местных групп и секций, выделилось руководство, определились основные направления их политической деятельности. Наиболее близким большевизму и последовательно революционным направлением в польском социалистическом движении в России показала себя Польская социал-демократия. Это место Польской социал-демократии было подготовлено всей ее предшествующей историей.

---

[1] «Robotnik w Rosji», 7(20).VII. 1917.
[2] AZHP, I AAG,II/1. 1917, p. № 1.
[3] «Robotnik w Rosji», 7(20). VII. 1917.

IV

27 мая (9 июня) произошло знаменательное событие в жизни и деятельности СДКПиЛ: в Петрограде вышел первый номер газеты «Трыбуна» — органа групп СДКПиЛ в России (с номера 3 газета выходила как орган Исполнительного комитета групп СДКПиЛ в России). Над титулом газеты была помещена надпись — «Социал-демократическая рабочая партия России. Социал-Демократия Королевства Польского и Литвы»; эта надпись подчеркивала неразрывный братский союз русского и польского пролетариата и полное единство его революционного авангарда. Дух революционного интернационализма, характерный для СДКПиЛ, отражал лозунг, под которым выходила «Трыбуна»,— «Да здравствует революционный Интернационал!»

Первый номер «Трыбуны» открывался редакционной статьей, в которой разъяснялось значение для рабочего класса наличия своей газеты и излагалась линия, которую она будет проводить. «Трыбуна», говорилось в статье, «будет идти вперед дорогой интернациональной борьбы... Она будет следовать примеру братского органа — «Нашей Трыбуны», выходящей в стране [1]. Над новой «Трыбуной» будет развеваться наш старый боевой стяг. Мысль Маркса будет для нас проводником в лабиринте жизненных проблем». У буржуазии много своих трибун, писала газета, рабочий же класс должен поддержать свою «Трыбуну» [2].

Далее в газете была помещена статья «На посту», принадлежавшая перу Ю. Ленского (Лещиньского). В статье отмечалось, что в польском рабочем движении лишь одна СДКПиЛ с самого начала империалистической войны была на своем революционном и интернационалистском посту и вела борьбу как с социал-патриотизмом, так и с эндецкой пропагандой. Ю. Ленский указывал, что под влиянием революции в России рабочее движение в Польше принимает массовый характер.

---

[1] Имелась в виду газета «Nasza Trybuna», орган СДКПиЛ, издававшаяся в оккупированной немецкими войсками Варшаве. После опубликования в номере от 7 апреля 1917 г. статьи о революционном движении России и роли партии большевиков газета была закрыта оккупантами; ее издание возобновилось 2 ноября 1918 г.

[2] «Trybuna», 27.V(9.VI). 1917.

В статье «Господа советники» С. Бобиньский разоблачал созданный оккупантами в Польше Государственный совет, как орган, прислуживающий захватчикам и в то же время вынашивающий захватнические планы по отношению к смежным восточным землям — Литве, Белоруссии, Украине.

Анализируя текущий момент в России, Гневич (Фаберкевич) в статье «Взгляд на русскую революцию» отмечал, что Советы, в которых преобладали в то время меньшевики и эсеры, под влиянием революционного «оборончества» идут на соглашение с буржуазией. Они уступили буржуазии как в момент политического кризиса, вызванного аннексионистской нотой Милюкова, так и при образовании коалиционного правительства. Развивая положения большевиков о необходимости ликвидации господства буржуазного правительства, как основного условия окончания войны, Фаберкевич писал: «Недалекое будущее покажет, что коалиционное правительство не в состоянии распутать положение и в короткий срок закончить войну. Тогда всю власть возьмет в свои руки демократия — и в согласии с революционной демократией Запада закончит кровавую резню и введет в Европе новый порядок» [1].

С выходом «Трыбуны» польский пролетариат в России приобретал свой боевой печатный орган. Однако положение «Трыбуны» было не из легких — она одна противостояла всем остальным многочисленным польским периодическим изданиям, выходившим в Петрограде, Москве, Киеве, Минске, Харькове и отражавшим либо буржуазно-националистические, либо реформистские взгляды.

В своем втором номере «Трыбуна» уделила особое внимание тому, что тяга польских рабочих во всей России к организации зачастую приводит к созданию безыдейных союзов. Стремление к единству социалистических рядов, писала газета, в ряде случаев вызывало отказ от революционных принципов и отрыв от единства с революционным движением в России [2].

Важное место в газете занимала статья о построении партии. Газета правильно считала, что так как рабочий класс может иметь только одну партию, то не следует создавать отдельных и самостоятельных союзов польских

---

[1] «Trybuna», 27.V(9.VI). 1917.
[2] «Trybuna», 3(16).VI. 1917.

социалистов, а достаточно ограничиться созданием лишь польских групп при Российской социал-демократической рабочей партии. «Нам не следует ослаблять и разделять единство революционной борьбы, а прежде всего надо крепить единство, централизованную Российскую социал-демократическую рабочую партию, которая идет во главе революции». «Трыбуна» явилась боевым организующим органом польской революционной социал-демократии. Она играла выдающуюся роль в пропаганде партийных взглядов и в сплочении польских трудящихся.

V

Нельзя не отметить, что революционная интернационалистская постановка вопроса о единстве революционных интересов польского и российского рабочего класса не сочеталась в деятельности СДКПиЛ с развернутым ответом на вопрос о специальных интересах польского рабочего класса, наиболее глубоко волновавших широкие круги эвакуированных в Россию польских трудящихся. С нетерпением ожидая часа возвращения на родину, многие сотни тысяч польских рабочих-беженцев искали исчерпывающего разъяснения перспектив и актуальных задач революционной борьбы в Польше.

Между тем руководители групп СДКПиЛ в России, правильно выдвигая на первый план задачи русской революции, от победы которой в прямой зависимости находилось дело и национального и социального освобождения Польши, в своей повседневной революционной деятельности недостаточно подчеркивали и разъясняли перспективы развития революции в Польше, создания независимого Польского государства. Эти обстоятельства являлись результатом не отсутствия революционной патриотической перспективы, а еще непреодоленного полностью преклонения перед стихийностью в рабочем движении и недооценки специальных задач и национальных интересов польской многомиллионной эмиграции периода войны. Естественно, что этими слабыми сторонами деятельности групп СДКПиЛ пытались воспользоваться в своих интересах националистические и реформистские элементы польской эмиграции, старавшиеся представить СДКПиЛ как партию, чуждую польским национальным интересам, как партию, всецело поглощенную лишь делом русской революции.

Сама практика повседневной революционной деятельности помогала лидерам СДКПиЛ в России становиться на правильный путь в вопросах партийного строительства. Используя опыт РСДРП(большевиков) и связи с ней, они укрепляли и строили свои организации.

1 (14) июля состоялось общее собрание членов Петроградской группы СДКПиЛ. Собрание заслушало отчет бюро группы и районных секций, утвердило подготовленное Московским и Петроградским бюро предложение о создании центрального руководящего органа, указало на необходимость энергичной работы среди солдат, постановило не принимать никакого участия в деятельности Ликвидационной комиссии, отражающей интересы одних только собственнических классов [1]. На собрании было избрано бюро Петроградской группы в составе Циховского, Фаберкевича, Прухняка, Здеховича и др.

Среди польских социал-демократов первоначально не было единства мнений по вопросам построения организации. Имели хождение взгляды о том, что СДКПиЛ должна сложиться в совершенно самостоятельную партию со своим самостоятельным руководящим органом — Главным правлением (Центральным Комитетом). В случае осуществления планов подобного построения партии СДКПиЛ в России грозила опасность как обособления от РСДРП(большевиков), так и противопоставления СДКПиЛ, действовавшей в Польше.

В делах Московской группы СДКПиЛ имеется написанное карандашом обращение ко всем группам СДКПиЛ в России. В этом документе, составленном от имени Петроградской и Московской групп СДКПиЛ, указывается, что деятельность всех групп СДКПиЛ должна быть единой и соответствовать принципам Польской социал-демократии и всей революционной социал-демократии, а организационное отношение к РСДРП — единообразным. Помимо совместной с революционным пролетариатом России борьбы против российской контрреволюции, перед польскими социал-демократами стоят задачи борьбы с польской реакцией. «Мы должны создать дисциплинированные кадры революционной армии пролетариата, которая, закалив себя в огне русской революции, возвратилась бы в страну,

---

[1] «Trybuna», 10(23).VI.1917.

чтобы начать штурм основ капитализма». Далее в обращении указывалось, что Петроградская и Московская группы СДКПиЛ берут на себя инициативу образования центрального органа — временного правления в Петрограде, и перечислялись те задачи, которые это временное правление должно будет решать; указывался также состав предлагаемого временного правления: Ф. Дзержинский, Б. Весоловский, Ю. Уншлихт, С. Бобиньский, Ю. Лещиньский. Заканчивается документ просьбой ко всем группам СДКПиЛ обсудить выдвигаемые предложения и телеграфно уведомить об отношении к ним [1].

Ряд обстоятельств позволяет предположить, что изложенное выше обращение не было разослано группам СДКПиЛ. Во всяком случае его не удалось обнаружить в делах какой-либо из местных групп. Кроме того, не только карандашный экземпляр, но и имеющиеся в деле машинописные копии не имеют даты, а заканчиваются указанием на месяц, обозначенный в родительном падеже [2]. Следовательно, предполагалось поставить определенное число, но, видимо, это число не было поставлено, так как, скорее всего, документ не был направлен местным группам СДКПиЛ. В пользу этого предположения говорит позиция, занятая Ф. Дзержинским в отношении планов образования временного Главного правления партии в России. Об этой позиции можно судить на основании письма, отправленного Ф. Дзержинским 7 (20) июня 1917 г. своим друзьям в Москву из Оренбургской губернии, где он находился в то время на лечении. «Против этого проекта (планов создания Временного Главного правления.— *А. М.*) должны мы протестовать — он для нас неприемлем,— писал Дзержинский.— Не можем мы действовать подобно ППС и Бунду... В России мы не можем вообще иметь Г. П. (Главное правление, ЦК.— *А. М.*)... Мы являемся органической частью РСДРП, связаны с ней территориально. Здесь мы можем иметь «Исполнительный комитет групп СДКПиЛ в России» под руководством ЦК партии [3]. Этот

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 401, л. 32—33.

[2] «... maja 1917 г.».

[3] Речь идет о Центральном Комитете большевистской партии, так как в аббревиатуре руководящий орган Польской социал-демократии всегда, равно как и в цитируемом письме Ф. Дзержинского, обозначался буквами ГП — Главное правление.

исполнительный комитет должен иметь право представлять СДКПиЛ там, куда краевая организация (т. е. организация, действующая в стране, в Польше.— *А. М.*) не может выслать своих представителей. Существование же Г. П. допускает проведение самостоятельной политики в отрыве от партийного единства, наша же позиция является совершенно иной... Г. П. по природе своей является организацией, связанной с партией в стране. Мы на это здесь никаких прав не имеем. По-русски название нашего исполнительного органа могло бы быть «Исполнительный комитет групп СДКПиЛ в России»»[1]. Останавливаясь далее на отношении к партии большевиков, Ф. Дзержинский писал, что большевики — «это единственная действующая организация пролетариата и если бы мы были вне ее, мы оказались бы вне пролетарской революционной борьбы»[2].

Точка зрения Ф. Дзержинского на организационное оформление СДКПиЛ в России как части большевистской партии разделялась большинством деятелей польской социал-демократии. Об этом говорит и то, что 10 (23) июня, еще до того, как письмо Ф. Дзержинского прибыло к адресату, в «Трыбуне» появилось сообщение о создании Исполнительного комитета групп СДКПиЛ в России. Свои задачи комитет определял следующим образом: быть организационным центром всех групп СДКПиЛ в России и поддерживать контакт с организациями; представлять во вне все группы, в том числе в отношениях с Центральным Комитетом РСДРП; проводить издательскую работу и руководить партийным органом «Трыбуна»; подготовить созыв в ближайшее время конференции всех групп СДКПиЛ в России[3].

VI

Одной из главнейших задач Исполнительного комитета СДКПиЛ в России являлась борьба против польского буржуазного национализма.

После Февральской революции польские буржуазные и другие националистические организации в России активизировали борьбу за свои цели.

---

[1] Последняя часть фразы в подлиннике написана по-русски, а все письмо, как и почти все использованные в статье архивные источники,— по-польски.

[2] Архив ИМЛ, фонд Ф. Э. Дзержинского, д. 1098, оп. 1, л. 1—2.

[3] «Trybuna», 10(23). VI. 1917.

В то время как польские социал-демократы и многие другие социалисты считали неотъемлемой и основной задачей польских трудящихся в России расширять свои связи с российским революционным движением, поддерживать российскую революцию до ее полной победы, которая только и сможет создать условия для социального и национального освобождения польского народа, польские правые социалисты и все польские буржуазные партии поставили перед собой прямо противоположную задачу: отделить польских трудящихся в России от общероссийского революционного движения, отвлечь их от участия в революционной борьбе, выделить их из общего русла революционного движения. Эндеки и их союзники, а также лидеры ППС-фракции, раздувая националистические предрассудки, пропагандируя шовинистические взгляды, старались доказать, будто полякам, проживающим в России, чужды интересы русской демократии и что якобы во имя предстоящей борьбы за независимость Польши им следует воздерживаться от участия в русском революционном движении, беречь свои силы и множить их в своих обособленных национальных организациях. При этом эндеки высказывались за полную поддержку внешней политики Временного правительства и требовали создания польских национальных вооруженных сил путем сведения всех поляков — военнослужащих русской армии в особое Войско Польское и образования в России официальной польской организации, наделенной правительственными правами. «Демократическое» крыло польской буржуазии, равно как и ППС-фракция, представляя те же социальные круги, которые в самой Польше сотрудничали с немецкими и австро-венгерскими оккупантами, признавали за национальное польское правительство существовавший в Варшаве марионеточный Временный Государственный совет, всецело зависевший от германского командования.

Соображения, лежавшие в основе всех буржуазных планов, связанных с вопросом о польском войске в России, довольно откровенно выразил один из деятелей ППС-фракции Даниловский. На страницах печати он прямо признал, что польское войско будет нужно в первую очередь после войны и что будет оно нужно для защиты «общественных основ», т. е. капиталистического строя. «Это вооруженное содействие будет для нашего правительства единственной и наилучшей гарантией того, что в переходный час никто

ни извне, ни изнутри не будет покушаться на это правительство...» [1]

В мае генеральный штаб русской армии выразил согласие на создание Польского корпуса, основой которого должна была стать 1-я Польская стрелковая дивизия, образованная царскими властями незадолго до Февральской революции.

Контрреволюционные планы создания Войска Польского или по крайней мере сведения всех поляков-военнослужащих в особые польские национальные части русской армии, вопросы политического просвещения и организации поляков-военных привлекали значительное внимание СДКПиЛ. В апреле Петроградская группа СДКПиЛ, как сообщал в письме в Москву Ю. Уншлихт, приняла резолюцию по вопросу о польской армии [2]. Речь, видимо, идет о выше приводившемся документе, опубликованном в «Промень», в котором Петроградская группа СДКПиЛ решительно выступает против создания польской армии и разоблачает антинародные планы ее организаторов.

К сожалению, пока еще не удалось обнаружить материалы, рассказывающие о первых шагах деятельности СДКПиЛ среди польских солдат и офицеров — военнослужащих русской армии.

Не подлежит никакому сомнению, что в процессе революционизирования русской армии равное участие с солдатами других национальностей принимали и солдаты-поляки. Польские националисты считали лучшим способом противодействия вовлечению военнослужащих-поляков в революционное движение сведение их в польские национальные части. Немедленное осуществление подобной меры, пишет Г. Багиньский, «спасло бы военнослужащих-поляков от обольшевичивания в рядах российской армии» [3].

Но как ни старались польские националисты, процесс «обольшевичивания» охватывал и существовавшие польские воинские части. Тот же Багиньский вынужден признать, что агитация, проводившаяся левыми элементами, «связанными с большевиками, усиливала имевшую место сумятицу в мыслях солдат-поляков, обольщая их близким

---

[1] См. «Trybuna», 9.VI(27.V). 1917.
[2] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 409, л. 8.
[3] *H. Bagiński*, Wojsko polskie na Wschodzie, str. 107.

уже заключением мира и возвращением на родину» [1]. Сама Польская стрелковая дивизия, «разагитированная российской революцией, колебалась: быть или не быть» [2]. Реакционное командование принимало различные меры. Сторонников большевиков удаляли из польских частей [3]. Так, в целях «оздоровления» дивизии из 3-го полка за короткий срок было отчислено 170 человек, из 4-го полка — 225 [4].

У военнослужащих-поляков росло стремление противодействовать планам реакции, помешать созданию контрреволюционных польских воинских частей. Весьма характерно письмо группы солдат-поляков 4-го Несвижского полка. В этом письме выражено недовольство решением съезда поляков-военнослужащих Западного фронта, высказывавшегося в пользу создания Войска Польского. Солдаты Несвижского полка обратились 9 мая 1917 г. к СДКПиЛ с просьбой дать совет о том, что им надлежит делать. «Все мы рабочие,— писали солдаты,— и только вместе с вами будем бороться, верим, что ваше стремление то же, что и наше. Товарищи! Крикнем громко — заканчивали солдаты свое письмо — Да здравствует С. Д. Королевства и Литвы» [5].

Солдаты 26-го запасного полка и главных автомобильных мастерских 11-й армии единогласно высказались против планов создания польской армии, «которая не имеет ничего общего с интересами польского рабочего и крестьянина, и нужна лишь польской буржуазии...» [6]

Особенно значительным оказалось революционное движение среди солдат расположенного в Белгороде польского запасного полка. Сразу же после Февральской революции в ротах и батальонах были избраны солдатские комитеты, а также полковой солдатский комитет. Полковой комитет выступал против формирования особой польской армии. Солдаты Белгородского польского запасного полка участвовали вместе с солдатами других частей Белгородского гарнизона и всеми трудящимися Белгорода в ряде революционных демонстраций и митингов, они направили своих представителей в местный Совет рабочих и

---

[1] *H. Bagiński*, Wojsko polskie na Wschodzie, str. 126.
[2] Там же, стр. 78.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 56.
[5] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 40, л. 10—11.
[6] «Jedność Robotnicza», 1.VII (18.VI). 1917.

солдатских депутатов, активно противодействовали контрреволюционному офицерству, в частности его попыткам посеять рознь и вызвать столкновения между военнослужащими-поляками и окружающим населением. Как видно из материалов о деятельности Белгородского Совета рабочих и солдатских депутатов, Совету неоднократно приходилось выступать против попыток контрреволюционных элементов внести разлад между рабочими и солдатами и вызвать возбуждение местного населения против солдат польского запасного полка [1].

18 мая 1917 г. митинг солдат Белгородского польского запасного полка принял исключительно интересную резолюцию:

«Принимая во внимание:

1) что солдат-поляк наравне с польским крестьянином и рабочим не может оставаться безучастным к борьбе, которую ведет русский народ за свою свободу;

2) что лозунг независимости Польши, выдвинутый Временным русским правительством, является делом русского революционного пролетариата;

3) что польский народ в своем стремлении к свободе всегда встречал и будет встречать сопротивление со стороны польских собственнических и буржуазных классов во главе с эндеками,

митинг солдат запасного полка Польской стрелковой дивизии считает, что польские солдаты обязаны совместно с польским и русским пролетариатом поднять борьбу за триумф демократии, а по возвращении в страну соединить свои усилия с борющимся там польским пролетариатом, чтобы не допустить к власти в Польше буржуазные классы и реакцию».

Эта яркая резолюция, проникнутая духом интернационализма и патриотизма, всецело отражала революционную позицию СДКПиЛ. Те же боевые настроения отражала вторая часть резолюции, специально посвященная разоблачению провоцирования буржуазией польско-украинской розни. В этой части резолюции указывалось:

«Принимая во внимание:

1) что все чаще и настойчивее распространяются слухи о том, что якобы мы питаем враждебные намерения в отношении Украины;

[1] См. «Воля народа» (издание Совета рабочих и солдатских депутатов Белгорода), 11 июня (ст. ст.) 1917 г., 15 июня (ст. ст.) 1917 г.

2) что горсть польских помещиков на Украине является причиной этих слухов,

митинг заявляет, что наш солдат никогда не обратит штыка против свободы украинского народа, а также и других народов, с которыми связала нас история, а все провокационные выступления со стороны польской реакционной буржуазии будет подавлять беспощадно» [1].

Однако в других польских частях и среди поляков — военнослужащих ненациональных частей русской армии не было столь влиятельных революционных организаций, которые, подобно большевикам в Белгородском запасном полку, сумели бы обеспечить за собой руководство польской солдатской массой. Торопясь упрочить свои силы и изолировать солдат-поляков от их русских братьев, реакционные, националистические элементы в целях осуществления своих планов после проведения ряда съездов по армиям и фронтам созвали общероссийский съезд поляков-военнослужащих.

Состоявшийся 25 мая — 9 июня (7—22 июня) в Петрограде съезд, претендовавший на выражение воли польских солдат и офицеров, был организован так антидемократически, что среди его 384 делегатов подавляющее большинство составляло реакционно-националистическое офицерство. Участие в работах съезда и выступления на его заседаниях дипломатических и военных представителей держав Антанты придали съезду характер демонстрации в пользу продолжения империалистической войны, против политики мира и дальнейшего развития русской революции.

В связи с недовольством части делегатов закрытым характером съезда и письменным протестом Петроградской группы СДКПиЛ [2] президиуму съезда пришлось предоставить слово для выступления представителю ППС-левицы Левинсону (Лапиньскому) и представителю СДКПиЛ Лещиньскому (Ленскому).

Большинство участников съезда, приняв решение о создании Войска Польского, образовало Польский военный комитет в составе В. Рачкевича, Л. Желиговского и 13 других человек и Главное правление Центрального союза военнослужащих-поляков. Оба эти органа, призван-

---

[1] AZHP, I AAG. V. I. 1917; «Jedność Robotnicza», 17(4). VI. 1917.
[2] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 436, л. 2.

ные возглавить националистические польские военные формирования, составляли Главный польский военный комитет (Начполь).

Ввиду того что подавляющее большинство участников съезда отражало интересы реакционных сил, на третий день работы съезда его покинуло 12 делегатов — членов СДКПиЛ и ППС-левицы, огласивших декларацию, в которой проекты создания Войска Польского разоблачались как политическая спекуляция польской реакции. Позиция этой группы, безоговорочно высказавшейся за полное единство русских и польских революционных сил, была одобрена рядом собраний трудящихся Петрограда — рабочими Путиловского завода, на митинге которых 10 июня выступали Ю. Ленский, А. Коллонтай, С. Бобиньский [1], участниками собрания в клубе «Промень» и др.[2] 17(4) июня социалисты-поляки, покинувшие съезд поляков-военнослужащих, провели в Петрограде общегородской митинг на тему: «Почему социалисты покинули съезд поляков-военнослужащих? Нужна ли польская армия?» [3] На митинге после выступлений Ю. Ленского и других лиц была принята резолюция протеста против попыток сформировать отдельные польские полки. После митинга собравшиеся со знаменами прошли к месту заседаний открывшегося 16 июня 1-го съезда Советов рабочих и солдатских депутатов и приветствовали Советы как «единственную революционную власть в России, у которой польский рабочий класс может найти поддержку в борьбе с врагами» [4].

---

[1] Митинг путиловских рабочих принял следующую резолюцию: «Мы, рабочие Путиловского завода первой и второй смены, выслушав доклад товарища прапорщика Матушевского о созыве буржуазного съезда в гор. Петербурге, где был поставлен вопрос о выделении отдельной армии польской нации, протестуем против таких реакционных выходок. Всякое разъединение вносит раскол среди пролетариата и даст шансы буржуазии на контрреволюцию и на восстановление реакции, выносим единогласно приветствие товарищам социал-демократам польской партии, оставшим в составе 12 человек съезд буржуев. Их протест мы поддерживаем и объединяемся в единую мощную пролетарскую семью. Да здравствует пролетариат всех стран».(«Солдатская правда» № 4, 27(14) июня 1917 г.)

[2] «Dziennik Piotrogradzki», 16, 19, и 21.VI. 1917; «Trybuna», 3(16). VI. 1917.

[3] «Правда», 17 июня (4 июня ст. ст.) 1917 г.

[4] См. «Правда», 19(6) июня 1917 г.; «Trybuna», 10(23).VI. 1917.

Вслед за тем группа поляков-военнослужащих, покинувших съезд, основала в Петрограде польский военный революционный клуб. Своей задачей клуб считал объединение революционных польских элементов в русской армии, развитие политического и революционного самосознания польских военнослужащих; борьбу с антидемократическими, клерикальными и националистическими тенденциями; координирование политической жизни поляков-военнослужащих с революционным движением в России и в Польше [1]. Решения съезда осудило и большинство поляков-военнослужащих. Например, группа поляков — солдат 2-й артиллерийской горной дивизии, находившейся на фронте, солидаризировалась с товарищами, оставившими съезд поляков-военнослужащих [2]. Хотя периодическая печать отразила небольшое число подобных резолюций, но самое последующее развитие событий показало, что военнослужащие-поляки в массе своей решительно противодействовали замыслам иностранных империалистов и польской буржуазии. Резко отрицательно относясь ко всем разновидностям планов буржуазии создать национальные польские вооруженные силы, деятели СДКПиЛ в известной мере недооценивали фактическое существование польских по составу подразделений и частей и, несомненно, имевшее место стремление поляков-военнослужащих к совместному несению военной службы.

Позиция большевистской партии в отношении национальных частей была отражена в резолюции по национальному вопросу, принятой Всероссийской конференцией фронтовых и тыловых организаций РСДРП(б), состоявшейся 16—24 июня (29 июня — 6 июля) в Петрограде. Конференция, выразив убеждение в том, что образование национальных полков вообще не в интересах трудящихся масс, тем не менее указала, что не отрицает, «конечно, право на образование таких полков за каждой национальностью...» [3] Информационное сообщение об этой конференции было напечатано в «Трыбуне». Однако, считая принципиально недопустимым существование национальных

---

[1] См. «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 10. VI. (ст. ст.) 1917 г.

[2] «Robotnik w Rosji», 7(20). VIII. 1917.

[3] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1, М. 1954, стр. 361—362.

военных формирований, СДКПиЛ еще в течение длительного времени, вплоть до лета 1918 г., не учитывала того, что однонациональный польский состав отдельных частей и подразделений не только не исключал возможности их служения интересам трудящихся, но в ряде случаев лишь увеличивал вклад солдат-поляков в дело революции.

VII

Ход событий показывал народным массам, что их надежды на окончание войны, на коренные изменения, связанные с победой Февральской революции, остаются тщетными. Все более широкие круги рабочих, солдат, трудящихся крестьян убеждались в правильности позиций партии большевиков, особенно ее требования о передаче власти в руки Советов, как решающего условия осуществления коренных преобразований и заключения демократического мира. Среди польских трудящихся пропагандистом большевистских идей и организатором масс продолжали выступать группы СДКПиЛ.

Важными этапами борьбы большевиков за массы явились конференция фабрично-заводских комитетов Петрограда, происходившая 30 мая — 2 июня (12—15 июня), и I Всероссийский съезд Советов.

На второй день работы I Всероссийского съезда Советов, 4 (17) июня, В. И. Ленин выступил с программной речью, в которой разоблачил контрреволюционную политику Временного правительства и соглашательство меньшевиков и эсеров и обосновал положение о том, что только власть Советов может вывести страну из войны и разрухи и разрешить все насущные вопросы русской революции.

Спустя несколько дней, 7 (20) июня, В. И. Ленин опубликовал в «Правде» статью «Есть ли путь к справедливому миру?» В этой статье указывалось, что путь к миру без аннексий, без дележа добычи капиталистами-разбойниками возможен только через рабочую революцию. «Россия сейчас ближе всех к началу такой революции.

Только в России возможен переход власти к готовым учреждениям, к Советам сразу, мирно, без восстания...»

С переходом власти к Советам Ленин связывал осуществление программы немедленного всеобщего мира без аннексий, без контрибуций. Притом, специально останав-

ливаясь на польском вопросе, он опять указывал, что под захватом мы считаем не только то, что немецкие разбойники-капиталисты заграбили после начала войны, но и польские земли Пруссии, равно как и захваты русскими царями Польши [1].

Установку большевистской партии на переход всей власти к Советам, еще раз изложенную в дни I Всероссийского съезда, как и раньше, полностью поддержала СДКПиЛ. В редакционной статье «Трыбуна» писала 10 (23) июня: «Либо дальнейшее развитие революции к обузданию спекуляции и промышленной анархии, ликвидации империалистической войны путем установления всей полноты власти народных Советов, либо резня без конца и победоносный поход контрреволюции, помещиков и капиталистов...

Либо мы, либо они...

Третьего выхода не дано» [2].

Польские социал-демократы активно участвовали в проведении назначенной Исполнительным комитетом Петроградского Совета демонстрации 18 июня (1 июля). Эта демонстрация показала нараставшую революционность масс и рост их доверия к большевистской партии. «Трыбуна» вместе с большевистской печатью пропагандировала боевые лозунги большевиков: «Долой 10 министров-капиталистов!», «Вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!», «Ни сепаратного мира с Вильгельмом, ни тайных договоров с англо-французскими капиталистами!», «Да здравствует контроль и организация производства!». «Трыбуна» отмечала, что демонстрация 18 июня явилась боевым смотром сил петроградского пролетариата [3].

Временное правительство, получив поддержку со стороны большинства депутатов I Всероссийского съезда Советов и действуя в соответствии с интересами русских и иностранных империалистов, прекратило фактически сложившееся состояние перемирия на фронте и двинуло в наступление войска Западного и Юго-Западного фронтов. Однако слабо подготовленное, плохо руководимое, неприязненно встреченное солдатской массой наступле-

---

[1] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 25, стр. 39—40.
[2] «Trybuna», 10(23). VI. 1917.
[3] «Trybuna», 24.VI(7.VII).1917.

ние через два дня захлебнулось и превратилось в отступление.

Известия о том, что Временное правительство под прикрытием разговоров о мире возобновило военные действия и что на фронте произошла новая катастрофа, вызвали огромное возмущение в Петрограде. Среди петроградских рабочих и солдат росло стремление к вооруженному выступлению против Временного правительства, к тому, чтобы принудить руководителей Советов отстранить буржуазию от власти. Осуществлению этой цели в известной мере благоприятствовало то, что 2 (15) июля кадеты, рассчитывая взвалить на своих меньшевистско-эсеровских союзников ответственность за положение, вышли из состава Временного правительства. Но министры-социалисты совместно с меньшевистско-эсеровским руководством Советов продолжали проводить антинародную политику и в союзе с контрреволюционным генералитетом обрушились на революционный пролетариат. Благодаря усилиям большевистской партии неподготовленное и преждевременное выступление петроградских рабочих против Временного правительства приобрело мирный и организованный характер. Несмотря на это, Временное правительство при поддержке меньшевиков и эсеров 3—4 (16—17) июля использовало против демонстрантов реакционные воинские части. Редакция «Правды» и многие помещения, занятые большевистскими организациями, были разгромлены; контрреволюция попыталась разоружить питерских рабочих и начавшие складываться отряды Красной гвардии.

6 (19) июля контрреволюционные элементы совершили налет на помещение редакции «Трыбуны». Все оказавшиеся в редакции сотрудники газеты были арестованы [1]. В тот же день у себя на квартире был арестован М. Козловский, а также все находившиеся у него лица [2]. Лишь после шестидневного заключения одна группа арестованных была выпущена на свободу. Но ввиду отсутствия всяких оснований к задержанию постепенно все арестованные были отпущены. В тюрьме вплоть до Октябрьской революции оставался лишь Козловский, против

---

[1] «Trybuna», 22.VII (4.VIII). 1917.
[2] «Известия Петроградского Совета», 7(20), 8 (21) июля 1917 г.

которого русские и польские реакционеры развернули гнусную клеветническую кампанию.

Одним из результатов налета на «Трыбуну» было то, что очередной номер газеты смог выйти в свет с большим опозданием [1].

7 (20) июля буржуазные власти издали приказ об аресте Ленина и ряда других большевиков, обвинив их в «государственной измене» и в организации вооруженного восстания.

Подобно русским контрреволюционерам, польская контрреволюция сразу же выдвинула против «Трыбуны» и польских социал-демократов клеветнические, нелепые обвинения в том, что они являются «немецкой агентурой». Сообщая об этих обвинениях, «Трыбуна» призывала поддержать ее в совместной с русским пролетариатом борьбе против объединенной контрреволюции. Газета разъясняла, что контрреволюция стремится погубить вождей рабочего класса и в потоке крови потопить международную революцию. «От стойкости пролетариата России зависит будущее международной революции» [2],— писала «Трыбуна».

В результате июльских событий существенно изменилось политическое положение в России. Двоевластие, сложившееся после Февральской революции, кончилось в пользу буржуазии. Советы с их эсеро-меньшевистским руководством низвели себя до роли придатка Временного правительства в его политике продолжения войны и удушения революции. 24 июля (6 августа) было сформировано новое коалиционное правительство во главе с А. Керенским. В статье, посвященной текущему моменту, Ю. Ленский писал в «Трыбуне»: «Новая министерская комбинация менее всего может удовлетворить рабочих, она наиболее отразится на их плечах. Но и крестьянству не придется она по вкусу...

Таким образом, кризис власти объективно продолжается...

Правительство революционной диктатуры является единственным противовесом притязаний контрреволюции...» [3]

---

[1] «Trybuna» 22.VII(4.VIII). 1917.
[2] Там же.
[3] «Trybuna», 29.VII (11.VIII). 1917.

В новой обстановке, потребовавшей от революционного пролетариата существенного изменения тактики, СДКПиЛ продолжала действовать как неотъемлемая часть большевистской партии, как достойный представитель польского пролетариата. Аресты и преследования не дезорганизовали партию. Наоборот, в новых условиях группы СДКПиЛ усилили борьбу со всеми разновидностями контрреволюционного буржуазного национализма и соглашательства по отношению к нему.

Со страниц «Трыбуны» СДКПиЛ решительно и систематически разоблачала вредную для дела революции и интересов польского народа политику эндеков, «демократов» и других буржуазных элементов, засевших в различных комитетах помощи беженцам и жертвам войны. Польские социал-демократы постоянно вели борьбу с националистическими происками ППС-фракции, которая, маскируясь под социалистическую организацию, в действительности выступала с позиций соглашательства и реформизма. Особое внимание СДКПиЛ привлекала деятельность ППС-левицы и Польского социалистического объединения. Выступая с критикой этих организаций, СДКПиЛ стремилась помочь находившимся в их составе пролетарским элементам преодолеть реформистские и националистические предубеждения и стать на путь последовательной революционной борьбы.

Вскоре после июльских дней, 7 (20) июля, вышел в свет первый (сдвоенный) номер органа ППС-левицы в России — «Роботник в России». В передовой статье газеты говорилось об общности интересов польских и русских рабочих, о значении русской революции, о стоявших перед ней задачах. Сами эти задачи в изложении «Роботника в России» сводились к необходимости борьбы с опасностью буржуазной контрреволюции, с экономическими трудностями и с иностранными империалистами: немецкими, не желающими отказаться от своих разбойничьих целей, и английскими, американскими, французскими, которые пытаются поставить русскую революцию на службу своим захватническим аппетитам.

В большой статье одного из лидеров партии — С. Лапиньского рассматривался вопрос о борьбе за мир. Автор осуждал участие представителей «революционной демократии» в коалиционном правительстве, которое не пошло на пользу пролетариату, и критиковал оппортунистическую

политику в вопросе о войне меньшевистско-эсеровских руководителей Советов [1].

ППС-левица продолжала, как и раньше, занимать промежуточную позицию, пытаясь найти какой-то средний путь между революционной дорогой и соглашательством. Эта позиция ППС-левицы с особой ясностью проступала в письме ЦИК ППС-левицы в России в Московскую секцию, написанном в июне 1917 г. В письме ЦИК разъяснял свою позицию в отношении РСДРП: поддерживать меньшевиков нельзя, так как они оборонцы и оппортунисты, что же касается большевиков-ленинцев, то они,— повторял ЦИК ППС-левицы в России меньшевистскую клевету,— анархо-бланкисты. В письме говорилось о том, что СДКПиЛ просто компрометирует себя поддержкой ленинцев [2]. Надлежит отметить, что Московская секция ППС-левицы не следовала внушениям центрального руководства: вопреки позиции последнего она выразила согласие голосовать за список социал-демократов интернационалистов на выборах в Московскую городскую думу [3].

В июльские дни лидеры ППС-левицы предлагали Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету Советов взять в свои руки всю полноту власти. Когда же меньшевистско-эсеровское руководство Советов поддержало контрреволюцию в ее борьбе против народа, ППС-левица с полным основанием заявила, что мелкобуржуазно-крестьянское большинство исполнительных комитетов в час испытаний «почувствовало себя намного ближе к буржуазии, чем к социалистическому рабочему классу», и что, воспользовавшись именно этим, буржуазия развернула дикую, людоедскую охоту за большевиками и всеми интернационалистами, обливая их клеветой[4].

Если руководство ППС-левицы все еще оказывалось неспособным стать рядом с партией большевиков и СДКПиЛ, то руководство Польского социалистического объединения все откровеннее переходило на сторону меньшевистско-эсеровских врагов революции. В своей газете «Едносьц работнича» оно повторяло злобные выпады

---

[1] «Robotnik w Rosji», 7(20). VII. 1917.
[2] AZHP, II/1, 1917, p. № 6.
[3] «Социал-Демократ», 14(27) июня 1917 г.
[4] «Robotnik w Rosji», 7 (20). VIII. 1917.

против большевистской партии и Ленина, помещавшиеся в «Новой жизни» [1]. В то же время под давлением рядовых членов своей организации и из-за опасения критики со стороны «Трыбуны», под влиянием которой находились многие из членов объединения, руководители объединения заявляли, что они очень хотели бы сотрудничать с российской социал-демократией, но это затрудняется тем, что сама российская социал-демократия распадается на ряд группировок и что польский пролетариат имеет перед собой целый ряд задач, для осуществления которых ему нужна особая организация, в которой следует объединить, слить все направления польского социализма [2].

В текущих вопросах развития революции в России руководство объединения пыталось ориентировать польских трудящихся на поддержку курса, установленного I Всероссийским съездом Советов — этим — по их определению — «парламентом революционной демократии» [3].

В обстановке разнузданной антибольшевистской кампании со стороны буржуазии, поддерживавшейся меньшевиками и эсерами, в условиях резкого обострения классовой борьбы в стране 26 июля—3 августа (8—16 августа) состоялся VI съезд большевистской партии. Со времени VII (Апрельской) Всероссийской конференции количество членов партии возросло с 80 тыс. до 240 тыс.

На съезде присутствовало 157 делегатов с решающим голосом и свыше 100 — с совещательным. В связи с полулегальными условиями, в которых происходил съезд, не было возможности провести стенографирование заседаний и далеко не все участники съезда имели возможность ответить на предложенные им опросные листы. Всего представил ответы на опросные листы 171 участник съезда. Из этого числа участников съезда 8 человек по национальности были поляками [4]. Протоколы съезда говорят об активном участии в нем Ф. Дзержинского, С. Бобиньского, Б. Весоловского. Последний, как это видно из протокола заседания от 16 августа, производил подсчет голосов при

---

[1] «Jedność Robotnicza», 1. VII (18.VI). 1917 поместила пересказ антибольшевистской статьи Базарова, опубликованной в «Новой жизни».

[2] «Jedność Robotnicza», 1.VII(18.VI). 1917.

[3] «Jedność Robotnicza», 8.VII(25.VI). 1917.

[4] «Протоколы шестого съезда РСДРП(б)», стр. 276.

вынесении решений [1]. «Трыбуна», также не называя по именам участников съезда — польских социал-демократов, сообщала, что от СДКПиЛ был на съезде представитель ИК и редакции газеты (с совещательным голосом) и что, кроме того, московская организация большевиков предоставила Московской группе СДКПиЛ одно место [2]. Это сообщение не вносит ясности в вопрос о том, кто же из польских революционеров, помимо названных выше, непосредственно участвовал в работах съезда.

Разъясняя читателям значение начавшегося съезда, «Трыбуна» писала, что съезд происходит в переломный для революции момент. «После событий 3—5 июля революция как будто бы отступила — до новой атаки, а контрреволюция еще больше подняла голову при преступной трусости и беспомощности меньшевиков и эсеров. Съезд должен дать оценку текущего положения и указать партии надлежащий путь в будущее». Газета отмечала значительный рост числа членов партии [3].

15 (2) августа С. Бобиньский огласил приветствие съезду от Петроградской группы СДКПиЛ.

Социал-демократия Польши и Литвы, говорилось в приветствии, будучи автономной частью РСДРП, издавна поддерживала большевистское крыло партии против всех оппортунистов. Война сблизила нас еще больше. «Мы считаем своей задачей вливать в революционные ряды РСДРП все сознательные элементы польского пролетариата, а вокруг знамени революционной социал-демократии сплотить огромные массы пролетарского населения Польши, брошенного в Россию безжалостной судьбой войны и жестокостью царизма.

Наша долголетняя борьба с царизмом связала нас с вами кровными узами. Дорогие жертвы, вырванные из наших рядов роковым образом, спаяли неразрывно наши ряды. И мы с вами останемся до конца. В ужасе и в радости, в победе и в поражении — один нам путь, одна судьба. Но победа будет на нашей стороне. Да удастся вашему съезду сплотить воедино все интернационалистические эле-

---

[1] См. там же, стр. 211. Как и в большинстве других изданий на русском языке, фамилия Весоловского в протоколах съезда дана с некоторым искажением — Веселовский.

[2] «Trybuna», 5(18). VIII. 1917.

[3] Там же.

менты российской социал-демократии! Мы уверены, что вы наметите план нашей дальнейшей борьбы. Да удастся вам безошибочно ответить на роковые вопросы революции и передать таким образом ее судьбы в верные руки пролетариата.

Пролетариат есть сердце революции, сказал когда-то Маркс, да будет же ваш съезд, по словам того же Маркса, мозгом революции.

Одновременно шлем наш горячий привет всем нашим товарищам, которых контрреволюция вырвала из рядов съезда, и выражаем наше глубокое возмущение гнусной лживой клеветой и травлей буржуазии против этих испытанных борцов интернационализма» [1].

Боевое приветствие СДКПиЛ отражало революционное единство двух братских партий.

Делегаты съезда — члены СДКПиЛ полностью поддержали взятый большевистской партией курс на вооруженное восстание в целях осуществления социалистической революции. Они согласились с выводами Центрального Комитета партии большевиков, содержащимися в докладе И. В. Сталина, о том, что мирный период революции кончился.

Излагая доклад И. В. Сталина, «Трыбуна» писала в статье, подписанной «Ст. Б.» (С. Бобиньский): «Главная мысль доклада состояла в утверждении, что в революции наступил перелом и что теперь власть не может мирным путем перейти в руки народа. Для этого необходима новая революционная волна, новая борьба, и поэтому лозунг «Вся власть Советам», который был лозунгом мирного периода революции, ныне не является соответствующим моменту. В настоящее время лозунгом должно быть свержение диктатуры контрреволюционной буржуазии, которую мы ныне имеем. Идеи эти получили признание съезда» [2].

Вместе с подавляющим большинством участников съезда польские социал-демократы отвергли поправки к резолюции, отражавшие неверие в возможность победы социализма в России до победы пролетарской революции на Западе, неверие в возможность победы пролетарской революции в такой отсталой, аграрной стране, как Россия.

---

[1] «Протоколы шестого съезда РСДРП(б)», стр. 171—172; «Trybuna», 5(18). VIII. 1917 и «Рабочий и солдат», 5(18) августа 1917 г.

[2] «Trybuna», 12(25). VIII. 1917.

Съезд в своих решениях последовательно исходил из ленинского положения о союзе пролетариата и беднейшего крестьянства как условия победы социалистической революции. Съезд утвердил экономическую платформу большевиков, обсудил вопросы о профессиональных союзах, о союзах молодежи, принял новый Устав партии. Съезд принял резолюцию, в которой решительно высказался против явки В. И. Ленина на суд. Ф. Дзержинский горячо выступил в пользу такого решения.

При обсуждении Устава партии деятели литовской социал-демократии предложили дополнить Устав пунктом, разрешающим создание в общепартийных организациях секций национальных меньшинств. Во время прений, вызванных этим предложением, выявилось, что организационные формы работы среди национальных меньшинств различны и определяются требованиями целесообразности. С. Бобиньский высказался против внесения дополнения в Устав, указав как на то, что вопрос недостаточно разработан, так и на то, что острота вопроса является временной; она связана с тем, что война вызвала миграцию населения. «По отношению к беженским массам надо вести определенную политику, чтобы нейтрализовать влияние буржуазии. Ввиду этого,— продолжал Бобиньский,— приходится устраивать национальные секции, не вводя этого в Устав. Организовать секции должны не «национальные меньшинства», а комитеты. Секции автономны в своей работе. До сих пор мы признавали территориальную автономию, но мы в то же время и централисты, поэтому я решительно высказываюсь против этой поправки» [1].

Предложенное литовскими социал-демократами дополнение к Уставу съезд отклонил большинством голосов.

На съезде отмечалось, что в числе печатных партийных органов издается на польском языке газета «Трыбуна» с разовым тиражом в 10 тыс. экземпляров [2].

VI съезд большевистской партии, собравшийся в переломный момент развития русской революции, нацелил партию на вооруженное восстание. На съезде проявилось полное единство польских социал-демократов с большевиками. Это нерушимое единство было скреплено избранием

---

[1] «Протоколы шестого съезда РСДРП(б)», стр. 170.

[2] См. там же, стр. 142.

в состав Центрального Комитета большевистской партии выдающегося деятеля польского рабочего движения Ф. Дзержинского [1].

28 июля (10 августа), т. е. во время работы VI съезда большевистской партии, ИК групп СДКПиЛ принял решение о созыве через 6—7 недель в Москве конференции всех групп СДКПиЛ в России. В извещении, опубликованном в «Трыбуне», указывался порядок выборов на конференцию и сообщался предлагаемый порядок дня: I. Отчет Исполнительного комитета, отчеты с мест, отчет представителей в Советах рабочих и солдатских депутатов, сообщение об общепартийном съезде (т. е. о VI съезде большевистской партии). II. Война и борьба за мир. III. Политическое положение в России. IV. Война и польский вопрос, отношение к Государственному совету (марионеточному органу власти в Варшаве), борьба с национализмом и польской контрреволюцией, польская армия. V. Интернационал. VI. Беженцы. VII. Организационные вопросы (Устав и др.). VIII. Отношение к ППС-левице. IX. Отношение к польским социалистическим объединениям. X. Выборы [2].

Намечавшаяся конференция должна была подвести итог работы организаций СДКПиЛ за время с начала ее легальной деятельности в марте 1917 г., ориентировать польских социал-демократов в вопросах русской революции и борьбы за мир, в вопросах положения в оккупированной Польше и в актуальных задачах польского рабочего движения.

После VI съезда большевистской партии деятельность групп СДКПиЛ была направлена на осуществление выдвинутых съездом задач дальнейшего укрепления революционного союза польских рабочих в России с русским рабочим классом и сплочение всех польских трудящихся под революционными знаменами СДКПиЛ.

VIII

В период после VI съезда большевистской партии происходило энергичное собирание революционных сил, приближавшее решающее столкновение между силами рево-

---

[1] «Протоколы шестого съезда РСДРП(б)», стр. 322.
[2] «Trybuna», 29.VII (11.VIII). 1917.

люции и контрреволюции. Наряду с русской контрреволюцией и в полном единстве с нею собирала и организовывала свои силы польская контрреволюция в России. 21—26 июля (3—8 августа) 1917 г. в Москве заседал созванный по инициативе эндеков «польский политический съезд». Участники съезда представляли 116 польских националистических организаций антантофильского направления, действовавших в России [1].

Разделяя отношение СДКПиЛ к «польскому политическому съезду», как к попытке мобилизации контрреволюционных сил, ППС-левица характеризовала его как «съезд польской реакции». Отвергая претензии съезда выдать себя за представительство польского народа, «Роботник в России» писал, что такого рода представительство может возникнуть только на пути демократического развития, «когда и в нашу, опустошенную фуриями войны страну вторгнется революция, когда и у нас возникнут Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов» [2].

Еще в дни заседаний «польского политического съезда», 24 июля (6 августа), главнокомандующий русской армией генерал Корнилов, которого прочили в военные диктаторы России, назначил командующим I Польского корпуса махрового контрреволюционера генерала Ю. Довбор-Мусьницкого. Вслед за тем первая стрелковая дивизия была переведена в Быхов, расположенный по соседству со Ставкой, в которой дозревал план заговора против революции.

О приготовлениях буржуазии к удушению революции открыто говорилось на состоявшемся в Москве торгово-промышленном съезде. Выступление на этом съезде одного из организаторов русской контрреволюции — миллионера Рябушинского, грозившего народу организацией голода, привлекло всеобщее внимание. Разоблачая чудовищные планы рябушинских, Т. Гневич (З. Фаберкевич) писал о том, что революционная демократия должна дать отпор действиям объединенной российской буржуазии. «Съезд буржуазии в Москве должен был сплотить ее ряды, унифицировать ее действия. То же самое должна сделать и

---

[1] Polski Komitet Demokratyczny w sprawie zjazdu 21 lipca r. b. w Moskwie. Piotrogród 1917.

[2] «Robotnik w Rosji», 7(20). VIII. 1917.

российская революционная демократия: отказаться от всяких компромиссов, отказаться от сотрудничества с классовыми врагами и объединить свои силы для решительной борьбы» [1].

Совместно с ЦК РСДРП, ЦК социал-демократии Латышского края, фракциями большевиков ЦИК, Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Московского Совета рабочих депутатов, Московского Совета солдатских депутатов, Московского областного бюро Советов рабочих и крестьянских депутатов и фракцией большевиков Московской городской думы Исполнительный комитет групп СДКПиЛ в России подписал декларацию, зачитанную Я. М. Свердловым 8 (21) августа на совещании по обороне, созванном меньшевистско-эсеровским большинством ВЦИК. Эта совместная декларация большевиков, польских и латышских интернационалистов была направлена на разоблачение империалистической политики Временного правительства и меньшевистско-эсеровского большинства Советов и указывала, что, только целиком взяв власть в свои руки, революционные рабочие, крестьяне и солдаты смогут добиться справедливого мира, поддержать народы в их борьбе против насильников-капиталистов и организовать действительную оборону страны, в которой восторжествует революционный пролетариат, от всяких покушений империализма [2].

Совместная декларация революционной социал-демократии была выражением ее единства и сплоченности.

Мобилизуя революционные силы, СДКПиЛ повела еще более энергичную, чем в предыдущий период, борьбу против националистических идей, против пропагандировавшихся правыми социалистическими элементами идей «единства», основанного на отказе от революционных принципов, против реформистских моментов в деятельности ППС-левицы.

В целях идейно-политического воспитания своих кадров Петроградская группа СДКПиЛ открыла партийную школу. Чтение вступительной лекции на тему «Утопический и научный социализм» было возложено на Ю. Лещинь-

---

[1] «Trybuna», 12(25).VIII. 1917.

[2] См. «Рабочий и солдат», 9(22) августа 1917 г.; «Trybuna», 19.VIII (1.IX). 1917.

ского (Ленского) [1]. Московская группа СДКПиЛ открыла свои клубы: «Червоный Штандар», «III Интернационал» и др. В клубах читались лекции и проводились дискуссии об очередных задачах революции, об аграрном вопросе в программах рабочих партий в России, о дороговизне и на другие темы [2].

«Трыбуна» выступала пропагандистом марксистско-ленинской теории. В библиографической статье газета с радостью приветствовала выход в свет труда В. И. Ленина «Империализм, как новейший этап капитализма». «Один из наиболее выдающихся теоретиков революционного марксизма — товарищ Ленин, писала газета, в популярной форме излагает историю развития капитализма в последние десятилетия, показывает его главные черты, концентрацию производства, развитие монополий и роль банков в промышленности.

Вторая часть труда посвящена разбору самой сущности империализма. Автор показывает, что империализм является высшей фазой развития капитализма, предвестником близкой социалистической революции... Горячо рекомендуем этот труд читателям, знающим русский язык...» [3]

Со страниц «Трыбуны» не сходили статьи, направленные всей силой партийного слова против буржуазного национализма, мелкобуржуазного соглашательства, всех видов и оттенков контрреволюции. Газета систематически разоблачала антинародный, антипролетарский характер пилсудчины и всей деятельности руководства фраков.

С обширной статьей «Задачи эвакуированных рабочих-поляков в русской революции», раскрывающей происки пилсудчиков, выступил Гневич (Фаберкевич). Его статья была опубликована в киевской газете «Голос социал-демократа». Выступление одного из руководителей СДКПиЛ в киевской газете ни в коей мере нельзя рассматривать как случайность: в Киеве были весьма сильные польские националистические организации, в том числе — ППС-фракции, а местная группа СДКПиЛ была относительно невелика и маловлиятельна.

---

[1] См. «Правда», 15(2) июля 1917 г.

[2] См. «Социал-Демократ», 11(24) июля; 19 июля (1 августа); 29 июля (11 августа); 12(25) августа 1917 г. и др.

[3] «Trybuna», 29.VII (11.VIII). 1917.

З. Фаберкевич указывал в своей статье, что националистическая польская интеллигенция, особенно в провинции, пытается направить по ложному пути стремления польских рабочих организаций. Выступая за всеобъемлющее единство, она пытается втянуть рабочих в польские национально замкнутые союзы. Проводя подобную линию, ППС-фракция утверждает, что в современных условиях, особенно в эмиграции, ничто не может разделить рабочих между различными партиями. Отметив, что эта теория является порождением буржуазного национализма ППС-фракции, которая как до войны, так и во время войны и даже после русской революции поддерживает Пилсудского и его политику сотрудничества с австро-немецким империализмом, Фаберкевич указал, что социал-националисты отвлекают польских рабочих от политической революционной борьбы русских рабочих.

Пролетарии всех наций России, продолжал Фаберкевич, должны образовать одну РСДРП. Однако недооценивая специфические задачи польских рабочих-беженцев, он заканчивал свою статью указанием на то, что польские секции при организациях РСДРП призваны удовлетворять лишь культурные потребности польского пролетариата [1].

Явно ограниченная статья Фаберкевича вместе с тем разносторонне и глубоко раскрывала оппортунистический и националистический характер попыток подменить классовую организацию польского пролетариата в России его организацией на национальной основе.

Решительно критикуя оппортунизм руководителей Польского социалистического объединения, вскрывая враждебный интересам революции характер их позиции, польские социал-демократы старались завоевать на свою сторону рядовых членов этого объединения. Внутри самого объединения усиливалась борьба между националистическими и интернационалистическими элементами. В Харькове члены СДКПиЛ вышли из объединения и образовали свою группу при местной большевистской организации; эта группа повела повседневную работу среди членов объединения[2]. 24 (11) августа общее собрание Харьковской

---

[1] См. «Голос социал-демократа» (орган Киевского комитета РСДРП), 27 июня (10 июля) 1917 г.

[2] См. «Пролетарий» (Харьков), 26 августа (ст. ст.), 1917 г.

группы СДКПиЛ приняло резолюцию, призывавшую к сплочению всех революционных сил пролетариата [1].

Пролетарское ядро харьковской организации социалистического объединения стало на путь полного и безоговорочного сотрудничества с силами революции. Потерявшее доверие и поддержку польских рабочих объединение изжило себя. Происходившая в Харькове 27—29 августа (9—11 сентября) межгородская конференция Польского социалистического объединения приняла решение о роспуске организации и прекращении издания ее печатного органа [2].

Ликвидация Польского социалистического объединения как единой организации (отдельные группы объединения продолжали еще действовать в течение ряда месяцев) была несомненным успехом революционной, классовой линии СДКПиЛ, свидетельствовала о происходившем сплочении рядов польского рабочего класса в России на революционно-интернационалистских позициях и о крупном поражении ППС-фракции в ее расчетах на изоляцию польского рабочего класса от русского пролетариата.

Вместе с тем следует отметить, что наряду с успешной деятельностью польских социал-демократических организаций, боровшихся за завоевание большинства польских рабочих на сторону революции, имела место и серьезная борьба внутри отдельных групп польской социал-демократии по вопросу о том, с кем и куда идти. В частности, как можно судить на основе сохранившихся документов, острые противоречия разделяли Тифлисскую группу СДКПиЛ. На общем собрании, состоявшемся 26 июля (9 августа) 1917 г., на котором присутствовало около 80 человек, имел место ряд выступлений с призывом поддержать меньшевиков на выборах в местную думу. В принятой собранием резолюции отмечалась угроза контрреволюции и говорилось о необходимости сплочения всех демократических сил вокруг Советов рабочих и солдатских депутатов, но в то же время большинство участников собрания отказалось высказаться в поддержку большевистских кандидатов на выборах [3].

Шатание в Тифлисской группе СДКПиЛ не ограничилось только вопросом о позиции на выборах в городскую

---

[1] См. «Пролетарий», (Харьков), 28 августа (ст. ст.), 1917 г.
[2] «Jedność Robotnicza», 10(23). IX. 1917.
[3] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 525, л. 36—37.

думу: через некоторое время находившиеся под меньшевистским влиянием элементы выдвинули предложение о реорганизации группы СДКПиЛ в группу Польского социалистического объединения. Но это ликвидаторское предложение было отвергнуто комитетом группы [1].

Некоторую ошибку допустила группа СДКПиЛ в Сартане (Екатеринославской губернии), первоначально решившая было поддержать на выборах в местную думу блок меньшевиков и эсеров. Но затем группа «не жалела ни сил, ни времени, чтобы исправить ошибку» [2]. Колебания, подобные тем, какие имели место в Тифлисской группе СДКПиЛ, ошибки, подобные допущенным Сартанской группой, носили единичный характер. В целом организации СДКПиЛ продолжали крепнуть и развиваться в полном и нерушимом единстве с большевистской партией.

Группы СДКПиЛ активно поддерживали все мероприятия большевистской партии. Общее собрание членов Петроградской группы СДКПиЛ, состоявшееся 14(27) августа, приняло резолюцию, полностью выдержанную в духе решений VI съезда РСДРП(б) [3]. Польские социал-демократы устно и в печати неизменно пропагандировали политическую и экономическую платформы большевиков.

СДКПиЛ уделяла много внимания воспитанию польских рабочих в России в духе пролетарского интернационализма и сотрудничества с трудящимися других национальностей. Польские рабочие входили в общероссийские профессиональные организации, в создавшиеся в пролетарских центрах отряды Красной гвардии. Для лучшего разъяснения единства интересов польских и русских рабочих, для взаимного выяснения задач рабочего класса СДКПиЛ стала чаще практиковать выступления своих деятелей перед самой широкой многонациональной пролетарской аудиторией. 19(6) августа польские социал-демократы провели массовое совместное собрание польских и русских рабочих Путиловского завода [4].

Как и большевистская партия, частью которой она являлась, СДКПиЛ действовала совместно с пролетарскими организациями других национальностей. Выше уже отмечалось, что СДКПиЛ совместно с большевистскими орга-

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 525, л. 11—12.
[2] «Trybuna», 26.VIII (8.IX). 1917.
[3] «Trybuna», 19.VIII (1.IX). 1917.
[4] «Trybuna», 12(25). VIII. 1917.

низациями и ЦК социал-демократии Латышского края подписала декларацию, оглашенную 21 августа на совещании по обороне. Примерно в то же время СДКПиЛ договорилась о сотрудничестве с литовскими социал-демократами и о взаимном делегировании представителей с совещательным голосом в руководящие органы обеих партий [1].

Вместе с русским рабочим классом, вместе с многонациональным рабочим классом всей России все более широкие круги польских рабочих и солдат в России переходили на позиции активной поддержки большевистской партии и ее составной части — СДКПиЛ. Весьма наглядной иллюстрацией этого положения может служить то, что под давлением рабочих — рядовых членов своей организации Петроградская секция ППС-фракции была вынуждена согласиться с тем, чтобы ее члены голосовали за большевистских кандидатов на выборах в столичную городскую думу [2]. Это обстоятельство не меняет того общего положения, что в целом ППС-фракция в России находилась в лагере, враждебном революции. «Занятая своими милитаристскими упражнениями, рассматривая социализм лишь как форму своих националистических стремлений, фракция настолько пресытилась этими целями, что, помимо них, ничего не видит и не хочет видеть» [3],— вполне обоснованно писал орган ППС-левицы «Роботник в России».

Что касается самой ППС-левицы, то для себя она также не сумела сделать правильные выводы из сложившейся обстановки. Критикуя меньшевиков за их попустительство контрреволюции, ППС-левица в то же время продолжала тесно сотрудничать с меньшевиками-интернационалистами, являвшимися составной частью меньшевиков. В частности, происходившая 13(26) августа конференция Выборгско-Лесной районной секции ППС-левицы, в которой участвовали Ф. Кон, Л. Пинкус и другие руководители партии, высказалась за поддержку на выборах в Петроградскую городскую думу списка № 12, выдвинутого меньшевиками-интернационалистами и группой «Новая жизнь» [4].

Однако колеблющаяся, промежуточная позиция ППС-левицы и ее политических союзников обнаруживала свою несостоятельность: всего 4 процента участвовавших в вы-

---

[1] «Trybuna», 12(25).VIII. 1917.
[2] «Trybuna», 26.VIII (8.IX). 1917.
[3] «Robotnik w Rosji», 7(20). VIII. 1917.
[4] «Robotnik w Rosji», 27.VIII (9.IX). 1917.

борах в Петроградскую городскую думу отдало свои голоса за список № 12. По списку № 6, выдвинутому большевиками и поддержанному СДКПиЛ, среди других кандидатов баллотировался Б. Весоловский [1]. Список № 6 собрал 33 процента голосов.

Между тем контрреволюция, учитывая изменения в соотношении сил, торопилась действовать. Происходившее в Москве 12—15 (25—28) августа так называемое Государственное совещание явилось открытой подготовкой буржуазии, помещиков, генералитета к походу против революции. Но подготовлявшийся к работам совещания военный переворот был сорван в результате активности масс, ответивших на открытие совещания стачкой 400 тыс. московских рабочих. Совместно с большевистской партией польские социал-демократы разъяснили рабочему классу и всем трудящимся угрозу заговора контрреволюционеров. В день открытия Государственного совещания «Трыбуна» поместила редакционную статью «Начало конца», ориентировавшую польских рабочих и солдат на неизбежность и необходимость вооруженного восстания против Временного правительства. Это правительство, писала «Трыбуна», энергично ведет наступление на революцию, оно продолжает совместно с английскими и французскими империалистами захватническую войну. «Русская революция не принимается во внимание коалиционной дипломатией как реальный фактор мира, пока у власти в России стоит правительство, до гробовой доски верное империализму». Буржуазия уже не хочет терпеть меньшевиков и эсеров и готовит установление открытой диктатуры капитала. Но меньшевистско-эсеровское большинство ВЦИК погрязло в оппортунизме. Выход, указывала польская революционная газета, состоит в установлении революционной диктатуры правительства пролетариата и беднейшего крестьянства. В то же время, предупреждала «Трыбуна», нельзя дать себя спровоцировать на преждевременное выступление. «Время битвы должно быть точно продумано... Только дальнейшее обострение хозяйственно-политического кризиса, полное банкротство в глазах масс эсеровско-меньшевистской тактики и вызревание революции на Западе создаст почву, благоприятствующую новому штурму господства буржуазии» [2].

[1] «Пролетарий» (центральный орган РСДРП), 17 (30) августа 1917 г.
[2] «Trybuna», 12(25). VIII.1917.

В этой статье весьма примечательна и постановка вопроса о неизбежности восстания против буржуазного господства, и отношение к восстанию как явлению, требующему серьезной подготовки и имеющему шансы на успех только в определенных условиях, и представление о будущем революционном правительстве как правительстве диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства.

Однако в целом вопрос о крестьянстве, как о союзнике пролетариата, и о политике партии в аграрном вопросе почти не ставился группами СДКПиЛ. Естественно, что это обстоятельство ограничивало идейное влияние СДКПиЛ на солдатскую массу, в среде которой преобладали крестьяне.

В ответ на угрозу Керенского, заявившего на Государственном совещании, что он «кровью и железом» усмирит «большевистские бунты», польская социал-демократия заявила на страницах «Трыбуны», что Керенский не испугает революционный пролетариат России. Рабочий класс России достаточно закалился в огне царских репрессий и не даст себя спровоцировать на преждевременное выступление; контрреволюционному блоку, легализованному на Московском совещании, он противопоставит сплоченные шеренги, выступающие под знаменем революционной социал-демократии [1].

Между тем попустительствуемые меньшевиками и эсерами генералитет и другие заговорщики подготовляли полный разгром революционного движения.

Продолжал расширять свою контрреволюционную деятельность Начполь. В целях маскировки своих планов создания контрреволюционной армии Начполь пытался убедить солдат-поляков, что им следует переходить в польские военные формирования, так как только таким путем они избегнут втягивания в борьбу, которая разыгрывается в лоне российской демократии [2]. С ним в контакт вступил руководящий орган русского контрреволюционного офицерства — Главный комитет союза офицеров армии и флота. В секретном отношении, адресованном 31 июля (13 августа) Начполю, этот комитет сообщал, что «тоже считает одной из своих задач борьбу с большевизмом в армии и с

---

[1] «Trybuna», 19.VIII(1.IX). 1917.
[2] Архив ИМЛ, ф.70, оп. 2, д. 872, л. 39.

антивоенной (пораженческой) агитацией», и призывал обе организации «к совместной работе». Со своей стороны Главный комитет союза офицеров армии и флота обещал сообщать в Начполь фамилии военнослужащих-поляков, «которые опозорили себя демагогией, пропагандой и большевистской деятельностью» [1].

Анализируя взаимное отношение польских и русских контрреволюционных организаций и тот ореол величия и силы, которым польская буржуазная печать пыталась окружить Корнилова, Ф. Дзержинский писал в статье «Польские союзники Корнилова»: «Польская контрреволюция, как и русская, не теряла понапрасну времени. Широкие круги польских помещиков и буржуазии в России мобилизовали свои силы для борьбы с революцией... Польская контрреволюция — это не измышление, это действительность, с которой должна считаться не только польская, но и русская революционная демократия». Военным центром польской контрреволюции, указывал Дзержинский, является Начполь, ее гражданским центром — Совет польского межпартийного объединения [2].

Статья Ф. Дзержинского о польских союзниках Корнилова была в русском переводе перепечатана в выходившем вместо запрещенной «Правды» центральном органе большевистской партии — газете «Рабочий путь» [3].

Одна из подготовительных мер польских и русских корниловцев состояла в попытке собрать воедино польские части, которые контрреволюция рассчитывала использовать в качестве одного из элементов своих ударных сил. В начале сентября началась переброска из Бессарабии в район Минска Польского уланского полка, входившего в состав I Польского корпуса [4].

Начполь и командование I Польского корпуса пытались очистить Белгородский запасной полк от революционных элементов и также передислоцировать его поближе к Ставке.

В Белгородском полку, пишет в своих воспоминаниях один из служивших в нем солдат, велась бурная политиче-

---

[1] «Trybuna», 26.VIII(8.IX). 1917.

[2] «Trybuna», 2(15).IX.1917; *F. Dzierżyński*, Pisma wybrane, Warszawa 1951, str. 205—206.

[3] См. «Рабочий путь», 18(5) сентября 1917 г.

[4] *H. Bagiński*, Wojsko polskie na Wschodzie, str. 99.

ская деятельность, вели контрреволюционную пропаганду офицеры, с изложением своих взглядов часто выступали большевики, «бурлили, как в котле, различные идеи, лозунги и представления» [1]. Но руководство полком все в большей степени ускользало из рук контрреволюционного офицерства.

Когда реакционное командование, действуя в соответствии с указаниями Довбор-Мусьницкого и Начполя, попыталось приступить к очистке полка от революционных элементов, что должно было явиться предварительным шагом к перебазированию полка в Белоруссию, то оно натолкнулось на открытое сопротивление солдат во главе с полковым комитетом. В полковом комитете наибольшим влиянием пользовались члены большевистской партии — солдаты Цихонский, Пачковский и др. Возмущенный введением смертной казни на фронте и слухами о ее распространении на тыл, взбудораженный известиями о июльских событиях в Петрограде и замыслах контрреволюции, полковой комитет, опираясь на поддержку большинства солдат, 27 июля постановил сместить командира полка подполковника Винницкого и назначил временным командиром полка поручика Яцкевича [2].

В результате вмешательства штаба Московского военного округа Яцкевич был отстранен от командования и временным командиром полка был назначен крайний реакционер полковник Шишко. Реакционные элементы замышляли расправиться с полковым комитетом и поддерживавшим его Белгородским Советом рабочих и солдатских депутатов. Но полк, в котором числилось более 16 тыс. солдат и офицеров, все в большей степени ускользал из-под влияния реакции. Несмотря на ее усилия, только 120 офицеров и 400 солдат согласились выехать в расположение I Польского корпуса и принять предложенные его командованием обязательства [3].

Когда в полк пришло известие о состоявшемся 25 августа (7 сентября) контрреволюционном выступлении Корнилова, солдаты единодушно поднялись против заго-

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 626, л. 14—16.

[2] *L. Grosfeld*, Polskie reakcyjne formacje wojskowe w Rosji. 1917—1919 r., str. 44. Багиньский ошибочно относит описываемые события к сентябрю 1917 г. (См. *H. Bagiński*, Wojsko polskie na Wschodzie, str. 191).

[3] *L. Grosfeld*, Polskie reakcyjne formacje woiskowe w Rosji. 1917—1919 rr., str. 217.

ворщиков. С. Вацкий, председатель полкового суда, в неопубликованных воспоминаниях об этих событиях пишет: «Полк клянется, что он готов себя предоставить целиком на борьбу против реставрации и не допустит никаких покушений на завоевания революции как со стороны русской, так и своей реакции» [1]. Революционные солдаты арестовали полковника Шишко и еще 8 офицеров, и командовать полком опять, как и в июле, стал поручик Яцкевич [2].

В связи с корниловским мятежом Исполнительный комитет групп СДКПиЛ в России и правление Петроградской группы СДКПиЛ приняли 29 августа (11 сентября) обращение к польским рабочим и солдатам. Это обращение, отпечатанное отдельной листовкой, призывало польских рабочих и солдат к совместной с рабочими и солдатами всей России защите революции от мятежных сил реакции.

«Рабочие! Все на помощь революции! К оружию и в шеренги! — призывало обращение...— Польские солдаты!.. Место ваше не в польских отрядах, а в российских революционных полках. Ваши враги — сторонники корниловых как русского, так и польского происхождения. Друзья же — русские пролетарии, одетые в солдатские мундиры» [3].

Своим обращением ИК групп СДКПиЛ в России и правление Петроградской группы ориентировали польских рабочих и солдат на совместную с русским пролетариатом вооруженную борьбу против сил контрреволюции, на вступление в отряды Красной гвардии и в революционные воинские части. В этом же духе принимались решения на митингах, совместно проводившихся в Петрограде СДКПиЛ, Польским войсковым революционным клубом, а также ППС-левицей. На митингах в дни корниловщины выступали Ю. Лещиньский, Ф. Кон, С. Круликовский, М. Броньский и др. Они призывали к отпору контрреволюции, выражали горячее одобрение солдатам Белгородского полка и тем из солдат Польского корпуса, которые вступили в борьбу с польской реакцией [4].

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 574, л. 8.
[2] «Trybuna», 16(29). IX. 1917.
[3] AZHP I/1. 1917, p. № 5.
[4] Архив ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 569, л. 7; «Trybuna», 9(22). IX. 1917.

После разгрома корниловщины польская контрреволюция пыталась взять своего рода реванш путем организации карательной экспедиции против Белгородского запасного полка. Польская буржуазная печать изображала белгородчиков как предателей и немецких наймитов. Свой голос в защиту белгородчиков подала «Трыбуна», выступившая со статьей Ю. Лепского, изобличавшей врагов революционных солдат. По требованию полкового комитета Белгородского полка вопрос о враждебных полку действиях командования I Польского корпуса обсуждался 29 сентября (12 октября) на Бюро ВЦИК Советов. Опасаясь авантюристических замыслов контрреволюционного командования корпуса и связанных с ним представителей Антанты, Бюро ВЦИК высказалось за то, чтобы включить польские воинские части в общую систему русской армии, распространить на все польские части общие права солдата русской армии и общевойсковое самоуправление и т. д. Но ни ВЦИК, ни Временное правительство ничего не сделали, чтобы претворить это решение в жизнь.

Разгром корниловского мятежа сопровождался новым процессом быстрого полевения трудящихся масс. Большинство в Петроградском и Московском Советах переходило к большевикам. В самых широких кругах рабочих, солдат и крестьян крепло убеждение в том, что только переход всей полноты власти к Советам и отказ от меньшевистско-эсеровской политики сотрудничества с буржуазией могут положить конец войне и голоду, обеспечить передачу земли крестьянам, а фабрик рабочим, покончат с тайной дипломатией и угрозой контрреволюции. Вновь на очередь встал лозунг «Вся власть Советам!». Но в новых условиях этот лозунг означал не переход власти к эсеро-меньшевистским элементам, терявшим большинство в Советах, а установление диктатуры пролетариата.

В обстановке третьего правительственного кризиса, наступившего после провала корниловского мятежа и мощного подъема революционного движения, меньшевистско-эсеровское большинство ВЦИК добилось созыва так называемого Демократического совещания. Организаторы этого совещания имели в виду подменить созывом совещания требования масс о созыве II съезда Советов, отвлечь рабочих и крестьян от непосредственных революци-

онных действий и, прикрываясь совещанием, упрочить свой союз с буржуазией.

Приняв участие в Демократическом совещании, происходившем 14 (27) сентября — 22 сентября (5 октября) в Петрограде, большевики в своих выступлениях разоблачали соглашательскую политику меньшевиков и эсеров и призывали к последовательной борьбе за установление власти рабочих и крестьян.

К участию в совещании были допущены представители некоторых национальных организаций, в том числе и СДКПиЛ. Получив 5 минут для разъяснения позиции своей партии, Ю. Ушлихт заявил о полной поддержке позиций революционной социал-демократии (т. е. большевиков) и Петроградского и Московского Советов и огласил от имени Исполнительного комитета СДКПиЛ декларацию. В декларации говорилось о том, что польский пролетариат с самого начала войны стоял на антивоенных позициях, что он убедился в лживости измышлений об освободительных целях, которые пытался приписать себе каждый из воюющих империалистических блоков, что он с энтузиазмом встретил русскую революцию, так как понял, что российская революция является носительницей свободы. Польские трудящиеся массы, которых война забросила на восток, сплотились под знаменем российской революции. Но пока в России у власти стоит коалиционное правительство, задачи российской революции не могут быть решены. «Мы, польские социал-демократы,— говорилось в заключительной части декларации,— заявляем следующее: *во главе русской революции должно стоять революционное правительство пролетариата и крестьянства, которое одно только способно повести борьбу за демократический мир среди народов, втянутых в водоворот войны; только такая власть может путем внутренних преобразований дать толчок развитию международной революции, торжество которой единственно гарантирует польским трудящимся массам общественно-социальное освобождение*» [1].

Нельзя не сопоставить декларацию СДКПиЛ с выступлением на том же совещании представителя ППС-левицы С. Лапиньского. Заявив, что «развитие, будущность и

---

[1] «Trybuna», 23. IX (6.X). 1917; «Рабочий путь», 20 сентября (3 октября) 1917 г.

успех русской революции являются для поляков таким же родным и кровным делом, как для русского пролетариата», он подчеркнул интернационализм позиции ППС-левицы. В его речи содержалась весьма резкая критика политики меньшевистско-эсеровского большинства, а также Керенского. В то же время Лапиньский повторил меньшевистское утверждение, что в России может иметь место только буржуазная революция; но вместе с тем он выступал против мертвой схемы о том, что победа революции невозможна без участия самой буржуазии, и отстаивал необходимость перехода всей власти к демократии [1].

Выступление С. Лапиньского еще раз подтверждало, что и накануне приближающейся решающей схватки между эксплуататорскими классами и эксплуатируемыми ППС-левица продолжала занимать колеблющуюся позицию, облегчавшую попытки меньшевиков и эсеров удержать развитие страны в рамках буржуазного парламентаризма.

Между тем меньшевики и эсеры, а равно и их польские союзники все в большей мере теряли почву под ногами. Наглядным подтверждением этого было изменение в позиции Московской группы ППС-фракции. В июне, во время выборов в городскую думу, эта группа выступала с поддержкой списка меньшевиков-оборонцев, в октябре же, во время выборов в районные думы, она высказалась за поддержку большевистского списка № 5, по которому баллотировались и польские социал-демократы — Б. Закс, Т. Магржик, Э. Прухняк, С. Лазоверт и др. Отмечая сдвиг в позиции Московской группы ППС-фракции, «Социал-Демократ» писал: «Важны не те несколько сот голосов, которые усилят наш список» — полнейший провал соглашательства с буржуазией и корниловщина «открыли глаза даже тем несознательным и одурманенным патриотизмом польским рабочим, которые идут до сих пор еще за ППС-правицей. Под давлением этих именно рабочих, несмотря на протест социал-патриотических вождей, решила правица голосовать за № 5. Меньшевики потеряли еще одного естественного союзника. Какой разброд в среде социал-оборонцев всех наций! Польские оборонцы принуждены

---

[1] «Robotnik w Rosji», 27. IX(10.X). 1917.

голосовать за русских и польских злейших антиоборонцев» [1].

Но верхушка ППС-фракции оставалась непримиримо враждебной большевистской партии и организациям СДКПиЛ.

Неизменно выступая против буржуазно-помещичьего Временного правительства и поддерживая курс большевистской партии на пролетарскую революцию, СДКПиЛ вместе с большевиками выступала за немедленный созыв Учредительного собрания. Борьба за созыв Учредительного собрания облегчала разоблачение контрреволюционной природы Временного правительства и его меньшевистско-эсеровских союзников и помогала изжитию некоторых парламентских иллюзий у масс. 28 сентября (11 октября) «Пролетарий» опубликовал список кандидатов в Учредительное собрание, предлагаемых ЦК РСДРП(б). В этом списке вместе с другими деятелями партии значились имена Ф. Дзержинского, Ю. Лещинского и Ю. Уншлихта [2]. Вслед за тем ЦК партии сообщил, что имя Дзержинского должно стоять на первых местах в партийных списках в избирательных округах Киева, Витебска, Минска, Могилева, Екатеринослава [3]. Спустя несколько дней был опубликован список членов большевистской партии, рекомендованный местным организациям для проведения в Учредительное собрание; в этом списке находились также С. Бобиньский, М. Варшавский (Бронь-ский), Я. Фенигштейн (Долецкий) [4]. Наконец, в списке кандидатов ИК групп СДКПиЛ, рекомендованных ЦК РСДРП местным организациям, помимо вышеперечисленных лиц, значились деятель Московской группы Б. Закс и деятель Киевской группы СДКПиЛ Ипполит Фиалек [5].

Пытаясь «занять» народные массы, отвлечь их от назревавшей задачи непосредственного штурма буржуазной власти, Временное правительство образовало законосовещательный Предпарламент (Временный совет республики). В соответствии с указаниями В. И. Ленина и

---

[1] «Социал-Демократ», 24 сентября (7 октября) 1917 г.
[2] См. «Пролетарий», 28 сентября (11 октября) 1917 г.
[3] См. «Пролетарий», 30 сентября (13 октября) 1917 г.
[4] См. «Пролетарий», 5(18) октября 1917 г.
[5] «Trybuna», 7(20).X.1917. И. Фиалек был гласным Киевской городской думы (см. «Голос социал-демократа», 27 июля (ст. ст.) 1917 г.).

решением ЦК большевистской партии большевики 20 октября на первом же заседании Предпарламента огласили декларацию, разоблачавшую антинародную политику правительства и его попытку прикрыться призраком парламентаризма, и покинули Предпарламент. К декларации присоединились два польских социал-демократа — участники Предпарламента: представитель солдатского комитета 2-й армии, член СДКПиЛ с 1904 г., делегат V съезда РСДРП Францишек Гжельщак (Марцин Гжегожевский) и представитель СДКПиЛ Ю. Уншлихт, которые вместе с большевистской фракцией оставили Предпарламент [1].

Прикрываясь Предпарламентом, контрреволюция во главе с Временным правительством лихорадочно готовилась к удару по крепнувшим силам пролетариата. В расчетах контрреволюции по-прежнему существенное место отводилось I Польскому корпусу. «Поляки обещали прислать свой корпус»,— говорил, по словам Краснова, Керенский [2]. Но не один Белгородский запасный полк открыто стал против польской и русской контрреволюции— в большинстве польских по составу частей и подразделений росли революционные настроения. Только в хронике за один день в одном из органов ВЦИК — газете «Голос солдата» сообщалось: расположенная в Вязьме польская рота прислала делегатов в Военное министерство с заявлением о нежелании солдат быть под командой Довбор-Мусьницкого; в Сызрани польская рота самовольно избрала ротный комитет и своих представителей в Совет рабочих и солдатских депутатов; из Быхова польские солдаты запросили, как им поступить, так как у них не допускается организация комитетов и действует старый воинский устав; в польской роте, расквартированной в Дерябинских казармах Петрограда, солдаты протестуют против недопущения создания комитетов и соблюдения старого устава и т. д. [3]

В целях проведения работы среди поляков-военнослужащих СДКПиЛ приступила к созданию своей военной организации, подобно той, какую партия боль-

---

[1] «Trybuna», 27.X(9.XI). 1917.

[2] См. *П. Краснов*, На внутреннем фронте, «Архив русской революции», т. I, Берлин, стр. 170.

[3] См. «Голос солдата», 7 октября (ст. ст.) 1917 г.

шевиков создала еще весной 1917 г. Организационное собрание военной группы СДКПиЛ состоялось 6 (19) октября [1].

Хотя организации СДКПиЛ вели весьма незначительную работу в армии, но революционная и интернационалистская позиция польских социал-демократов, их единство с большевиками побуждали передовых польских солдат самих искать связей с партийными организациями. Например, солдаты 54-й инженерной рабочей дружины, сообщив из действующей армии, что на собрании, имевшем место 14 (27) октября, они решили войти в состав СДКПиЛ, просили: «Только не забывайте о нас, товарищи» [2].

Если группы СДКПиЛ по-прежнему были слабо связаны с польскими по составу воинскими частями, то связи польской социал-демократии с польскими рабочими непрерывно расширялись. Идейно-политическое влияние СДКПиЛ далеко выходило за рамки партийных организаций. Например, в Екатеринославе, где в группе СДКПиЛ состояло около 50 человек, на демонстрацию, организованную ею 12 (25) сентября в целях проявления пролетарской солидарности, вышло под знаменем группы почти 5 тыс. человек [3].

В различных городах России возникали новые группы СДКПиЛ. Так, в связи с политическим банкротством Польского социалистического объединения осенью 1917 г. организовалась группа СДКПиЛ в Самаре [4]; в то же время образовалась группа СДКПиЛ в Воронеже [5]; в октябре, порвав с Польским социалистическим объединением и подобными организациями — Политико-революционным клубом и др., образовали свою группу польские социал-демократы Одессы [6]; в адресных списках групп СДКПиЛ, время от времени печатавшихся в «Трыбуне», к Царицынской, Краматорской, Любимовской (Екатеринославской губернии) и другим в октябре прибавились адреса Александровской и Запорожско-Каменской (Ека-

---

[1] «Trybuna», 30.IX (13.X). 1917.
[2] «Trybuna», 21.X (3.XI). 1917.
[3] «Trybuna», 7(20). X. 1917.
[4] «Trybuna», 14.(27). X. 1917.
[5] «Trybuna», 21.X (3.XI). 1917.
[6] Архив ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 826, л. 164—167.

терпнославской губернии), Гомельской, Смоленской, Молодечненской групп СДКПиЛ [1].

В начале ноября образовалась группа СДКПиЛ в Луганске [2].

14 (27) октября ИК групп СДКПиЛ в России опубликовал извещение, в котором уточнялась дата созыва конференции групп СДКПиЛ — ее открытие назначалось на 14 (1) ноября [3]. В том же номере газеты, в котором было опубликовано это извещение, сообщался новый адрес редакции «Трыбуны» — она переехала в Смольный институт — штаб подготовлявшейся пролетарской революции.

9 (22) октября Петроградский совет принял резолюцию, предложенную большевиками, о создании особого военно-революционного штаба, получившего 12 октября наименование Военно-революционного комитета. В состав Военно-революционного комитета наряду с другими видными деятелями пролетарской революции был избран Ф. Дзержинский [4].

10 (23) октября состоялось историческое решение Центрального Комитета большевистской партии начать в ближайшие дни вооруженное восстание.

21 октября (3 ноября) «Трыбуна» вышла с передовой статьей, озаглавленной «На переломе». Мы переживаем переломный момент в развитии русской революции, говорилось в статье. «Мы дошли сейчас до границы, за которой начнется либо ее победный поход вперед — к радикальному разрешению ряда насущных задач, либо столь же быстрое отступление назад под напором повторяющейся волны корниловщины.

Два лагеря лихорадочно готовятся к борьбе на жизнь или на смерть: революционная демократия и контрреволюционные массы помещиков, капиталистов и генералов. В хвосте плетутся обозники соцнал-соглашательства...

Буржуазия ударяет в военные литавры против большевиков...

---

[1] «Trybuna», 21.X (3.XI). 1917.
[2] «Trybuna», 25.XI (8.XII). 1917.
[3] «Trybuna», 14(27).X. 1917.
[4] См. *Н. Подвойский*, Военная организация ЦК РСДРП(б) и Военно-революционный комитет 1917. «Красная летопись» № 8, 1923 г., стр. 15—17.

Необходимо признать, что организация контрреволюционных сил производится быстро и энергично. Пущены в ход средства для разгрома пролетариата и революционных солдат: голод, локаут, измена и провокация». Контрреволюция готова предать страну немцам для того, чтобы руками Вильгельма II задушить революцию. Но и в Европе уже кипит котел революции. «Внимание и ненависть капитала сосредоточены прежде всего на русской революции, как на том очаге, искры которого разлетаются по всему миру... И поэтому заграничный капитал постановил — независимо от мирных переговоров — первым делом покончить с русской революцией. В этом отношении между империалистами Англии, Франции, Германии, Италии, Америки и России царит полнейшее согласие... Не подлежит никакому сомнению, что за кулисами посольско-королевской дипломатии при соучастии Керенского готовится новый заговор против революционной демократии...

Революция в опасности!.. Надо от слов и резолюций перейти к делу. Вся полнота власти должна быть взята в крепкие руки пролетариата и революционного крестьянства...

Пролетариат России должен до конца выполнить свою историческую миссию в отношении собственной страны и братских народов. Нам предстоит взять последнюю баррикаду русского империализма. Ее падение предвещает крах международного империализма, открывает дорогу борьбе за социализм.

Слушайте, товарищи!.. Бьет полночь на часах революции!» [1]

Таким страстным призывом к революционной борьбе, к восстанию встречала «Трыбуна», встречали все польские социал-демократы в России наступление Октября.

Следующий, послеоктябрьский номер боевой газеты польских социал-демократов вышел с некоторым опозданием. Извиняясь перед читателями за это опоздание, редакция газеты писала, что революционный переворот, происшедший в России, поглотил силы СДКПиЛ: наидеятельнейшие товарищи отдали себя общероссийской работе [2].

В составе отрядов Красной гвардии и революционных частей армии, на фабриках и заводах, в революционных

[1] «Trybuna», 21.X (3.XI). 1917.
[2] «Trybuna», 11 (24) XI. 1917.

комитетах и Советах, на партийной работе — всюду, где застали их всемирно-исторические события Октября 1917 г., польские социал-демократы и связанные с ними группы трудящихся выступали бок о бок, плечом к плечу с пролетариями и беднейшим крестьянством всей России.

После того как с трибуны открывшегося 7 ноября (25 октября) II съезда Советов рабочих и солдатских депутатов В. И. Ленин провозгласил победу, одним из первых выступил Ф. Дзержинский. От имени СДКПиЛ он заявил: «Польский пролетариат всегда был в одних рядах вместе с русским. Социал-демократия Польши и Литвы с энтузиазмом принимает декрет. Мы знаем, что единственной силой, способной освободить мир, является борющийся за социализм пролетариат. Когда восторжествует социализм, будет раздавлен капитализм и будет уничтожен национальный гнет» [1].

Итак, польские социал-демократы, находившиеся в 1917 г. в России, внесли свой ценный вклад в дело подготовки и проведения социалистической революции. Они выступали как подлинные пролетарские революционеры-интернационалисты, видевшие в победе революции в России и в установлении в России диктатуры пролетариата всемирно-историческую победу всех угнетенных и эксплуатируемых. Глубокие революционность и интернационализм сочетались у польской социал-демократии с истинным патриотизмом: они вполне основательно рассматривали победу социалистической революции в России как пролог к освобождению польских трудящихся от социального и национального ига.

Участие польских социал-демократов в русском революционном движении в 1917 г. не только в какой-то мере способствовало победе в России пролетарской революции, но оно еще в большей мере способствовало обогащению польского революционного движения великим опытом большевистской партии и одним из своих результатов имело дальнейшее упрочение русско-польского революционного союза.

---

[1] *F. Dzierżyński*, Pisma wybrane, str. 207.

П. КАЛЕНИЧЕНКО

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛЬСКОГО ВРЕМЕННОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА

Возникновение и деятельность Польского временного революционного комитета, созданного летом 1920 г. в польском городе Белостоке и обычно именуемого Польревкомом, представляет собой одну из ярчайших страниц в истории революционного движения польского народа. По существу Польревком был прообразом правительства трудового народа.

Однако, несмотря на важную историческую роль Польревкома, его возникновение и деятельность весьма мало изучены и освещены в исторической науке. Правда, Польревкому посвящен интересный документальный сборник «Польский временный революционный комитет», подготовленный Отделом истории партии ЦК Польской объединенной рабочей партии [1].

К 35-летию Польревкома в польской печати появилось несколько небольших журнальных и газетных статей.

Сохраняет значение серьезного источника по истории Польского временного революционного комитета брошюра его председателя Юлиана Мархлевского «Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией» [2]. Один из разделов этой брошюры, написанной сразу же после событий, о которых идет речь, носит характер воспоминаний о работе Польревкома, о его достижениях, о

---

[1] См. «Tymczasowy Komitet Rewolucyjny Polski», Warszawa 1955.

[2] См. *Ю. Мархлевский*, Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией, Госиздат, 1921; а также: *Julian Marchlewski*, Pisma wybrane, t. II, Warszawa 1956.

встречавшихся на его пути трудностях и т. д. Примерно такой же характер имеет и книга «С Красной Армией на панскую Польшу», принадлежащая перу одного из старейших участников русского революционного движения, видного партийного и советского государственного деятеля И. И. Скворцова-Степанова [1], который находился при Польревкоме, выполняя некоторые работы по его поручению.

Краткая характеристика деятельности Польского временного революционного комитета содержится в общеисторических, публицистических и специальных работах советских и польских авторов, освещающих влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развитие революционного движения в Польше, ход польско-советской войны 1920 г. и пр.

В той или иной мере деятельности Польского временного революционного комитета касаются некоторые буржуазные авторы; однако под пером последних деятельность ПВРК приобретает совершенно искаженный вид. В этом отношении, пожалуй, наиболее типичной является изданная в Варшаве накануне второй мировой войны книга некоего Тадеуша Тесляра «Большевистская пропаганда во время польско-русской войны 1920 года» [2].

Клеветнические высказывания в адрес польского народа и ПВРК содержат и такие книги, как «1920 год» Ю. Пилсудского [3], «Кэмбриджская история Польши» [4] и др.

Важным источником, позволяющим составить представление о широкой творческой деятельности Польревкома, является газета «Гонец червоны». Орган Польского временного революционного комитета — газета «Гонец червоны» из номера в номер (всего вышло 12 номеров) печатала материалы, отражавшие работу ПВРК по созданию основ нового, народного польского государства.

---

[1] *И. Степанов*, С Красной Армией на панскую Польшу. Впечатления и наблюдения, Госиздат, 1920. (Фамилия Степанов первоначально была литературным псевдонимом И. И. Скворцова.)

[2] *Tadeusz Teslar*, Propaganda bolszewicka podczas wojny polsko-rosyjskiej 1920 roku, Warszawa 1938.

[3] См. *Ю. Пилсудский*, 1920 год, перевод с польского, Воениздат, 1926.

[4] «The Cambridge history of Poland from Augustus II to Pilsudski (1697—1935)», Cambridge 1951.

Для разработки истории ПВРК исключительно большое значение имеет документальный материал Польревкома, хранящийся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Этот важнейший источник до последнего времени оставался почти неисследованным.

Мало привлекали внимание исследователей также некоторые другие фонды ИМЛ и Центрального государственного архива Красной Армии, имеющие к Польревкому хотя и не всегда прямое, но все же очень важное отношение. В первую очередь речь идет о находящихся в Центральном партийном архиве ИМЛ фонде Ф. Э. Дзержинского, фонде Польского бюро при ЦК РКП(б), фонде Центрального исполнительного комитета Коммунистической рабочей партии Польши в России и о хранящихся в Центральном государственном архиве Красной Армии фонде польских воинских формирований в Советской России и фондах ряда армий, входивших в состав Западного фронта.

Отсутствие капитальных трудов, фальсификаторские усилия буржуазных историков и публицистов, слабая разработка имеющихся архивных материалов привели к тому, что современная историческая наука еще дает недостаточно полное и точное представление о Польском временном революционном комитете. Желая восполнить этот пробел, автор поставил перед собой цель — на основе прежде всего указанных архивных источников, а также материалов, печатавшихся в газете «Гонец червоны», осветить отдельные стороны возникновения и деятельности Польревкома.

* *
*

Великая Октябрьская социалистическая революция, знаменовавшая собой начало новой эры в истории человечества, принесла свободу и польскому народу, который благодаря ей сбросил с себя оковы почти 150-летнего национального угнетения со стороны царизма, австрийских и прусских захватчиков. Идеи Великого Октября вдохновляли революционное движение, которым была охвачена вся Польша в 1918—1919 гг.

Однако в результате ряда причин польский народ не смог взять власть в стране в свои руки.

Правившая в стране антинародная клика помещиков и капиталистов в соответствии со своими классовыми интересами и интересами иностранных империалистов, с которыми она была теснейшим образом связана, проводила враждебную политику по отношению к Советскому государству. Несмотря на миролюбивые стремления и ясно выраженное желание Советского правительства строить свои взаимоотношения с Польшей на основе полного равноправия и дружбы, правящие классы Польши толкнули свою страну на путь антисоветских авантюр и захватнических войн.

Именно такой захватнический характер носила война реакционных польских правителей против Советского государства, начатая ими 25 апреля 1920 г. Предпринимая эту авантюру, буржуазно-помещичья Польша, которая на этот раз играла роль главной ударной силы международного империализма в его новом, третьем военном походе против Советской республики, пыталась осуществить бредовые замыслы свержения Советской власти и установления своего господства «от моря и до моря».

В ходе этой войны, силой навязанной социалистическому государству, Советское правительство (как, впрочем, много раз и до войны) неоднократно заявляло, что у него нет никаких агрессивных намерений против Польши и ее независимости. Выступая 29 апреля 1920 г. на Всероссийском съезде рабочих стекло-фарфорового производства, глава Советского правительства В. И. Ленин указывал, что «...ни малейших замыслов против независимости Польши мы не имеем...» [1]

Отвечая на лживые утверждения буржуазной пропаганды о том, что якобы Страна Советов намерена на штыках принести в Польшу новый строй, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и трудовых казачьих депутатов в своем манифесте от 7 мая 1920 г. к польским рабочим, крестьянам и интеллигенции заявлял: «Не верьте, что Красная Армия несет вам рабство или собирается насильно навязать вам коммунизм. Разгромив ваших панов, Советская власть предоставит польскому народу право устраивать свою жизнь по собственному усмотрению. Захотите ли вы сохранить у себя современный порядок или

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 31, стр. 99.

возьмете землю и фабрики в собственные руки — это решите вы сами, польские рабочие и крестьяне» [1].

В этом документе, имевшем важное значение в истории польско-советских отношений того времени, еще раз проявилось глубокое уважение Советской республики к польскому народу и ее стремление предоставить польским рабочим и крестьянам возможность устраивать свою жизнь сообразно своим собственным желаниям.

Первоначально войскам буржуазно-помещичьей Польши удалось занять часть советской территории, включая Киев. Однако вскоре Красная Армия перешла в контрнаступление.

Героическая Красная Армия, преследуя отступающие части белополяков, к 20-м числам июля 1920 г. почти полностью освободила от них оккупированные районы Украинской и Белорусской советских республик. В это же время советские войска перенесли боевые действия на территорию Польши. Вступая на землю братского польского народа, Красная Армия тем самым подавала ему руку дружеской помощи. «Твердо помните, товарищи, что мы воюем против польских кровопийц, а не против польского трудового народа,— указывалось в приказе войскам одной из армий Западного фронта.— Помните, что, уничтожая этих кровопийц, мы себя спасаем от угнетения и несем свободу всем трудящимся Польши» [2]. Советские войска вошли в Польшу не как завоеватели, а как друзья и освободители многострадального польского народа.

28 июля наступавшие части Красной Армии, входившие в состав Западного фронта, освободили польский город Белосток. Как известно, Белосток являлся сравнительно крупным промышленным центром в той вообще-то отсталой, аграрной части Польши, которая была освобождена тогда советскими войсками.

В Белостоке 30 июля 1920 г. и возник Польский временный революционный комитет (ПВРК) [3]. В его состав

---

[1] «Внешняя политика СССР», Сб. документов, т. 1, М. 1944, стр. 446.

[2] См. приложение к книге: *И. Степанов*, С Красной Армией на панскую Польшу, стр. 86.

[3] «Правда» в первом сообщении об образовании Польревкома дает иную дату — 31 июля (см. «Правда», 3 августа 1920 г.). Однако на первом документе Польревкома — «Манифесте к польскому трудовому на-

вошли испытанные деятели польского революционного и рабочего движения — Юлиан Мархлевский (председатель), Феликс Дзержинский, Феликс Кон, Эдвард Прухняк (секретарь) и Юзеф Уншлихт [1].

Распределяя обязанности, члены Польревкома решили 4 августа, что председатель ПВРК Мархлевский будет ведать вопросами промышленности и сельского хозяйства, Кон — партийной работой, культурой и издательствами, Дзержинский — военными делами и работой Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, редактором газеты «Гонец червоны» был утвержден Тадеуш Радваньский [2].

Начиная с момента возникновения ПВРК, всей его деятельностью живо интересовался В. И. Ленин [3]. Уже 30 июля он просил сообщить ему о ходе работы Польревкома [4]. Еще через несколько дней Ленин передал Дзержинскому, что он категорически просит «обязательно каждый день присылать информацию, пользуясь для этого всеми видами связи, вплоть до посылки курьеров до ближайшего телеграфа, если такового у вас нет» [5].

Уже в первом своем программном документе — Манифесте к польскому трудовому народу городов и деревень, принятом 30 июля,— Польревком наметил программу деятельности, отвечавшую интересам рабочих, крестьян и трудящейся интеллигенции. Заводы и рудники, указывалось в этом историческом документе, должны быть вырваны из рук капиталистов, спекулянтов, ростовщиков и переданы в собственность народа, управлять ими должны рабочие комитеты. Помещичьи имения и леса также должны перейти в собственность и управление народа. Помещиков следует изгнать, а управление имениями передать батрацким комитетам. Что же касается земли трудящегося крестьянства, то она остается неприкосновенной. Управление в городах должно перейти в руки Советов рабочих делегатов, а в деревнях — в руки гминных Советов [6].

роду городов и деревень» (Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 1, л. 1) стоит дата 30 июля, которая свидетельствует о том, что в «Правде» была допущена ошибка.

[1] См. «Правда», 3 августа 1920 г.

[2] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 3, л. 7.

[3] См. *В. И. Ленин*, Военная переписка (1917—1920), Военное издательство Министерства Обороны СССР, М. 1956, стр. 244.

[4] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 8, л. 1.

[5] Там же, д. 17, л. 6.

[6] «Tymczasowy Komitet Rewolucyjny Polski», str. 80.

Состоявшийся 2 августа массовый митинг белостокских рабочих продемонстрировал, что все их симпатии — на стороне Польревкома. Как сообщала газета «Известия», провозглашение Польского временного революционного комитета было встречено на митинге с большим подъемом. Речь Мархлевского, который изложил программу деятельности ПВРК, сопровождалась овацией. О полной поддержке Польревкома заявили в своих речах представители Белостокского революционного комитета и Белостокского комитета Коммунистической рабочей партии Польши. На митинге также выступили: от имени Российской коммунистической партии Скворцов-Степанов и от имени Красной Армии командующий Западным фронтом Тухачевский [1].

В тот же день состоялся митинг рабочих Белостокского железнодорожного узла, на котором царил еще больший подъем. В резолюции, принятой на другом митинге белостокских железнодорожников, состоявшемся 13 августа, указывалось: «Мы приветствуем ПВРК, выражаем ему полное доверие и клянемся, что в случае необходимости, как один, встанем на его защиту» [2]. Подобная же резолюция была единодушно одобрена железнодорожниками станции Остроленка [3].

В свете лишь этих нескольких фактов видно, чего стоит насквозь лживое утверждение Тадеуша Тесляра о том, что деятельность Польревкома якобы «встречала решительно враждебное отношение со стороны польского пролетариата...» [4]

Весть о создании Польревкома вызвала политический подъем также среди тех многочисленных польских трудящихся, которых мировая война разбросала по многим городам и селам России. Так, например, собрание польских рабочих и крестьян, проживавших в Смоленске, постановило приветствовать новый орган революционной власти в Польше и оказывать ему всевозможную поддержку с целью окончательного разгрома польской буржуазии и

---

[1] «Известия Исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских, казачьих, красноармейских депутатов и Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов», 6 августа 1920 г.

[2] «Goniec czerwony», 19. VIII. 1920.

[3] «Goniec czerwony», 17. VIII. 1920.

[4] *Tadeusz Teslar*, Propaganda bolszewicka podczas wojny polsko-rosyjskiej 1920 roku, str. 246.

шляхты [1]. Такие же собрания прошли в ряде других городов.

Вместе со всеми трудящимися поляками радовались образованию Польревкома и находившиеся в Советской России польские военнопленные, большинство которых составляли рабочие и крестьяне, переодетые в солдатскую форму. 1200 польских военнопленных, собравшись на митинг по поводу создания ПВРК, послали ему приветственную телеграмму, в которой обещали по первому его требованию стать с оружием в руках для защиты свободы трудящихся [2]. Аналогичную резолюцию приняла другая группа военнопленных на своем митинге 14 августа [3].

Следует отметить, что на Польский временный революционный комитет, как на польское правительство, возлагали большие надежды также трудящиеся молодого Советского государства. Об этом, в частности, красноречиво свидетельствуют телеграммы и приветствия, полученные Польревкомом по поводу его образования. В одном из приветствий, посланном городским Советом Твери (ныне г. Калинин), указывалось: «Тверской пролетариат, собравшись на заседании вновь избранного городского Совета рабочих и красноармейских депутатов, приветствует в вашем лице революционную Польшу и выражает твердую уверенность, что близок тот час, когда будет положен конец насилию и эксплуатации польских панов, помещиков и буржуазии и их приспешников в лице социал-предателей Пилсудского, Дашинского и К°, власть перейдет в руки рабочих и крестьян и над старинным королевским замком в Варшаве будет развеваться Красное знамя с надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Подобные приветствия были получены из Владикавказа (ныне г. Орджоникидзе) от первого съезда Советов Терской области [4], от делегаций Грузии и Армении на II конгрессе Коминтерна [5], от Временного революционного комитета Восточной Галиции [6] и др.

В полном соответствии со своим манифестом Польский временный революционный комитет приступил к

---

[1] «Правда», 11 августа 1920 г.
[2] Там же.
[3] «Goniec czerwony», 18. VIII. 1920.
[4] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 2, л. 3, 2.
[5] «Goniec czerwony», 15. VIII. 1920.
[6] «Goniec czerwony», 19. VIII. 1920.

многогранной деятельности в интересах народа. Раньше всего предстояло добиться восстановления промышленности, железнодорожного транспорта, налаживания снабжения городов продовольственными и промышленными товарами, а также осуществить аграрные преобразования.

Для более конкретного руководства всей жизнью освобожденных районов страны при Польревкоме был образован ряд отделов: промышленный, сельскохозяйственный, административный, лесного хозяйства, народного просвещения, пропаганды и агитации, юстиции и общественной безопасности. Во главе отделов стояли такие революционные деятели, как Феликс Кон (отдел народного просвещения), Станислав Бобиньский (отдел лесного хозяйства), Бернард Закс-Нерский (промышленный отдел), Тадеуш Радваньский (отдел пропаганды и агитации)[1] и др.

При ПВРК существовал также институт специальных уполномоченных. Например, были уполномоченные по делам железнодорожного транспорта, по делам почт и телеграфа. Юлиан Лещиньский (Ленский) являлся представителем Польревкома в районе действий Юго-Западного фронта. ПВРК вел переговоры о назначении своего представителя при Временном революционном комитете Восточной Галиции[2].

Одной из своих первоочередных задач ПВРК считал национализацию и пуск белостокских промышленных предприятий.

Белосток был крупным центром легкой промышленности Польши. В нем находилось около 9 тыс. рабочих. Среди предприятий города преобладающее большинство принадлежало текстильно-ткацким фабрикам, специализировавшимся на изготовлении так называемой искусственной шерсти, т. е. на переработке лоскутьев в сукно. Кроме того, в городе находились предприятия кожевенной, химической и деревообделочной отраслей промышленности. Почти все белостокские фабрики, как сообщал Ф. Э. Дзержинский В. И. Ленину, от военных действий не пострадали[3].

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 4, л. 24, 18, 37; д. 22, л. 1; д. 29, л. 40.

[2] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 3, л. 16 ; ф. 63, оп. 1, д. 85, л. 17-а и 17-б; ф. 76, оп. 1, д. 1328, л. 1; д. 1368, л. 1.

[3] Архив ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 1252, л. 3.

Вопрос о национализации промышленных предприятий Белостока стоял уже на одном из первых заседаний Польревкома, проведенном совместно с Белостокским ревкомом и представителями Красной Армии [1]. В соответствии с принятыми тогда решениями восемь текстильных фабрик были национализированы. Это были фабрики бывших владельцев: Новика (260 рабочих и служащих), Рихтера (240), Порецкого и Гавенского (239), Цитрона (230) и др. [2]

Руководителями национализированных фабрик стали директора и комиссары, назначенные промышленным отделом Белостокского окружного ревкома, и фабричные комитеты, избранные рабочими коллективами [3]. Бывшие фабриканты и директора, если они не убежали с отступавшей буржуазно-помещичьей польской армией, использовались как специалисты на своих или же на других национализированных предприятиях.

10 августа состоялся торжественный пуск важнейших текстильных фабрик Белостока, национализированных народной властью. По этому случаю состоялся большой митинг. На митинге представители рабочих вручили членам Польревкома портфели, символически выразив тем самым свое доверие новому революционному правительству [4].

В тот же день вновь начала давать продукцию папиросная фабрика, ранее принадлежавшая Яновскому. Представитель рабочих, выступая от их имени, заверил Польский временный революционный комитет в готовности всех работников фабрики самоотверженно трудиться и соблюдать революционную дисциплину.

Телеграфируя В. И. Ленину в Москву о празднике труда, которым был объявлен день 10 августа, Ю. Мархлевский писал, что пролетариат Белостока «в принятой единогласно резолюции постановил послать вам горячее приветствие, как своему вождю и вождю всего революционного Интернационала» [5].

Несколько иначе обстояло дело с небольшими металлообрабатывающими заводами, существовавшими в Бе-

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 3, л. 2.
[2] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 28, л. 6.
[3] «Goniec czerwony», 11.VIII. 1920.
[4] *И. Степанов*, С Красной Армией на панскую Польшу, стр. 47.
[5] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 8, л. 9.

лостоке. В силу ряда причин и прежде всего безотлагательной необходимости как можно скорее восстановить железнодорожное движение было решено изъять токарные и некоторые другие станки с этих заводов и использовать их для ремонтных работ на транспорте. «Благодаря этому,— писал Мархлевский,— рабочие железнодорожных мастерских... творили чудеса при восстановлении железных дорог» [1].

Вопрос о возобновлении движения на железных дорогах, которые были разрушены отступавшими белополяками, был одним из наиболее острых хозяйственных вопросов, стоявших перед молодой польской народной властью. Дело заключалось, во-первых, в том, что только крупные перевозки продовольствия и топлива по железнодорожным артериям могли спасти население польских городов от угрозы приближавшихся голода и холода. Во-вторых, восстановление железнодорожного транспорта избавило бы Красную Армию от такой нежелательной меры, вызванной обстановкой, как введение для польского крестьянства тягловой повинности. Больше того, в случае, если бы удалось наладить железнодорожное сообщение, Красная Армия и советский народ смогли бы поделиться с польскими трудящимися частью своих продовольственных запасов.

В силу всех этих обстоятельств Польский временный революционный комитет в первые же дни своего существования уделил самое серьезное внимание восстановлению и ремонту железных дорог, а также недопущению дальнейшего нанесения ущерба белополяками транспорту. Приказом от 14 августа 1920 г., обращенным к железнодорожникам Польши, Польревком призвал их всеми мерами препятствовать разрушению железнодорожных путей, мостов, уничтожению имущества бегущей армией Пилсудского, не допускать эвакуации грузов [2].

Со специальным воззванием обратились к польским рабочим железнодорожного транспорта Белостокский комитет профсоюза железнодорожников и полномочный комиссар Польревкома по железным дорогам Францишек Клепацкий. «Если мы напряжем все силы, если быстро

---

[1] *Julian Marchlewski*, Pisma wybrane, t. II, str. 770.

[2] «Известия», 25 августа 1920 г.; «Tymczasowy Komitet Rewolucyjny Polski», str. 128—129.

восстановим железные дороги, перешьем колею, отремонтируем паровозы и вагоны, то тогда русский рабочий и крестьянин, которые прислали нам своих наилучших вооруженных сыновей, чтобы помочь нам освободиться, помогут нам, снабжая нас хлебом» [1].

Откликаясь на призыв своего правительства и профсоюза, железнодорожники освобожденных районов Польши самоотверженно трудились для скорейшего возобновления движения. На работе также применялись новые, коммунистические методы труда, рожденные в России в огне Октябрьской революции. Так, по сообщению газеты «Гонец червоны», 8 августа в Бельске состоялся субботник, организованный городским комитетом Коммунистической рабочей партии Польши. В результате субботника за несколько часов было перешито полкилометра железнодорожного полотна [2].

Наряду с транспортниками над восстановлением дорог добровольно работали представители других специальностей. В этом отношении весьма показателен следующий эпизод, описанный Мархлевским. Когда интересы дела потребовали скорейшего восстановления железнодорожного моста, без чего в районе Белостока не могло начаться железнодорожное движение, Польревком дал знать об этом на промышленные предприятия. «Тогда рабочие решили временно бросить фабрики и своими силами исполнить общественную работу. С громкими песнями шли к реке отряды с фабрик. Даже женщины не пожелали остаться в душных фабриках... Мост был наведен, работа была произведена в изумительно короткое время» [3].

Напряженная работа на транспорте быстро принесла замечательные плоды. Как сообщал 18 августа полномочный комиссар Польревкома по железным дорогам Ф. Клепацкий, на линии Волковыск — Белосток полотно было перешито и движение восстановлено; по направлению от Белостока к Варшаве поезда шли вплоть до Малкини; на Гродненском направлении одна линия была перешита силами местных рабочих и красноармейцев; были начаты работы на линии Седльце — Черемхе [4]. Общая

---

[1] «Tymczasowy Komitet Rewolucyjny Polski», str. 130—131.
[2] «Goniec czerwony», 19. VIII. 1920.
[3] *Julian Marchlewski*, Pisma wybrane, t. II, str. 772.
[4] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 25, л. 12.

протяженность перешитых железных дорог составляла на 20 августа 500 *км*.

Героический труд польских железнодорожников, часто работавших рука об руку со специальными частями Красной Армии, вызывал удивление польской реакции. Из книги Ю. Пилсудского «1920 год» видно, что он никак не мог понять, каким образом к моменту подхода наступающих советских войск к Висле польские железные дороги до меридиана Седльце были большей частью уже перешиты [1].

Больших усилий Польского временного революционного комитета потребовало обеспечение городского населения продовольственными товарами. Этот вопрос приобретал особую остроту, так как в результате паралича железнодорожного транспорта нельзя было рассчитывать на подвоз в ближайшее время продовольствия из России, где были созданы некоторые запасы для оказания первой помощи польскому народу.

Следовательно, надо было организовать доставку зерна из ближайших фольварков (помещичьих имений), где хлеб лежал на полях необмолоченный, в копнах и скирдах. Дело тормозилось прежде всего отсутствием лошадей. «И вот тут,— пишет Ю. Мархлевский,— выявилась вся организованность белостокских рабочих: они заявили, что, если нет лошадей, нужно впрячься самим. Были мобилизованы все оставшиеся без работы рабочие, а также мелкая буржуазия, особенно торговцы и лавочники, и все направлены на эту работу. Люди на собственных спинах понесли снопы в молотилки или запрягались в телеги... Работа пошла быстро, и вскоре первые транспорты обмолоченной ржи стали поступать на мельницы, опасность голода была предупреждена» [2].

По данным на 16 августа, из окрестных фольварков было доставлено 2 тыс. пудов хлеба. В следующие дни должно было поступить еще несколько тысяч пудов.

В Белостоке были открыты все небольшие магазины. Для снабжения рабочих был создан Центральный рабочий кооператив, открывший в городе четыре филиала [3].

---

[1] *Ю. Пилсудский*, 1920 год, стр. 45.

[2] *Julian Marchlewski*, Pisma wybrane, t. II, str. 771.

[3] Архив ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 1339, л. 1; «Goniec czerwony», 18. VIII. 1920.

восстановим железные дороги, перешьем колею, отремонтируем паровозы и вагоны, то тогда русский рабочий и крестьянин, которые прислали нам своих наилучших вооруженных сыновей, чтобы помочь нам освободиться, помогут нам, снабжая нас хлебом» [1].

Откликаясь на призыв своего правительства и профсоюза, железнодорожники освобожденных районов Польши самоотверженно трудились для скорейшего возобновления движения. На работе также применялись новые, коммунистические методы труда, рожденные в России в огне Октябрьской революции. Так, по сообщению газеты «Гонец червоны», 8 августа в Бельске состоялся субботник, организованный городским комитетом Коммунистической рабочей партии Польши. В результате субботника за несколько часов было перешито полкилометра железнодорожного полотна [2].

Наряду с транспортниками над восстановлением дорог добровольно работали представители других специальностей. В этом отношении весьма показателен следующий эпизод, описанный Мархлевским. Когда интересы дела потребовали скорейшего восстановления железнодорожного моста, без чего в районе Белостока не могло начаться железнодорожное движение, Польревком дал знать об этом на промышленные предприятия. «Тогда рабочие решили временно бросить фабрики и своими силами исполнить общественную работу. С громкими песнями шли к реке отряды с фабрик. Даже женщины не пожелали остаться в душных фабриках... Мост был наведен, работа была произведена в изумительно короткое время» [3].

Напряженная работа на транспорте быстро принесла замечательные плоды. Как сообщал 18 августа полномочный комиссар Польревкома по железным дорогам Ф. Клепацкий, на линии Волковыск — Белосток полотно было перешито и движение восстановлено; по направлению от Белостока к Варшаве поезда шли вплоть до Малкини; на Гродненском направлении одна линия была перешита силами местных рабочих и красноармейцев; были начаты работы на линии Седльце — Черемхе [4]. Общая

---

[1] «Tymczasowy Komitet Rewolucyjny Polski», str. 130—131.
[2] «Goniec czerwony», 19. VIII. 1920.
[3] *Julian Marchlewski*, Pisma wybrane, t. II, str. 772.
[4] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 25, л. 12.

протяженность перешитых железных дорог составляла на 20 августа 500 *км*.

Героический труд польских железнодорожников, часто работавших рука об руку со специальными частями Красной Армии, вызывал удивление польской реакции. Из книги Ю. Пилсудского «1920 год» видно, что он никак не мог понять, каким образом к моменту подхода наступающих советских войск к Висле польские железные дороги до меридиана Седльце были большей частью уже перешиты [1].

Больших усилий Польского временного революционного комитета потребовало обеспечение городского населения продовольственными товарами. Этот вопрос приобретал особую остроту, так как в результате паралича железнодорожного транспорта нельзя было рассчитывать на подвоз в ближайшее время продовольствия из России, где были созданы некоторые запасы для оказания первой помощи польскому народу.

Следовательно, надо было организовать доставку зерна из ближайших фольварков (помещичьих имений), где хлеб лежал на полях необмолоченный, в копнах и скирдах. Дело тормозилось прежде всего отсутствием лошадей. «И вот тут,— пишет Ю. Мархлевский,— выявилась вся организованность белостокских рабочих: они заявили, что, если нет лошадей, нужно впрячься самим. Были мобилизованы все оставшиеся без работы рабочие, а также мелкая буржуазия, особенно торговцы и лавочники, и все направлены на эту работу. Люди на собственных спинах понесли снопы в молотилки или запрягались в телеги... Работа пошла быстро, и вскоре первые транспорты обмолоченной ржи стали поступать на мельницы, опасность голода была предупреждена» [2].

По данным на 16 августа, из окрестных фольварков было доставлено 2 тыс. пудов хлеба. В следующие дни должно было поступить еще несколько тысяч пудов.

В Белостоке были открыты все небольшие магазины. Для снабжения рабочих был создан Центральный рабочий кооператив, открывший в городе четыре филиала [3].

---

[1] *Ю. Пилсудский*, 1920 год, стр. 45.

[2] *Julian Marchlewski*, Pisma wybrane, t. II, str. 771.

[3] Архив ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 1339, л. 1; «Goniec czerwony», 18. VIII. 1920.

плотин, предохраняющих от реставрации старых отношений» [1],— писал И. Степанов.

О поддержке Польревкома сельскохозяйственными рабочими свидетельствует, в частности, конференция их представителей, состоявшаяся 17 августа 1920 г. в Белостоке [2]. На конференцию, которая была созвана, как отмечал Мархлевский, по инициативе самих батраков [3], съехались их делегаты из фольварков, расположенных в окрестностях Белостока. Сообщая об этом событии в Центральный Комитет РКП(б), Ф. Дзержинский телеграфировал: «Многие прошли пешком двадцать верст. Отношение — великолепное» [4]. На этой же конференции было решено создать единый профессиональный союз деревенских рабочих вместо трех ранее существовавших.

Почти все крестьяне, включая батраков, бедняков и середняков, как правило, положительно относились к Красной Армии. Весьма показательна в этом отношении резолюция жителей села Печорки, Дойлидской гмины, Белостокского повета, собравшихся на митинг совместно с советскими воинами. «Мы сердечно приветствуем Красную Армию, которая освободила нас из-под ига польской буржуазии и шляхты,— говорилось в этом документе.— Мы постараемся всеми силами помочь героическим воинам, которые пришли к нам не как победители, а как братья, чтобы окончательно изгнать нашего общего врага — капиталистов Польши и всего мира — и построить новую Польшу, свободную отчизну труда» [5].

Не ограничиваясь принятием резолюций, крестьяне как этого села, так и других, входивших в ту же Дойлидскую гмину, добровольно снабжали части Красной Армии продовольствием и фуражом. Так, жители села Багнувка добровольно пожертвовали 100 пудов ржи и 200 пудов картофеля; крестьяне села Засады — 26 пудов ржи, 10 пудов ячменя, 50 пудов картофеля, 8 штук свиней, 300 пудов сена; жители села Колодно — 15 пудов

---

[1] *И. Степанов*, С Красной Армией на панскую Польшу, стр. 56.
[2] Архив ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 1339, л. 1; «Goniec czerwony», 20. VIII. 1920.
[3] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 7, л. 28 об.
[4] Архив ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 1339, л. 1; «Tymczasowy Komitet Rewolucyjny Polski», str. 126.
[5] «Goniec czerwony», 20. VIII. 1920.

ржи, 30 пудов картофеля, 25 пудов сена, 50 пудов соломы [1].

В то время как батраки, полностью поддерживавшие Польревком, стали одной из его опор, активно принялись за работу, то этого, к сожалению, нельзя было сказать о бедняках и середняках — наиболее многочисленных слоях крестьянства. В большинстве случаев в результате ошибочной политики Польревкома в аграрном вопросе крестьяне оставались совершенно пассивными к мероприятиям ПВРК. Характеризуя отношение крестьянства к ПВРК, Мархлевский писал: «Крестьянин со свойственной ему недоверчивостью ждал, что будет дальше. Он, как фанатик собственности, питает инстинктивное недоверие ко всякой перемене. Крестьянин в общем оставался нейтральным» [2]. Однако пассивное отношение крестьянства к ПВРК объяснялось вовсе не его «инстинктивным» недоверием ко всякой перемене.

Для того чтобы разобраться в причинах пассивности польского крестьянства, следует несколько шире остановиться на аграрной политике Польского временного революционного комитета. Известно, что польская деревня значительно отличалась от русской. В частности, если в России помещичьи имения по уровню агротехники мало чем отличались от крестьянских хозяйств (почти та же примитивная система земледелия, невысокая урожайность и т. д.), то фольварки в Польше представляли собой капиталистические хозяйства со всеми характерными признаками: многопольная система земледелия, широкое применение минеральных и органических удобрений, наличие новейших сельскохозяйственных машин и усовершенствованных пород скота и т. д. и т. п. Эти характерные черты ведения хозяйства в фольварках требовали значительного количества постоянных сельскохозяйственных рабочих, число которых (вместе с безземельным крестьянством) достигало в Польше одного миллиона человек [3].

Пытаясь учесть указанные выше особенности польской деревни, Польревком проводил в аграрном вопросе политику, резко отличавшуюся от политики Российской коммунистической партии на селе. Из Тезисов аграрной политики в Польше, выработанных комиссией, среди

---

[1] «Goniec czerwony», 14, 15 и 19. VIII. 1920.
[2] *Julian Marchlewski*, Pisma wybrane, t. II, str. 779—780.
[3] *И. Степанов*, С Красной Армией на панскую Польшу, стр. 53.

членов которой были и Мархлевский и Степанов, видны следующие особенности этой политики. Прежде всего, по мнению комиссии и большинства членов ПВРК, нельзя было допустить раздела фольварков между батраками и малоземельными крестьянами. В результате дробления фольварков, полагала комиссия, возникли бы такие жалкие клочки земли, на которых нельзя было бы вести никакого хозяйства, а это в свою очередь значительно снизило бы общую продукцию сельскохозяйственного производства и еще больше ухудшило бы в стране продовольственное положение. Выход из положения комиссия видела в том, чтобы превратить фольварки в собственность народа и на их основе создать крупные хозяйства, управление которыми должно было находиться в руках выборных батрацких комитетов под руководством правительственных управляющих.

Аграрная политика, намеченная комиссией, была глубоко ошибочной, так как игнорировала справедливые чаяния трудящегося крестьянства и лишала складывавшийся рабоче-крестьянский союз сколько-нибудь прочной экономической основы.

В то же время Польревкому не были чужды стремления хотя бы частично наделить малоземельных крестьян землей. С этой целью предусматривалось использование земель запущенных фольварков, земель на клиньях и «отрубах», не представляющих особенной ценности при ведении хозяйства, а также земель, находившихся во владении церкви.

Аграрная политика ПВРК, исключавшая раздел фольварков между батраками и малоземельными крестьянами, вызвала серьезные критические замечания со стороны большевистской партии. Центральный Комитет Российской коммунистической партии был «обеспокоен частью воззвания Польревкома, касающегося крестьянского вопроса» [1].

Политика ПВРК искусственно сдерживала революционную активность и энергию польского крестьянства, в ряде случаев стремившегося разделить фольварки. Именно опасением того, что ПВРК отталкивает от себя крестьянство, была вызвана известная телеграмма В. И. Ленина, посланная в те дни Ф. Дзержинскому и

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 1318, л. 1—2.

всем членам Польского бюро ЦК. «Если в Седлецкой губернии малоземельные крестьяне начали захватывать поместья, то абсолютно необходимо,— советовал великий вождь трудящихся всего мира,— издать особое постановление Польского ревкома, дабы обязательно дать часть помещичьих земель крестьянам и во что бы то ни стало помирить крестьян малоземельных с батраками...» [1].

Таким образом, аграрная политика Польского временного революционного комитета, требовавшая, в частности, обязательного сохранения фольварков, обусловила тот факт, что в своем большинстве польское крестьянство заняло выжидательную позицию по отношению к Польревкому.

Необходимо отметить, что эти взгляды разделялись не всеми членами Польревкома; против аграрной политики, проводившейся большинством ПВРК, решительно выступал Ф. Э. Дзержинский. В своей записке Р. Менжинскому для В. И. Ленина от 30 июля он писал: «...высказываюсь за включение предполагаемого требования в редакции передачи помещичьих земель батракам и малоземельным крестьянам» [2].

Вспоминая впоследствии о разногласиях в Польревкоме по этому вопросу и о позиции Дзержинского, Ф. Я. Кон писал: «Взят Белосток. Комитету предстояло здесь издать Манифест к населению. Обычно спокойный, Дзержинский сильно волновался при составлении этого документа на заседании комитета. Тут столкнулись две линии: Дзержинский настаивал на необходимости занять по отношению к крестьянству такую же позицию, какую проводили большевики после Октября в России, и звать крестьянство к организации на местах комитетов для передачи всей земли крестьянству. Большинство же членов комитета, ссылаясь на то, что в Польше существует довольно многочисленный сельский пролетариат, настояло на том, чтобы помещичьи имения передать на коммунальных началах сельским рабочим, работавшим в данном поместье, а крестьянам давать лишь небольшие участки (отрезки), чтобы не ослаблять будущей коммуны.

---

[1] Сб. «Lenin o Polsce i polskim ruchu robotniczym», Warszawa, 1954, str. 486. См. также «Феликс Эдмундович Дзержинский, в 1877—1926» (фотоальбом), М. 1951. (Фотокопия телеграммы В. И. Ленина Ф. Э. Дзержинскому. 1920 г.).

[2] Архив ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 1234, л. 1.

Дзержинский остался в меньшинстве, и некоторые члены комитета только впоследствии поняли, как глубоко он был прав. В этом вопросе Дзержинский был проводником ленинскої политики укрепления союза со средним крестьянством...» [1].

Повседневная будничная деятельность Польревкома в области сельского хозяйства проходила в соответствии с его аграрной политикой. Опубликованное 5 августа воззвание ПВРК к польским крестьянам провозглашало фольварки собственностью народа и отдавало их в управление батрацких комитетов, объявляло крестьянскую землю неприкосновенной, а леса — собственностью народа, аннулировало все долги крестьянства, обещало по мере возможности заменять созданные на местах революционные комитеты избранными гминными и поветовыми Советами. Воззвание заканчивалось словами: «Да здравствует Польша социалистическая, Польша действительно независимая, Польша рабоче-крестьянская!» [2].

Специальная инструкция о методах управления и использования земли, подготовленная Польревкомом, предусматривала, что земельные участки — государственные, правительственные, церковные, крестьянские — размером свыше 20 *га* вместе со всем живым и мертвым инвентарем, предприятиями и строениями становятся собственностью всего трудового народа. Земля мелких и средних владельцев (до 20 *га*) должна и впредь оставаться их собственностью. Фольварки переходят в руки батрацких комитетов.

Польский временный революционный комитет издал 15 августа приказ, согласно которому все владельцы фольварков должны были немедленно арестовываться и отправляться в ближайший поветовый или городской ревком вплоть до распоряжения и решения ПВРК. Семьи этих владельцев должны были быть изгнаны из имений и лишены права пользоваться плодами труда сельскохозяйственных рабочих. Одновременно надо было арестовать тех управляющих и экономов, которые издевались над народом. Лояльные к трудовому народу управляющие и экономы могли оставаться на своем посту [3].

---

[1] *Ф. Кон*, Феликс Эдмундович Дзержинский, Биографический очерк, М. 1939, стр. 76.

[2] «Tymczasowy Komitet Rewolucyjny Polski», str. 89.

[3] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 4, л. 86, 86 об., л. 36, 77; д. 3, л. 12.

Как явствует из докладной записки Мархлевского о деятельности Польревкома, этот приказ не везде был осуществлен [1]. К тому же большинство помещиков успело бежать.

Воззвание Белостокского окружного комитета Коммунистической рабочей партии Польши призывало сельскохозяйственных рабочих, арестовав помещиков и избрав батрацкий комитет, не грабить помещичьи усадьбы, а создавать в них школы, больницы, клубы, бережно относиться к садам, оказывать крестьянам помощь инвентарем.

Ведение хозяйства в бывших фольварках было нелегким делом. Поэтому и Коммунистическая рабочая партия Польши, и ПВРК, и его орган «Гонец червоны» не раз обращались к этой теме.

В статье заведующего сельскохозяйственным отделом Польревкома, опубликованной в газете, особенно подробно разбирался вопрос о системе управления фольварками во всей стране. В каждом округе и повете должны быть созданы управления народного имущества, состоящие из представителей сельскохозяйственных отделов того или иного ревкома и профессионального союза сельскохозяйственных рабочих. Во главе фольварков стоят управляющие, назначаемые революционной властью. Батрацкие комитеты должны осуществлять над управляющими контроль, следить, чтобы с их стороны не было злоупотреблений, чтобы они хорошо вели хозяйство, не эксплуатировали рабочих и точно выполняли приказы и распоряжения новой власти.

Заботясь о развитии всех отраслей сельского хозяйства, об охране принадлежащего крестьянству имущества и лесов от хищений и всякого рода злоупотреблений, Польский временный революционный комитет своим приказом призвал сельскохозяйственных рабочих и крестьян к сохранению помещичьих бухгалтерских книг, планов и всевозможных документов, касающихся ведения хозяйства [2]. На основе приказа Белостокского поветового ревкома все агрономы, геодезисты, лесники должны были в течение двух дней зарегистрироваться в сельскохозяй-

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 7, л. 28 об.
[2] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 4, л. 76.

ственном отделе ревкома [1]. Польревком предусматривал также ввести государственную монополию на закупку сельскохозяйственных продуктов.

Заботой о батраках был проникнут приказ сельскохозяйственного отдела Польревкома и уполномоченного по восстановлению и реорганизации Союза сельскохозяйственных рабочих, принятый 16 августа. Согласно этому приказу все батраки, изгнанные из фольварков их бывшими владельцами за защиту прав трудящихся, и прежде всего те, кто был удален из фольварков после крупной забастовки в октябре 1919 г., должны были быть немедленно восстановлены на прежней работе [2].

Большое внимание ПВРК уделил окончанию основных сельскохозяйственных работ. «Надо приложить героические усилия, чтобы урожай этого года был собран, а поля вспаханы и засеяны,— писал «Гонец червоны».— Города и местечки должны дать для работы на селе всех тех, кто ест и пьет, но ничего не делает... Затем следует заставить работать мелких торговцев. Однако, поскольку всех этих лентяев и полулентяев не хватит, надо на время оторвать от работы и трудящийся народ» [3].

Подобно сельскохозяйственному отделу, энергичную деятельность развил и отдел лесного хозяйства Польревкома во главе со Станиславом Бобиньским. В изданных им распоряжениях намечались конкретные мероприятия к тому, чтобы приступить к созданию уездных отделов лесного хозяйства, выяснить запасы топливных материалов в лесу и заняться ускоренной вывозкой их до ближайших дорог и погрузочных станций, усилить лесную охрану и решительно пресекать попытки раскрадывания леса. Своим приказом от 11 августа Польревком поручил отделу лесного хозяйства обследовать положение дел в Беловежской пуще — всемирно известном заповеднике [4].

Следует отметить, что ПВРК не сумел в полной мере обеспечить руководство экономикой освобожденных территорий. Этим объясняется заключение 9 августа временного договора между ПВРК и Чрезвычайным уполномо-

---

[1] «Goniec czerwony», 13.VIII. 1920.
[2] «Tymczasowy Komitet Rewolucyjny Polski», str. 137.
[3] «Goniec czerwony», 15. VIII. 1920.
[4] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 64, д 3, л. 11, л. 35, 35 об

ченным Западного фронта по снабжению (Чусозап) о хозяйственной политике на территории Польши. Согласно этому договору Чусозап был обязан по соглашению с Польревкомом назначить своего уполномоченного, «который от имени обеих договаривающихся сторон объединяет и регулирует все народное хозяйство на территории Польши». Этот договор, который, вполне понятно, должен был носить временный характер, особым пунктом предусматривал, что по мере укрепления местных органов народной власти руководство работой этих органов в области экономики будет переходить от Чусозапа к ПВРК [1].

В целях быстрейшего решения возникающих хозяйственных вопросов, связанных с отношениями между Польшей и Советским государством, Высший Совет Народного Хозяйства Советской республики 13 августа назначил своего полномочного представителя при Польревкоме [2]. Однако представитель не успел приступить к работе ввиду прекращения вскоре деятельности ПВРК.

В связи с освещением экономической стороны деятельности ПВРК может возникнуть вопрос об источниках финансирования экономической политики Польревкома. Как явствует из архивных документов, еще 25 июля 1920 г. Польское бюро ЦК РКП приняло решение: «Послать телеграмму Крестинскому (тогда секретарь ЦК РКП.— *П. К.*), чтобы он открыл через Западный фронт кредит в один миллиард рублей». Через день такая телеграмма была послана, и кредит в один миллиард рублей для Польревкома был открыт [3]. Для осуществления различного рода финансовых операций Польревкома было создано в Белостоке отделение Народного банка [4].

Стремясь урегулировать вопрос о денежном обращении в освобожденных районах Польши, где имели хождение и польские марки и советские рубли (причем на черной бирже польская марка котировалась в 5 руб.), ПВРК 15 августа опубликовал приказ о приравнивании одного рубля к одной марке [5].

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 7, л. 30, 35, 35 об.
[2] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 8, л. 16.
[3] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 82, л. 3; ф. 76, оп. 1, д. 1230, л. 1; ф. 68, оп. 1, д. 10, л. 3.
[4] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 30, л. 45.
[5] «Goniec czerwony», 15. VIII. 1920; Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 4, л. 32.

С целью охраны и поддержания революционного порядка, а также облегчения административного управления Польревком приступил к созданию рабоче-крестьянской милиции [1]. Руководство ею возлагалось на административный отдел ПВРК и окружные и поветовые ревкомы, в которых создавались специальные отделы.

12 августа формирование милиции в Белостоке было закончено.

После установления революционной власти грабежи и кражи, нередко имевшие место в городе, прекратились.

На органы общественной безопасности была также возложена задача предупреждения контрреволюционных актов, могущих последовать со стороны польских эксплуататорских классов. Ведь не напрасно же командование польской буржуазно-помещичьей армией, как видно из официального военного органа «Жонд и войско» от 8 августа, призывало к «партизанским выступлениям» против народной власти.

Однако «за все время своего пребывания,— писал председатель ПВРК,— мы не встречали признаков сопротивления и контрреволюции» [2]. Это можно объяснить страхом, который испытывали контрреволюционные элементы перед революционной властью.

Несмотря на то, что правящие круги польского буржуазно-помещичьего государства осуществляли жестокий террор, преследовали рабочих и крестьян, Польский временный революционный комитет в своем отношении к представителям господствующих классов исходил из высоких гуманных соображений. Никто в Белостоке не был расстрелян, количество арестованных было невелико, причем большинство из них вскоре было выпущено на свободу.

Между тем буржуазная печать была полна измышлений о «большевистских зверствах». Так, в номере от 13 августа варшавская газета «Наруд», фактически являвшаяся выразителем взглядов группы Пилсудского, сообщала, что в Белостоке расстреляно 16 человек и арестовано 9 тыс. человек [3]. Последняя цифра для города с населением 70—80 тыс. человек была просто фантастиче-

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 3, л. 18; д. 4, л. 38.
[2] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 7, л. 29.
[3] См. *И. Степанов*, С Красной Армией на панскую Польшу, стр. 43.

ской. Другая газета — «Двугрошувка» сообщала своим читателям о расстреле врачей Семашко и Глинского, хотя оба они преспокойно продолжали работать [1].

Гуманность Польревкома проявлялась и в стремлении коренным образом изменить существовавший порядок в местах заключения. При этом ПВРК исходил из того, что, пока сопротивление со стороны свергнутой буржуазии не перестанет угрожать новому социальному строю, пока новые условия жизни не ликвидируют причин преступности, до тех пор необходимо ограждать общество от социально опасных лиц. В то время как старые тюрьмы были школами преступления, ибо тюремное окружение с системой тяжелых, часто бессмысленных работ или вынужденного безделия делало из заключенного паразита, места заключения, по мнению новой власти, должны были стать своего рода школой производительного труда.

Значительная работа была проведена Польским временным революционным комитетом в области здравоохранения. Еще в первые дни своей деятельности ПВРК поручил Ю. Мархлевскому обстоятельно познакомиться в Белостоке с состоянием поликлиник и больниц. Картина оказалась мало утешительной: большой город обладал количеством лечебных учреждений, абсолютно недостаточным даже в мирное время.

Вследствие самоотверженной работы медицинского персонала и энергичных мер Польревкома положение намного улучшилось. Казармы и огромный дворец Браницких были превращены в госпитали, оборудованные частично за счет реквизированных у населения излишков кроватей, матрацев, нижнего белья и медикаментов; снабжение больниц продовольствием наладилось [2]. Следует особо отметить, что новая власть ввела в Белостоке бесплатную медицинскую помощь для населения [3].

Специального рассмотрения заслуживает деятельность ПВРК в области культуры. Прежде всего необходимо остановиться на мероприятиях в области школьного дела. По решению руководителя отдела народного образования Белостокского ревкома А. Форнальского все религиозные

---

[1] *Julian Marchlewski*, Pisma wybrane, t. II, str. 774—775.
[2] Там же, стр. 772—773.
[3] «Goniec czerwony», 11 и 13.VIII. 1920.

школы (церковные, костельные, евангелистские, хедеры и т. д.) были закрыты [1].

Чрезвычайно остро стоял вопрос с учительскими кадрами. «Большинство учителей бежало,— писал Мархлевский,— оставшиеся же оказались стоящими на удивительно низком научном уровне... Следует, однако, признать, что известная часть учителей и учительниц все-таки интересовалась созданной в России программой школы» [2].

Положение дел со школами осложнялось еще и тем обстоятельством, что перед образованием Польревкома отдел народного образования Белостокского ревкома временно попал в руки еврейских буржуазных националистов, которые создали в отделе «польскую секцию», пытаясь тем самым поставить поляков в положение национального меньшинства и выразить сомнение в том, что Белосток является неотъемлемой частью Польши. Вполне естественно, что такая позиция местного отдела народного образования встретила решительное противодействие со стороны ПВРК. Феликс Кон, руководивший в Польревкоме отделом народного образования, весьма энергично внушил еврейским националистам, что они ошибаются и что им не удастся использовать школу в их политических целях.

В статье «Пролетарская школа», опубликованной в газете «Гонец червоны», Ф. Кон набросал в общих чертах характеристику новой, пролетарской школы. «Новый тип школы,— говорится в статье,— это единая трудовая школа. Единая, ибо для всех одинаковая и для всех доступная, а также бесплатная и снабжающая детей книгами и наглядными учебными пособиями, одеждой и едой. В этой школе дети привыкают к труду с детства, с малых лет воспитываются в духе уважения к труду. В такой школе нет деления между учениками по национальному признаку и по вероисповеданию. Такая школа также не признает, что женщины являются низшими существами, недоразвитыми...» [3]

В связи с тем что в августе обычно были каникулы и что школьные помещения были заняты войсками, госпита-

---

[1] «Goniec czerwony», 10 и 14.VIII. 1920.
[2] *Julian Marchlewski*, Pisma wybrane, t. II, str. 773.
[3] «Goniec czerwony», 15. VIII. 1920; «Tymczasowy Komitet Rewolucyjny Polski», str. 139.

лями, различными учреждениями, в области народного образования велась только подготовительная работа.

Вопросы о детях, об их учебе и отдыхе не раз стояли на заседаниях и Польревкома, и Польбюро ЦК наряду с многими важнейшими вопросами. Как видно из протокола заседания Польбюро от 10 августа, в тот день было принято решение устроить в Белостоке праздник для детей [1].

Народная власть заботилась об образовании и культурном развитии не только детей, но и взрослого населения. Так, 14 августа «Гонец червоны» поместил объявление, в котором говорилось, что внешкольный подотдел отдела народного образования вскоре откроет вечерние курсы для неграмотных. Объявление, напечатанное в другом номере газеты, доводило до сведения населения, что секция искусства при отделе народного образования приступает к организации смешанного (мужского и женского) хора [2].

Желая приобщить широкие трудящиеся массы к участию в газете, редакция «Гонца червоного» выступила с инициативой создания по примеру Москвы и Петрограда на фабриках и заводах так называемых рабочих литературных коллегий. Их члены должны были собираться по меньшей мере раз в неделю, сообща обрабатывать для газеты статьи и заметки, учиться точно и ясно выражать свои мысли. Представители отдельных литературных коллегий, утвержденные партийными организациями, образовали бы центральную рабочую литературную коллегию при Белостокском комитете КРПП [3].

Для трудящихся Белостока Польревком устраивал лекции и концерты. 14 августа был проведен, в частности, большой концерт-митинг «О пролетарской культуре», на котором выступали Тадеуш Радваньский, И. Скворцов-Степанов и др. Для деятелей народного просвещения Феликсом Коном было прочитано несколько лекций на тему «Школа раньше и сейчас» [4].

Кроме школ, органы революционной власти поставили под свой контроль и все другие культурно-просветительные учреждения. С этой целью были национализированы как

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 82, л. 10.
[2] «Goniec czerwony», 8 и 14. VIII. 1920.
[3] «Goniec czerwony», 15. VIII. 1920.
[4] «Goniec czerwony», 14 и 15. VIII. 1920.

общественные, так и частные театры, кино, издательства, библиотеки и т. д.[1]

О стремлении Польского временного революционного комитета сохранить и развить культуру польского народа свидетельствует также его забота об охране памятников культуры, искусства и науки, которыми так богата польская земля. Специальная комиссия, созданная по решению ПВРК, подготовила и издала от его имени приказ, согласно которому все библиотеки, музеи, картинные галереи, музыкальные инструменты, мебель, костюмы, находящиеся во дворцах и фольварках, должны были быть сохранены. Ответственность за сохранность Польревком возлагал на весь сознательный трудящийся народ и в первую очередь на фольварочные батрацкие комитеты. «...Огромной ценности сокровища культуры, науки и искусства... будут собраны в народных музеях и использованы для просвещения всего трудящегося народа»[2],— говорилось в этом приказе.

Одним из приемов, наиболее часто употреблявшихся польской реакцией в ходе антикоммунистической пропаганды, были обвинения революционной власти в уничтожении костелов, в преследовании за веру. Однако деятельность Польревкома сразу же разоблачила эту гнусную провокационную ложь.

Обсудив вопрос об отношении к религии, ПВРК 11 августа принял следующее решение: «Выпустить декларацию о нашем отношении к религии, как к личному делу совести, а также издать приказ, запрещающий духовенству вмешательство в политику»[3].

Через день такие документы были приняты. Декларация о свободе совести провозглашала, что каждый гражданин имеет право верить согласно своей совести и что всякое принуждение к изменению веры вопреки совести верующего является преступлением[4].

В принятом приказе Польревком заявлял, что он не вмешивается в дела церкви и не будет препятствовать духовенству всех вероисповеданий в исполнении обрядов и молитв, требовал от духовенства прекращения всякой дея-

---

[1] «Goniec czerwony», 10. VIII. 1920.
[2] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 4, л. 2; д. 3, л. 12.
[3] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 3, л. 11 об.
[4] «Tymczasowy Komitet Rewolucyjny Polski», str. 99.

тельности, направленной против новой власти, а также всякой агитации в пользу врагов трудящегося народа [1].

Это были важнейшие документы, призванные урегулировать отношения государства с церковью, которая имела в Польше весьма крепкие позиции. Вместе с тем указанные документы не оставляли камня на камне от излюбленной лжи реакционеров всех мастей. «Свобода совести, а следовательно, и вероисповедания является принципиальной основой коммунизма» [2],— писал Кон в газете «Гонец червоны».

Заканчивая характеристику деятельности Польского временного революционного комитета в области народного хозяйства и культуры, нельзя не отметить одну его весьма существенную особенность. С первых же дней работы члены Польревкома подчеркивали, что комитет носит, как видно из официального наименования, временный характер, так как он формально не избирался польскими трудящимися. В связи с этим было решено, что по вступлении в польскую столицу комитет передаст всю полноту власти в руки Коммунистической рабочей партии Польши. Что же касается постоянного революционного правительства, то его должен был создать лишь общепольский съезд рабочих и крестьянских депутатов [3].

Эту же мысль высказывал на страницах выходившей в Киеве газеты «Глос комунисты» выдающийся деятель польского революционного и рабочего движения Юлиан Лещиньский (Ленский), находившийся, как указывалось выше, в тесной связи с ПВРК. «Этот Польревком будет подвигаться вперед победоносным путем Красной Армии, создавая по дороге власть и красные отряды из местного населения. Следовательно, он является Временным правительством для территорий, занятых Красной Армией. Образовать постоянное правительство должен сам пролетариат Польши» [4].

Отдельные члены ПВРК считали, что временный характер Польревкома делает ненужным принятие им декретов, которые предрешали бы какие-либо элементы государственного устройства и экономического управления, выходящие за рамки общих революционных принципов.

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 4, л. 14.
[2] «Goniec czerwony», 14. VIII. 1920.
[3] *Julian Marchlewski*, Pisma wybrane, t. II, str. 765.
[4] «Glos komunisty», 14. VIII. 1920.

«Поэтому, например, в земельном вопросе,— писал Мархлевский, пытаясь оправдать политику ПВРК,— мы ограничились приказом об устранении помещиков из имений и аресте их, инструкциями об устройстве фольварочных комитетов и ведении хозяйства, но воздержались от декретов о земле, ибо вопрос о национализации земли ввиду крайней его сложности должен быть решен в согласии с Коммунистической рабочей партией Польши» [1].

Особое место в деятельности Польского временного революционного комитета занимала работа по созданию Польской Красной Армии. Еще до образования Польревкома, 21 июля, Польское бюро ЦК РКП(б) обсуждало вопрос об организации вооруженных отрядов. Такие отряды для внутренней службы должны были создаваться Польревкомом по мере освобождения советскими войсками польских земель [2].

Затем, после образования ПВРК, вопрос о Польской Красной Армии стал одним из наиболее важных и неотложных. «Важнейшей задачей считаем организацию Польской Красной Армии...» [3],— телеграфировал 6 августа Ф. Дзержинский в Москву В. И. Ленину.

Проект тезисов о польских красных войсках объяснял необходимость их организации следующими причинами: образование Польревкома, продвижение Красной Армии в глубь Польши, необходимость обеспечения тыла продвигающихся войск, нежелательность создания повода для польской буржуазной дипломатии и агитации о якобы совершившемся покушении на независимость Польши и оккупации ее русскими войсками [4].

На второй день после отправки вышеупомянутой телеграммы В. И. Ленину Дзержинский просил члена Польревкома Юзефа Уншлихта, находившегося в штабе Западного фронта в качестве члена Реввоенсовета фронта, заняться формированием Польской Красной Армии ввиду того, что это дело до сих пор не подвинулось вперед [5]. Уншлихт со свойственной ему энергией принялся решать

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 7, л. 26.
[2] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 82, л. 1.
[3] Архив ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 1261, л. 1.
[4] Центральный государственный архив Красной Армии (ЦГАКА), ф. 18, оп. 3, д. 23, л. 98.
[5] Архив ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 1267, л. 1.

ряд важных вопросов, связанных с созданием польских революционных вооруженных сил.

9 августа Польбюро, исходя из того, что армия должна создаваться на добровольных началах, поручило Мархлевскому написать воззвание к польским трудящимся о добровольном вступлении в армию [1]. А еще через несколько дней — 14 августа в газете «Гонец червоны» появилось первое объявление о записи добровольцев в Польскую Красную Армию [2].

В том же номере газеты ее редактор Тадеуш Радваньский писал: «...Пусть же многочисленные наиболее способные рабочие города и деревни становятся под Красное знамя. Мы должны сразу создать нашу Польскую Красную Армию такой совершенной, чтобы она могла стать плечом к плечу с той Красной Армией, которая из братской Советской России принесла нам освобождение» [3].

Решение Польревкома о начале формирования в Белостоке пехотного стрелкового полка красных польских войск было принято еще 11 августа [4]. Приказ по Западному фронту, подписанный Тухачевским и Уншлихтом, о формировании 1-й Польской Красной Армии был датирован 15 августа.

В состав армии должны были входить полевое управление, запасной стрелковый полк, кавалерийский полк и легкий артиллерийский дивизион. Командующим вновь создаваемой армией назначался Лонгва — польский коммунист, работавший еще в 1917—1918 гг. в военном отделе Польского комиссариата при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР [5].

В тот же день, 15 августа, Дзержинский сообщал В. И. Ленину: «Приступлено к организации польского совполка Белостока на принципе добровольчества» [6].

В Польскую Красную Армию принимались все сознательные польские рабочие и крестьяне, добровольно изъявившие желание с оружием в руках защищать народную власть. При этом следует отметить, что передовые польские рабочие не раз заявляли о своей решимости

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1, д. 82, л. 9.
[2] «Goniec czerwony», 14. VIII. 1920.
[3] Там же.
[4] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 4, л. 10.
[5] ЦГАКА, ф. 18, оп. 3, д. 62, л. 36,36 об.
[6] Архив ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 1324, л. 1.

грудью постоять за дело революции. Так, Белостокская конференция профессиональных союзов в принятой резолюции заявляла, что «польский пролетариат, сплоченный в единую прочную массу вокруг Польревкома, станет с оружием в руках на защиту дорогих нам революционных завоеваний» [1].

В состав 1-й Польской Красной Армии предполагалось перевести лиц польского происхождения, находившихся на службе в штабах, управлениях, учреждениях, заведениях и частях Западного фронта Красной Армии [2].

Значительным источником пополнения Польской Красной Армии должны были стать польские военнопленные, бывшие солдаты армии буржуазно-помещичьей Польши. Как известно, польские рабочие и крестьяне, одетые в солдатскую форму, не хотели сражаться за осуществление захватнических планов капиталистов и помещиков и предпочитали либо сдаваться в плен советским войскам, либо дезертировать. Даже по свидетельству известного английского дипломата Д'Абернона, который вместе с генералом Вейганом возглавлял англо-французскую военно-политическую миссию в Варшаве, количество дезертиров составляло в те дни 100 тыс. человек.

Попав в плен, многие польские солдаты выражали готовность сражаться в рядах Польской Красной Армии против польских помещиков и капиталистов. Понимая настроения военнопленных, Польревком 11 августа решил проводить среди них агитацию о вступлении в ряды польских революционных частей [3].

Бойцы и командиры Польской Красной Армии, вступая в ее ряды, принимали присягу. Один из ее пунктов гласил: «Я обязуюсь по первому зову Рабоче-Крестьянского правительства защищать Республику Советов Польши от всех опасностей и посягательств со стороны всех ее врагов, бороться во имя Республики Советов за дело социализма и братства народов, не щадя своих сил и жизни» [4].

В частях 1-й Польской Красной Армии создавались организации Коммунистической рабочей партии Польши. Как сообщал «Гонец червоны» в своем последнем номере, 18 августа состоялось первое организационное собрание

---

[1] «Goniec czerwony», 13.VIII. 1920.
[2] ЦГАКА, ф. 18, оп. 3, д. 62, л. 36 и 36 об.
[3] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 3, л. 11.
[4] Архив ИМЛ, ф, 68, оп. 1, д. 5, л. 14.

членов КРПП во 2-м Белостокском полку. Было избрано бюро ячейки.

Формирование польских революционных вооруженных сил проходило с большими трудностями. Главная из них заключалась в остром недостатке командного и административно-хозяйственного аппарата, что объяснялось невозможностью использовать на командных должностях военноплённых офицеров, являвшихся в большинстве случаев представителями господствующих классов.

Вот почему Уншлихт вынужден был 17 августа направить В. И. Ленину телеграмму, в которой выразил беспокойство по поводу нехватки командного состава. Он предлагал отозвать независимо от занимаемой должности и рода войск всех коммунистов-поляков из частей советских войск и немедленно откомандировать и направить их через штаб Западного фронта в распоряжение штаба 1-й Польской Красной Армии [1].

Удовлетворяя просьбу Польревкома, главнокомандующий С. С. Каменев и член Реввоенсовета республики Курский разослали командующим ряда фронтов телеграмму, в которой говорилось: «Приказываю всех коммунистов-поляков, однако без разрушения наших частей, откомандировать наштаарма 1-й польской красной, направив их в штазап: 1) из частей, штабов, учреждений и заведений Красной Армии, 2) из войск территориальных и местного назначения, 3) из уездных, губернских и окружных военкоматов, 4) всех поляков, окончивших курсы красных командиров. Откомандирование начать немедленно по получении этого распоряжения, донося через каждые 7 дней, сколько человек и каких категорий фактически отправлено в штазап» [2].

Эта телеграмма была отправлена 23 августа, а за два дня до этого Польревком был вынужден ввиду наступления белополяков оставить Белосток. В связи с потерей главного источника пополнения — польских рабочих и крестьян, проживавших в освобожденных районах Польши,— формирование 1-й Польской Красной Армии было приостановлено [3].

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 15, л. 15, 15 об. и 16.
[2] ЦГАКА, ф. 200, оп. 2, д. 147, л. 37.
[3] ЦГАКА, ф. 18, оп. 3, д. 23, л. 77.

Освещение дальнейшей истории революционных польских формирований, начало создания которых было положено Польревкомом, не входит в задачи данной статьи. Скажем только, что 1-я Польская Красная Армия в октябре 1920 г. была переименована в польские красные части, а еще через полтора месяца — в части красных коммунаров. Последние в июле 1921 г. в интересах стройности организации всей Красной Армии были преобразованы в стрелковую бригаду красных коммунаров [1].

К вопросу об организации Польским временным революционным комитетом воинских формирований непосредственно примыкает и вопрос о его работе по разложению войск неприятеля. Едва объявив о своем создании, ПВРК выпустил специальное воззвание, в котором призывал солдат буржуазно-помещичьей армии соединяться вместе с наступающими частями Красной Армии и вместе идти вперед освобождать Варшаву [2].

Для более успешного распропагандирования буржуазно-помещичьих войск В. И. Ленин, с неослабевающим вниманием следивший за мероприятиями Польревкома, сообщил его членам совет И. В. Сталина издать приказ польским войскам о немедленном образовании в частях буржуазно-помещичьей армии Советов солдатских депутатов, которые должны были взять власть в армии [3]. Такой приказ был издан 11 августа [4].

Наш рассказ о Польском временном революционном комитете был бы неполным, если бы мы не рассмотрели — хотя бы в самых общих чертах, насколько это позволяют скупые материалы, сохранившиеся в советских архивах,— деятельность широкой сети местных временных военно-революционных комитетов, созданных на освобожденных польских землях.

Как видно из самого названия указанных выше комитетов, они были временными органами народной власти. Что же касается постоянных органов, какими должны были стать Советы, то к их избранию можно было приступить только после проведения определенной подготовительной

---

[1] ЦГАКА, ф. 18, оп. 3, д. 62, л. 13 об. и 14; оп. 1, д. 18, л. 21 и 21 об.; оп. 4, д. 12, л. 1; оп. 3, д. 89, л. 32—33.

[2] «Tymczasowy Komitet Rewolucyjny Polski», str. 85—87.

[3] Архив ИМЛ, ф. 76, оп. 1, д. 1284, л. 1.

[4] «Tymczasowy Komitet Rewolucyjny Polski», str. 97; «Известия», 18 августа 1920 г.

работы, прежде всего создания местных организаций Коммунистической рабочей партии Польши, профессиональных союзов, фабричных и заводских комитетов и т. д.

Такая подготовительная работа проводилась, и Польбюро дважды на своих заседаниях — 6 и 10 августа — слушало вопрос о подготовке к выборам в Белостокский Совет рабочих депутатов и принимало соответствующие решения [1]. На страницах газеты «Гонец червоны» печатались статьи о предстоящих выборах в местные Советы. В частности, Феликс Кон в статье «Кого надо выбирать» разъяснял, что посылать в Советы нужно в первую очередь коммунистов [2]. Но из-за отхода войск выборы Советов не состоялись.

В задачи местных ревкомов, подчеркивалось в приказе Польского временного революционного комитета от 16 августа, входило окончательное свержение господства шляхты и буржуазии, а также создание управления административными и экономическими делами страны, управления, которое отвечало бы потребностям и интересам трудящихся масс [3].

Приказ от 16 августа точно определял круг вопросов, которые входили в компетенцию окружных, городских, поветовых, железнодорожных и гминных ревкомов. Поддержание революционного порядка и создание с этой целью народной милиции, борьба с контрреволюцией, бандитизмом и спекуляцией, содействие восстановлению местных ячеек КРПП, демократических профсоюзов и других прогрессивных организаций, взятие на учет фольварков, брошенных бывшими владельцами, лошадей и повозок, оказание всяческой помощи Красной Армии — всеми этими и многими другими делами занимались местные органы народной власти.

Указанный выше приказ, оставляя без изменения административное деление страны, заменял, однако, название «воеводство», как якобы отвечавшее духу шляхетской диктатуры, словом «округ».

Когда большинство ревкомов уже действовало, ПВРК решил, что в окружных и поветовых ревкомах должны быть созданы организационно-административные отделы [4].

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 63, оп. 1. д, 82. л. 7 и 10.
[2] «Goniec czerwony», 13. VIII. 1920.
[3] «Tymczasowy Komitet Rewolucyjny Polski», str. 101.
[4] Архив ИМЛ, ф. 68. оп. 1. д. 4, л. 39 и 39 об.

Примерно в то же время отдел юстиции и общественной безопасности Польского временного революционного комитета объявил приказ о создании революционных трибуналов при местных ревкомах [1].

По согласию Польревкома руководство местными органами новой власти в прифронтовой зоне временно возлагалось на соответствующие отделы командования советских войск.

Однако из этого вовсе не вытекает, что ПВРК ограничивался лишь выработкой общих директив программного порядка и устранился от руководства повседневной деятельностью местных ревкомов. Сохранились документы, свидетельствующие о том, что ПВРК осуществлял оперативное руководство ревкомами. В частности, имеется распоряжение Польского временного революционного комитета, гласящее: «Все организованные и функционирующие ревкомы обязаны немедленно приступить к исправлению мостов и путей сообщения, разрушенных белополяками при отступлении. Для быстрейшего выполнения необходимо привлечь местное население» [2].

Как же проходило налаживание жизни в отдельных местностях? Какую роль играли при этом местные ревкомы?

Рассмотрим именно под этим углом зрения положение в Белостоке. Выше уже говорилось, что Белосток был освобожден 28 июля, а ПВРК возник в нем только 30 июля, т. е. тогда, когда в городе уже существовал местный военно-революционный комитет [3].

Довольно активную роль в создании и работе Белостокского военревкома играла местная организация Коммунистической рабочей партии Польши, насчитывавшая в своем составе 80 членов [4]. В протоколе заседания ее поветового комитета, которое состоялось сразу же после освобождения города, есть решение, объявляющее всех членов партии мобилизованными.

В этом протоколе есть и другое решение, требующее назначения на ответственные посты в ревкоме только коммунистов [5]. В этом, между прочим, сказывалось своего рода сектантство Белостокской коммунистической ячейки, кото-

---

[1] «Goniec czerwony», 17. VIII. 1920.
[2] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 4, л. 89.
[3] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 7, л. 27.
[4] *Julian Marchlewski*, Pisma wybrane, т. II, str. 768.
[5] ЦГАКА, ф. 200, оп. 2, д. 147, л. 22.

рое зародилось в годы подполья и с которым, по словам Мархлевского, не раз приходилось сталкиваться и бороться [1].

Когда фронт отодвинулся и Белосток с соседними повет тами перестал быть местом непосредственной вооруженной борьбы, Польревком преобразовал Белостокский военно-революционный комитет в ревком. 12 августа повет товый ревком был превращен в окружной.

В решении ПВРК по этому вопросу было специально указано, что вновь образованный Белостокский окружной ревком подчиняется только Польревкому [2]. В состав Белостокского округа вошли поветы Белостокский, Бельский, Сокульский, Мазовецкий и др. [3] Вплоть до проведения выборов на окружной ревком возлагалось несение функций и поветового ревкома.

Местный ревком провел значительную работу на селе во время уборочной кампании. В частности, представители ревкома входили в состав чрезвычайной комиссии по уборке урожая, созданной при 15-й армии. На заседании этой комиссии 17 августа отмечалось, что хлеб почти везде был убран, а в некоторых фольварках даже обмолочен. Полным ходом шла вспашка под озимые культуры [4].

В то же время необходимо отметить, что имелись и трения между ПВРК и Белостокским ревкомом, особенно на первых порах,— на это указывает Мархлевский в одном из документов [5]. Со временем эти трения были устранены.

Весьма активно действовал и Высоко-Мазовецкий ревком, созданный непосредственно самими рабочими. Председатель этого ревкома коммунист Францишек Перковский так описывает его рождение: «В то время наша ячейка насчитывала 24 коммуниста, преданных делу революции... Красная Армия с боем вступила в 9 часов вечера, а утром я созвал общее собрание рабочих (дело происходило на соседнем железнодорожном узле Лапы.— *П. К.*), разъяснив им текущее положение, и мы избрали техническую комиссию для восстановления порядка в мастерских и телеграфно-телефонного сообщения с Белостоком. Затем приступили к перешивке колеи для скорейшего продвижения

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 7, л. 28.
[2] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 3, л. 12 и 15.
[3] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 4, л. 60.
[4] ЦГАКА, ф. 200, оп. 2, д. 147, л. 1.
[5] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 7, л. 27.

поездов. Я организовал... поветовый ревком, которому принадлежала местная власть. Во главе всех этих органов стояли наши лучшие товарищи. Когда приехал начальник отдела ревкомов... у нас уже все было организовано» [1].

Кроме Перковского, в состав Высоко-Мазовецкого ревкома входил выдающийся деятель польского коммунистического движения, впоследствии генеральный секретарь Польской рабочей партии Марцели Новотко. На первом же заседании 6 августа он был назначен заведующим отделом социального обеспечения и труда этого ревкома [2].

Сохранившиеся протоколы Высоко-Мазовецкого поветового военно-революционного комитета дают возможность воспроизвести некоторые моменты деятельности Новотко в тот период. Этому способствует и его статья, помещенная в 1940 г. в польской газете «Штандар вольносьци», выходившей в Минске в 1940—1941 гг.

В первый же день работы ревкома было решено командировать Новотко в Белосток «для установления связи с центром и получения всех руководящих распоряжений и инструкций», а также для того, чтобы «ознакомиться в Польском временном революционном комитете... по какому образцу и на каком языке необходимо изготовить штемпели и печати для уездного и волостных ревкомов» [3].

Как видно из последующих протоколов, 10 августа Новотко отсутствовал и появился в Мазовецке только 11 августа. Рассказывая о своем знакомстве с членами Польревкома, он писал впоследствии: «Когда я вошел, сначала меня принял седой тов. Феликс Кон и сразу же поручил написать корреспонденцию в коммунистическую газету, которая тогда выходила в Белостоке, о настроениях и положении в Лапах, что я и сделал» [4].

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 732, л. 64.

[2] ЦГАКА, ф. 200, оп. 2, д. 135, л. 4. В некоторых польских книгах утверждается, что Новотко был секретарем этого ревкома (см., напр., «Tymczasowy Komitet Rewolucyjny Polski», str. 143, и *Józef Kowalczuk*, Marceli Nowotko — bojownik o wolność narodu, Warszawa 1952, стр. 16). Об этом же говорил и сам Новотко в своей автобиографии и в статье, опубликованной 19 ноября 1940 г. в газете «Sztandar wolności». Однако автору настоящей статьи не удалось найти архивных документов, подтверждающих это утверждение.

[3] ЦГАКА, ф. 200, оп. 2, д. 135, л. 6.

[4] *Marceli Nowotko*, Rewolucyjny Komitet (Rewkom) w Łapach w 1920 r., «Sztandar wolności», 19. XI. 1940. Указанная корреспонденция, подписанная инициалами M. N., была напечатана в газете «Goniec czerwony» 10. VIII. 1920.

Затем Новотко имел обстоятельную беседу с Ю. Мархлевским, который, узнав, что Новотко — сын батрака, очень заинтересовался положением польского крестьянства, настроениями на селе. Председатель ПВРК говорил о необходимости превращения крупных фольварков в государственные хозяйства и предоставлении крестьянам строительного материала из государственных лесов и свободного выпаса на бывших помещичьих лугах, поручил Новотко заняться организацией школ и особо подчеркнул, что не надо задевать религиозные чувства верующих.

В заключение Новотко был принят Ф. Дзержинским, который под конец сказал своему собеседнику: «Послушайте, товарищ, у меня к Вам есть еще одна просьба. Там, в ваших окрестностях, была убита миссия Советского Красного Креста во главе с тов. Весоловским. Постарайтесь разыскать могилы убитых. Надо бы там поставить памятник и по этому поводу провести митинг» [1].

Возвратившись домой, Новотко доложил товарищам по работе о поездке, и они вместе энергично принялись за работу. Выполняя просьбу Ф. Дзержинского, они поставили на заседаний 11 августа специальный вопрос «о замученной польской шляхтой делегации Советского Красного [Креста]...» и решили собрать все необходимые сведения о месте погребения ее членов [2]. Но этого им сделать не удалось.

Высоко-Мазовецкий ревком решительно вторгался во все области жизни города и деревень, входивших в повет. Стремясь улучшить положение с продовольствием, ревком приказал всем торговцам открыть магазины, столовые и чайные. В первые дни после освобождения в городе была налажена работа кухни для беднейшего населения и детей, велась большая работа по уборке хлеба в окрестных фольварках [3].

Все имущество вражеских элементов, эвакуировавшихся с белопольской армией, было конфисковано и передано в распоряжение отдела коммунального хозяйства ревкома. Для скорейшего пуска электростанции и железнодорожных мастерских ревком реквизировал бездействовавшую на мельнице динамомашину и передал ее на станцию Лапы.

---

[1] *Marceli Nowotko*, Rewolucyjny Komitet (Rewkom) w Łapach w 1920 r., «Sztandar wolności», 19. XI. 1940.

[2] ЦГАКА, ф. 200, оп. 2, д. 135, л. 12.

[3] «Goniec czerwony», 10. VIII. 1920.

С целью улучшения санитарного состояния города было решено открыть в городе баню и строго наказывать тех из жителей, кто нарушал чистоту городских улиц и площадей [1]. В области культурного строительства ревком приступил к организации библиотеки с клубом и читальней, подготовил к открытию детский сад, для чего был подобран педагогический персонал.

Успешно работал и Бельский поветовый ревком, Гродненской губернии, членом которого являлся Юзеф Леварговский [2], в дальнейшем член ЦК Коммунистической партии Польши и видный деятель Польской рабочей партии. Продовольственный отдел ревкома, созданного 29 июля, занимался организацией уборки урожая в фольварках, для чего провел мобилизацию некоторой части крестьян. В связи с тем, что на селе осталось мало лошадей, заготовка продовольствия и фуража подвигалась медленно: по состоянию на 16 августа было заготовлено около 30 пудов ржи, 3 тыс. пудов сена и несколько голов крупного рогатого скота. Земельный отдел взял на учет имеющиеся в повете фольварки, наладил в них работу батрацких комитетов, назначил временных управляющих. Отдел коммунального хозяйства муниципализировал государственные помещения и дома бежавших контрреволюционеров. В повете работали предприятия кожевенной промышленности, национализированные народной властью, полным ходом шел ремонт неисправных мостов.

Бельскому поветовому ревкому подчинялось 18 гминных ревкомов. Один из них — Бельский — открыл больницу и поликлинику, столовую для бедняков и приют, организовал сапожную и портняжную артели [3]. Бельский поветовый ревком приступил к созданию отдельной воинской части — красной роты [4].

К числу поветовых ревкомов, действовавших наиболее продолжительное время, принадлежал и Граевский ревком, созданный 2 августа. В его составе были коммунисты, левые пепеэсовцы и людовцы. Учитывая, что в городе насчитывалось около 750 человек больных (все население Граево составляло 6 тыс. человек), ревком уделил большое внимание вопросам санитарии и медицинского обслу-

---

[1] ЦГАКА, ф. 200, оп. 1, д. 135, л. 14, 17, 26.
[2] «Tymczasowy Komitet Rewolucyjny Polski», str. 143.
[3] ЦГАКА, ф. 177, оп. 1, д. 35, л. 5, 5 об., 6, 7, 7 об. и 15.
[4] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 15, л. 11.

живания. В городе была открыта бесплатная баня, привезено из соседней Германии (Восточной Пруссии) значительное количество медикаментов. Мелкая торговля в Граево не прекращалась, торфоразработки находились под контролем ревкома и рабочих.

Народная власть в Граево разрабатывала планы на ближайшее будущее. Решено было пустить завод резиновых изделий, расширить торфоразработки, отремонтировать лесопильный и кирпичный заводы, замостить и обсадить деревьями некоторые улицы.

В городе и повете было неплохо поставлено продовольственное снабжение. Каждый житель, не считая крестьян, получал ежедневно по полфунта хлеба, а после подсчета запасов муки — даже по фунту [1].

Наряду с ревкомами, работавшими в течение двух-трех недель, были и такие, весь срок деятельности которых в связи с ходом военных действий измерялся несколькими днями. Так, всего четыре дня (с 14 по 17 августа) работал Седлецкий окружной ревком. Неделю существовал поветовый военно-революционный комитет в Бялой Подляске [2], три дня — Пултусский ревком [3].

Всего четыре дня существовал Луковский ревком. Однако, несмотря на это короткое время, ему удалось развить бурную деятельность, что в значительной мере можно объяснить наличием в городе сильной коммунистической ячейки. Еще задолго до вступления советских войск конспиративное заседание членов этой ячейки приняло следующее решение: «Члены нашей партии должны заняться поддержанием порядка в городе до создания ревкома» [4].

Когда 13 августа Красная Армия вступила в Луков, жители встретили ее восторженно. Как писал впоследствии председатель местного ревкома, не было возможности както унять этот энтузиазм и радость, у многих жителей от радости и избытка чувств были слезы на глазах, некоторые бросались друг к другу в объятия [5].

Налаживая в городе нормальную жизнь, военно-революционный комитет устроил две кухни, из которых ежедневно получали питание 500 детей из беднейших слоев

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 41, л. 22—25.
[2] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 48, л. 1 и 1 об.; д. 45, л. 1 и 6 об.
[3] ЦГАКА, ф. 200, оп. 2, д. 117, л. 45; д. 171, л. 1 и 1 об.
[4] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 44, л. 29.
[5] Там же, л. 30.

населения. В ответ на призыв ревкома крестьяне сдали для раненых красноармейцев двух быков, несколько свиней, значительное количество молока, яиц и других продуктов. Почти все безработные получили работу: они были направлены для уборки урожая в фольварках и на заготовки топлива.

В Лукове, как и в некоторых других местностях, члены ППС перешли на сторону народной власти. «Некоторые из членов (ППС.— *П. К.*) не подчинились Центральному Исполнительному Комитету ППС, который приказал, чтобы при вступлении Красной Армии каждый член ППС пытался препятствовать созданию революционной власти,— писал председатель Луковского ревкома,— они охотно обратились к нам, подчиняясь полностью коммунистическим лозунгам» [1].

Таким образом, временные военно-революционные комитеты проделали на местах большую работу, причем во всей своей деятельности они опирались на широчайшие слои трудящихся масс.

Попутно заметим, что если Польревком был верховной законодательной и исполнительной властью на освобожденных землях Польши, то Польское бюро ЦК РКП(б) играло роль высшей партийной инстанции. Связь между Польским бюро ЦК и отделенным от него линией фронта ЦК КРПП не была установлена. Находившееся в Белостоке Польбюро решало на своих заседаниях целый ряд вопросов, связанных, в частности, с деятельностью местных организаций Коммунистической рабочей партии Польши.

* *
*

Стремительное наступление Красной Армии к польской столице и связанное с ним возникновение Польского временного революционного комитета вызвали, с одной стороны, могучую волну революционного подъема трудящихся масс европейских стран, а с другой — бешеный приступ антисоветской, антидемократической ненависти среди реакционных кругов. «...Наше продвижение к Варшаве,— указывал В. И. Ленин,— оказало столь могучее воздействие на Западную Европу и всю мировую ситуацию, что

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 68, оп. 1, д. 44, л. 35.

совершенно нарушило соотношение борющихся внутренних и внешних политических сил» [1].

Несмотря на все допущенные ошибки, несмотря на свое кратковременное существование, Польский временный революционный комитет оставил неизгладимый след в истории страны. Польревком был по существу первым в Польше зародышем правительства трудового народа, правительства, власть которого распространялась почти на четвертую часть тогдашних собственно польских земель.

То почетное дело, начало которому положил Польревком, успешно продолжено и развито в Польской Народной Республике, которая твердо и уверенно идет по пути строительства социалистического общества.

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 31, стр. 250.

Г. СУХОМЛИНОВА

К ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ГОСУДАРСТВА В 1918 г.

Чехословацкое государство было создано в 1918 г. в результате революции, совершенной чешскими и словацкими трудящимися в обстановке первой мировой войны и под решающим влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Созданию Чехословацкого государства предшествовала многовековая национально-освободительная борьба чешского и словацкого народов.

Насильственно оторванные друг от друга, порабощенные различными захватчиками, чешский и словацкий народы сохранили тесные связи, опиравшиеся на общность их происхождения, языковую и культурную близость, общность политических интересов; идея самостоятельного Чехословацкого государства двух братских народов глубоко укоренилась в народном сознании чешских и словацких народных масс.

Империалистическая война, развязанная правящими кругами австро-венгерской монархии в союзе с Германией против Сербии, России и других стран, была крайне непопулярна в чешских и словацких народных массах. Веками чешский и словацкий народы были связаны узами дружбы с русским народом. Война принесла трудящимся массам чешских земель (Чехии, Моравии, Силезии) и Словакии дополнительные бедствия и страдания, дальнейшее усиление эксплуатации и политического бесправия.

По мере затягивания империалистической войны и нарастания революционных настроений масс рабочий класс Чехии и Словакии все активнее выступал против австро-венгерского гнета.

В 1917 г. под влиянием Февральской буржуазно-демократической революции в России в чешских землях и Словакии начались массовые политические выступления трудящихся во главе с рабочим классом; участники этих выступлений добивались мира, хлеба, национального освобождения. На демонстрациях в мае 1917 г. рабочие Праги выступили с лозунгом создания самостоятельного Чехословацкого государства [1].

Героическая революционная борьба рабочих Витковиц, Праги, Пльзеня, Северо-Западной Чехии, Брно, а также всей остальной Моравии и Силезско-Остравской промышленной области в 1917 г., хотя и закончившаяся временной неудачей, явилась заметным революционным событием, что отметил В. И. Ленин, когда в одном из своих писем к партии осенью 1917 г. он давал характеристику международного положения как наиболее благоприятного для свершения в России социалистической революции.

«Взгляните на международное положение,— писал В. И. Ленин в «Письме к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области» (8 октября 1917 г.).— Нарастание всемирной революции неоспоримо. Взрыв возмущения чешских рабочих подавлен с невероятным зверством, указывающим на крайнюю запуганность правительства» [2].

---

[1] Чешская монополистическая буржуазия и аграрии и словацкая финансовая, промышленная и аграрная буржуазия в годы войны поддерживали австро-венгерских империалистов. Созданные в 1916 г. организации чешской буржуазии — Чешский союз в Вене (клуб парламентских фракций рейхсрата) и Национальный комитет в Праге — ставили своей задачей отстаивать интересы чешских капиталистов и аграриев перед правительством Австро-Венгрии, а также поддерживать в массах представление о патриотизме чешской буржуазии.

В то же время, убедившись в военной и политической слабости Австро-Венгрии и считаясь с возможностью ее распада, часть чешской буржуазии, и ранее, до войны, связанная с империалистами Антанты,— руководящие деятели младочешской партии (Крамарж, Рашин), часть членов государственно-правовой прогрессистской партии, Масарик, Бенеш, и созданная ими тайная организация «Маффия» — установила контакт с правительственными кругами стран Антанты. Эти группы буржуазии стремились использовать в своих интересах идею создания Чехословацкого государства, выдвигавшуюся чешскими и словацкими трудящимися. В то время как массы боролись за создание суверенного и независимого демократического Чехословацкого государства, буржуазные политики проектировали создание Чешского (или Чехословацкого) королевства, зависимого от одной из империалистических держав.

[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 26, стр. 154.

Национально-революционное движение чешского и словацкого народов в 1914—1917 гг. было одной из причин военных поражений Австро-Венгрии на фронтах империалистической войны.

* *
*

Решающую роль в образовании самостоятельного Чехословацкого государства сыграла Великая Октябрьская социалистическая революция в России. Президент Антонин Запотоцкий впоследствии говорил: «...Победная Октябрьская революция в России была главным международно-политическим фактором, который привел к возникновению независимого Чехословацкого государства» [1].

Октябрьская революция произошла в России как раз в тот исторический момент, когда в чешских землях и Словакии особенно резко стали проявляться зловещие обстоятельства, сопровождавшие тяжелую и изнурительную войну. Все заметнее обнаруживалось полное экономическое расстройство и финансовое банкротство Австро-Венгерского государства. Недовольство чуждой интересам народов кровопролитной войной, массовое разорение, нищета и систематическое недоедание охватывали все более широкие слои населения.

В чешских землях и Словакии под влиянием Октябрьской революции усиливалось революционное движение. В этом движении участвовали рабочие, крестьяне, солдаты, моряки, демократически настроенная интеллигенция, мелкая буржуазия.

В развитии революционного движения в чешских землях и Словакии, вызванного влиянием Октябрьской революции, можно различить ряд этапов. Первый этап, приходящийся на ноябрь 1917 г.— январь 1918 г., был связан с непосредственными откликами на Октябрьскую революцию и борьбу Советского государства за мир в Брест-Литовске.

Уже 8 ноября 1917 г. сведения о победе вооруженного восстания в Петрограде появились в печати Австро-Венгрии.

Помещая сообщение о победе Октябрьской революции, чешская социал-демократическая газета «Ровност» предпослала своему сообщению следующий заголовок: «Антивоенный государственный переворот в России! Петро-

[1] «Правда», 26 января 1957 г.

град в руках большевиков! Немедленный мир!» [1] Это красноречиво свидетельствует о том, что чешские рабочие победу Октябрьской революции справедливо отождествляли с победой дела мира.

Несмотря на то, что австро-венгерские власти запретили публиковать в прессе сведения о действиях Советского правительства, в социал-демократических газетах появились сообщения о всемирно-исторических декретах II Всероссийского съезда Советов [2]. Так, в центральном органе чехославянской социал-демократической партии «Право Лиду» сведения о декретах Советской власти были опубликованы 10 ноября 1917 г., в органе партии централистов «Дельницком деникe» — 13 ноября, в органе словацких социал-демократов «Работницке Новины» — 15 ноября 1917 г. [3]

В Чехии и Словакии были известны и другие акты Советского правительства, в том числе «Декларация прав народов России».

Огромную популярность в широких массах чешского и словацкого народов, несмотря на разгул антисоветской пропаганды в буржуазной печати [4], приобрел ленинский

---

[1] «Časopis Matice Moravské», roč. 75/1956, č. 1—2, str. 47. (См. ст. *М. Трантирека*, Отклик Великой Октябрьской социалистической революции в «Ровности».)

[2] Там же.

[3] См. *J. Křižěk, O. Řiha*, Bez Velké Říjnové revoluce by nebylo Československa, Praha 1951, str. 24; *M. Gosiorovský*, Prispevok k dejinám slovenského robotnickeho hnutia, Bratislava 1951, str. 79.

[4] «Дельницкий деник» свидетельствует, что в ненависти к Советской России были едины все группы чешской буржуазии, начиная от реакционных лидеров мелкобуржуазной национально-социалистической партии типа В. Клофача и до крайних правых реакционеров и монархистов (См. «Dělnický Deník» № 288, 19. XII. 1917). В феврале—марте 1918 г. партии, представлявшие интересы ряда групп крупной чешской финансовой и промышленной буржуазии (старочешская, младочешская, государственно-правовая прогрессистская партии и партия реалистов), объединились в единую партию государственно-правовой демократии, возглавленную крайним реакционером и монархистом К. Крамаржем. Правые лидеры социал-демократии Ф. Модрачек, Г. Габрманн, Л. Пик, боявшиеся влияния идей Октябрьской революции на рабочих, в прессе и на собраниях также выступали с антисоветскими речами (см. «Dělnický Deník» № 279, 7. XII. 1917; № 276, 4. XII. 1917; № 291, 22. XII. 1917), но встречали резкий отпор со стороны рабочих, о чем свидетельствуют, например, статьи в «Дельницком деникe» и «Ровности». (См. Časopis Matice Moravské», roč. 75/1956, č. 1—2, ст. И. Колейки и М. Трантирека, str. 9, 50.)

декрет о мире, в котором формулировались основные принципы советской внешней политики.

Предложение Советского правительства народам и правительствам всех воюющих стран о немедленном заключении справедливого, демократического мира без аннексий и контрибуций, а также разъяснение о том, что аннексия — это насильственное удержание какой бы то ни было нации в границах данного государства без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой нации, были с восторгом встречены чешскими и словацкими трудящимися.

Декрет о мире и провозглашенный Советским правительством в качестве одного из основных условий мира принцип права наций на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, вдохновляли чешских и словацких трудящихся на новые, решающие бои за окончание империалистической войны и полное национальное освобождение.

В ближайшие же недели после получения сообщений о победе Октябрьской революции в знак солидарности с Октябрьской революцией и декретом о мире во многих промышленных центрах Чехии, Моравии, Силезии и Словакии произошли массовые митинги, демонстрации, забастовки [1].

Рабочие требовали от правительства Австро-Венгрии немедленного ответа на мирное предложение Советского правительства, они настаивали, чтобы было признано и осуществлено право наций на самоопределение [2].

В связи с создавшейся политической и военной обстановкой и под давлением трудящихся масс своей страны правительство Австро-Венгрии, как и правительство Германии, было вынуждено приступить к переговорам о мире с Советским правительством [3]. При этом правящие круги

---

[1] «Правда», 6 декабря (23 ноября ст.ст.) 1917 г.; «Dělnický Deník» 15. XI. 1917; 21. XI. 1917; 5. XII. 1917; 6.XII. 1917; «Arbeiter-Zeitung», 12.XI. 1917; 20.XI. 1917; 22.XI. 1917; 5.XII.1917; «Volksstimme», Budapest, 8. XII. 1917.

[2] См., напр., «Arbeiter-Zeitung», 5. XII. 1917.

[3] Обращаясь к народам воюющих стран, к народам Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции с призывом довести борьбу за мир до успешного конца, объединенное совещание Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Петроградского Совета и Общеармейского съезда по демобилизации, состоявшееся в Петрограде 19 декабря 1917 г., отмечало вскоре после

Австро-Венгрии попытались скрыть от народов страны объявленные Советским правительством мирные условия, опасаясь революционного воздействия советской мирной программы. Сообщая 30 ноября 1917 г. в венском рейхсрате о принятии якобы правительством Австро-Венгрии советских мирных условий, премьер-министр Зейдлер умолчал, что основным принципом мирных условий Советского правительства был мир без аннексий и контрибуций, основанный на признании права наций на самоопределение [1]. Однако сведения о советских мирных условиях, предусматривавших предоставление всем народам возможности самим решать свою судьбу, становились известными чешским и словацким трудящимся, как и остальным трудящимся Австро-Венгрии [2].

15 декабря состоялось подписание перемирия между Советской республикой и державами Четверного союза [3]. На первом же заседании открывшихся вслед за тем переговоров о мире с державами Четверного союза Советское правительство выступило с ясной, понятной, не допускающей никаких произвольных толкований программой мира, требующей предоставить действительное самоопределение народам послевоенной Европы, вплоть до их государственного отделения.

«Национальным группам,— говорилось в мирной программе Советского правительства,— не пользовавшимся политической самостоятельностью, гарантируется возможность свободно решить вопрос о своей принадлежности к тому или другому государству или о своей государственной самостоятельности путем референдума...» [4]

Защищая интересы угнетенных народов, советская мирная делегация неоднократно указывала правительству Австро-Венгрии, что она сожалеет о его решении не допу-

---

начала переговоров в Брест-Литовске: «Под вашим давлением ваши правительства вынуждены были на словах усвоить ваш пароль «без аннексий и контрибуций»»—«Правда» № 220, 3 января 1918 (21 декабря 1917 г. ст.ст.).

[1] «Dělnický Denik», 2. XII. 1917.

[2] Там же, а также *З. Шолле*, Рабочее движение в чешских землях во время мировой империалистической войны 1914—1918 гг., М. 1955, стр. 72.

[3] Чешская социал-демократическая газета «Ровност» в номере от 18 декабря 1917 г. охарактеризовала подписание перемирия в Брест-Литовске как «великий шаг (Советского правительства), направленный к тому, чтобы вывести Россию и весь мир из хаоса войны» (См. ст. М. Траптирека в «Časopis Matice Moravské», roč. 75/1956, č. 1—2, str. 48).

[4] «Внешняя политика СССР», т. 1, 1917—1920 гг., М. 1944, стр. 33.

стить представителей народов Австро-Венгерского государства на мирную конференцию в Брест-Литовск [1].

Народы Австро-Венгрии в течение всего хода мирных переговоров в Брест-Литовске поддерживали мирную политику Советского государства, понимая, что Советское правительство защищало их кровные интересы. Чешские трудящиеся устраивали митинги, на которых требовали принятия правительством Австро-Венгрии советских условий мира [2].

Нараставшее в Австро-Венгрии движение в поддержку советских условий мира имело своим кульминационным пунктом происходившую с 14 по 22 января 1918 г. всеобщую забастовку.

Чешские рабочие принимали активное участие в январской всеобщей забастовке. Бастовали все промышленные центры чешских земель. Попытки правых социал-демократов сорвать всеобщую забастовку солидарности в чешских землях встретили решительное противодействие чешских рабочих [3].

Во время январских выступлений чешские рабочие требовали, чтобы правительство Австро-Венгрии немедленно приняло советские условия мира и чтобы внутри страны безотлагательно были проведены мероприятия, обеспечивающие демократизацию государственного устройства, а именно: чтобы было признано право наций на самоопределение, восстановлены буржуазно-демократические свободы, наказаны виновники войны и виновники голода, установлен рабочий контроль над распределением продуктов, организованы народные органы снабжения, которые в первую очередь занялись бы распределением продовольствия среди неимущих.

Величайшим проявлением влияния Октябрьской революции на этом этапе борьбы народов Австро-Венгрии за национальное и социальное освобождение явилось создание в ходе январской забастовки рабочих Советов, кото-

---

[1] «Правда», 26(13) января 1918 г.

[2] «Dělnický Deník», 5.XII.1917, 10.I.1918; см. *З. Шолле*, Рабочее движение в чешских землях во время мировой империалистической войны 1914—1918 гг., стр. 71—73, 106—107.

[3] «Arbeiter-Zeitung», 18.I. 1918; 22. I. 1918; *З. Шолле*, Рабочее движение в чешских землях во время мировой империалистической войны 1914—1918 гг., стр. 89—90. В Словакии из-за саботирующей позиции словацких и венгерских правых социал-демократов всеобщая забастовка получила меньший размах, чем в чешских землях.

рые возникли в Вене, Будапеште, а также в других городах.

Октябрьская революция способствовала усилению и укреплению левых течений в рабочем движении Австро-Венгрии, в том числе в чешских землях. В ходе всеобщей январской забастовки в Кладно, Брно, Моравской Остраве и в других городах чешские левые социал-демократы возглавили выступления рабочих и призывали их развивать движение дальше[1]. Из-за предательской политики австрийских, венгерских, чешских, словацких и прочих правых социал-демократов, не желавших возглавить революционную борьбу рабочего класса и объединить революционные выступления рабочих различных наций, всеобщая январская забастовка была подавлена. Но последствия забастовки были весьма значительны для последующего развития революционных событий. Январская забастовка нанесла Габсбургской монархии сокрушительный удар; она способствовала углублению кризиса правящих «верхов». После подавления забастовки рост революционных настроений не приостановился. Всеобщая январская забастовка вызвала отклик в армии и военно-морском флоте Австро-Венгрии.

В революционных выступлениях австро-венгерских солдат и моряков военнослужащие — чехи и словаки играли заметную, а иногда и руководящую роль[2].

Крупнейшим революционным выступлением в австро-венгерских вооруженных силах было восстание военных моряков в Которе 1—3 февраля 1918 г. В восстании совместно участвовали матросы различных национальностей: хорваты, словены, австрийцы, чехи, венгры, итальянцы. Основным требованием восставших моряков было принятие советских условий мира.

Восстание военных моряков в Которе, вспыхнувшее стихийно уже после подавления всеобщей январской забастовки рабочих, лишенное организованного революционного руководства, было подавлено австро-венгерским

---

[1] «Dělnický Deník», 23.I. 1918; *J. Křižijk, O. Řiha*, Bez Velké Říjnové revoluce by nebylo Československa, str. 29; «Časopis Matice Moravské», roč. 75/1956, č. 1—2, str. 48—49; *K. Kreibich*, Česká a slovenská buržoasie v době prvni světové imperialistické války à zrada socialní demokracie, Praha 1953, str. 15.

[2] См. *И. Веселы*, Основание Коммунистической партии Чехословакии, М. 1956, стр. 39; «Internationale Presse-Korrespondenz», Berlin, 7. II 1928, S. 245.

командованием при помощи германских подводных лодок и эскадры дредноутов из Пулы.

Революционное значение всеобщей январской забастовки в Австро-Венгрии было высоко оценено В. И. Лениным в его докладе на III Всероссийском съезде Советов. «...Мы наблюдали на этих днях геройскую борьбу австрийских рабочих против хищников-империалистов,— сказал В. И. Ленин.— Пусть даже хищникам удастся остановить на время движение, но прекратить совсем его нельзя,— оно непобедимо» [1].

III Всероссийский съезд Советов на первом же заседании 23 января 1918 г. в приветственной телеграмме выражал благодарность также и пролетариату Австро-Венгрии, оказывавшему «постоянное содействие и поддержку российскому рабочему классу в его борьбе за социализм» [2].

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов обратился с воззванием к Советам рабочих депутатов Берлина и Вены. В этом документе Петроградского Совета указывалось, что пролетариат воюющих стран стоял перед выбором: «Либо продолжать погибать во имя целей, предуказанных кучкой банкиров, либо под обломками буржуазного господства похоронить эту кучку банкиров, вырваться из огненного кольца империалистской бойни и смело, решительно, без колебаний пойти к социализму.

Приступив к созданию Советов Рабочих Депутатов, вы, товарищи, выбрали свой путь» [3].

Вдохновляемые справедливой и мужественной борьбой молодой Советской республики за общие интересы трудящихся всех стран, чешские и словацкие рабочие понимали, что их долгом является помощь и поддержка Советского государства.

Когда германские и австро-венгерские империалисты 18 февраля 1918 г. вероломно напали на Советскую республику, австрийские и чешские социал-демократы — депутаты венского рейхсрата по требованию рабочих выступили в палате со срочными запросами, протестуя против участия Австро-Венгрии в антисоветской интервенции.

В срочном запросе чешских социал-демократов говорилось, что интервенция в Советской России и на Украине

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 26, стр. 429.

[2] «Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях». Сб. док. под ред. А. Я. Вышинского, М. 1939, стр. 57.

[3] «Правда», 5 февраля (23 января ст.ст.) 1918 г.

«вызвала повсюду только самое глубокое возмущение, потому что дело установления мира между народами не только не продвинулось вперед, но, напротив... война затянулась до бесконечности» [1].

Чешские и австрийские рабочие требовали немедленного прекращения антисоветской интервенции, заключения мира и установления с Советской республикой нормальных дипломатических и экономических отношений.

Многие революционно настроенные чешские и словацкие военнопленные, находившиеся в то время на территории Советской России, принимали самое непосредственное и активное участие в борьбе советского народа против австро-германских и других интервентов [2].

В конце февраля 1918 г. под Псковом и Нарвой молодая Красная Армия нанесла удар войскам германских интервентов, приостановив их движение на Петроград. В этих боях бок о бок с рабочими Петрограда в первых отрядах социалистической армии, защищавших столицу Советской республики, сражались десятки чешских и словацких добровольцев [3]. Это были бывшие военнопленные, работавшие на заводах Петрограда, которые в тяжелые для молодой Советской республики дни без колебания вступили в ряды Красной Армии, чтобы защищать завоевания Великой Октябрьской социалистической революции.

В феврале 1918 г. в Киеве чехословацкие левые социал-демократы сформировали отряды Красной гвардии, которые участвовали в боях Красной Армии против войск Центральной рады и против германских захватчиков, принимали участие в обороне Киева и отличились в битвах у Бахмача и в других местах [4].

Советский народ с благодарностью хранит в своей памяти воспоминания о тысячах чешских и словацких красноармейцев, которые оказали ему помощь и поддержку в тяжелую для него пору и многие из которых, защищая Советскую республику, пали смертью храбрых или были замучены белогвардейцами.

---

[1] «Dělnický Deník», 20. II. 1918.

[2] «Великая Октябрьская социалистическая революция и свобода Чехословакии». Сб. докладов, М. 1951, стр. 54.

[3] *J. Veselý*, Češi a Slováci v revolučním Rusku 1917—1920, Praha 1954, str. 78—79.

[4] Там же, стр. 86—89.

После отступления с Украины центром деятельности чехословацких революционных социал-демократов явилась Пенза. Весной 1918 г. здесь велась организационная работа по привлечению чешских и словацких добровольцев в ряды Красной Армии. С 12 мая 1918 г. местной чехословацкой коммунистической группой издавалась газета «Чехословенска Руда Армада» («Чехословацкая Красная Армия»). Чехословацкие коммунисты вели большую разъяснительную работу среди солдат сформированного в России буржуазными националистами корпуса, который через Пензу направлялся на восток для отправки во Францию.

На съезде революционных чехословацких социал-демократов, состоявшемся в Москве 25—29 мая 1918 г., была создана Чехословацкая коммунистическая партия в России, объединившая в своих рядах авангард бывших чешских и словацких военнопленных в России.

В принятом на съезде обращении к чешским и словацким рабочим Австро-Венгрии Чехословацкая коммунистическая партия призывала их к социалистической революции и созданию Чехословацкой социалистической республики. Когда в мае 1918 г. империалисты Антанты при активном участии Масарика и Бенеша подняли контрреволюционный мятеж находившегося в России чехословацкого корпуса, в разгроме чехословацких мятежников участвовали чехословацкие коммунисты и красноармейцы [1].

Получив сведения о начале антисоветского мятежа чехословацкого корпуса, Чехословацкая коммунистическая партия в России тотчас же развернула энергичную работу по вербовке среди военнопленных добровольцев в Красную Армию для защиты Советской России — оплота международной революции. Чехословацкие коммунисты заявляли, что считают защиту Советской республики своим долгом.

---

[1] О большом внимании ученых народно-демократической Чехословакии к истории антисоветского чехословацкого мятежа и к вопросу об участии чешских и словацких красноармейцев-добровольцев в гражданской войне на стороне Советской власти свидетельствует обилие работ, вышедших на эту тему в Чехословакии (см. работу И. Веселы «Чехи и словаки в революционной России». Прага 1954, а также недавно вышедшие книги Я. Кржижека, «Пенза. Славная боевая традиция чехословацких красноармейцев». Прага 1956. и «Ярослав Гашек в революционной России». Прага 1957 и др.).

В результате агитационно-пропагандистской и разъяснительной работы чехословацких коммунистов многие чешские и словацкие солдаты корпуса уже с самого начала мятежа отказывались сражаться против Советской власти.

Из чешских и словацких солдат было создано несколько рот и батальонов, входивших в качестве отдельных национальных частей в состав Красной Армии. По данным чешских исследователей, в рядах Красной Армии сражалось свыше 10 тыс. чехов и словаков [1].

Рабочие в Чехии и Словакии с гневом и возмущением отнеслись к мятежу чехословацкого корпуса в России. «Чехословаки в России, которых чешские националисты окружают таким любованием и восхищением, являются орудием угнетения и угнетателей,— писал «Дельницкий деник».— На деле они борются против русских рабочих и крестьян, сражаются за Японию, Англию и Францию».

«Социалистическое отечество в опасности»,— в другом номере указывала та же газета, отражая глубокий интернационализм и беспокойство чешских рабочих за судьбу Советской республики [2].

Статьи в «Дельницком деникe» показывают, что рабочие Чехии не сомневались в зловещей роли Антанты в организации мятежа, что до них доходили смутные слухи о постыдной роли Масарика в подготовке этого преступного акта. Чешские рабочие с удовлетворением встретили известия о военном разгроме чехословацких мятежников. «Погромщики победоносной революции ничего другого не заслуживают, как полного разгрома» [3],— отмечала газета.

Статьи, помещаемые в газете, говорят также, что чешские рабочие стремились оказать и более действенную помощь трудящимся Советской страны. Централисты, органом которых был «Дельницкий деник», предлагали чешским рабочим разоблачать всех интервентов, как бы они ни маскировались.

В чешских социал-демократических газетах печатались также статьи, рассматривавшие вопросы мирного строительства социализма в Советской России, печатались сообщения о V Всероссийском съезде Советов, о принятии первой конституции РСФСР, о выступлениях В. И. Ленина; в

---

[1] *И. Веселы*, Основание Коммунистической партии в Чехословакии, стр. 76.

[2] «Dělnický Denik», 8, 9. VIII. 1918.

[3] «Dělnický Denik», 9. VIII. 1918.

«Дельницком деникe», в частности, было напечатано изложение статьи В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти» [1].

Все эти газетные сообщения, без сомнения, сыграли значительную роль в распространении идей Октябрьской революции среди чешских рабочих. Правдивые сообщения о Советской республике приводили замученных бесконечной войной и растущей нищетой рабочих к мысли последовать примеру русских рабочих и добиться окончания войны и национального освобождения революционным путем. Отражая эти настроения чешских рабочих, газета «Ровност» в номере от 10 июня 1918 г. писала: «Русский народ показывает нам дорогу. Пойдем и победим!» [2]

Другим источником распространения идей Октябрьской революции в чешских землях и Словакии явилась революционная пропаганда бывших австро-венгерских военнопленных, вернувшихся из России по условиям Брест-Литовского мира, а также солдат, возвращавшихся на побывку с русского фронта. Среди этих революционно настроенных солдат было много очевидцев и даже участников Октябрьской революции. Вернувшись на родину, они пропагандировали идеи Октябрьской революции среди широчайших масс населения, распространяли революционные листовки и брошюры, призывали рабочих, крестьян и солдат следовать примеру трудящихся масс Советской России [3], создавать Советы, вооружаться.

Правительство Австро-Венгрии, напуганное революционизированием широких трудящихся масс под влиянием пропаганды бывших военнопленных солдат, жестоко преследовало этих добровольных революционных пропагандистов, учредило над ними постоянное наблюдение и контроль.

«Правда», отмечая начавшееся с весны 1918 г. новое оживление забастовочного движения в Австро-Венгрии и влияние на него событий в Советском государстве, писала: «...В этом движении есть и наша капля крови» [4].

---

[1] «Dělnický Deník», 13, 14, 23, 26. VII. 1918; 4, 7, 8. VIII. 1918; См. также «Časopis Matice Moravské», roč. 75/1956, č. 1—2, str. 50.

[2] «Rovnost», 10. VI. 1918; см. «Časopis Matice Moravské», roč. 75/1956, č. 1—2, str. 50.

[3] *З. Шолле*, Рабочее движение в чешских землях во время мировой империалистической войны 1914—1918 гг., стр. 100.

[4] «Правда», 21 марта 1918 г.

Растущее влияние идей Октябрьской революции проявлялось в усилившемся антиимпериалистическом характере революционных выступлений рабочих и других трудящихся масс.

С весны 1918 г. тысячи революционно настроенных чешских и словацких рабочих, особенно из молодежи, ввиду отсутствия революционной рабочей партии вступают в ряды чешской и словацкой социал-демократических организаций, в которых, таким образом, сосредоточивались значительные революционные силы [1].

Под влиянием пропаганды левых социал-демократов рабочие выдвигали на демонстрациях, во время забастовок решительные требования. Влияние левых социал-демократов чувствуется в дискуссиях в рядах социал-демократии по вопросу о возможности создания единых общеавстрийских профсоюзов и общеавстрийской рабочей партии и о путях к социализму в Австро-Венгрии, в укреплении связей с левыми австрийскими социал-демократами.

На первомайских демонстрациях 1918 г. чешские и словацкие рабочие настаивали на осуществлении полного права наций на самоопределение и требовали создания самостоятельного Чехословацкого государства. Рабочие Праги, Кладно, Простейова 1 мая 1918 г. выдвинули лозунг создания социалистического Чехословацкого государства. На плакатах демонстрантов в Простейове были начертаны лозунги: «Чехословацкое социалистическое государство! Долой капитализм!» [2] Кладненские рабочие несли транспаранты с надписью: «За мир и социализм!» [3]

Революционными выступлениями часто руководили и вернувшиеся из России военнопленные. Особенно значительна была их роль в организации вооруженных солдатских восстаний весной и летом 1918 г.; вооруженные восстания словацких крестьян летом и осенью 1918 г. также часто происходили под руководством бывших военнопленных [4].

---

[1] «Dělnický Deník», 4, 13.IV. 1918; *M. Gosiorovský*, Príspevok k dejinám slovenského robotnickeho hnutia, str. 74—75.

[2] См. ст. *И. Колейки* в «Časopis Matice Moravské», roč. 75/1956, č. 1—2, str. 10.

[3] *Al. Pěnička*, Kladensko v revolučních letech 1917—1921, Praha 1954, str. 28.

[4] См. *J. Fiala*, Rumburská vzpoura, Praha 1953; *K. Pichlik*, Vzpoura vojáků pěšího pluku č. 71 v *Kragujevci* v červnu 1918, «Historie a vojen-

Нараставший с весны революционный подъем завершился крупным забастовочным движением, в июне 1918 г., охватившим значительную часть Австро-Венгрии.

Забастовки происходили в Вене, Будапеште, Львове и в других городах. Основным требованием бастовавших рабочих было немедленное заключение мира без аннексий и отставка правительства [1].

В. И. Ленин в своем выступлении на IV конференции профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Москвы указывал, что вторая забастовочная волна в Австро-Венгрии была убедительным доказательством международного идейно-политического влияния Октябрьской революции. «...Вот вам второй шаг,—сказал В. И. Ленин,—вот вам второе доказательство, что, когда русские рабочие сорвали империалистические тайные договоры, когда прогнали свою буржуазию, они сделали последовательный шаг сознательных рабочих интернационалистов, они помогли росту революции в Германии и Австрии, как никогда еще не помогала ни одна революция в мире революции во враждебном государстве, находящемся в состоянии войны, в состоянии величайшего озлобления» [2].

Чешские рабочие на собраниях требовали от своих социал-демократических лидеров проведения в чешских землях всеобщей забастовки солидарности с рабочими Вены и Будапешта, они соглашались признать руководителем движения Венский рабочий Совет [3].

В Кладно и Пльзене в течение 21—23 июня происходили вооруженные столкновения рабочих с войсками, в Словакии развивалось массовое забастовочное движение [4].

Австрийские, венгерские, чешские, словацкие и другие правые социал-демократы не пытались объединить отдельные мощные, но разрозненные выступления рабочих. Общими усилиями лидеров правых социал-демократов и

---

ství» № 4, 1955; *K. A. Medvecký*, Slovenský prevrat, t. III, Bratislava 1930, str. 118.

[1] См. *Е. Рубинштейн*, Распад Габсбургской монархии, «Историк-марксист» № 7 (83), 1940 г., стр. 24.

[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 27, стр. 441—442.

[3] «Dělnický Deník», 23. VI. 1918, 4. VII. 1918.

[4] *J. Křižek. O. Říha*, Bez Velké Říjnové revoluce by nebylo Československa, str. 36; «Československý časopis historický», 2. Příloha, roč. III, 1955, These, str. 153.

правительства Австро-Венгрии вторая забастовочная волна была подавлена.

Стихийные революционные выступления в чешских землях и Словакии не прекращались и в дальнейшем. В августе и сентябре 1918 г. рабочее забастовочное движение в чешских землях снова приняло массовый характер. Вызванное новым резким вздорожанием цен на хлеб и другие продукты питания, это движение своим острием было направлено также и против чешских аграриев, спекулировавших на народной нищете [1]. В революционное движение включались все более широкие круги трудящихся. С начала сентября 1918 г. в чешских землях в массовых масштабах развернулась борьба чешского пролетариата против хищнического ограбления чешских земель австро-венгерскими властями [2].

К осени 1918 г. Австро-Венгрия вступила в полосу распада.

После июньского поражения Австро-Венгрии на итальянском фронте и второй всеобщей забастовки выявилась полная неспособность кругов, правивших в многонациональной монархии, как управлять по-старому, так и вывести страну из состояния глубокого кризиса и развала. В то же время все резче проявлялось нежелание народных масс многонациональной империи Габсбургов жить по-старому и мириться с существованием национального и социального гнета. В Австро-Венгрии происходило бурное созревание революционной ситуации.

На одном из своих осенних заседаний правительство вынуждено было констатировать, что «надежных» войск, которые могли бы быть использованы против революции, не существовало [3].

В обстановке сложившейся в стране революционной ситуации и крайней степени экономической разрухи непосредственной задачей пролетариата было установление гегемонии в назревавшей буржуазно-демократической революции для доведения буржуазно-демократической

---

[1] «Dělnický Deník», 14. VIII. 1918. Так, на массовом митинге в Брно рабочие встречали выступавших возгласами: «Долой аграриев! Проклятье чешским мироедам! Мы не будем платить!.. Проклятье спекулянтам!»

[2] *Ed. Beneš*, Světová válka a naše revoluce, d. III, Praha 1935, str. 189—190, 202.

[3] См. *Е. Пристер*, Краткая история Австрии, М. 1952 г., стр. 507.

революции до конца и перехода к революции социалистической.

Пытаясь взять инициативу в революции в свои руки и сплотить вокруг себя широкие трудящиеся массы, чешский пролетариат со времени первомайских демонстраций 1918 г. выступал с требованием создания самостоятельного Чехословацкого государства как государства трудового народа [1] и выдвинул программу коренных революционных преобразований: национализации крупной промышленности, транспорта, банков и крупного землевладения, конфискации прибылей капиталистов и помещиков, полученных на военных поставках и дороговизне, урегулирования потребления, контроля за распределением продуктов и т. д. [2]

Осенью 1918 г. эти требования уже становятся популярными среди широких кругов чешских рабочих. Требования передачи власти народу выдвигали, например, бастовавшие в августе рабочие Брно и рабочие других чешских городов; эти же требования отразили и состоявшиеся в конце сентября и начале октября 1918 г. профсоюзные и партийные конференции чешских социал-демократов (партийная конференция XIV края — районы: Колин, Коуржим, Чешский Брод, Жижков, Краловы Виноградy, Нусле, Вршовице и др.) [3]. Но ни левые социал-демократы, ни, тем более, правые социал-демократы не связывали революционные лозунги и требования, выдвигавшиеся передовыми отрядами рабочих, с идеей гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции и перехода в дальнейшем к революции социалистической. Левые социал-демократы, выдвигая и поддерживая лозунг создания социалистического Чехословацкого государства [4], не указывали рабочим конкретного пути осуществления этого требования.

---

[1] В Словакии идея создания государства трудового народа распространилась уже позднее—глубокой осенью 1918 г., в дни революции.

[2] Говоря о таких революционных мероприятиях, как национализация банков, синдикатов, введение всеобщей трудовой повинности и т. п., В. И. Ленин указывал, что при условии революционно-демократического осуществления их это не было бы еще осуществлением социализма, но это не был бы уже и капитализм, а был бы громадный шаг к социализму (см. *В. И. Ленин*, Соч., т. 25, стр. 332—334).

[3] «Nová Doba», Plzeň, 4, 8.X. 1918.

[4] «Časopis Matice Moravské», roč. 75/1956, č. 1—2, str. 13, 50, 51, 52.

Правые социал-демократы в 1918 г. выступали как активная реакционная сила. Они вели ожесточенную борьбу против проникновения в чешские земли и Словакию идей ленинизма. Будучи врагами Октябрьской революции, они старались скрыть от рабочего класса величайшее историческое значение создания Советского государства. Не желая вести массы к революции, оппортунисты догматически ссылались при этом на отличие чешских условий от русских условий.

Правые социал-демократы активно участвовали в деятельности буржуазного Чехословацкого национального комитета, созданного 13 июля 1918 г. в Праге в новом составе, хотя деятельность этого комитета была направлена против назревавшей революции, против народа. Правые социал-демократы, дезориентируя рабочих, пытались создать у них впечатление, что Национальный комитет в Праге является надклассовым, общенациональным органом, защищавшим якобы интересы всех классов чешской нации. Однако, убедившись, что Национальный комитет скомпрометировал себя в глазах масс своей антинародной политикой, правые социал-демократы совместно с деятелями социалистической партии [1] создали в Праге 6 сентября 1918 г. Социалистический Совет.

Идея Советов была очень популярна среди чешских и словацких трудящихся. В 1918 г. существовали Пражский и Кладненский рабочие Советы; в апреле 1918 г. рабочие предприняли новые попытки создать революционные и рабочие Советы в Брно, Моравской Остраве, Пльзене, северо-западном угольном бассейне; летом централисты попытались создать рабочий Совет в Моравской Остраве [2]. Осенью 1918 г. рабочие Словакии создавали рабочие Советы, опиравшиеся на отряды вооруженных рабочих, солдат и железнодорожников. Под руководством этих Советов осенью 1918 г. происходили революционные выступления словацких рабочих во многих городах. Заимствуя из опыта Октябрьской революции идею Советов как массовых революционных организаций трудящихся для борьбы с эксплуататорами, чешские и словацкие рабочие пытались

---

[1] С конца марта 1918 г. национально-социалистическая партия носила название социалистической партии.

[2] «Dělnický Deník», 4. VII. 1918; «Časopis Matice Moravské», roč. 75/1956, č. 1—2, str. 13.

создать такие же революционные организации у себя. Но правительство Австро-Венгрии преследовало революционные Советы, а правые социал-демократы превращали их из руководящих революционных органов в организации, безвредные для буржуазии, объективно являвшиеся орудием обмана масс.

Вместе с тем создание в Праге Социалистического Совета с участием революционных деятелей рабочего движения Б. Шмераля и Л. Ландовой-Штыховой показывало усиление революционных стремлений чешского рабочего класса.

7 октября 1918 г. забастовали металлисты Праги. Рабочие требовали от Социалистического Совета решительных действий. Бастовали рабочие и в других городах Чехии.

В начале октября рабочие во многих промышленных центрах избирали Социалистические Советы, заявляя, что они создают органы, которые будут защищать интересы рабочего класса.

В Брно был создан Земский Социалистический Совет, призванный руководить рабочим движением на территории всей Моравии.

Руководство в Социалистических Советах принадлежало правым социал-демократам, которые вместо подготовки пролетариата к революции ограничивались обращениями к местным австрийским властям по вопросам снабжения. Но в состав Социалистических Советов входили также левые социал-демократы и левые социалисты, которые выступали за революционные действия. Именно благодаря этим левым элементам было в кратчайший срок подготовлено крупнейшее революционное выступление чешского пролетариата, обеспечившее установление независимости Чехословакии,— всеобщая забастовка 14 октября 1918 г. [1]

Правые социал-демократы отрицательно относились к подготовке всеобщей забастовки. Они ссылались на возможные репрессии со стороны правительства Австро-Венгрии [2] и притом старались ограничить растущее революционное движение рамками протеста против вывоза продовольствия из Чехии. Но революционное выступление про-

---

[1] «Socialistická Budoucnost», 28.X. 1919.
[2] Там же.

летариата 14 октября 1918 г. далеко вышло за рамки, намеченные правыми социал-демократами.

События 14 октября 1918 г. в чешских землях явились яркой демонстрацией воздействия Октябрьской революции на чешский пролетариат.

11 октября в Доме общин состоялось заседание Социалистического Совета. Первоначально было вынесено решение, чтобы во всех промышленных центрах была провозглашена «социалистическая республика» [1]. Об этом решении Социалистического Совета было сообщено рабочим. Но в резолюции, выработанной на этом же заседании правым социал-демократом Стивиным и социалистом Стржибрным, о «социалистической республике» уже не упоминалось, а говорилось только о «национальном единстве» [2].

12 октября Социалистический Совет созвал расширенное заседание с участием представителей от профсоюзных организаций и заводских комитетов пражских предприятий. Это заседание приняло решение о провозглашении самостоятельного Чехословацкого государства, было решено также провести всеобщую забастовку протеста против вывоза продовольствия. Выработка окончательного текста воззвания и завершение подготовки к всеобщей забастовке были поручены Комитету действия Социалистического Совета. Входившие в состав Комитета действия Б. Шмераль и Л. Ландова-Штыхова настояли на том, чтобы в воззвании Социалистического Совета говорилось не о Чехословацком государстве в понимании чешской монополистической буржуазии (преобразование Габсбургской монархии в федерацию «самостоятельных» государств), а ясно и недвусмысленно о самостоятельной Чехословацкой республике [3].

Воззвание Пражского Социалистического Совета гласило: «В согласии с собственной непреклонной волей и с одобрения всего демократического мира провозглашаем, что сегодня мы здесь стоим как творцы нового, суверенного государства, как граждане свободной Чехословацкой республики. Провозглашаем, что всякая попытка вывоза нашего достояния и ограбления наших земель является таким же грабежом и таким же преступлением против суве-

---

[1] «Rudé Právo», 16.X. 1928.

[2] Там же.

[3] См. *З. Шолле*, Рабочее движение в чешских землях во время мировой империалистической войны 1914—1918 гг., стр. 134—135.

ренитета нашего государства, каким было вторжение в Бельгию в начале войны...

Тот, кто воспротивится воле трудового народа, будет призван к ответу перед этим трудовым народом... Горе тем, кто осмелился бы задерживать возрожденную нацию в ее славном шествии к новому будущему!»[1] В своем циркуляре Комитет действия Социалистического Совета писал местным партийным организациям: «Оратор должен от имени трудового социалистического пролетариата, составляющего большинство нации, провозгласить нашу государственную независимость, и именно прямо — как независимость самостоятельной Чешской республики. При этом надо подчеркнуть, что наше государство будет, безусловно, построено на принципах демократии и в нем будут решены важные социалистические проблемы»[2].

14 октября 1918 г. всеобщая политическая забастовка состоялась во всех промышленных центрах чешских земель. К бастующим рабочим присоединились ремесленники, мелкие торговцы, солдаты. Несмотря на попытки оппортунистов отвлечь рабочих железных дорог от выступления, в забастовке участвовали и железнодорожники. В ряде мест к рабочим присоединялись и крестьяне[3]. Вместе с чешскими рабочими 14 октября в чешских землях выступили и немецкие рабочие[4]. В крупнейших чешских промышленных центрах — в Кладно, Пльзене, Писеке, Млада-Болеславе, Старо-Болеславе, Моравской Остраве, Кралупах и в других городах — была провозглашена Чехословацкая республика. Основным требованием рабочих 14 октября было создание самостоятельной Чехословацкой республики как государства трудового народа.

Об этом свидетельствуют и лозунги демонстраций, требования массовых митингов. Демонстрации проходили под лозунгами: «За социалистическую республику чехословацкого трудового народа!»[5] Массы требовали национализации крупной промышленности и крупного землевладения[6].

[1] *З. Шолле*, Рабочее движение в чешских землях во время мировой империалистической войны 1914—1918 гг., стр. 193, прил. XXV.

[2] *L. Ivaničová*, Vplyv Vel'kej Oktobrovej revolucie na vznik ČSR «Pod zastavou socialismu» № 13, 1952, str. 630.

[3] *J. Křižek, O. Řiha*, Bez Velké Říjnové revoluce by nebylo Československa, str. 42.

[4] «Dělnický Denik», 16.X. 1918.

[5] «Rudé Právo», 14. X. 1948.

[6] «Rudé Pávo», 16. X. 1928.

На грандиозной демонстрации в Моравской Остраве рабочие провозгласили создание социалистической Чехословацкой республики [1]. В Кладно надписи на плакатах демонстрантов гласили: «Долой войну!», «Долой монархию!», «Да здравствует русская революция!», «Мы требуем социалистическую республику!» [2]

В Кладно, Брандысе, Старо-Болеславе, Писеке, Лабском Тынце и в некоторых других городах рабочие, поддержанные остальными трудящимися города и солдатами, пытались взять власть в свои руки [3].

Австро-венгерские власти не были в силах что-либо предпринять против бастующих рабочих. Только в Праге войска, оцепив центр города, оказали противодействие демонстрантам из пражских рабочих предместий [4]. Общее руководство движением 14 октября оставалось в руках у правых социал-демократов и социалистической партии, которые, выполняя волю буржуазии, уговаривали массы не начинать восстания, а «быть наготове», обещая рабочим социалистическое устройство государства [5].

На следующий день, 15 октября, Социалистический Совет выпустил воззвание, в котором призывал рабочих вернуться к работе. Многие рабочие, настаивавшие на немедленном осуществлении своих требований; выражали недовольство результатом забастовки [6].

Чешская буржуазия была встревожена. В забастовке 14 октября она увидела «подобие русских событий» [7]. На первом же заседании, состоявшемся после всеобщей забастовки, Национальный комитет осудил действия Социалистического Совета и таким образом осудил провозглашение самостоятельной Чехословацкой республики [8].

Несмотря на предательскую политику буржуазии и правых социал-демократов во время всеобщей забастовки, это могучее революционное выступление чешского пролетариата сломило власть Габсбургов в чешских землях и

---

[1] *J. Křižek, O. Říha*, Bez Velké Říjnové revoluce by nebylo Československa, str. 41.

[2] *Al. Pěnička*, Kladensko v revolučních letech 1917—1921, str. 35.

[3] «Pod zastavou socialismu» № 13, 1952, str. 630.

[4] «Rudé Právo», 14.X. 1948.

[5] «Dělnický Deník», 20. X. 1918.

[6] «Časopis Matice Moravské», roč. 75/1956, č. 1—2, str. 50.

[7] «Rovnost», 17. X. 1918. Цит. по указ. статье М. Трантирека в «Časopis Matice Moravské», roč 75/1956, č. 1—2, str. 50.

[8] «Socialista», 6. IX. 1924.

подготовило быструю капитуляцию правительства, последовавшую через 14 дней. К. Готвальд назвал всеобщую забастовку 14 октября «своего рода генеральной репетицией 28 октября» [1].

В начале октября 1918 г. в Москве состоялось объединенное заседание ВЦИК, Моссовета и других рабочих организаций. Было принято решение о том, что в случае дальнейшего развития революции в Германии и Австро-Венгрии Советская республика окажет народам этих стран всемерную и безвозмездную продовольственную и военную помощь. ВЦИК призвал все партийные и общественные организации, все население Советской России участвовать в оказании этой помощи [2].

Решение ВЦИК и Московского Совета о военной и продовольственной помощи революционному пролетариату Австро-Венгрии стало известно чешским трудящимся [3].

Выступая 22 октября 1918 г. на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов, В. И. Ленин сказал: «...Становится очевидно, что буржуазия разных маленьких государств, на которые теперь Австрия распадается, что эта буржуазия ни в коем случае не удержится, что ее господство, ее власть в этих государствах будет весьма кратким, преходящим явлением, потому что везде стучится в двери рабочая революция» [4].

Накануне всеобщей забастовки 14 октября 1918 г. чешская буржуазия в качестве своей максимальной политической программы выдвигала осуществление «14 пунктов» президента Вильсона, которые, как известно, предусматривали куцую программу автономии угнетенным народам Австро-Венгрии [5]. Таким образом, даже в начале октября 1918 г. чешская буржуазия проявляла неверие в возможность создания самостоятельного Чехословацкого государства и не добивалась этого. Переориентируясь на побеждавшую в войне империалистическую группировку Ан-

---

[1] *K. Gottwald*, Sbornik stati a projevů, «Deset let» (1936—1946), Praha 1949, str. 247.

[2] «Известия», 4 октября 1918 г.

[3] «Dělnický Denik», 19. X. 1918.

[4] *В. И. Ленин*, Соч., т. 28, стр. 95.

[5] На последней сессии рейхсрата председатель Чешского союза Ф. Станек заявил при шумном одобрении и аплодисментах всех чешских депутатов: «Единственная дорога к миру — это принятие пунктов Вильсона» («Dělnický Denik», 4. X. 1918).

танты, чешская буржуазия вместе с тем сохраняла самый тесный контакт с правящими кругами Австро-Венгрии, направленный против развивавшейся в стране революции [1].

После 14 октября, в связи с опубликованием манифеста императора Карла от 16 октября 1918 г., обещавшего преобразование Австрии (Цислейтании) в федеративное государство, буржуазный Национальный комитет вступил в тайные переговоры с венскими правящими кругами. Целью этих переговоров была реорганизация управления в чешских землях согласно манифесту императора Карла для «предотвращения кровопролития» [2].

Чешские депутаты продолжали заседать в венском парламенте и его комиссиях вплоть до роспуска рейхсрата 25 октября 1918 г.

Изменническая политика чешской буржуазии, до самого конца державшейся за Габсбургскую монархию, полностью соответствовала инструкциям эмигрантского Парижского Национального совета, предлагавшего сберечь Габсбургскую монархию по крайней мере до весны 1919 г., т. е. до срока, к которому в официальных кругах Антанты ожидали капитуляции Австро-Венгрии [3].

---

[1] Der österreichisch-ungarische Krieg. Hrsg. von M. Schwarte. 1922, S. 601.

[2] См. материалы, опубликованные в газете «Rudé Právo», 16, 29. VII. 1924.

В работе З. Тоболки приводится также свидетельство В. Тусара о том, что в те дни чешская буржуазия во всех своих действиях руководствовалась манифестом императора Карла от 16 октября, см. *Zd. Tobolka*, Politické, dějiny československého národa, od r. 1848 až do dnesní doby, ti. IV. Praha 1937, str. 391.

Одновременно для переговоров с генеральным секретарем эмигрантского буржуазного Национального совета Эд. Бенешем и установления более тесного контакта с Антантой в Женеву с разрешения правительства Австро-Венгрии выехала делегация Чешского союза (и Национального комитета), в состав которой входили Крамарж, Станек, Калина, один из лидеров национально-социалистической партии — Клофач и правый социал-демократ Г. Габрман. Примечательно, что с этой делегацией в Женеву выехали в качестве «экспертов» директор Живностенского банка Я. Прейсс и директор Аграрного банка К. Свобода.

[3] Бенеш писал в Прагу в сентябре 1918 г.: «При настоящих обстоятельствах наши вообще ничего не должны предпринимать. Они должны быть готовы к тому, чтобы в надлежащий момент заявить, что они не пойдут в парламент, потому что их вопрос уже не касается Австрии, он — международный. Но они также не должны допустить, чтобы вспыхнули восстания или революция до тех пор, пока мы не дадим отсюда сигнала... По-видимому, будущей весной союзники попытаются одним ударом прорвать германский и австрийский фронт. Тогда наступит время действий для нас» (*Ed. Beneš*, Der Aufstand der Nationen, Berlin 1928, S. 566—567).

Такая политика была продиктована крайним страхом чешской монополистической буржуазии перед народной революцией. Те же классовые позиции определяли политику словацкой буржуазии.

Словацкая буржуазия из-за конкурентных соображений настороженно относилась к вопросу о воссоединении чешского и словацкого народов и во второй половине октября 1918 г. продолжала занимать сепаратистскую позицию. Словацкие буржуазные политики настаивали лишь на распространении на Венгрию манифеста императора Карла от 16 октября и добивались допуска своих представителей на предстоявшую мирную конференцию [1].

В то же время чешская буржуазия при попустительстве со стороны правительства Австро-Венгрии вела организационные приготовления к захвату власти в чешских землях в случае полного крушения империи Габсбургов.

С помощью создаваемых в Праге и в других городах и округах экономических советов чешские аграрии постепенно заняли руководящие позиции в органах снабжения. В короткий срок все снабжение Чехии продовольствием сосредоточилось в руках Пражского Национального комитета [2].

Антанта, напуганная революционными событиями в чешских землях и Словакии осенью 1918 г. и поставленная перед фактом провозглашения пролетариатом самостоятельной Чехословацкой республики, была вынуждена менять курс политики, чтобы не допустить развития революции.

Империалисты Антанты и США оказывали открытую поддержку эмигрантскому Парижскому Национальному совету Масарика — Бенеша, с большой поспешностью реорганизуя его в буржуазное Временное чехословацкое правительство.

Если еще в ноте Вильсона к правительству Германии от 14 октября 1918 г. среди многочисленных предпосылок для начала мирных переговоров с центральными державами ни звуком не упоминалось о расчленении Австро-Венгрии, то уже 15 октября находившийся в то время в США первый лорд адмиралтейства Геддес сообщал английскому правительству о внезапном изменении взглядов

---

[1] *V. Chaloupecky*, Zápas o Slovensko 1918, Praha 1930, str. 43.
[2] «Právo Lidu», 28. X. 1926.; «Národní Politika», 28. X. 1928.

президента, который в беседе с ним «упомянул об абсолютной необходимости разделения Австро-Венгерской империи» [1]. Бенеш, вызванный еще 14 октября в Министерство иностранных дел Франции, получил предложение образовать Временное правительство в составе: Масарик — премьер-министр и министр финансов, Бенеш — министр иностранных и внутренних дел, Штефаник — военный министр [2].

Последовавшее сразу же за тем официальное признание империалистами Антанты и США правительства Масарика — Бенеша преследовало своей целью не допустить дальнейшего развертывания революционного движения в Чехословакии.

Временное чехословацкое правительство уже в первых своих официальных заявлениях проявило готовность послушно проводить антисоветскую политику. Это, в частности, нашло свое выражение в назначении этим правительством посла при Колчаке.

В опубликованном Масариком в Вашингтоне «Провозглашении независимости чехословацкой нации» от 18 октября 1918 г., текст которого был полностью согласован с государственным секретарем США, прославлялся антисоветский мятеж чехословацкого корпуса в России [3].

28 октября 1918 г. в Праге происходили новые стихийные волнения, вызванные опубликованием ноты министра иностранных дел Австро-Венгрии Андраши от 27 октября 1918 г. о капитуляции Австро-Венгрии. Под давлением демонстрантов руководители Парижского Национального комитета были вынуждены объявить об образовании самостоятельной Чехословацкой республики. Власть в государстве, созданном в результате революционной борьбы чешских и словацких трудящихся, «очутилась в руках буржуазии» [4].

По свидетельству одного из активных участников событий, члена Национального комитета, правого социал-де-

---

[1] Цит. по кн.: *Д. Ллойд Джордж*, Военные мемуары, т. VI, М. 1938, стр. 154—155.

[2] *Ed. Beneš*, Der Aufstand der Nationen, S. 565—566.

[3] Прежде чем быть опубликованным, текст Вашингтонской декларации был представлен Масариком государственному секретарю США Р. Лансингу (*Ed. Beneš*, Světová válka a naše revoluce, t. III, str. 472, 475).

[4] «Правда», 1 февраля 1957 г. Речь товарища А. Запотоцкого.

мократа Льва Винтера, буржуазный Национальный комитет в Праге руководствовался при этом отнюдь не патриотическими чувствами, а лишь страхом перед дальнейшим развитием революции, перед вооруженным всенародным восстанием [1].

Еще 24 октября 1918 г. Пражский Национальный комитет вступил в переговоры с представителями австрийского военного командования в Праге по вопросу о передаче власти в руки Национального комитета [2]. Представители габсбургского правительства проявляли полную готовность к совместному сотрудничеству с чешской буржуазией против революции.

25 октября в ходе переговоров Крамаржа с австрийским премьер-министром Ламмашем выявилось, что австрийская администрация не будет чинить препятствия к установлению власти чешской буржуазии.

26 октября Национальный комитет договорился с военным министерством Австро-Венгрии о сотрудничестве в области снабжения фронта и тыла. В результате переговоров с австрийскими офицерами и комендатурой пражский гарнизон был передан в распоряжение Национального комитета.

По рассказу Л. Винтера, командующий гарнизоном генерал Занантони не только не оказал при этом никакого сопротивления, но, напротив, идея о передаче пражского гарнизона Национальному комитету исходила именно от него. Это предложение генерала Занантони было без промедления одобрено командующим пражским военным округом генералом Кестржанеком. О своем решении оба австрийских генерала сообщили в Вену военному министру, заявив, что «они хотят избежать кровопролития и что поэтому не будут ввязываться в политические события, но совместно с Национальным комитетом будут следить за сохранением порядка» [3]. 28 октября австрийские власти должны были передать Национальному комитету центральное ведомство по снабжению — Продовольственное управление.

В эти исторические переломные дни завершения первой мировой войны, когда решались судьбы народов по-

---

[1] «Právo Lidu», 28. X. 1926.
[2] Там же.
[3] Там же.

слевоенной Европы, и в том числе судьбы чешского и словацкого народов, и когда в ряде стран, по словам В. И. Ленина, практически ставился в порядок дня вопрос о пролетарской революции [1], чешский и словацкий пролетариат, не имевший своего революционного авангарда, своего боевого штаба — революционной партии нового, ленинского типа, оказался не в состоянии взять власть в свои руки. Левые социал-демократы, будучи честными революционерами, преданными делу рабочего класса, интересам народа, не стояли на позициях марксизма-ленинизма и не понимали роли революционной партии, спаянной железной дисциплиной и вооруженной революционной программой, соответствующей эпохе империализма и пролетарских революций.

В ночь с 27 на 28 октября 1918 г. представитель Национального комитета в Вене правый социал-демократ Тусар сообщил Рашину о развале итальянского фронта Австро-Венгрии и вероятности ее быстрой капитуляции [2]. Ночью же было созвано чрезвычайное совещание Национального комитета, решившее продолжать в теснейшем контакте с австро-венгерскими властями занятие важных правительственных учреждений. Всю серьезность и ответственность создавшегося положения было решено скрыть от масс, чтобы не вызвать неожиданного революционного взрыва, так как чешские буржуазные политики были уверены, что новое революционное выступление, подобное событиям 14 октября, сметет не только габсбургские власти, но и сотрудничавших с ним на всем протяжении войны чешскую буржуазию и аграриев.

Рассказывая об этом экстренном заседании Национального комитета, один из современников характеризует настроения чешских буржуазных политиков следующим образом: «Никто тогда не мог предвидеть, что всего через несколько часов в Праге и повсюду в чешских землях совершится переворот» [3].

На следующее утро, 28 октября 1918 г., в издательствах буржуазных газет подготовлялись к выпуску обычные будничные номера, а представитель Национального

---

[1] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 28, стр. 209.

[2] *З. Шолле*, Рабочее движение в чешских землях во время мировой империалистической войны 1914—1918 гг., стр 152.

[3] «Národní Politika», 28. X. 1928.

комитета Л. Винтер (правый социал-демократ) и представитель Продовольственного совета д-р Вишковский продолжали переговоры о совместных действиях с австрийскими военными интендантами [1]. В это время в Прагу пришло сообщение о капитуляции Австро-Венгрии. Первой получила это известие через один из пражских банков редакция старочешской газеты «Народни политика» [2]. Было ясно, что это было сообщение первостепенной политической важности. Реакционные буржуазные политики, группировавшиеся вокруг редакции «Народни политика», обсудили создавшееся положение. Долго скрывать от народа сообщение о капитуляции Австро-Венгрии было невозможно. Страна напоминала пороховой погреб; фронт рухнул, и массы солдат, иногда вооруженные, возвращались на родину, несмотря на чинимые им препятствия. Старочешские буржуазные политики, даже имея уже сведения о капитуляции, некоторое время бездействовали, ожидая инструкций от австро-венгерского правительства. Только тогда, когда императорско-королевское телеграфное агентство передало официальное телеграфное сообщение из Вены, старочешские политики В. Бенеш-Шумавский, Эмиль Гейстлих и др. решили взять инициативу в свои руки. Чтобы не вызвать неожиданного революционного взрыва со стороны рабочих и вместе с тем чтобы дать возможность Национальному комитету освоиться с создавшейся обстановкой, для всеобщего сведения на здании редакции «Народни политика» был вывешен уже подготовленный заранее плакат, на котором стояло всего лишь одно слово: «Перемирие». Немедленно к редакции «Народни политика» стали стекаться массы народа; всюду слышались возгласы: «Идите к «Народни политика»! Война закончилась, Австрия разбита, мы свободны, у нас свое государство, своя республика!» [3]

Убедившись, что вооруженного восстания в Праге не происходит, редакторы «Народни политика» вывесили полный текст ноты о прекращении Австро-Венгрией военных действий. Трудящиеся массы Праги начали собираться на площадях города. В городе стихийно возникали массовые демонстрации. Народ — рабочие, городская мел-

---

[1] «Právo Lidu», 28. X. 1926.
[2] «Národní Politika», 28. X. 1928.
[3] Там же.

кая буржуазия и солдаты, находившиеся в Праге,— начал срывать со зданий государственные эмблемы Австро-Венгрии.

Трудящиеся требовали, чтобы самостоятельное Чехословацкое государство было государством подлинно демократическим.

В то время как народ вышел на улицы в революционном порыве и практически свергал власть Габсбургов, руководители Пражского Национального комитета отправились в пражское наместничество за информацией и инструкциями из Вены [1]. Между тем венское правительство не было в состоянии дать никаких ясных указаний чешским буржуазным политикам, перед лицом пражских событий оно могло только засвидетельствовать свою полную капитуляцию.

Утром 28 октября венское правительство получило сообщение, что в Праге якобы уже образовалось национальное правительство. У премьер-министра Ламмаша было срочно созвано заседание Совета министров, на котором присутствовали наместник Чехии граф Куденгове и уполномоченный Пражского Национального комитета правый социал-демократ Тусар. Выяснилось, что Тусар ничего не знал о перевороте в Праге. По свидетельству Куденгове, Тусар подчеркнул, что вплоть до возвращения из Женевы чешских депутатов венского рейхсрата никакие решительные шаги буржуазными политиками не будут предприняты. По решению правительства, наместнику в Чехии Куденгове было поручено договориться в Праге с Национальным комитетом о создании союзного габсбургского государства согласно манифесту императора Карла.

Тем временем в Праге Национальный комитет, убедившись в полном бессилии австро-венгерского правительства и опираясь на поддержку правых социал-демократов, наконец, около полудня заявил, что берет всю

---

[1] Узнав о начавшемся в Праге перевороте, буржуазный Национальный комитет вначале выразил свое недовольство: Рашин по телефону приказал убрать вывешенный на Вацлавской площади первый национальный (красно-белый) флаг: «Не делайте глупостей. Уберите этот флаг. Все равно ничего не получится. Это еще не конец войны. Это еще только основа для новых переговоров... Мы не должны торопиться». (См. сб. «Proti kosmopolitismu ve výkladu našich národních dějin», Praha 1953, str. 100.)

власть в свои руки. Национальный комитет выступил с воззванием «Чехословацкому народу», в котором провозглашалось, что власть в самостоятельном Чехословацком государстве перешла в руки «единственно полномочного и ответственного органа» — Национального комитета, население призывалось к «спокойствию» и «дисциплине» [1], основа капиталистического строя — частная собственность объявлялась священной и неприкосновенной. В тот же день Национальным комитетом был издан первый закон, в котором высшим органом государственной власти утверждался Национальный комитет, ему должны были подчиниться все органы государственной власти на местах, причем временно сохранялось все законодательство Австрии, а значит, и законы об исключительном положении военного времени [2].

Правые социал-демократы пытались представить Национальный комитет как правительство, ответственное перед народом. Призывая трудящиеся массы сохранять порядок и спокойствие и беспрекословно подчиняться приказам Национального комитета, они обещали трудящимся установление власти трудового народа, замену постоянной армии милицией, справедливое распределение продовольствия.

На сторону Национального комитета переходили многие офицеры и тут же на улице вербовали среди находившихся в городе солдат добровольцев в создававшееся национальное войско [3]. Многие чешские солдаты и моряки откликались на эти призывы и вступали в добровольческие отряды [4].

Добровольческие отряды создавали также студенты, рабочие, спортивные организации, руководимые правыми социал-демократами, пожарники.

Австрийские патрули передавали народу винтовки. Опираясь на сокольские отряды и скаутов [5], не встречая сопротивления со стороны австро-венгерских властей, На-

---

[1] *Fr. Soukup*, 28 Říjen, Praha 1928, t. II, str. 1007—1008.

[2] Причем в первой статье закона оговаривалось, что форма правления в новом государстве будет решена Национальным собранием и Парижским Национальным советом (там же, стр. 1006). Чешская буржуазия все еще пыталась сохранить монархическую форму правления.

[3] «Národní Politika», 28. X. 1928.

[4] «Národní Politika», 4. VII. 1926.

[5] «Rudé Právo», 14. X. 1928.

циональный комитет занял здания важнейших государственных учреждений, почты и телеграфа.

При этом не только 28-го, но и 29 октября Национальный комитет продолжал антинародные и даже изменнические переговоры с представителями бывшего габсбургского правительства. 29 октября в Прагу прибыл бывший наместник Чехии граф Куденгове. Ему была предоставлена возможность ознакомиться с положением дел. В здании наместничества он имел беседу со своими заместителями и некоторыми руководителями полиции и жандармерии. Результатом совещания было решение: «...Перед лицом совершившегося 28 октября факта никоим образом не оказывать сопротивления» [1].

Затем по поручению Национального комитета четыре его члена — Рашин, Швегла, Стржибрный и правый социал-демократ Соукуп — имели с Куденгове тайную беседу. Во время беседы с наместником руководители Национального комитета интересовались инструкциями венского правительства, привезенными Куденгове. Они проектировали сохранение в Праге австрийского наместничества и оставление генерала Куденгове, прославившегося своими жестокостями по отношению к чешскому народу в годы войны, во главе управления в Чехии. Куденгове получил также приглашение принять участие в образовании правительства. У Куденгове создавалось впечатление, что Национальный комитет замышлял ввести в Чехословацком государстве монархическую форму правления. Поэтому не без основания в 1924 г. коммунистическая газета «Руде право» писала, что эта беседа имела именно тот смысл, что «переворот и возникшее в результате него Чешское или Чехословацкое государство должны были означать лишь создание союзного государства согласно манифесту императора Карла» [2]. Во всяком случае наместник Куденгове в течение всего дня вел беспрепятственные телефонные переговоры с Веной, с министерством внутренних дел. Куденгове сообщил министру о создавшейся обстановке в Праге, о том, что пражское военное командование передало командование войсками Национальному комитету и что большинство государственных учреждений и продовольственных органов признало новое

---

[1] «Prager Tagblatt», 12. VIII. 1924.
[2] «Rudé Právo», 16. VII. 1924.

правительство. В результате дальнейших переговоров австрийское военное командование в Праге предоставило Национальному комитету находившуюся в его распоряжении вооруженную пражскую полицию [1]. Наместничество само обратилось с циркулярами к государственным учреждениям, призывая их подчиниться власти Национального комитета [2].

В эти же дни некоторые чешские буржуазные политики делали последние попытки, чтобы сохранить монархию Габсбургов, о чем свидетельствуют переговоры в Женеве, происходившие с 28 по 31 октября 1918 г. между Бенешем, представителем Временного чехословацкого правительства, и делегацией Чешского союза.

Как известно, женевское совещание рассматривало планы сохранения Габсбургской монархии при условии ведущей роли в ней Чешского государства, воссоединенного со Словакией. Только сообщение о происшедшей в Праге и чешских землях революции заставило отказаться от осуществления планов приверженцев Габсбургской монархии. Убедившись, что спасти Габсбургскую монархию невозможно, участники женевского совещания постановили просить немедленной оккупации Чехословакии вооруженными силами Антанты. Кроме того, по предложению Бенеша делегация Чешского союза признала действительными все обязательства, принятые Парижским Национальным советом перед империалистами Антанты. Была достигнута договоренность относительно распределения министерских портфелей, причем было оговорено, что деятели эмигрантского правительства Штефаник и Бенеш войдут в состав правительства в Праге, а Масарик займет пост президента Чехословакии.

Ничего не зная о проектах чешских буржуазных политиков, население Праги продолжало сохранять полное доверие к буржуазному Национальному комитету, захватившему государственную власть: ведь революция победила и было достигнуто национальное освобождение.

Трудящиеся праздновали свою победу «над милитаризмом и империализмом» [3]. 28 и 29 октября предприятия не работали; до поздней ночи на улицах происходили мас-

---

[1] См. *З. Шолле*, Рабочее движение в чешских землях во время мировой империалистической войны 1914—1918 гг., стр 156.

[2] «Právo Lidu», 31.X. 1918.

[3] «Právo Lidu», 30. X. 1918.

совые демонстрации; в Национальном театре вечером 28 октября состоялось торжественное представление «Проданной невесты». Перед началом спектакля была зачитана прокламация Национального комитета о взятии власти, встреченная овациями присутствовавших.

Пражские рабочие только к вечеру 28 октября начали организовываться, чтобы сформулировать свои требования и выработать революционную программу для дальнейших действий. Вечером 28 октября было созвано совещание доверенных лиц социал-демократической партии, одобрившее сотрудничество Социалистического Совета с Национальным комитетом. На следующий день, 29 октября, в Народном доме при большом стечении рабочих вновь состоялось совещание партийных и профсоюзных доверенных лиц. На этих совещаниях выступали левые социал-демократы и левые социалисты, настаивавшие на осуществлении «всех требований трудового народа», «социалистических требований пролетариата» [1]. Правые социал-демократы обещали, что все требования рабочих будут выполнены. То же самое обещал Пражский Социалистический Совет в воззвании к рабочим от 30 октября. Социалистический Совет призывал рабочих сохранять порядок и спокойствие и приступить к работе [2]. Рабочие устраивали демонстрации, требуя безотлагательного осуществления социалистических преобразований.

Пражский революционный переворот был единодушно поддержан трудящимися массами чешских земель и Словакии. В чешских землях переворот и свержение австро-венгерских властей произошли очень быстро — в ближайшие часы после пражского переворота или на следующий день.

При сообщении о капитуляции Австро-Венгрии население устраивало демонстрации, почти повсеместно сопровождавшиеся всеобщей забастовкой. Трудящиеся срывали государственные эмблемы Австро-Венгрии, помогали местным национальным комитетам (там, где они имелись) занять правительственные учреждения; политические заключенные выпускались из тюрем [3]. Венгерские солдаты и солдаты других национальностей братались с чешскими солдатами [4].

---

[1] «Právo Lidu», 30. X. 1918.
[2] Там же.
[3] «Právo Lidu», 30, 31. X. 1918; 1, 2. XI. 1918.
[4] «Nová Doba», 1. XI. 1918.

Пока правые социал-демократы убаюкивали массы, призывая их к «спокойствию» и «удержанию порядка», национальные комитеты на местах брали власть в свои руки. Представители австро-венгерских властей почти нигде не оказывали серьезного сопротивления. Обычно переход аппарата управления в руки национальных комитетов происходил в результате переговоров с представителями австро-венгерских властей. Весь аппарат управления и на местах сохранялся в прежнем составе, подчиняясь национальным комитетам. Повсеместно в чешских землях буржуазия вооружалась.

В Оломоуце, Пршерове и в других городах Моравии командиры местных гарнизонов добровольно переходили на службу к национальным комитетам. Во многих местах (как, например, в Пльзене) офицеры помогали буржуазии создавать вооруженные силы контрреволюции — «национальную гвардию» [1].

Однако нередко на местах трудящиеся массы и даже некоторые местные национальные комитеты выступали вопреки указаниям буржуазии из Праги.

Чешские трудящиеся требовали, чтобы Чехословацкое государство было подлинным государством трудового народа. «Повсюду проявляется единодушная воля народа,— писала в те дни социал-демократическая пльзенская газета «Нова доба»,— чтобы наша родина, новое Чехословацкое государство было построено на принципах полнейшей демократии и социального равенства и справедливости» [2].

В Жижкове (предместье Праги) и некоторых других городах демонстранты — рабочие, солдаты и другие трудящиеся — несли красные и национальные знамена и транспаранты с надписью: «Да здравствует социалистическая республика!» [3]

«Каждый верил, что в новой республике будет проведена социализация крупной собственности и ликвидирована эксплуатация бедняков капиталистами. Народ верил, что будет осуществлено то, чего он требовал 14 октября,— социалистическая республика» [4].

---

[1] «Právo Lidu», 1. XI. 1918; 30. X. 1918.
[2] «Nová Doba», 30. X. 1918.
[3] «Právo Lidu», 30. X. 1918.
[4] *Al. Pěnička*, Kladensko v revolučních letech 1917—1921, str. 39.

Выражая доверие национальным комитетам и поддерживая их, трудящиеся уповали на то, что выразителями их интересов являются социал-демократы, участвовавшие в национальных комитетах и даже возглавлявшие некоторые из них (например, в Моравской Остраве, Клатови)[1].

В отдельных случаях национальные комитеты на местах образовывались восставшим народом. Такие национальные комитеты руководили революционными действиями трудящихся, свергавших австро-венгерские власти, и проводили революционные мероприятия. Иногда это были не только местные, но и окружные национальные комитеты, устанавливавшие свою власть над территорией целых округов. Чешская буржуазия, чувствовавшая себя непрочно, боялась этих национальных комитетов. Пражский Национальный комитет вынес решение, чтобы все национальные комитеты на местах безусловно подчинялись его руководству[2].

Государственный переворот в Брно — центре Моравии произошел 29 октября, после того как стало известно о перевороте в Праге. Улицы Брно и предместий были заполнены народом, демонстранты несли национальные знамена[3].

Созданный в тот же день Национальный комитет договорился о сотрудничестве с наместником Моравии Гейнольдом и командующим войсками генерал-лейтенантом Пешманом[4].

Находившиеся в городе чешские офицеры (в основном средних рангов—поручики, подпоручики, штабс-капитаны, военные врачи) поддерживали буржуазный Национальный комитет. Комитет предлагал офицерам, обращавшимся к нему за указаниями, ничего не предпринимать против австрийских властей и ожидать указаний из Праги[5].

Игнорируя неспособный ориентироваться в обстановке Национальный комитет, чешские офицеры вечером 29 октября образовали в Брно Военно-революционный комитет, председателем которого был избран поручик Зиха. Этот Военно-революционный комитет при поддержке ряда чле-

---

[1] «Právo Lidu», 30. X. 1918; 1. XI. 1918.
[2] «Právo Lidu», 31. X. 1918.
[3] «Socialistická Budoucnost», 28. X. 1919.
[4] *З. Шолле*, Рабочее движение в чешских землях во время мировой империалистической войны 1914—1917 гг., стр. 158—159.
[5] «Socialistická Budoucnost», 28. X. 1919.

нов национально-социалистической партии и сокольских организаций создал вооруженные отряды из находившихся в городе чешских солдат и с их помощью занял важнейшие государственные учреждения Брно; у австрийского командования было отобрано оружие. Быстрые и решительные действия Военно-революционного комитета снискали ему популярность и поддержку среди части населения. Комитет присвоил себе значительные полномочия, вел переговоры с австрийскими офицерами, заведовал боеприпасами, раздавал советы и указания руководителям переворота в соседних городах. Однако ограниченная классовая сущность этого органа, считавшего себя революционным, обнаружилась уже через три дня, когда он самораспустился по первому требованию Пражского Национального комитета. Причину беспрекословного подчинения Военно-революционного комитета приказу Национального комитета его председатель Зиха объяснял так: «Самораспустился без колебаний, чтобы не оказать какой-либо поддержки *опасным тенденциям создания солдатских и унтер-офицерских Советов, которые уже начали создаваться*» [1]. Так колеблющиеся средние слои городского и сельского населения переходили на сторону реакционной буржуазии.

Рабочие Моравии продолжали борьбу за истинно народную Чехословацкую республику.

Уже 4 ноября 1918 г. в Брно произошла демонстрация 50 тыс. рабочих, солдат и представителей городской бедноты. На демонстрациях и митингах рабочие заявляли: «Мы требуем социалистическую республику!» [2] Обращаясь к Пражскому Социалистическому Совету, рабочие требовали немедленно связаться с немецкими рабочими, чтобы создать социалистическую республику совместными усилиями.

Такие же демонстрации происходили в Пльзене и в других промышленных центрах чешских земель. С помощью Социалистических Советов, которые рабочие создавали с начала ноября 1918 г. буквально во всех промышленных центрах, они пытались взять власть в свои руки. Социалистические Советы существовали по всей тер-

---

[1] «Socialistická Budoucnost», 28. X. 1919.
[2] «Dělnický Deník», 6.XI. 1918.

ритории Чехии и Моравии: в Праге, Брно, Пльзене, Йглаве, Оломоуце, Гуссовицах, Жиденицах, Юлианове, Пршерове, Раковнике, Кралове Поле, Простейове, Тржебиче, Кладно, Кромержиже, Жижкове, Младо-Болеславе, Тржебове, Нусле, Нусле-Удоле, Панкраце и в других городах [1].

Несмотря на то, что в руководство местных Социалистических Советов проникали оппортунисты, эти Советы заметно отличались от Пражского Социалистического Совета, так как в большей степени отражали революционные настроения масс.

Многие Социалистические Советы руководили рабочим движением на больших территориях. Так, например, Социалистический Совет в Оломоуце распространял свою деятельность на близлежащие города Черновир, Белидла, Годолана.

Социалистические Советы ведали делами местного характера, в первую очередь добивались признания вводимого рабочими явочным порядком 8-часового рабочего дня.

Рабочие были уверены, что, создавая Социалистические Советы, они строят социалистическую республику; так, например, рабочие города Жиденице объявили свой город социалистическим городом [2]. Широко распространенные в то время социал-реформистские взгляды о мирном рождении социализма и характере деятельности Социалистических Советов свидетельствуют о том, что в рабочем движении были сильны реформистские иллюзии, но что в целом рабочий класс неудержимо стремился к социализму.

Чтобы контролировать и ограничить деятельность Социалистических Советов, Пражский Социалистический Совет, руководимый правыми оппортунистами, объявил себя «центром всей социалистической политики» [3].

Вопреки призывам правых социал-демократов, уговаривавших население сохранять спокойствие и порядок, в чешской деревне после пражского переворота развернулась ожесточенная классовая борьба: трудящееся крестьянство боролось за землю. Движение чешских трудящихся крестьян было направлено не только против крупных австрийских магнатов, но и против чешских аграриев — поме-

---

[1] «Dělnický Deník», 14, 15, 16, 17, 28, 30. XI. и 3—4. XII. 1918; «Národni Politika», 28. XI. 1918.

[2] «Dělnický Deník», 22.XI. 1918.

[3] «Dělnický Deník», 6. XI. 1918.

щиков и кулаков, которые усиленно вооружались и создавали контрреволюционные военные отряды — «сельские», или «горные», легионы [1]. Особенно интенсивной была революционная борьба крестьян Моравии, где крестьяне врывались в помещичьи усадьбы, громили их [2].

Однако крестьянское движение никак не было связано с рабочим движением и с движением Социалистических Советов. Чешская монополистическая буржуазия и аграрии при содействии национально-социалистической партии и правых социал-демократов еще в годы войны не скупились на обещания раздела помещичьих земель [3]. Обещанием проведения радикальной аграрной реформы они добились ослабления крестьянского движения.

Раздробленность и стихийный характер рабочих и крестьянских выступлений ослабляли развитие революции.

Революция в чешских землях оказала большое влияние на революционное движение в Словакии осенью 1918 г. В конце октября — начале ноября вспыхнули вооруженные восстания в словацких городах и селах.

Города Трнава, Тренчин, Превидз, Нове Место над Вагом, Мыява, Старый Турч и др., а в конце 1918 г. и сама столица Словакии Братислава некоторое время находились в руках восставших рабочих, солдат и городской бедноты [4].

Крестьяне под руководством вернувшихся с фронта солдат захватили крупные поместья графов Пальфи, Карольи, барона Поппера и других венгерских помещиков. Имеются сведения о том, что в некоторых местах (например, в округе Чадца или Малый Станковац) вооруженные восстания словацких крестьян начинались по инициативе работавших здесь русских военнопленных.

---

[1] «Dělnický Deník», 20—21. XI. 1918.

[2] «Neue Freie Presse», 17. XI. 1918.

[3] Так, еще в конце 1917 г. председатель Чешской аграрной партии Удржал, выступая в комиссиях австрийского рейхсрата, заявил о своих «симпатиях» к требованию раздела помещичьих земель («Dělnický Deník», 16. XII. 1917). В программу национально-социалистической партии, принятую весной 1918 г., был внесен пункт об отчуждении крупного землевладения (см. *Zd. Tobolka*, Politické dějiny Československá národa ..., d. IV, str. 277). Осуществление аграрной реформы правые социал-демократы и национальные социалисты обещали в печати и на митингах (см. также «Časopis Matice Moravské», roč 75/1956, č. 1—2, str. 34).

[4] «Neue Freie Presse», 6, 29. XI. 1918; «Arbeiter-Zeitung», 1. I. 1919; *V. Šrobar*, Osvobodené Slovensko, Praha 1928, str. 235—238, 240.

Революционные выступления словацких рабочих и крестьян своим острием были направлены также и против словацкой буржуазии.

В связи с событиями в бывшей монархии Габсбургов 3 ноября 1918 г. в Москве возникла демонстрация. На этой демонстрации выступил В. И. Ленин [1].

В тот же день Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, Совет Народных Комиссаров и Московский Совет обратились с воззванием к трудящемуся народу Австро-Венгерского государства [2]. В этом воззвании было и прямое обращение к чешским рабочим. Воззвание призывало чешских рабочих не доверять буржуазии и не оставлять руководство политикой в руках банкиров и реакционеров типа Прейса и Крамаржа, не верить обещанной помощи со стороны американского, французского, английского капитала, а с помощью Советов взять власть в свои руки, развить революцию дальше, опираясь на поддержку рабочих и крестьян остальной части Австро-Венгрии и Советской России.

Заседавший в те же дни VI (Чрезвычайный) Всероссийский съезд Советов получал массу телеграмм из различных уголков Советского государства. В этих телеграммах рядовые советские люди — рабочие, партийные и советские работники, красноармейцы, курсанты, работники комитетов бедноты — выражали свой восторг по поводу революционных событий в Австро-Венгрии (и в Германии) и свою солидарность с революционными трудящимися массами [3].

VI Всероссийский съезд Советов, отмечая в своих решениях подъем революционного движения во всем мире, заверял зарубежных рабочих и крестьян в том, что Советская Россия всегда будет готова оказать им всестороннюю бескорыстную помощь в деле свержения империалистов: «Рабочие и крестьяне, солдаты и все угнетенные всего мира могут быть уверены, что трудящиеся массы России готовы всеми своими силами помочь делу освобождения трудящихся» [4].

---

[1] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 28, стр. 111.

[2] См. «Правда», 3 ноября 1918 г.

[3] См. «VI Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов», стенографический отчет, М. 1918, стр. 90—100, 127, 129, 131, 136, 146, 154.

[4] «Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях». Сб. документов, стр. 121—122.

В то время как чешские рабочие на демонстрациях выдвигали лозунг социалистической республики, а словацкие крестьяне требовали создания свободного государства без помещиков, торговцев и ростовщиков, чешская монополистическая буржуазия, опираясь на поддержку Антанты, с исключительной быстротой выработала временную конституцию [1]. 14 ноября было создано первое буржуазное правительство во главе с крайним реакционером К. Крамаржем; Т. Г. Масарик был избран на пост президента.

* *
*

Чехословацкое государство, возникшее осенью 1918 г. в результате национальной буржуазно-демократической революции, по своей классовой сути было государством диктатуры чешской монополистической буржуазии.

Пролетариат Чехии и Словакии в 1918 г. не смог пойти дальше свержения Австро-Венгерской монархии и осуществления национального освобождения.

Пролетариат не имел единой, организованной, боевой, революционной марксистско-ленинской партии.

Правые социал-демократы, руководившие чешской и словацкой социал-демократическими партиями, отвергая лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую, сотрудничали со «своей», национальной буржуазией. Маловеры и капитулянты, они своей политикой только дезориентировали и дезорганизовывали пролетариат. Ряды пролетариата были раздроблены. Поэтому пролетариат Чехии и Словакии не мог установить своей гегемонии в революции. Движение чешских и словацких трудящихся масс в 1914—1918 гг., в том числе и в решающие дни революции и распада Австро-Венгрии, оставалось стихийным и неорганизованным.

Для судьбы революции в Чехословакии в 1918 г. большую роль сыграло то обстоятельство, что в Чехии и Словакии в то время еще не сложилось союза рабочего класса и крестьянства, являющегося необходимым условием для победы пролетариата.

Чешская буржуазия имела большой политический опыт; она умело использовала поддержку Антанты, пребывание

---

[1] Временная конституция была принята 13 ноября 1918 г. Национальным комитетом.

Масарика в эмиграции и участие добровольцев-легионеров в боях на стороне Антанты, для того чтобы нажить себе политический капитал в глазах широких трудящихся масс, ненавидевших габсбургскую «тюрьму народов».

Опираясь на поддержку международного империализма, имевшего в виду превратить Чехословацкую республику в зависимое государство и один из опорных пунктов борьбы против Советской республики, и не встречая сопротивления со стороны габсбургского правительства и австро-венгерских властей, буржуазия захватила государственную власть в свои руки. «...Одновременно с национальным освобождением еще не пришло освобождение социальное» [1],— отметил А. Запотоцкий в одном из своих выступлений во время пребывания в Москве в 1957 г. Тем не менее образование Чехословацкой республики в 1918 г. было важным прогрессивным моментом в истории чешского и словацкого народов.

Создание государства двух братских славянских народов было большим достижением в их вековой национально-освободительной борьбе. Связанный с этим событием дальнейший подъем революционного движения в стране, возникновение Словацкой Советской республики в июне 1919 г. способствовали консолидации рабочего класса Чехословакии, укреплению его рядов, постепенному освобождению из-под влияния социал-демократии и буржуазного национализма и шовинизма. Огромное значение для исторических судеб народов Чехословакии имело образование Коммунистической партии Чехословакии в 1921 г.

Коммунистическая партия Чехословакии в годы существования предмюнхенской республики руководила революционной борьбой рабочего класса и всех трудящихся Чехословакии за освобождение от капиталистического гнета, а затем возглавила борьбу народа против немецко-фашистских захватчиков. После всемирно-исторической победы Советского Союза над фашистской Германией, рабочий класс Чехословакии под руководством своей партии и в союзе с широкими трудящимися массами установил в своей стране народно-демократический строй.

Создание свободного и независимого Чехословацкого народно-демократического государства явилось величайшим завоеванием народов Чехословакии, его появление в

---

[1] «Правда», 1 февраля 1957 г.

1945 г. означало завершение многовековой национально-освободительной борьбы чешского и словацкого народов и открыло народам Чехословакии путь к построению социализма.

Исторический опыт показывает, что дело, за которое боролись лучшие сыны чешского и словацкого народов в 1918 г., нашло свое завершение при создании действительно самостоятельного и независимого народно-демократического государства — подлинного отечества трудящихся Чехословакии.

В. МАРЬИНА

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В СЛОВАКИИ В 1918—1919 гг.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России оказала огромное влияние на подъем массового революционного и национально-освободительного движения трудящихся во всем мире. «Русская революция бросила искры во все страны мира и еще ближе подвинула к краю пропасти зарвавшийся империализм» [1],— указывал В. И. Ленин 9 августа 1918 г.

Декреты о мире, о земле и о власти, принятые II съездом Советов, а также претворение в жизнь в Советской республике лозунга о праве наций на самоопределение, вплоть до отделения, сыграли большую революционизирующую роль в истории всех народов.

Великая Октябрьская социалистическая революция способствовала поражению Германии и Австро-Венгрии в войне. Под влиянием революционных событий в России усилилось разложение немецких и австро-венгерских войск. Поражения центральных держав на фронтах и усиление революционного движения в стране ускорили издавна назревавший развал австро-венгерской монархии.

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала решающее влияние на подъем революционного движения трудящихся масс Австро-Венгрии.

В декабре 1917 г. по всей Австро-Венгрии прокатилась волна демонстраций, участники которых требовали принятия мирных предложений Советского правительства.

15 ноября 1917 г. словацкая социал-демократическая газета «Роботницке новины», выходившая с 1904 г. в Бра-

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 28, стр. 35.

тйславе, на первых двух страницах напечатала сообщения о революции в России и о первых декретах Советской власти, принятых II съездом Советов [1].

Требование трудящихся немедленно начать переговоры о мире на основе предложений Советского правительства нашло свое отражение в «Воззвании социал-демократической партии Венгрии» [2], напечатанном в «Роботницких повинах». В нем говорилось: «Русская революция является общим делом демократии и социализма всего мира. И судьба этой революции неразрывно связана с благородным вопросом о мире... мы требуем, чтобы правительство приняло предложение о перемирии и заявило, что согласно на основе условий, содержащихся в русском предложении, безотлагательно начать переговоры о мире» [3].

Нежелание правительства принять советские предложения вызвало демонстрации за мир и забастовки по всей тогдашней Венгрии, включая и Словакию. В Братиславе, Липтовском святом Микулаше, Кошицах, Рыбарполе, Подбрезовой, Зволене и в других городах Словакии бастовавшие требовали мира, улучшения материального положения, уничтожения национального гнета [4]. Во многих городах происходили забастовки экономического характера [5].

Свидетельством огромного революционного подъема, начавшегося в стране под влиянием Октябрьской революции, явилась всеобщая забастовка в январе 1918 г., охватившая почти всю Австро-Венгрию. Непосредственной причиной забастовки послужил отказ австро-венгерского правительства продолжать переговоры о мире с Советским правительством.

Забастовка проходила под лозунгами: «Мира!», «Хлеба!», «Да здравствует русская революция!» На промышленных предприятиях Будапешта, на железных дорогах

---

[1] «Robotnícke noviny», 15. XI. 1917.

[2] В Венгрии, в состав которой до конца 1918 г. входила Словакия, существовала единая социал-демократическая партия. Для решения особых языковых и национальных вопросов словацкого рабочего класса в 1906 г. был создан Словацкий исполнительный комитет социал-демократической партии Венгрии.

[3] «Robotnícke noviny», 15. XI. 1917.

[4] «Nové slovo» № 52, 1951, стр. 1037; «Robotnícke noviny», 6. XII. 1917.

[5] *J. Křižek, O. Říha*, Bez Velké Říjnové socialistické revoluce by nebylo Československa, Praha 1951, str. 44, 45; «Nové slovo», 1951, № 8, str. 144; «Nové slovo», 1950, № 51, str. 1018.

словацкие рабочие бастовали вместе со своими венгерскими братьями. Январская забастовка захватила и некоторые промышленные центры Словакии. Выступления рабочих произошли в Гельнице, Врутках, Новых Замках [1].

Январская забастовка 1918 г. в Австро-Венгрии потрясла до основания насквозь прогнившее здание монархии. Однако трудящимся не удалось свалить его: силы пролетариата оказались раздробленными по вине предательского руководства социал-демократической партии.

После подавления январской забастовки движение трудящихся масс несколько ослабевает. Однако весной 1918 г. на почве острого недостатка продовольствия по всей Австро-Венгрии снова прокатилась забастовочная волна. Рабочие требовали заключения мира, улучшения снабжения продовольствием и т. д. В обстановке нарастания революционного движения трудящиеся отмечали 1 Мая.

Несмотря на запрещение властей, праздник 1 Мая был отмечен во многих городах Словакии: Братиславе, Брезне, Комарно, Кошицах, Лученце, Врутках, Зволене и т. д. [2] В Липтовском св. Микулаше 1 мая состоялись многолюдная демонстрация и митинг, которые заняли большое место в истории словацкого народа. В этот день словацкие трудящиеся впервые открыто выдвинули в качестве конкретной задачи дня требование о создании совместно с чешским народом единого государства.

На первомайском митинге присутствовали не только рабочие, но и крестьяне из окрестных деревень. Перед митингом состоялась демонстрация, лозунгами которой были: «Да здравствует всеобщее избирательное право!», «Прочь банду Тисы!», «Мы требуем 8-часового рабочего дня!», «Мы требуем права самоопределения для народа!», «Мы требуем окончания войны!» и т. д. Участники демонстрации, проходя по улицам города, кричали: «Да здравствует чехословацкое единство, да здравствует Чехословацкое государство!» [3]

---

[1] «Pod zastavou socialismu», 1955, № 21, str. 1322; *M. Gosiorovský*, Dějiny slovenského robotníckeho hnutia (1848—1918). Bratislava 1956, str. 274.

[2] *M. Gosiorovský*, Dějiny slovenského robotníckeho hnutia (1848—1918), str. 285.

[3] *V. Šrobar*, Pamäti z vojny a väzenia (1914—1918), Turč. Martin, str. 132—133.

Стремление словацкого народа к объединению с чешским народом нашло отражение в резолюции, принятой на первомайском митинге трудящихся в Липтовском св. Микулаше.

Особенно важными были первые два пункта резолюции, на которых, несомненно, сказалось влияние лозунгов, выдвинутых Октябрьской революцией. В первом пункте выдвигалось требование окончания войны и «заключения справедливого длительного мира», а во втором — признания права на самоопределение для народов Австро-Венгрии, в том числе и для «венгерской ветви чехословацкого народа», т. е. для словаков [1].

Остальные пункты резолюции (о всеобщем избирательном праве, о свободе печати, союзов и собраний, о 8-часовом рабочем дне) не выходили за рамки демократических требований, которые выдвигались словацкими рабочими еще до войны.

Празднование 1 Мая 1918 г. в Липтовском св. Микулаше показало ведущую роль рабочего класса в деле освобождения словацкого народа от национального гнета и в борьбе за создание Чехословацкого государства.

Лето 1918 г. принесло трудящимся массам Австро-Венгрии новые бедствия: нехватка продовольствия, эпидемия гриппа резко увеличили смертность среди трудящихся [2]. Бурю возмущения по всей стране вызвало новое снижение хлебного пайка в июне 1918 г. Забастовка протеста охватила всю Австро-Венгрию.

Июньская всеобщая забастовка, начавшаяся как протест против голодного пайка, быстро переросла в политическую. Бастующие выступали с требованиями заключения мира, отставки правительства.

Забастовка охватила и некоторые промышленные центры Словакии. Так, 24 июня забастовали рабочие военных заводов в Подбрезовой. Они отказались производить военное снаряжение, идущее на фронт. Венгерские власти смогли сломить забастовку лишь после того, как все ее руководители были арестованы и посланы на фронт.

---

[1] «Robotnícke noviny», 8. V. 1918; см. *M. Gosiorovský*, Príspevok k dějinam slovenského robotníckeho hnutia, Bratislava 1951, str. 78—80.

[2] *K. Medvecký*, Slovenský prevrat, Trnava 1930—1931, t. IV, str. 177.

24 июня началась забастовка в Кромпахах, 26 июня — в Кошицах, 28 июня — в Гандловой [1].

Всеобщая июньская забастовка в Австро-Венгрии способствовала еще большему ослаблению монархии и углублению революционного кризиса в стране.

Подъем революционного рабочего движения в стране оказывал революционизирующее влияние на крестьянство, положение которого было очень тяжелым.

Постоянные реквизиции, непомерная тяжесть налогов, нехватка рабочих рук в деревне, голод и эпидемия гриппа, унесшая летом 1918 г. много жизней, произвол жандармов и местных богатеев — все это вызывало рост недовольства среди крестьянства.

Летом 1918 г. участились случаи крестьянских волнений. Крестьяне уклонялись от явки по призыву в армию [2], помогали отрядам дезертиров, скрывавшихся в лесах, или сами уходили в эти отряды. Во время вооруженных столкновений жандармерии с отрядами дезертиров крестьяне часто становились на сторону последних [3].

В некоторых местах в волнениях принимали участие русские военнопленные, работавшие в помещичьих имениях или на промышленных предприятиях [4]. Крестьяне вообще с большой симпатией относились к русским военнопленным, помогали им скрываться от венгерских солдат.

С середины октября 1918 г. крестьянское движение приняло массовые размеры.

Последней каплей, переполнившей чашу народного терпения, явился голод, который наступил осенью 1918 г. как прямой результат того, что весь урожай был реквизирован венгерскими властями при обмолоте. Крестьяне вынуждены были варить траву, чтобы поддержать свое существование. В то же время в амбарах и на складах помещиков и торговцев лежали огромные запасы зерна, муки, мяса, сахара, которые распродавались ими по спекулятивным ценам, недоступным для крестьян. Социальное движение в словацкой деревне переплеталось с национально-освободительным движением, направленным против венгерских помещиков и деревенских лавочников, которыми

---

[1] «Pod zastavou socializmu», 1955, № 21, str. 132-1.
[2] *K. Medvecký*, Slovenský prevrat, t. III, str. 158.
[3] Там же, str. 17.
[4] Там же, str. 158.

были в большинстве венгерские и еврейские буржуа — ростовщики, дравшие с крестьян три шкуры.

Во второй половине октября крестьянское движение охватило уже многие районы Словакии. Выступления крестьян произошли в Попрадне, Тренчанской Тепле, в Тврдошине, Пиштянах, в районе Зволена и Крупины, в Терховой, Немшовой, Враблях [1] и т. д.

В некоторых местах в выступлениях крестьян принимали участие и рабочие, жившие в деревне и работавшие на расположенных поблизости промышленных предприятиях (например, в деревнях Немшова, Скалите и др.) [2].

В октябре 1918 г. на почве острой нехватки продовольствия произошли волнения рабочих и городской бедноты в Нитре [3], Кремнице [4].

Под влиянием Октябрьской революции и подъема революционного и национально-освободительного движения внутри страны усилилось разложение австро-венгерской армии. Массовые размеры приняло дезертирство из армии. Дезертиры скрывались в лесах, создавая там нечто вроде партизанских отрядов, которые вели борьбу против местных богачей. В июне 1918 г. военное командование в Братиславе и министерство гонведов в Будапеште издали приказы о преследовании дезертиров.

Тем не менее целые воинские части отказывались отправляться на фронт; то в одном, то в другом месте вспыхивали восстания солдат. В мае — июне 1918 г. подняли восстания и отказались ехать на фронт военные части в Римавской Соботе, в Суботице, в Братиславе [5].

2 июня 1918 г. в маленьком сербском городке Крагуеваце произошло восстание 71-го пехотного полка, состоявшего в большинстве из солдат словацкой национальности. Восставшие солдаты не имели единого и достаточно опытного руководства. Они не смогли захватить город и добиться присоединения к восстанию других воинских частей. Восстание было подавлено, а 44 его участника — расстреляны [6].

---

[1] *K. Medvecký*, Slovenský prevrat, t. III, str. 15, 16—18, 27, 29, 33, 136; t. IV, str. 162.

[2] Там же, t. III, str. 13, 16.

[3] Там же, str. 103.

[4] Там же, t. I, str. 364.

[5] *J. Opočenský*, Konec monarchie Rakousko-Uhorske, Praha 1928, str. 511; *K. Medvecký*, Slovenský prevrat, t. IV, str. 176.

[6] *J. Opočenský*, Konec monarchie Rakousko-Uhorske, str. 150.

Осенью 1918 г. волнения в армии продолжались. В октябре произошли восстания солдат в Леопольдове, в Нитре, волновались солдаты Братиславского гарнизона [1].

Многие воинские части, посылаемые правительством для подавления крестьянских волнений, переходили на сторону крестьян и вместе с ними участвовали в разгроме помещичьих имений, лавок, трактиров [2].

Большую роль в развитии революционного и национально-освободительного движения внутри страны сыграли бывшие военнопленные, возвращавшиеся на родину из России.

Многие из тех чешских и словацких трудящихся, которые во время войны оказались в России, с оружием в руках участвовали в защите первого в мире социалистического государства от натиска международного империализма.

Деятельность бывших военнопленных, возвращавшихся из России, весьма беспокоила венгерские власти. Полицейский капитан в городе Жилине в своем донесении начальству особенно подчеркивал, что «солдаты, возвращающиеся домой из русского плена, приносят с собой множество революционных листовок, которые по пути разбрасывают из поездов на отдельных станциях» [3].

Солдаты, побывавшие в русском плену и возвращавшиеся на родину, немедленно заключались в концентрационные лагеря, где они оставались до тех пор, пока велось следствие о том, как они попали в плен и как вели себя там. Так называемые «политически неблагонадежные» отделялись от остальных солдат, их имена заносились в особые списки и сообщались местным полицейским властям для постоянного надзора за ними.

Характеризуя роль бывших военнопленных, возвратившихся из Советской республики, в развитии революционного движения в своих странах, В. И. Ленин говорил на VIII съезде РКП(б): «Сотни тысяч военнопленных из армий, которые империалисты строили исключительно в своих целях, передвинувшись в Венгрию, в Германию, в Австрию, создали то, что бациллы большевизма захватили эти страны целиком» [4].

---

[1] *K. Medvecký*, Slovenský prevrat, t. III, str. 104; t. IV, str. 70.
[2] Там же, str. 158.
[3] *A. Andicsova*, Uhorské robotnícke hnutie za svetovoj vojny r. 1914—1918, Bratislava 1952, str. 52.
[4] *В. И. Ленин*, Соч., т. 29, стр. 141.

Развернувшееся в Словакии революционное движение носило стихийный характер. Оппортунистическое руководство словацкой социал-демократии ничего не сделало, чтобы возглавить его и руководить им, наоборот, оно старалось заключить это стихийно развивавшееся революционное движение в рамки, выгодные буржуазии.

Под влиянием усилившегося движения трудящихся масс начала активизировать свою политику и словацкая буржуазия. Наиболее дальновидные и решительные ее представители, понимая, чем грозит революционное движение народных масс буржуазии, добивались возобновления деятельности Словацкой национальной партии [1] и создания постоянно функционирующего органа, способного встать во главе растущего движения сопротивления австро-венгерскому гнету и направить это движение в русло, выгодное буржуазии.

12 сентября 1918 г. в Пеште состоялось совещание узкого круга представителей Словацкой национальной партии, где было решено создать Словацкий национальный совет. Этот орган, по замыслу буржуазии, и должен был возглавить растущее в стране национально-освободительное движение.

Лидеры словацкой социал-демократии, которые тоже высказались за участие в Национальном совете, предполагали лишь сотрудничать в нем с буржуазией и не помышляли о превращении его в орган, защищающий права и интересы трудящихся. Оставляя за буржуазией руководство Национальным советом, они снова предавали дело рабочего класса. Из 15 человек, предложенных для вхождения в совет лидером Словацкой национальной партии М. Дулой, от социал-демократии значился один Легоцкий.

Перед революционным национально-освободительным движением в чешских землях и Словакии стояла задача завершения буржуазно-демократической революции: уничтожение монархии, огромных пережитков феодализма в сельском хозяйстве, национальное освобождение.

Чешский и словацкий пролетариат должен был возглавить национально-демократическую (буржуазно-демократическую) революцию, чтобы довести ее до конца и перейти к революции социалистической.

---

[1] В начале войны эта партия словацкой буржуазии заявила о прекращении своей деятельности.

Революционная борьба рабочих и крестьян, восстания в армии создали в чешских и словацких землях осенью 1918 г. благоприятные условия для доведения до конца национально-демократической революции под руководством пролетариата и установления революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Подготовить пролетариат к роли гегемона национально-демократической революции могла только действительно революционная партия рабочего класса. Но чешский и словацкий пролетариат в этот момент не имел такой партии. Этим воспользовалась буржуазия, стремившаяся встать во главе назревающей национально-демократической революции, подчинить движение трудящихся масс своим интересам, ввести его в относительно узкие рамки национально-освободительного движения.

14 октября 1918 г. в чешских землях состоялась грандиозная всеобщая забастовка, которая оказала решающее влияние на то, что процесс распада Австро-Венгрии вступил в завершающую фазу, и было образовано самостоятельное Чехословацкое государство, официальное провозглашение которого произошло четырнадцатью днями позже, 28 октября 1918 г.

Вся власть в стране перешла к Национальному комитету, который был создан в Праге летом 1918 г. и в котором руководящую роль играла буржуазия. В законе об образовании Чехословацкого государства, принятом Национальным комитетом, говорилось, что решение о форме государственной власти откладывается до созыва Национального собрания и что все существующие законы остаются в действии. Старый государственный аппарат почти без изменения переходил в руки чешской буржуазии.

30 октября 1918 г. в городе Турчанском св. Мартине был, наконец, избран Словацкий национальный совет, принявший декларацию, которая, по мнению буржуазных историков, определила судьбу словацкого народа. Такая трактовка значения Мартинской декларации служила для того, чтобы выдвинуть на первый план несуществующие заслуги словацкой буржуазии в деле создания Чехословацкого государства и замолчать решающую роль словацких трудящихся масс в освобождении Словакии от венгерского национального гнета.

В декларации говорилось, что в языковом и в культурно-историческом отношении словацкий народ является

частью единого чехословацкого народа. Далее в ней содержалось требование неограниченного права на самоопределение для чехословацкого народа и немедленного заключения мира «на всенародных христианских принципах» [1].

Эти два последних пункта в своеобразной форме отражали влияние лозунгов, выдвинутых Октябрьской революцией и широко поддержанных трудящимися массами Словакии.

Значение Мартинской декларации не было так велико, как говорит об этом буржуазная историография. В дни, когда развал австро-венгерской монархии, определенный революционными выступлениями трудящихся внутри страны и поражениями на фронтах, стал уже фактом, когда самостоятельное Чехословацкое государство было уже провозглашено трудящимися, словацкая буржуазия, опасаясь революционного воздействия чешского пролетариата на словацких трудящихся, не осмеливалась прямо заявить об отделении Словакии от Венгрии и о ее объединении с чешскими землями в едином Чехословацком государстве. Она отважилась лишь на робкое заявление о языковом и культурном родстве чешского и словацкого народов.

Образование Чехословацкого государства стало возможным лишь потому, что победа Великой Октябрьской социалистической революции в России и осуществление ею права на самоопределение для всех народов создали основную предпосылку для победоносной национально-освободительной борьбы всех угнетенных народов, в том числе чехов и словаков. К. Готвальд указывал: «Без Великой Октябрьской социалистической революции не было бы и самостоятельной Чехословакии. Великая Октябрьская социалистическая революция нанесла смертельный удар тогдашней военной коалиции Австро-Венгрии и Германии и дала мощный импульс для развития освободительного движения народов Австро-Венгрии, в результате которого и возникла самостоятельная Чехословакия» [2].

Образование Чехословацкого государства явилось результатом многовековой борьбы чешского и словацкого

[1] *I. Derer*, Slovensko v prevratě a po ňom, Bratislava 1924, str. 15—16.

[2] *K. Gottwald*, 1946—1948, Sborník statí a projevů, d. II, Praha 1949, str. 254.

народов против иноземных поработителей и было событием огромной исторической важности.

Объединение чехов и словаков в едином государстве, несмотря на то что во главе вновь образовавшегося государства встала буржуазия, способствовало сближению этих двух братских славянских народов и, безусловно, имело прогрессивное значение в деле дальнейшего экономического, политического и культурного их развития.

Засилье оппортунизма в чешском и словацком рабочем движении привело к тому, что власть в новом государстве, образование которого явилось делом рук чешских и словацких трудящихся, удалось захватить буржуазии.

Но если более сильной и более опытной чешской буржуазии и удалось в последний момент возглавить национально-демократическую революцию и взять власть в новом государстве в свои руки, то в Словакии власть слабой в экономическом и политическом отношении словацкой буржуазии смогла укрепиться лишь при поддержке штыков чехословацкой буржуазной армии, командный состав которой был в значительной мере укомплектован французскими и итальянскими офицерами.

Чешская буржуазия, стремившаяся обеспечить свое экономическое и политическое господство в Дунайском бассейне и превратить Словакию в аграрно-сырьевой придаток развитых в промышленном отношении чешских земель, приложила все усилия к скорейшему установлению своей власти в Словакии. В первые же дни существования Чехословацкого государства был решен вопрос о введении войск чехословацкого буржуазного правительства на территорию Словакии [1]. На занятии Словакии чешскими войсками настаивали и представители словацкой буржуазии в Праге: слабая словацкая буржуазия не надеялась на собственные силы в борьбе с широким революционным движением словацких трудящихся масс.

В ноябре 1918 г. вся Словакия была охвачена революционным пламенем. Словацкие трудящиеся восторженно приветствовали образование Чехословацкого государства. Все венгерские власти были изгнаны из Словакии еще до прихода войск чехословацкого буржуазного правительства. Но трудящиеся Словакии боролись не только против

---

[1] *F. Peroutka*, Budování státu, t. I, Rok 1918, v Prazc 1933, str. 213.

национального, но и против социального гнета. Поэтому в городах и деревнях Словакии словацкие трудящиеся выступали совместно с венгерскими, немецкими, еврейскими, украинскими трудящимися против общих угнетателей. В одном из документов, характеризующих положение в Словакии в ноябре 1918 г., говорилось: «Большевизм [1] ширится. Он распространяется не только между словаками, но и между населением, настроенным провенгерски. Это — взрыв негодования против предвоенного венгерского режима и главным образом против тяжелого положения народа во время войны. В деревнях голодают женщины и дети, и поэтому деревня восстает против господ, против евреев-торговцев, у которых есть и всегда были большие запасы продовольствия; против арендаторов поместий; против нотариусов, которые несправедливо реквизировали продовольствие, задерживали и урезывали помощь семьям мобилизованных...» [2]

В Крупине, Нитре, Новограде, Трнаве, Новом Месте над Вагом, Прешове и в других городах Словакии в ноябре 1918 г. произошли выступления рабочих и городской бедноты против капиталистов [3].

Многие выступления рабочих носили экономический характер. Причины их были различны: низкая заработная плата, закрытие предприятий вследствие военных действий или бегства венгерских предпринимателей, грубое обращение с рабочими и т. д. Рабочие Гандловой добивались повышения заработной платы; в Железнике горняки выступили против тяжелых условий существования; в Кремнице произошли волнения рабочих из-за прекращения работы монетного двора, откуда венгерские власти при подходе чешских войск вывезли все машины, золото, серебро и т. д. Вся лесистая горная область Погронья была охвачена восстанием лесорубов [4].

Осенью 1918 г. по всей Словакии возникло около 200 рабочих Советов [5].

В нашем распоряжении, к сожалению, нет данных, что-

---

[1] Под «большевизмом» разумелось широкое революционное движение трудящихся масс Словакии.

[2] Цит. по кн.: *V. Šrobar*, Osvobodené Slovensko, Praha 1928, str. 199.

[3] *K. Medvecký*, Slovenský prevrat, t. III, str. 68, 86, 103, 115, 119; t. IV, str. 263.

[4] *K. Medvecký*, Slovenský prevrat, t. IV, str. 144, 146; t. I, str. 364.

[5] «Pravda», Bratislava, 7. XI. 1952.

бы судить о том, кто возглавлял эти Советы и какие функции они выполняли [1].

Словацкую буржуазию весьма беспокоил факт создания рабочих Советов, и она стремилась добиться быстрейшей их ликвидации. Обещая, например, рабочему Совету во Врутках исполнить все его требования, Словацкий национальный совет одновременно просил венгерские власти оставить 50—60 солдат во Врутках до тех пор, пока там не будет создана признающая власть Словацкого национального совета словацкая национальная гвардия [2].

Словацкая буржуазия тесно сотрудничала с чешским командованием. В сообщении командующего чехословацкой жандармерией в Словакии подполковника Ганачика значилось: «9 ноября в Трнаве 150 красных гвардейцев, которых Национальный совет квалифицировал как ненадежных, были обезоружены; 200 ружей было конфисковано у населения. По достоверным сообщениям, население г. Трнавы и предместья унесло из арсенала более

---

[1] Среди словацких историков-марксистов, занимающихся проблемами революционного движения словацких трудящихся в первые годы существования ЧСР, нет единой точки зрения по этому вопросу. Л. Голотик, например, в своей большой статье «Роль итальянской и французской военных миссий в Словакии в 1919 г.» пишет: «В некоторых словацких городах рабочие Советы хотя и взяли власть в свои руки, но даже и в этом случае эта власть не была использована в интересах рабочего класса» («Historický časopis», Bratislava 1953,№ 4, str. 579—580). Автор полагает (хотя прямо об этом не говорит), что во главе большей части Советов стояли представители оппортунистического направления словацкой социал-демократии. М. Госиоровский в работе «История словацкого рабочего движения (1848—1918 гг.)» говорит, что рабочие Советы в Словакии создавались по образцу «русских Советов» (стр. 297), и как пример приводит рабочий Совет во Врутках, в руках которого фактически находилась вся власть в городе. Надо полагать, что этим Советом руководили левые элементы словацкой социал-демократии. Далее М. Госиоровский указывает, что рабочие Советы, подобные Совету во Врутках, создавались и в других промышленных центрах Словакии (стр. 298). Нам кажется, что правильнее было бы говорить о том, что частью рабочих Советов в Словакии осенью 1918 г. руководили левые, а частью — правые социал-демократы. Но и те левые социал-демократы, которые возглавили Советы, были настолько слабы в теоретическом отношении, что не смогли использовать Советы в интересах пролетариата. Возникшие Советы не стали органами завоевания власти, хотя многие из них и опирались на вооруженные отряды Красной гвардии. Образовавшись одновременно с национальными советами, руководимыми буржуазией, рабочие Советы мирно сосуществовали с ними, не ставя перед трудящимися задачи борьбы с этими органами буржуазной власти.

[2] *K. Medvecký*, Slovenský prevrat, t. II, str. 78.

1000 ружей и карабинов»[1]. 12—13 ноября в Трнаве произошли выступления против чешских войск и жандармерии, занимавшихся мародерством и грабивших население. Выступление было подавлено военной силой.

Осенью 1918 г. вся Словакия была охвачена крестьянскими восстаниями. В ноябре в Словакии, пожалуй, не было ни одной деревни, где бы не произошло выступления крестьян против помещиков, лавочников, трактирщиков.

В огромном большинстве случаев во главе восставших крестьян стояли солдаты, вернувшиеся с фронта и испытавшие влияние революционных событий в России.

В некоторых местах под руководством бывших солдат крестьяне приступили к разделу помещичьих земель и имущества (в Липтовском св. Яне, Далмаде, недалеко от Левиц, в Малацках[2] и др.). Во многих местах помещики и лавочники, чтобы предотвратить взрыв народного гнева, стали продавать продукты по дешевым ценам, а некоторые продукты даже раздавали даром[3]. Однако это уже не могло помочь: крестьяне принуждали их открывать все склады и сами делили продовольствие; то, что не удавалось разделить, уничтожали; крестьяне жгли помещичьи имения, дома богачей, лавки, трактиры.

В некоторых местах восставшие крестьяне пытались взять власть в свои руки. 27 октября в деревне Терхова произошло восстание крестьян. Местные богачи, чувствуя настроение крестьян, уже накануне покинули деревню. Рано утром 27-го ушли и жандармы, не имевшие достаточно сил, чтобы справиться с крестьянами. В деревне был создан вооруженный отряд, командиром которого стал крестьянин Анделик. Он провозгласил Терхову «самостоятельной республикой». Терховчане решили не ограничиваться тем, что избавились от гнета помещиков и богачей в своей деревне, а попытались поднять и жителей соседней деревни Варин. Однако богачи Варина уже создали свою национальную гвардию и встретили огнем подходивших к деревне терховчан. Во время боя был убит Анделик. Его отряд потерпел поражение[4].

Осенью 1918 г. в деревнях Словакии многие имели оружие. Его приносили с собой бывшие солдаты с

---

[1] *V. Šrobar*, Osvobodené Slovensko, str. 271.
[2] *K. Medvecký*, Slovenský prevrat, t. III, str. 30, 82, 119.
[3] Там же, стр. 18.
[4] Там же, стр. 15—16.

фронта. В ряде мест Словакии происходили кровопролитные сражения между венгерскими или чешскими войсками, к которым буржуазия обращалась за помощью, и вооруженными крестьянами. В окрестностях Зволена крестьяне деревень Буча, Черны Балог, Пльешовцы, Бабина, Дубова, Гришева, Детва, Слатина, Очова и Грахоть организовали вооруженное сопротивление венгерским войскам, присланным для подавления крестьянских волнений. Сопротивлением крестьян руководили вернувшиеся с фронта солдаты. Крестьяне не ограничивались разгромом помещичьих имений, лавок, трактиров в деревнях. Они намеревались двинуться на города, чтобы уничтожить всех своих угнетателей. Почти во всех городах буржуазия при первых же слухах об усилении крестьянского движения организовывала вооруженные отряды. Между этими отрядами и крестьянами произошло немало кровопролитных столкновений, победителями из которых выходили чаще всего буржуазные силы.

В конце октября — ноябре 1918 г. продолжались волнения и в армии. Нередко солдаты отказывались выступать против восставших крестьян и переходили на их сторону. Так было в Голичи, где солдаты, присланные из Годонина (Моравия), участвовали вместе с крестьянами и беднотой города в разгроме лавок и трактиров местных богачей [1].

31 октября 1918 г. произошло восстание Прешовского гарнизона, состоявшего в большей части из бывших военнопленных.

Восстание началось вечером 31 октября. Солдаты 67-го пехотного полка проникли в тюрьму и освободили заключенных. Они разгромили военный склад и вооружились, захватив ружья и пулеметы. Все офицеры были арестованы и разоружены.

Однако восстание не имело руководства. Солдаты и присоединившаяся к ним городская беднота не ставили своей целью установление революционной власти в городе. Восстание было подавлено на другой же день. 34 наиболее активных участника восстания были расстреляны [2].

Слабой стороной революционного движения в Словакии осенью 1918 г. было то, что выступлениям трудящихся

---

[1] *K. Medvecký*, Slovenský prevrat, t. IV, str. 82—83.
[2] Там же, стр. 263—266.

не хватало организованности. Оппортунистическое руководство социал-демократической партии никогда не ставило вопроса о крестьянстве, как о союзнике в борьбе пролетариата. Несмотря на отдельные примеры стихийно складывавшихся совместных выступлений рабочих и трудящихся крестьян, рабочее и крестьянское движение в Словакии оставалось разобщенным, не связанным между собой.

Оппортунистическое руководство словацкой социал-демократии стремилось ограничить движение трудящихся лишь борьбой за национальное равноправие. Выступая на первых после провозглашения Чехословацкого государства рабочих митингах, лидеры словацкой социал-демократии стремились убедить рабочих, что в новом государстве трудящиеся будут такими же хозяевами, как капиталисты и помещики. На митинге 4 ноября в Подбрезовой, где была одна из сильнейших рабочих организаций, один из руководителей словацкой социал-демократии — Хорват заявил: «...Мы требуем свободу. Венгры, немцы, словаки, графы и нищие — все мы люди и всем по закону природы принадлежит одно и то же право...», и далее: «Братья рабочие! Эти фабрики, эти леса и все, что вы видите, теперь является нашим национальным имуществом, т. е. и вашим имуществом, защищайте его и трудитесь не покладая рук для себя и на благо всего народа» [1].

Оппортунистическое руководство словацкой социал-демократии убеждало рабочих не браться за оружие. Тот же Хорват говорил на митинге: «Каждый, кто берется за оружие сам, не зная того, готовит себе оковы... Нам не надо оружия, так как мы не хотим и далее пребывать в рабстве. Мы хотим свободы!» [2]

Распространяя неверные представления о якобы общенародном характере власти в новом государстве и призывая трудящихся прекратить борьбу во имя сотрудничества классов, реформистские лидеры словацкой социал-демократии оказывали огромную помощь буржуазии в деле укрепления ее господства в Чехословакии.

Словацкая буржуазия пыталась обмануть трудящихся лозунгом «национальной свободы», свободы для «всех словаков».

---

[1] *K. Medvecký*, Slovenský prevrat, t. IV, str. 142.
[2] Там же.

Между тем при всех национальных советах, образовавшихся повсеместно после 30 октября 1918 г., создавались вооруженные отряды (отряды национальной гвардии). Национальные советы и отряды национальной гвардии создавала вся буржуазия Словакии, как венгерская, так и словацкая. Поскольку задачи и венгерских и словацких национальных советов были по существу одни и те же — не дать разрастись народному движению,— эти советы часто объединялись для совместных действий. Венгерская и словацкая буржуазия, забыв свои распри, в страхе перед народным движением объединилась для защиты своих классовых интересов.

Требование немедленного введения чешских войск на территорию Словакии все чаще раздавалось из среды буржуазии всех национальностей Словакии.

В начале ноября в Словакию были посланы первые чешские военные отряды. Население Словакии восторженно приветствовало чехословацкие войска, так как считало, что их приход будет способствовать закреплению освобождения Словакии от гнета венгерских помещиков, ее воссоединению с чешскими землями и осуществлению крупных социальных преобразований в интересах народных масс. Но вскоре словацкие трудящиеся стали убеждаться в том, что войска чехословацкого буржуазного правительства действуют лишь в интересах местных угнетателей — словацкой и венгерской буржуазии и в интересах чешской буржуазии, стремившейся к подчинению Словакии.

По мере того, как выявлялась роль чехословацких войск, трудящиеся Словакии стали повсеместно выступать против их размещения на словацкой земле.

Используя в своих интересах весьма сложный узел социальных и национальных противоречий, завязавшихся в Словакии, венгерское буржуазное правительство Каролыи, не желавшее добровольно отказываться от Словакии, в свою очередь послало войска на ее территорию. Одновременно правительство Каролыи повело переговоры с Словацким Национальным советом, пытаясь добиться от него согласия на сохранение Словакии в составе Венгрии. Оно заигрывало со словацкой буржуазией, обещая удовлетворить все ее требования. В то же время правительство Каролыи отправило своих представителей в Прагу, пытаясь убедить чешскую буржуазию в необходимости

отказаться от Словакии. Когда все попытки дипломатическим путем сохранить Словакию в составе Венгрии окончились неудачей, венгерское буржуазное правительство попыталось сделать это силой. Оно начало военные действия против войск чехословацкого буржуазного правительства, и эти последние вынуждены были отступить, оставив территорию Словакии.

Революционное движение трудящихся масс Словакии зимой 1918/19 г. развивалось в сложной внутренней и внешней обстановке. Очень тяжелым был продовольственный вопрос. Во многих местах Словакии свекла и картофель остались в земле [1]. Нарушение коммуникаций во время военных действий на территории Словакии затрудняло подвоз продовольствия к городам и промышленным центрам.

Как чешские, так и венгерские воинские части вели себя в Словакии, как на завоеванной территории. Они отбирали у крестьян последние запасы продовольствия; из Словакии в Чехию и Венгрию шли вагоны с награбленными продуктами питания. Пользуясь нехваткой продовольствия, усилили свою деятельность спекулянты [2].

Зимой 1918/19 г. прекратили работу фабрики и заводы, выпускавшие военную продукцию. Многие предприятия закрылись из-за острого недостатка угля. Без работы и хлеба остались тысячи рабочих. Массы демобилизованных солдат пополняли ряды безработных. Зимой оказались без работы также сельскохозяйственные рабочие. Безработица достигла огромных размеров [3].

В тяжелом положении находились и семьи рабочих, не потерявших работу. Заработная плата рабочего составляла 150—180 крон в месяц, т. е. 5—6 крон в день. В то же время в конце 1918 г. 1 *кг* кукурузного хлеба стоил 2 кроны, 1 *кг* мяса — 14,2 кроны, 1 *кг* свиного сала — 30 крон, старый мужской костюм — 500—800 крон, старые ботинки — 150—180 крон, клубок ниток — 96 крон и т. д. [4] В Зволене, Подбрезовой, Гандловой и в ряде других городов Словакии зимой 1918/19 г. произошли

---

[1] *V. Šrobar*, Osvobodené Slovensko, str. 266.

[2] Там же, стр. 426.

[3] *V. Šrobar*, Osvobodené Slovensko, str. 445, *K. Medvecký*, Slovenský prevrat, t. III, str. 196.

[4] *M. Vietor*, Slovenská Sovietská republika v r. 1919, Bratislava 1955, str. 14.

выступления рабочих, выдвигавших требования, направленные на борьбу с голодом, нищетой и безработицей [1].

Не прекращались крестьянские волнения. На собраниях и митингах, стихийно возникавших по всей Словакии, крестьяне принимали резолюции с требованиями раздела земли. Так, например, в Малинце (Горно-Новоградский округ) 29 декабря на собрании крестьян, где присутствовало более $1^1/_2$ тыс. человек, была принята резолюция, в которой говорилось, что крестьяне: 1) присоединяются к Мартинской декларации и считают себя гражданами свободного Чехословацкого государства; 2) требуют раздела господских, государственных и церковных имений таким образом, чтобы земли, неправильно отнятые при переделе, были переданы крестьянам безвозмездно, а остальные разделены по дешевой цене, на каждую душу по крайней мере по 10 ютар; 3) требуют поддержки сирот и инвалидов и т. д. [2]

Подобные резолюции принимались во многих местах Словакии. Буржуазные политические деятели обещали, как правило, «законным путем» выполнить все требования крестьян.

Рабочий класс Словакии выдвигал все более радикальную программу. 15 декабря 1918 г. на манифестации в Липтовском св. Микулаше рабочие заявили: «Словацкий пролетариат, как один, требует, чтобы наше Чехословацкое государство было основано на социал-демократических принципах» [3].

Но правые лидеры словацкой социал-демократии продолжали проводить политику сотрудничества с буржуазией. Легоцкий, один из руководителей словацкой социал-демократии, стал референтом по вопросам социального обеспечения при министре по делам Словакии Шробаре. Первый послевоенный съезд словацкой социал-демократии, состоявшийся 25 декабря 1918 г. в Липтовском св. Микулаше, принял решение продолжать политику сотрудничества с буржуазией и не поставил никаких конкретных задач перед рабочим классом, не наметил путей, по которым должно было идти развивающееся рабочее движение. Однако подъем революционного движения в стране не мог

---

[1] *M. Vietor*, Slovenská Sovietská republika v r. 1919, Bratislava 1954, str. 444, 446.

[2] *K. Medvecký*, Slovenský prevrat, t. I, str. 356.

[3] «Nové slovo» № 20, 1951, str. 387.

не отразиться на развитии самой социал-демократической партии, в которой активизировало свою деятельность левое, революционное крыло. Несомненно, под влиянием левых в резолюцию, принятую съездом, было включено следующее положение: «На обломках старой монархии совместно с чешскими товарищами мы подаем руку товарищам остальных славянских народов и желаем скорейшего установления связей с рабочими всех остальных народов мира, а также создания нового, здорового, справедливого Интернационала» [1].

Но левые элементы в партии были еще очень слабы в идейном и организационном отношениях и немногочисленны.

27—30 декабря 1918 г. в Праге состоялся общегосударственный XII съезд социал-демократической партии, который прошел под знаком оппортунизма и высказался за политику коалиции с буржуазией. Словацкая социал-демократия была представлена на нем 20 делегатами оппортунистического направления [2]. На съезде была образована единая Чехословацкая социал-демократическая партия.

Для подавления революционного движения в Словакии чешская и словацкая буржуазия решила использовать чехословацкие легионы, которые во время войны участвовали в военных операциях на Западном фронте. К концу декабря 1918 г. закончилась переправка в Чехословакию чехословацких легионов из Италии. Главнокомандующим чехословацкими войсками в Словакии был назначен итальянский генерал Пиччиони. При разработке плана продвижения войск было решено занять прежде всего главный город Словакии — Братиславу.

Между тем революционное движение в Словакии продолжало усиливаться.

Важную роль в развитии революционного движения в Словакии сыграла Коммунистическая партия Венгрии, созданная в ноябре 1918 г. Венгерские коммунисты вели работу не только среди венгерских рабочих, но и среди словацкого пролетариата. Они разъясняли словацким рабочим, что чешская империалистическая буржуазия является для них таким же врагом, как и венгерская. Они призы-

---

[1] «Robotnícke noviny» № 2, 1919; *M. Gosiorovský*, Príspevok k dejinám slovenského robotníckeho hnutia, str. 90.

[2] «Protokol XII řádného sjezdu čsl s.-d. strany dělnické», Praha, str. 36.

вали словацких рабочих следовать в своей борьбе примеру русских братьев. Результатом работы венгерских коммунистов в Словакии, а также левых элементов словацкой социал-демократии явились попытки некоторых рабочих Советов взять в свои руки власть.

Так, например, произошло в Братиславе, оставленной в конце декабря венгерскими войсками. В Братиславе был создан революционный комитет, в который вошли словацкие и венгерские рабочие и солдаты, принадлежавшие к Венгерской коммунистической партии [1].

29 декабря 1918 г. по инициативе революционного комитета состоялся митинг рабочих и солдат, протестовавших против массового вывоза венгерскими капиталистами продовольствия из города. 30 декабря утром революционный комитет издал воззвание, в котором призывал рабочих взять власть в свои руки [2].

В городе была организована Красная гвардия. Вечером 30 декабря рабочий Совет официально принял на себя управление городом. Совместно с революционным комитетом им было создано несколько комиссий, на которые ложилась ответственность за отдельные участки городского хозяйства.

Утром 31 декабря войска чехословацкого буржуазного правительства подошли вплотную к городу. Рабочие не смогли оказать сопротивления хорошо вооруженным регулярным военным частям. Власть пролетариата в Братиславе продержалась тогда всего лишь 36 часов [3].

Братиславская буржуазия без различия национальности радостно приветствовала чехословацкие легионы.

То же происходило при занятии Кошиц и других крупных городов Словакии, где не только словацкая, но и венгерская буржуазия, напуганная выступлениями трудящихся масс, приветствовала войска чешской буржуазии как своего союзника.

В феврале — марте 1919 г. по всей Словакии прокатилась новая волна забастовок. Эти забастовки были направлены против жестокостей войск чехословацкого буржуазного правительства, против бедственного положения трудящихся масс, против откровенного попирательства прав национальных меньшинств в новом, «демократическом»

[1] «Vörös újsag» № 10, 1919.
[2] Там же.
[3] Там же.

государстве. Во время февральско-мартовских забастовок в Словакии плечом к плечу, рядом друг с другом стояли пролетарии словацкой, венгерской, немецкой и других национальностей.

Чешская буржуазная печать кричала о том, что забастовки в Словакии организованы венгерскими националистами на деньги из Будапешта. Прикрываясь подобными гнусными измышлениями, чешские власти и словацкая буржуазия вербовали чешских рабочих и посылали их в Словакию в качестве штрейкбрехеров.

Забастовочное движение в Словакии началось со всеобщей забастовки железнодорожников. Первой 4 февраля забастовала железная дорога Жилина — Братислава; 5 февраля началась забастовка в Спишской Новой Вси; 6 февраля — в Комарне, Новых Замках и Нитре [1]; 11 февраля прекратили работу железнодорожники в Левицах, Кошицах, Зволене; 13 февраля началась забастовка на железной дороге Жилина — Нова Вес — Попрад — Кошице — Прешов. По всей стране прекратилось железнодорожное сообщение [2]. Чтобы сломить забастовку, власти уволили с работы всех венгерских железнодорожников. На их места были поставлены чешские рабочие, которых удалось обмануть, убедив их, что венгерские железнодорожники получили 2 млн. из Будапешта на организацию демонстративной забастовки против чехов. В начале марта 1919 г., когда чешские рабочие разобрались в том, что они были обмануты правительством и стали орудием борьбы против своих словацких и венгерских братьев, они сами начали готовить забастовку протеста [3].

Одновременно с забастовкой словацких железнодорожников происходили выступления против войск чехословацкого буржуазного правительства во многих городах Словакии. В Братиславе 11 февраля 1919 г. началась всеобщая забастовка. На улицах города произошли демонстрации. Чешские военные власти решили при помощи войск разогнать демонстрацию. Во время перестрелки несколько рабочих и солдат было убито.

14 февраля 1919 г. началась всеобщая забастовка в Кошицах. Забастовкой кошицких рабочих руководил ра-

---

[1] «Historický časopis» № 4, Bratislava 1953, str. 590.

[2] *K. Medvecký*, Slovenský prevrat, t. II, str. 242.

[3] См. «Правда», 9 марта 1919 г. Сведений о том, была ли проведена эта забастовка, в распоряжении автора, к сожалению, нет.

бочий Совет в составе 300 человек [1]. 50 человек из них составляли Исполнительный комитет Совета. Рабочий Совет в Кошицах издавал свою газету на венгерском языке — «Кошицкий рабочий». Руководили Советом левые элементы социал-демократической партии [2].

В начале забастовки рабочий Совет в Кошицах выработал меморандум из 9 пунктов, в которых перечислялись требования, направленные к улучшению условий жизни и труда рабочих. Лишь 19 февраля забастовка была подавлена военной силой [3].

16 февраля в Прешове состоялась манифестация, в которой приняло участие более 2 тыс. трудящихся. 17 февраля началась всеобщая забастовка в Попраде. 18 февраля в Кромпахах и Смольнике рабочие протестовали против голода и безработицы [4].

25 февраля 1919 г. чехословацкое министерство обороны сообщало в министерство внутренних дел: «В Словакии... необходимо было бы под предлогом венгерской опасности навести полный порядок, который там решительно необходим для нормального развития» [5]. В начале марта во всей Словакии было введено военное положение. Так под предлогом «венгерской опасности» буржуазия рассчитывала добиться ликвидации революционного движения в Словакии.

Но, несмотря на введение военного положения, забастовки не прекращались и в марте 1919 г. 15 марта забастовали рабочие кожевенной фабрики в Вельких Бошанах. 9 марта состоялась забастовка против плохого снабжения продовольствием в Кромпахах [6]. 18 марта опять произошли волнения в Кошицах [7]; в этот же день вспыхнула забастовка в Братиславе. Под влиянием революционного движения трудящихся масс разлагалась и армия чехословацкого буржуазного правительства. Во время мартовской забастовки в Братиславе солдаты получили приказ разогнать демонстрацию и в случае сопротивления применить

---

[1] Этот рабочий Совет представлял интересы рабочих всей Восточной Словакии.

[2] *K. Medvecký*, Slovenský prevrat, t. IV, str. 296.

[3] Там же, стр. 297; «Vpád mad'arských bolševikov na Slovensko v r. 1919», Bratislava 1936, str. 60.

[4] «Historický časopis» № 4, Bratislava 1953, str. 591.

[5] «Časopis Matice Moravské» № 1—2, 1952, str. 8—9.

[6] «Historický časopis» № 1, Bratislava 1954, str. 45.

[7] *K. Medvecký*, Slovenský prevrat, t. II, str. 242.

оружие. Но рота солдат и пулеметная команда, выступившие по приказу на площадь, отказались стрелять в демонстрантов и вернулись в казармы. Зачинщики были арестованы, взамен солдат командование послало на площадь матросов, но они тоже не захотели стрелять в народ. Лишь чешские легионеры, прибывшие из Италии, согласились применить оружие. При разгроме демонстрации ими было убито семь рабочих [1].

В конце марта и начале апреля 1919 г. забастовки и демонстрации произошли в Гандловой, Прьевидзе, Железовцах, Топольчанах, Пльешивце и т. д. [2]. Везде для подавления рабочих волнений были использованы войска чехословацкой буржуазии.

Не только в Братиславе, но и в некоторых других местах солдаты отказывались стрелять в народ. Заслуга в этом принадлежала чехословацким левым социал-демократам, которые вели работу среди солдат. Уже в январе 1919 г. в армии были созданы нелегальные солдатские ячейки, которые распространяли среди солдат листовки, призывающие создавать солдатские Советы, чтобы совместно с рабочими Советами свергнуть власть капитала и установить власть пролетариата. «Правительство пролетариата и солдатских Советов,— говорилось в одной из листовок,— в первую очередь проведет вооружение всех рабочих для защиты власти, взятой в руки трудящимся народом.

Правительство пролетариата уничтожит капиталистическую собственность. Фабрики, шахты, заводы, транспорт, земля, леса, банки и т. д. станут общественной собственностью. Каждому будет обеспечено достойное человека существование и достойное жилище...» Другая листовка, подписанная солдатским Советом, призывала солдат организоваться в Коммунистическую партию [3]. Листовки подобного содержания в массовом количестве распространялись среди солдат. Военное командование часто жаловалось на то, что солдаты становятся ненадежными.

Особое значение для развития революционного движения в Словакии имело образование Венгерской Советской Республики в марте 1919 г.

---

[1] «Жизнь национальностей» № 30, 1919.
[2] *K. Medvecký*, Slovenský prevrat, t. II, str. 242.
[3] «Historický časopis» № 4, Bratislava 1953, str. 593.

9-2

В первые же дни своего существования Советская власть в Венгрии издала ряд распоряжений, целью которых было закрепить господство пролетариата в стране и улучшить положение трудящихся.

Осуществляя глубокие преобразования демократического и социалистического характера, венгерские коммунисты совершили, однако, ряд серьезных ошибок, имевших пагубные последствия для Венгерскоїї Советскоїї Республики.

Самоїї серьезноїї ошибкоїї венгерских коммунистов, из котороїї вытекали и все последующие ошибки, было слияние их с социал-демократами. Это привело к растворению еще слабоїї в идеологическом и организационном отношении Коммунистической партии в социал-демократической партии и имело своим следствием отсутствие последовательного руководства пролетариатом. «Объединение венгерских коммунистов с реформистами дорого стоило венгерскому пролетариату»[1],— писал В. И. Ленин в 1920 г.

Неправильным было и решение земельного вопроса. Венгерское советское правительство издало декрет о «социализации землевладения». Все экспроприированные у помещиков и кулаков земли переходили в собственность государства, которое создавало на них государственные хозяйства. Многомиллионное крестьянство, жаждавшее земли и требовавшее ее раздела, не получило ничего. Этим Советская власть в Венгрии оттолкнула от себя крестьянство и лишилась мощной опоры в деревне.

Серьезноїї ошибкоїї была также национализация не только крупных, но и средних и мелких промышленных и торговых предприятий. Это лишило пролетариат поддержки городскоїї мелкоїї буржуазии и всю страну заставило испытать значительные хозяйственные затруднения.

Образование Советского государства в центре Европы указывало на то, что революция из России двинулась на Запад. Поэтому империалисты Антанты сделали все возможное, чтобы уничтожить власть пролетариата в Венгрии. Империалисты Антанты и США явились непосредственными вдохновителями и организаторами походов против Советскоїї Венгрии и контрреволюционных заговоров внутри страны.

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 31, стр. 182.

9-2

Вопросы о подготовке вооруженной интервенции в Венгрию решались на заседаниях Парижской мирной конференции. Разработкой конкретных мероприятий по интервенции руководила делегация США на Парижской конференции и ее глава В. Вильсон. Советская Венгрия была подвергнута экономической блокаде и военной интервенции: против нее были брошены французский экспедиционный корпус, находившийся на Балканах и ранее предназначавшийся для отправки против Советской России, и армии Чехословакии, Румынии и Югославии.

17 апреля 1919 г. начала наступление против Венгерской Советской Республики румынская армия. Венгерское Советское правительство вынуждено было снять войска с чехословацкой границы и перебросить их на румынский фронт. Воспользовавшись этим обстоятельством, армия чехословацкого буржуазного правительства перешла демаркационную линию и оккупировала территорию, оставляемую венгерской Красной Армией [1].

Революционный пролетариат всего мира приветствовал образование Венгерской Советской Республики.

Чешские и словацкие рабочие, находившиеся в период установления диктатуры пролетариата на территории Венгрии, сразу же стали на сторону молодой Советской власти. В составе Социалистической партии Венгрии [2] были образованы словацкая и чешская секции. Председателем обеих секций был избран чех Яноушек. С 27 марта словацкая секция социалистической партии стала издавать свой орган — газету «Червене новины» («Красные новости»). Чешские и словацкие рабочие входили в состав Интернационального красного полка. 18 мая стал выходить еженедельник чешских солдат этого полка под названием «Армада пролстаржу» («Армия пролетариата»).

Но и чешская и словацкая секции организовались на тех же принципах, что и социалистическая партия. Секции объединяли как словацких и чешских коммунистов, так и оппортунистов. Поэтому руководству словацкого и чешского пролетариата в Венгрии были свойственны все ошибки, совершенные венгерскими коммунистами.

---

[1] «Vpád mad'arských bolševikov na Slovensko v r. 1919», Bratislava 1936, str. 78.

[2] Это название партия получила после объединения Коммунистической и социал-демократической партий.

Попытки международной буржуазии уничтожить диктатуру пролетариата в Венгрии вызвали решительное противодействие чешских и словацких рабочих, находящихся на венгерской территории. Они массами вступали в Интернациональный красный полк, готовые наряду с венгерскими рабочими защищать Советскую власть в Венгрии. Ялюшек, выражая мысли и чувства чешских и словацких рабочих, писал: «Чешские и словацкие рабочие солидарно с рабочими других наций станут на оборону Республики Советов, которая является достоянием всего пролетариата» [1].

27 апреля 1919 г. в Будапеште состоялся митинг чешских и словацких рабочих, который прошел под лозунгом: «На борьбу за диктатуру пролетариата в Чехии и Словакии!» Рабочие протестовали против действий чехословацкой буржуазии и заявили о своей готовности защищать Венгерское пролетарское государство [2].

Победа пролетариата в Венгрии явилась новым мощным импульсом к подъему революционного движения в Словакии, особенно после того, как венгерская Красная Армия вступила на ее территорию. Венгерские и словацкие трудящиеся были связаны многовековыми традициями совместной революционной борьбы против общих угнетателей. Революционные выступления венгерских трудящихся всегда находили живой отклик у словацкого пролетариата и крестьянства.

Чехословацкое правительство Крамаржа немедленно после получения сведений об установлении диктатуры пролетариата в Венгрии объявило всю Словакию на чрезвычайном положении и усилило репрессии против революционного движения трудящихся масс.

В воззвании Шробара по поводу введения военного положения в Словакии говорилось, что «всякое нарушение общественного порядка будет беспощадно подавлено военной силой».

В конце марта 1919 г. чехословацкие власти произвели аресты представителей левого крыла социал-демократии в Братиславе, в Кошицах, в Лученце и т. д. [3] Все арестованные были заключены в концентрационный лагерь в Илаве.

---

[1] «Červené noviny», 22. IV. 1919.
[2] *M. Vietor*, Slovenská Sovietska republika v r. 1919, str. 105.
[3] «Historický časopis», Bratislava 1954, № 1, str. 52.

Московская «Правда» писала 3 апреля 1919 г., что пражское правительство правит в Словакии «старыми австрийскими методами, при помощи штыка, обвинений в государственной измене и виселицы» [1]. Чешская и словацкая буржуазия делали все возможное, чтобы воспрепятствовать проникновению сведений из Советской Венгрии в Словакию. Буржуазная печать распространяла ложь о событиях в Венгрии. «Червене новины», характеризуя положение в Словакии, писали: «Всякие свободы для рабочих уничтожены, собрания, лекции запрещены, свободы печати в Словакии вообще нет. Типографии в Словакии закрыты, окна их забиты тесом. Тысячи товарищей социал-демократов должны бежать из Словакии, каждый коммунист в Словакии познал все виды заключения, какие только там есть, и, наконец, даже те представители рабочих в Словакии, которые относятся лояльно к чешским капиталистическим палачам,— даже и этих теперь арестуют в громадном количестве» [2].

Однако все усилия буржуазии и ее государственного аппарата не дать возможности трудящимся узнать правду о Советской Венгрии были напрасны. Рабочие и крестьяне Словакии узнавали правду о событиях в Венгрии из листовок и газет, которые все же удавалось доставлять в Словакию, от участников событий, нелегально переходивших границу и т. д. Декреты венгерского Советского правительства нашли живой отклик в широких слоях трудящихся масс Словакии.

Рабочий класс Словакии, особенно в промышленных центрах, горячо приветствовал образование Венгерской Советской Республики. Декреты о национализации банков, крупных промышленных предприятий, о страховании рабочих, о первоочередном снабжении их продовольствием и т. д. не могли не вызвать горячей симпатии и одобрения рабочих Словакии. Коммунистические идеи приобретали все большее число сторонников среди словацкого пролетариата. Во многих промышленных центрах рабочие отказывались вступать в чехословацкую армию. В Крупине, например, на призыв добровольно вступить в армию откликнулись только три человека. В Гандловой, Прьевидзе, Железовцах, Ороске, Поважской Быстрице, Пухове, Яцке,

---

[1] «Правда», 3 апреля 1919 г.
[2] «Červené noviny», 3.IV.1919.

Зборове, Красно и др. произошли волнения рабочих при мобилизации в армию [1]. За игнорирование приказа о мобилизации многие рабочие были заключены в концентрационный лагерь в Илаве [2]. В Нитре, Баньской Быстрице, Тренчине для устрашения народа были сооружены виселицы; в Братиславе и Тренчине действовали военные суды, осуждавшие на смерть каждого подозреваемого в деятельности против чешского империализма [3]. Коммунисты призывали словацких трудящихся ответить на эти насилия чешской и словацкой буржуазии тоже насилием. «Червене новины» писали: «Из каждого словацкого дома должен выйти солдат социальной революции, из каждой деревни — отряд, из каждой сто́лицы — армия! Весь словацкий народ мы призываем к оружию!» [4].

1 Мая 1919 г. в Словакии прошло под знаком солидарности с революционным пролетариатом России и Венгрии. На первомайских демонстрациях рабочие выдвигали политические лозунги. Так, трудящиеся во Врутках демонстрировали за признание Российской Советской Республики и против использования чехословацких войск для свержения Советской власти в России [5]. В Кромпахах рабочие высказались за III, Коммунистический Интернационал [6]. В Новых Замках 1 Мая распространялись коммунистические листовки, призывающие свергнуть ярмо чешского империализма [7]. После 1 Мая было арестовано много рабочих за то, что они открыто заявили о своем сочувствии коммунистам и распространяли коммунистические идеи.

В некоторых местах Словакии (например, в районе Нитры) происходили и крестьянские волнения [8].

Словацкая секция социалистической партии Венгрии выпустила листовку, обращенную к словацкому крестьянству. В этой листовке словацкие крестьяне призывались последовать примеру русских и венгерских крестьян. В листовке говорилось: «Следуй примеру венгерских и русских

---

[1] «Historický casopis», Bratislava 1954, № 1, str. 53; *M. Vietor*, Slovenská Sovietská republiká v r. 1919, str. 100.
[2] «Červené noviny», 4. IV. 1919.
[3] «Červené noviny», 5. IV. 1919.
[4] «Červené noviny» 4.IV. 1919.
[5] «Slovensko», roc. XV, № 10, str. 220.
[6] «Sborník Ustavú slovenského národniho povstania», 1950, № 3, str. 157.
[7] *K. Medvecký*, Slovenský prevrat, t. II, str. 232.
[8] «Правда», 4 мая 1919 г.

братьев! Добудь себе дом и родину. Да здравствует революция деревенской бедноты! Да здравствует Республика Советов словацкой деревенской бедноты!» [1]

Заколебалась и последняя опора чехословацкой буржуазии в Словакии — армия. В конце апреля за распространение коммунистических листовок военными властями были арестованы 40 солдат Нитранского гарнизона [2]. Участились случаи отказа подавлять революционное движение трудящихся масс в Словакии и выступать против Венгерской Советской Республики. В апреле на сторону Советской Венгрии перешли два батальона чехословацких войск. Солдаты заявили, что они не желают сражаться против венгерского пролетариата и готовы вместе с ним бороться за освобождение пролетариата в Словакии и Чехии [3]. В Лученце солдаты артиллерийского полка отказались повиноваться командованию и взорвали склад с боеприпасами. В Новых Замках, где находились резервные части чехословацкой армии, солдаты постановили распустить по домам всех, кому исполнилось 30 лет. Оставшиеся же заявили, что они согласны лишь поддерживать порядок и не будут сражаться против победоносного венгерского пролетариата [4].

Со вступлением венгерской Красной Армии, а вместе с нею венгерских, чешских и словацких коммунистов на территорию Словакии стихийное движение словацких трудящихся получило недостающую ему организующую и руководящую силу.

Определяя положение в Словакии накануне вступления на ее территорию частей венгерской Красной Армии, газета «Червене новины» писала: «Ясно видно, что Словакия стоит перед революцией» [5].

В конце мая положение на чехословацко-венгерском фронте изменилось. Венгерская Красная Армия от обороны перешла к решительному наступлению и нанесла поражение чехословацким войскам.

Чехословацкая армия начала поспешное отступление. Основной причиной отступления (помимо того, что армия

---

[1] «Letak v krajskom museu v Prešove». Опубликован в книге *M. Vietor*, Slovenská Sovietská republika v r. 1919, str. 339—340.

[2] «Правда», 4 мая 1919 г.

[3] Там же.

[4] «Červené noviny», 23. IV. 1919.

[5] Там же.

была плохо обеспечена в материальном отношении) было то, что у солдат отсутствовал боевой, наступательный дух. Рабочим и крестьянам, одетым в солдатские шинели, чужды были цели, которые преследовала буржуазия, начиная войну с Венгерской Советской Республикой. Работа коммунистов в армии способствовала ее разложению [1].

Неудачи чехословацкой армии вызвали панику в буржуазных кругах. Чтобы поднять боеспособность армии, решено было сменить командование. 4 июня главнокомандующим чехословацкой армии был назначен французский генерал Пелле. 5 июня по настоянию Пелле по всей Чехословакии было объявлено военное положение. В этот же день в Словакии была установлена военная диктатура [2]. Вся власть перешла в руки французских генералов.

Чтобы восстановить население против Венгерской Красной Армии, о венгерских коммунистах распространяли самые нелепые и ужасные слухи. В то же время террором буржуазия пыталась запугать население и заставить его отказаться от поддержки пролетарской венгерской армии. Смерть грозила каждому, кто высказывал свои симпатии к большевикам.

Однако трудящиеся Словакии в большинстве помогали Красной Армии. Масса словацких рабочих и крестьян вступила в ее ряды. Во многих городах организованные рабочие вели подрывную работу в тылу чехословацкой армии — разрушали железнодорожные пути, взрывали склады с боеприпасами и т. д.

Вооруженные партизанские отряды действовали в тылу контрреволюционной чехословацкой армии уже с апреля 1919 г. [3] Во всех городах, к которым подходила венгерская Красная Армия, происходили волнения рабочих. 25 мая восстали рабочие в Рожняве, Пльешивце, Перкупе, Торнале. Целью восстания была ликвидация капиталистических порядков и установление диктатуры пролетариата. Но восстание началось преждевременно и было потоплено в крови [4].

---

[1] Многочисленные примеры разложения контрреволюционной чехословацкой армии приводит В. Краль в кн. «Intervenční válka československé buržoasie proti Mad'arské sovětské republice v r. 1919», Praha 1954.

[2] *K. Medvecký*, Slovenský prevrat, t. II, str. 240.

[3] «Historický časopis», Bratislava 1954, № 2, str. 164.

[4] «Historický časopis», Bratislava 1954, № 1, str. 60.

29 мая произошло восстание горняков в Гандловой [1]. В начале июня подготавливалось восстание рабочих в Кошицах. 1 июня в городе была объявлена забастовка. Командующий восточной группой чехословацких контрреволюционных войск французский генерал Эннок выслал против бастующих войска с приказом расстреливать на месте каждого отказавшегося приступить к работе [2]. В Жарновицах отряд рабочих напал на роту чехословацких солдат и принудил ее к отступлению.

То же самое произошло у Златых Моравец. Словацкие трудящиеся переходили линию фронта и сражались в рядах венгерской Красной Армии. Так было у Баньской Штявницы, около Левиц и т. д. [3]

На освобожденной Красной Армией территории Словакии власть переходила в руки Советов, состоящих из представителей трудящихся.

В первых числах июня венгерская Красная Армия заняла Лученец, Новые Замки, Левице, Крупину, Римавску, Соботу [4] и двигалась к Нитре и Кошицам. 3 июня 1919 г. в газете «Червене новины» было опубликовано обращение к трудящимся под заглавием «Диктатура пролетариата в Словакии и Чехии». Коммунисты призывали трудящихся пропагандировать всюду идею диктатуры пролетариата, создавать в городах и деревнях рабочие, солдатские и крестьянские Советы, «так как Советская Чехословацкая республика не является более сном, а по воле пролетариата становится действительностью» [5].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в этом обращении, как и в других обращениях к пролетариату всей Чехословакии, ставился вопрос о создании Советской Чехословацкой Республики.

Почти в каждом номере газеты «Червене новины», в многочисленных листовках, распространяемых среди трудящихся Словакии и чешских солдат, говорилось о борьбе за установление диктатуры пролетариата в Чехии и Словакии.

---

[1] *V. Kral*, Intervenční válka československé buržoasie proti Maďarské soviětské republice v. r. 1919, str. 217.
[2] «Historický časopis», Bratislava 1954, № 1, str. 61—62.
[3] «Historický časopis», Bratislava 1954, № 2, str. 164.
[4] Там же, стр. 163.
[5] «Červené noviny», 1919, № 44.

В программе словацкой секции Социалистической партии Венгрии прямо говорилось о том, что она добивается перехода всей власти в *Чехословацком государстве* в руки пролетариата и что эта цель может быть достигнута при содействии победоносного русского и венгерского пролетариата, рабочих всех национальностей Словакии, Чехии, Моравии и Силезии и организованного пролетариата всего мира [1]. Уже после создания Словацкой Советской Республики словацкое Советское правительство обратилось с заявлением к министерству иностранных дел в Праге, в котором говорилось: «Мы связаны с чешским пролетариатом чувством товарищеской и братской солидарности и хотели бы жить с ним в неразрывном государственном союзе» [2].

7 июня 1919 г. венгерская Красная Армия вступила в город Кошице. Кошицкий пролетариат восторженно приветствовал входящие в город войска. На домах были вывешены красные флаги. Венгерская коммунистическая газета «Вереш уйшаг» («Красная газета»), сообщая о занятии Кошиц, писала: «Словацкий пролетариат взялся за оружие и восстал против армии чешских империалистов тогда, когда еще не было возможности военного объединения с венгерским пролетариатом» [3].

8 июня первые отряды Красной Армии вступили в Прешов. Население радостно приветствовало пролетарскую армию. 10 июня по городу было объявлено о предстоящих выборах Прешовского революционного Совета рабочих, солдат и крестьянской бедноты, состоящего из 40 человек. Выборы, назначенные на 15 июня, прошли с большим успехом. В них приняло участие большинство населения города [4]. В этот же день по городу были расклеены плакаты, возвещавшие: «Пролетарии Словакии!

...представители словацкого пролетариата назначают на понедельник, 16 июня в 1 час дня на Главной улице, перед «Черным орлом», большой митинг, на котором будет провозглашена

Словацкая Советская Республика» [5].

16 июня состоялся многотысячный митинг, на котором присутствовали руководители словацкой и чешской

---

[1] «Červené noviny», 31: V. и 1.VI. 1919.
[2] «Правда», 21 июня 1919 г.
[3] «Vörös újysag», 11. VI. 1919.
[4] «Vpád mad'arských bolševikov na Slovensko v r. 1919», str. 141.
[5] Там же.

секций Социалистической партии Венгрии. Сообщение о провозглашении Словацкой Советской Республики было восторженно встречено участниками митинга, которые приняли обращение к «Пролетариям всего мира». В нем говорилось:

«...Новорожденная Словацкая Советская Республика своими естественными союзниками считает своих победоносных братьев, русскую и венгерскую Советские Республики, и становится под охрану всего международного пролетариата, под охрану его единого и солидарного рабочего Интернационала. Ее первые поздравления принадлежат чешским братьям, которые до сих пор угнетаются империалистами...» [1]

На митинге в Прешове одновременно был избран Временный революционный исполнительный комитет, который затем перенес свою деятельность в Кошице. На его заседании 20 июня 1919 г. было создано правительство народных комиссаров — Словацкий Революционный Правительственный Совет, председателем которого стал чешский коммунист Яноушек. В Совет входило 20 членов, среди которых были словаки, венгры и чехи [2].

Советская власть в Словакии просуществовала всего три недели. Но и за это короткое время она сумела доказать, что является властью трудящихся.

Старый буржуазный государственный аппарат в Словакии был сломан. На всей территории Словакии, занятой частями венгерской Красной Армии, была установлена власть Советов. Эта власть опиралась на венгерскую Красную Армию, на вооруженные отряды рабочих и крестьян Словакии, а также на отряды красной милиции (Krasná straz) [3].

Одной из важнейших задач Советов было проведение национализации. Революционный Правительственный Совет Словацкой Советской Республики немедленно после своего создания приступил к национализации важнейших средств производства, банков, торговых предприятий и транспорта. Так, например, в распоряжении областного

---

[1] «Červené noviny», 17. VI. 1919. Цит. по кн. *M. Gosiorovský*, Prispevok k dejinám slovenského robotnickeho hnutia, str. 102—103.
[2] «Правда», 4 июля 1919 г.
[3] «Historický časopis», Bratislava 1954, № 2, str. 181.

производственного Совета в Кошицах, который должен был осуществлять национализацию, говорилось о национализации промышленных, горных и транспортных предприятий с числом рабочих более 20 [1]. Подобные распоряжения были изданы и другими местными и областными производственными Советами. Однако эти распоряжения не могли быть проведены в жизнь, так как вскоре, 1 июля Революционный Правительственный Совет оставил территорию Словакии вместе с отступающими частями венгерской Красной Армии.

В первые же дни существования Словацкой Советской Республики были изданы распоряжения о проведении земельной реформы. Экспроприации подлежали владения более 100 ютар [2], если вся земля находилась в одном месте, и более 300 ютар, если земельные участки были расположены в разных местах [3].

Подобно тому, как это было в Советской Венгрии, на экспроприированной земле подлежали созданию государственные хозяйства и производственные товарищества сельскохозяйственных рабочих и беднейших крестьян, членом последних мог быть каждый достигший 16 лет.

Советская власть в Словакии успела провести ряд мер, направленных к улучшению материального положения трудящихся. В промышленности был установлен 8-часовой рабочий день, заработная плата была значительно повышена, за работу сверхурочно рабочие получали 20% надбавки; стала выплачиваться пенсия вдовам и сиротам рабочих, а также инвалидам труда; было установлено пособие по безработице для не имеющих работы; крестьяне, имеющие менее 100 ютар земли, освобождались от налогов, их прежние долги аннулировались; трудящиеся в первую очередь снабжались продовольствием; все трудящиеся получили избирательное право; трудящиеся различных национальностей получили равные права, каждая национальность имела право пользоваться своим родным языком [4].

---

[1] «Historický časopis», Bratislava 1954, № 2, str. 176.
[2] Ютар=0,57 *га*.
[3] «Historický časopis», Bratislava 1954, № 2, str. 177.
[4] Там же, стр. 167, 175, 180, 182.

С первых дней своего существования Словацкий Революционный Правительственный Совет приступил к организации словацкой Красной Армии. 21 июня 1919 г. был принят организационный статут словацкой интернациональной Красной Армии. Она должна была состоять прежде всего из рабочих. В ее задачи входила защита интересов революционного пролетариата от каждого внешнего и внутреннего врага и борьба за освобождение пролетариата всего мира. Набор добровольцев в Красную Армию проводился до 30 июня 1919 г. Лишь из Прешова и его округи добровольно вступило в словацкую Красную Армию 13 тыс. пролетариев, из Кошиц — 3 тыс. человек, из Лученца — 600 человек и т. д.[1]

В первые же дни существования Словацкой Советской Республики были посланы приветственные телеграммы вождю международного пролетариата В. И. Ленину, российскому и венгерскому советским правительствам. В радиотелеграмме Яноушка народному комиссару иностранных дел в Москве говорилось: «Сообщаю вам, что словацкий пролетариат провозгласил Словацкую Советскую Республику. Первое правительство сконструировалось. Заводы, фабрики и банки перешли в руки рабочих. Организуем словацкую Красную Армию, которая рядом с победоносной венгерской пролетарской Красной Армией проявит революционную солидарность пролетариата.

Да здравствует всемирная пролетарская революция!

Да здравствует революционная солидарность рабочих!

Да здравствует III Интернационал!» [2]

В свою очередь Словацкая Советская Республика получила поздравления из Москвы от Советского правительства и от III, Коммунистического Интернационала.

В состав Словацкого Революционного Правительственного Совета, так же как и в состав венгерского правительства, наряду с коммунистами вошли и представители оппортунистической социал-демократии. Их деятельностью и влиянием в правительстве частично объясняется тот факт, что ошибки Венгерской Советской Республики были повторены в основном и Словацкой Советской Республикой. Декретировав переход крупной земельной собственности в руки государства и не удовлетворив требований

---

[1] «Historický časopis», Bratislava 1954, № 2, str. 186.

[2] «Правда», 26 июня 1919 г.

крестьян о разделе земли, Советская власть в Словакии, так же как и в Венгрии, не смогла сплотить вокруг себя трудящееся крестьянство.

Пытаясь перешагнуть через демократический этап революции, Советское правительство в Словакии оттолкнуло от себя крестьянство. В. И. Ленин, говоря о проведении закона о социализации земли в России, закона, «душой» которого являлся лозунг уравнительного землепользования, указывал: «Эта идея не наша, мы с таким лозунгом не согласны, мы считаем долгом проводить его, ибо таково требование подавляющего большинства крестьян... ни «отменить» таких требований, ни «перескочить» через них нельзя» [1]. Ошибкой Советского правительства Словакии была также национализация мелких и средних торговых предприятий.

Ошибки словацкого правительства не могут умалить того огромного значения, которое имело образование Словацкой Советской Республики. Создание Словацкой Советской Республики явилось важным событием в истории словацкого и чешского народов. Чехословацкие трудящиеся открыто заявили всему миру о своем несогласии с капиталистическими порядками и продемонстрировали свое желание создать свободное рабоче-крестьянское государство.

* *
*

К середине июня 1919 г. венгерская Красная Армия заняла значительную часть Словакии [2]. На севере она подошла к границе Чехословакии с Польшей. Часть чехословацкой армии, находившаяся в восточных районах страны, оказалась отрезанной от основных сил. На юге венгерская Красная Армия стояла в 60 *км* от Братиславы. Империалисты Антанты были глубоко обеспокоены создавшимся положением. Французский генералитет, стоявший во главе чехословацкой армии, спешно приступил к ее реорганизации. В Словакию были брошены новые военные подкрепления.

Одновременно империалисты Антанты организовали дипломатический нажим на Советскую Венгрию, требуя

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 28, стр. 285.

[2] Была занята территория южнее и восточнее линии: Зволен — Тисовец — Елшава—Рожнява—Смольник—Кромпахи—Нижни Славков — Стара Любовня.

немедленного прекращения военных действий против Чехословакии. Венгерское Советское правительство согласилось прекратить военные действия, если чехословацкие, румынские и югославские войска прекратят враждебные действия против Советской Венгрии [1]. Руководители Антанты сообщили, что они согласны с требованиями правительства Венгрии. После этого, положившись на обещание империалистов, венгерское Советское правительство 30 июня начало эвакуацию войск венгерской Красной Армии из Словакии. Вместе с ними отступали и части еще немногочисленной словацкой Красной Армии. Словацкое Советское правительство переехало на территорию Венгрии. Советская республика в Словакии прекратила свое существование.

Империалисты Антанты не собирались выполнять свои обещания. Добившись изменения обстановки в свою пользу, укрепив свои силы, они развернули новое наступление против Советской Венгрии. 1 августа 1919 г. румынские войска вступили в Будапешт; диктатура пролетариата в Венгрии пала.

Красная Армия Советской России не могла оказать непосредственную поддержку молодой Венгерской Советской Республике, так как сама в это время вела борьбу против натиска международного империализма, отражая первый поход Антанты. Между Советской Венгрией и территориями, на которые распространялась власть Советского правительства Российской республики, находились земли, захваченные различными контрреволюционными силами. Однако то обстоятельство, что Советская Россия приковала к себе основные силы контрреволюции, сыграло большую роль в деле помощи Советской власти в Венгрии и отсрочило ее падение.

После падения Словацкой Советской Республики в Словакии был восстановлен режим военной диктатуры. Но окончательно задушить революционное движение в Словакии ей не удалось. С новой силой оно вспыхнуло в 1920 г. и своим ближайшим результатом имело образование Коммунистической партии Словакии в январе 1921 г.

---

[1] *F. Peroutka*, Budování státu, t. II, č. 2, Rok 1919, v Praze 1934, str. 1085.;

И. ОЧАК

ИЗ ИСТОРИИ УЧАСТИЯ ЮГОСЛАВЯН В БОРЬБЕ ЗА ПОБЕДУ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ (1917—1921 гг.)

История югославян — бывших военнопленных, оказавшихся в России в период Великой Октябрьской социалистической революции,— еще не написана. В литературе почти ничего не сказано о их массовом участии в великой борьбе за победу и утверждение Советской власти в России в период 1917—1921 гг. Между тем изучение участия югославян в гражданской войне в России на стороне Красной Армии весьма важно, так как оно позволяет установить одно из ярких проявлений пролетарского интернационализма и раскрывает один из главных источников и каналов, каким вместе с возвращающимися на родину югославянами проникали на Балканы идеи Октября.

В настоящей работе, не претендующей на исчерпывающее изложение темы, помимо центральной проблемы — участия сербов, хорватов и словен в борьбе за Советскую власть, затрагиваются также и вопросы организации югославян в России. В работе использованы неопубликованные материалы Архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ), Центрального государственного военно-исторического архива в Москве (ЦГВИА), Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР) и Центрального государственного архива Красной Армии (ЦГАКА). Кроме того, использованы неопубликованные воспоминания югославян — участников гражданской войны, а также привлечены листовки и газеты, в основном выпускавшиеся в России на языках народов Югославии. Единственными печатными работами, которые в какой-то мере касаются настоящей темы, являют-

ся статьи Н. Ульянова «Октябрьская революция и военнопленные» [1] и А. Шипека «Военнопленные и их использование в мировой и гражданской войне» [2]. Но в последней статье о югославянских отрядах говорится мимоходом, к тому же их деятельности дается несправедливая, отрицательная оценка.

Несомненный интерес представляет появившийся в 1954 г. в издании Военно-исторического института Югославской Армии коллективный труд, созданный на югославских архивных материалах под названием «Югославянский добровольческий корпус в России» [3]. В этой книге излагается история формирования и борьба Сербского, позднее Сербо-хорвато-словенского (Югославянского) добровольческого корпуса в России до его отъезда из России на Салоникский фронт в 1918 г. Основные разделы книги посвящены истории формирования сербских добровольческих дивизий и, наконец, корпуса, главным образом из военнопленных, и участию корпуса в операциях в Добрудже в 1916 г. Лишь сравнительно немного места авторы уделяют политической жизни корпуса; они почти совсем не касаются революционной деятельности в корпусе и связей югославян с большевистскими организациями. Между тем как раз эти связи сыграли важную роль в дальнейшей судьбе не только корпуса, но и всех югославян-военнопленных.

В ходе первой мировой войны в России оказалось несколько миллионов военнопленных — солдат и офицеров австро-венгерской и германской армий. Эта огромная масса военнопленных — рабочих и крестьян, одетых в шинели,— находилась в лагерях для военнопленных или использовалась царским правительством в работах на рудниках и заводах. Под влиянием большевиков еще до Февральской революции часть военнопленных, в первую очередь социал-демократов, стала втягиваться в революционное движение. После Февральской революции среди воен-

---

[1] *И. Ульянов*, Октябрьская революция и военнопленные, «Пролетарская революция», кн. 7, 1929, стр. 95—130.

[2] *А. Шипек*, Военнопленные и их использование в мировой и гражданской войне, «Война и революция» № 2, 1928 г., стр. 65—72.

[3] «Југословенски добровољачки корпус у Русији». Прилог историји добровољачког покрета (1914—1918). Учествовали у обради: потпуковник Илија Јовановић, пуковник у пензији Стеван Рајковић, публициста Вељко Рибар, Београд 1954, 197 стр.

нопленных возросла политическая дифференциация: с одной стороны, оказались солдатские массы и часть офицеров, которые с симпатией следили за революционными событиями в России, а с другой — контрреволюционное офицерство и часть солдат из зажиточных крестьян. Уже в первые дни после Февральской революции во многих лагерях военнопленных начали действовать комитеты и стала организовываться лагерная Красная гвардия [1]. Местами военнопленные участвовали в борьбе на стороне революционных рабочих и организовывали свои отряды [2]. Об этом сообщала, в частности, выходившая одно время в Петрограде газета «Югославия» — орган «независимых», основавших затем Югославскую революционную федерацию. Великая Октябрьская социалистическая революция и для иностранных военнопленных раскрыла новую страницу истории.

Советское правительство уделяло военнопленным большое внимание. Были созданы специальные учреждения, которые занимались делами военнопленных.

При Народном комиссариате иностранных дел еще в конце 1917 г. был образован специальный отдел, издававший для военнопленных газеты и листовки. Позднее, 27 апреля 1918 г., декретом ВЦИК была организована Центральная коллегия по делам пленных и беженцев [3].

Под воздействием широкого революционного движения интернационалистов в апреле 1918 г. в Москве собрался съезд военнопленных-революционеров [4]. От 500 тыс. революционно настроенных военнопленных разных национальностей на съезд прибыло 400 делегатов [5]. Съезд признал, что интересы пролетарских масс военнопленных совпадают с интересами русского пролетариата, и принял решение об участии военнопленных в борьбе на стороне Красной Армии. Другим важным результатом съезда явилось создание иностранных секций, из которых в мае

---

[1] См. «Уральский рабочий», 29(16) марта 1918 г.

[2] «Югославия», П. 1(14) сентября 1917 г., стр. 55, 60; ЦГАКА, ф. 28361, оп. 3, д. 466, л. 1.

[3] См. «Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (1917—1918 гг.)», вып. 34, № 451, М. 1919.

[4] См. «Протоколы VIII съезда РКП(б)», Приложение, Партиздат, М. 1933, стр. 435.

[5] См. «Правда», 16 апреля 1918 г.

месяце организовалась Федерация иностранных коммунистов при РКП(б) [1]. Эта организация стала руководящим органом иностранных секций РКП(б), которые вели работу среди бывших военнопленных в России в период с 1918 по 1920 г. Организатором и председателем Федерации иностранных групп при РКП(б) был известный деятель рабочего движения Венгрии Бела Кун. В задачу этой федерации входило «объединение всех коммунистов-иностранцев, состоящих в РКП(б), для общей борьбы против социал-демократов соглашателей, объединение их в III Интернационал» [2].

Агитацией среди военнопленных и их организацией занимались национальные коммунистические группы. В течение 1918 г. были организованы немецкая, югославянская, чехословацкая и другие коммунистические группы при РКП(б) [3].

Создание упомянутых интернациональных организаций явилось новым, высшим организационным этапом в жизни военнопленных и, в частности, в их совместной с трудящимися Советского государства борьбе против его внешних и внутренних врагов.

Югославянская группа военнопленных в России имеет свою богатую событиями историю.

I. К ИСТОРИИ ЮГОСЛАВЯНСКОГО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО КОРПУСА В РОССИИ

В период первой мировой войны 1914—1918 гг. значительная группа южных славян, призванных в австро-венгерскую армию, оказалась в русском плену. Многие из них сами сдавались в плен, руководствуясь чувством славянской солидарности и ненависти к габсбургской монархии. Кроме того, много сербов перебежало в Россию после того, как Сербия была захвачена австро-венгерскими и германскими войсками. Таким образом, в годы первой мировой войны в России оказалось большое количество югославян. Точная их цифра пока еще остается неустановленной, но на основании некоторых источников можно

---

[1] См. «Протоколы VIII съезда РКП(б)», Приложение, Партиздат, М. 1933, стр. 434.

[2] Там же, стр. 436.

[3] См. там же, стр. 435.

предполагать, что их количество превышало несколько сот тысяч человек [1].

Царское правительство старалось использовать югославянских военнопленных в качестве добровольцев в борьбе против общего врага.

В 1915 г. по договоренности сербского и русского правительств была начата переброска из России сербских перебежчиков и военнопленных на сербский фронт. Но осенью того же года, после того как Болгария вступила в войну на стороне австро-германской коалиции, эта переброска была приостановлена [2]. Между тем вербовка добровольцев в отряды усиливалась, но приток все же был невелик [3]. В конце 1915 г. сербское правительство получило согласие царского правительства организовать в России сербский добровольческий отряд с целью борьбы против центральных держав [4]. Для организации отряда, который вскоре вырос в дивизию, прибыло из Сербии большое количество офицеров во главе с полковником Хаджичем, ставшим командиром дивизии. Организация 1-й Сербской добровольческой дивизии в Одессе закончилась в марте 1916 г. Вслед за тем была сформирована и 2-я добровольческая дивизия, которой командовал полковник Димитриевич. В конце 1916 и начале 1917 г. на основе 1-й и 2-й дивизий был сформирован добровольческий корпус, командующим которого стал генерал М. Живкович. Отдельные части этого корпуса, например 1-я дивизия, принимали участие в нескольких крупных сражениях в Добрудже и понесли значительные потери.

Добровольческий корпус хотя и носил название сербского, однако в национальном отношении не был однороден. В состав 1-й дивизии, например, входило: из Боснии

---

[1] В докладной записке в Комиссариат по делам национальностей за 1918 г. сообщается, что в России проживает приблизительно 700 тыс. человек южных славян (имеются в виду югославяне и болгары, причем как военнопленные, так и коренные жители России) (Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 418, л. 153).

[2] «Југословенски добровољачки корпус у Русији», стр. 13.

[3] Первые добровольческие отряды сербов возникли в 1915 г., но в добровольческих отрядах оказалось всего 10—20% общего количества пленных. Большинство пленных не желало добровольно поступать в корпус и продолжало оставаться и далее в лагерях («Југословенски добровољачки корпус у Русији», стр. 15).

[4] Контроль над организацией этого отряда осуществлял со стороны сербского правительства полковник Лондкиевич. Он являлся сербским представителем при русском верховном командовании (там же, стр. 14)

и Герцеговины — 6177 солдат и офицеров; из Хорватии, Славонии, Истрии и Словении (т. е. преимущественно хорватов и словенцев) — 3269 солдат и офицеров; из Срема, Баната, Бачки и Баранья (т. е. преимущественно сербов, а также хорватов) — 6225 солдат и офицеров; из Сербии — 355 человек; кроме того, 542 солдата и офицера были из Чехии, Словакии и Галиции [1]. Сербское правительство и выделенное им командование проводили в добровольческих частях великосербскую пропаганду.

Великосербская политика командования корпуса вызывала недовольство, особенно со стороны хорватских и словенских офицеров и солдат. Наличие такого рода настроений должен был признать командир дивизии в своем докладе главе сербского правительства Н. Пашичу при его посещении в мае 1916 г. 1-й сербской добровольческой дивизии в Одессе.

Великосербский шовинизм открыто поощрялся сербским командованием. В отрядах пропагандировалась мысль о том, что после окончания войны все южнославянские земли составят часть великой Сербии. Сам корпус первоначально назывался «Сербский», а затем «Сербско-хорватско-словенский» [2], но последнее название было утверждено королевским правительством с оговоркой.

Многие из хорватских и словенских офицеров пришли в отряды добровольно с целью борьбы за освобождение и объединение всех югославян в одно государство на основе национального равноправия.

---

[1] «Југословенски добровољачки корпус у Русији», стр. 32.

[2] Надо отметить, что вопрос о названии вовсе не был формальным. Борьба вокруг названия корпуса выражала две основные тенденции: великосербскую и югославянскую (см. более подробно в «Југословенски добровољачки корпус у Русији», стр. 143—158). Ярким примером этому служит протест в связи с подписанием текста присяги. Офицеры — хорваты и словенцы — протестовали против текста присяги, которая была написана в великосербском духе. В своем письме главе сербского правительства Н. Пашичу капитан II класса из состава добровольческого корпуса Вилько Марион писал, что он и товарищи пришли в отряды для борьбы не за великую Сербию, великую Словению или великую Хорватию, а за великую и свободную Югославию. Вскоре капитан Марион был исключен из корпуса и по просьбе его командования направлен русскими властями в Сибирь как политически неблагонадежный. Офицеры Владимир Чопич, Матия Павич и Иван Бркич за отказ подписаться под присягой были возвращены обратно из корпуса в лагеря для военнопленных («Југословенски добровољачки корпус у Русији», стр. 24—25).

Великодержавная политика сербского командования явилась одной из причин слабого притока добровольцев в состав корпуса. Их отталкивал режим, существовавший в сербских войсках. Солдаты слишком хорошо помнили издевательства офицеров. Да и сам насильственный метод вербовки «добровольцев» из числа военнопленных югославян говорил, что́ их ждет в корпусе. Поэтому большинство солдат-военнопленных неохотно меняло лагерь на «свободную» жизнь в добровольческих отрядах.

Лучше всего иллюстрирует положение солдат в добровольческих частях факт частых бунтов. В книге «Югославянский добровольческий корпус в России» приводятся примеры восстаний солдат, которые не хотели остаться в добровольческом корпусе. Они направлялись не только обратно в лагеря для военнопленных, но как политически неблагонадежные ссылались в Сибирь [1]. В одном из документов ЦГВИА приводится список 79 лиц из 5-го и 8-го полков 2-й добровольческой дивизии, из которых за участие в бунте 23 октября 1916 г. 13 были направлены в распоряжение одесского окружного начальника; почти все остальные солдаты «за отказ в послушании» и «за нежелание служить» [2] были направлены для отбытия наказания в распоряжение командира Сербского запасного полка. Бывший солдат корпуса — сербский рабочий Чудковский (Н. Ковачевич), затем командир отряда Красной гвардии, вспоминал впоследствии о положении в корпусе: «... методы и насилия самого разнообразного типа, вплоть до розог, физического истязания и форменного убийства, играли в данном случае значительную и даже решающую роль, об этом знает любой из волонтеров...» [3] В фондах ЦГВИА имеется довольно много подобного рода документов [4].

Естественно, что после Февральской революции в России в корпусе усилилось нежелание подчиняться произволу сербского офицерства и служить орудием великосербской политики.

Большую роль в развитии антивоенных настроений среди солдат и офицеров добровольческого корпуса, в

---

[1] «Југословенски добровољачки корпус у Русији», стр. 128—135.
[2] ЦГВИА, ф. 1837, оп. 1, д. 444, л. 1236—1237 об.
[3] ЦГАКА, ф. 28361, оп. 3, д. 885, л. 16.
[4] ЦГВИА, ф. 1837, оп. 1, д. 411, л. 335 и др.

пропаганде и агитации революционных взглядов сыграла работа, проводимая в корпусе сербскими, хорватскими и словенскими социал-демократами и большевиками [1]. В период первой мировой войны в рядах армии оказались многие члены социал-демократических партий из южнославянских стран. Относительно сильной была прослойка представителей сербской и боснийской социал-демократии. Как известно, Сербская социал-демократическая партия в годы первой мировой войны занимала интернационалистическую позицию [2]. Рост антивоенных, революционных настроений в корпусе усиливался в результате контакта его солдат и офицеров с революционно настроенными русскими трудящимися.

По сообщению участника гражданской войны серба М. Павлова, уже в конце 1916 г. в 1-й дивизии большевиками велась значительная работа. Серб У. Чонкич [3] создал в своем полку партийную организацию и вел революционную пропаганду. Впоследствии воинскими властями было арестовано в связи с этим 47 человек, в числе которых был и М. Павлов [4].

Особенно усилилась пропаганда социалистических идей после Февральской революции в России. Политические противоречия между командованием корпуса и добровольцами все более обострялись. В период революционного движения солдатских масс не оставались в стороне и либеральные офицеры. Некоторые офицеры (Жанко, Лапайне и др.) потребовали от командира корпуса разрешения на организацию в добровольческом корпусе революционных комитетов по примеру русской армии [5]. Но командо-

[1] О влиянии социал-демократических настроений в добровольческом корпусе см. в «Југословенски добровољачки корпус у Русији», стр. 168.

[2] *Триша Кацлеровић*, Цимервалдска конференција. Апел српских социјалиста цивилизованом свету, Београд 1951, стр. 10, 18, 30.

[3] Урош Чонкич — рабочий, после участия в Одессе в Красной гвардии в начале 1918 г. организовал и возглавил в Самаре Югославскую коммунистическую группу РКП(б). После вступления в Самару контрреволюционных чехословацких и белогвардейских банд У. Чонкич был зверски убит (Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 420, л. 2, 15).

[4] ЦГАКА, ф. 28361, оп. 3, д. 898.

[5] «Југословенски добровољачки корпус у Русији», стр. 147. Необходимо напомнить, что исключительную роль в этом отношении сыграло знакомство с известным приказом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов № 1 от 1 марта 1917 г., в котором говорилось об организации Советов в воинских частях (см. «История гражданской войны в СССР», т. 1, М. 1936, стр. 121).

вание корпуса не хотело идти на уступки. В связи с этим 25 офицеров во главе с подпоручиком Баничем заявили о нежелании больше оставаться в корпусе. С ними солидаризировались 34 воспитанника школы запасных офицеров. Сторонники нового движения в корпусе были связаны с Одесским Советом солдатских и офицерских депутатов. Делегатом от возникших в корпусе революционных комитетов в Совет был выбран офицер Жеравич [1]. Интересно отметить, что на запрос, который начальник штаба Одесского военного округа направил начальнику штаба корпуса Кушаковичу, о разрешении Жеравичу присутствовать на заседании Совета, был получен отрицательный ответ, который мотивировался тем, что «...сербский корпус управляется по своим законам» [2].

Организация комитетов в добровольческих частях вызвала большой политический подъем среди солдат и офицеров. Сербское правительство через командование корпуса пыталось остановить это движение. Для этого, например, корпус был переименован в Добровольческий корпус сербов, хорватов и словенцев. Кроме того, сербы, австро-венгерские подданные, получили разрешение на принятие сербского гражданства. С этой же целью в корпус приезжал и член Югославянского национального комитета Ямбришак [3]. Но все эти меры не могли приостановить роста недовольства. Многие выходили из корпуса. Большинство из оставлявших корпус было брошено в лагеря для военнопленных под Киевом и Екатеринославом, а часть принята в русскую армию.

Солдатские массы с большим интересом следили за событиями в России и нередко участвовали в революционных выступлениях. Так, добровольцы приняли участие в политическом митинге в селе Жерепец, где слушали пламенные речи русских революционеров. После этого

---

[1] ЦГВИА, ф. 1837, оп. 1, д. 444, л. 1.

[2] Там же, л. 2.

[3] Югославянский национальный комитет (Југословенски одбор) — организация, возникшая в эмиграции в начале первой мировой войны из югославянских буржуазных политических деятелей. Главной целью этой организации было объединение сербов, хорватов и словенцев в одно государство (*Milada Paulová*, Jugoslovenski odbor, Za reb 1925). Д-р Милivое Ямбришак — хорватский буржуазный политический деятель, член Югославянского национального комитета, врач из Загреба («Југословенски добровољачки корпус у Русији», стр. 148, 154—156).

митинга 6-й и 3-й полки добровольческого корпуса покинули еще 108 солдат [1].

Учитывая в целом реакционный характер корпуса, многие советские местные военные комитеты и рабочие и солдатские Советы настойчиво требовали его расформирования [2]. Требования Советов совпадали с требованием самих солдат из состава корпуса, положение которых было исключительно тяжелым.

Следствие по поводу плохого обращения с солдатами 7-го полка превратилось фактически в плебисцит, в результате которого 1200 из 1500 солдат высказалось за уход из полка [3]. В общей сложности из добровольческого корпуса в начале 1917 г. ушло 12 735 человек (в том числе 7352 серба) [4].

Как вышедших из корпуса, так и тех, которые остались в нем, ждала разная участь.

После свершения Великой Октябрьской социалистической революции на территории России находились, с одной стороны, регулярные части Югославянского добровольческого корпуса в России и, с другой — огромное количество военнопленных югославян, разбросанных по лагерям, находившимся по всей России: на севере, в Сибири, в Астрахани, в Царицыне, на Украине, на Кавказе, в Ташкенте.

27 апреля 1918 г. Совет Народных Комиссаров принял декрет об освобождении военнопленных от тюремно-лагерного режима и о предоставлении им свободы передвижения и об организации Центральной коллегии по делам военнопленных и беженцев. Таким образом, Советская власть сделала пленных равноправными членами общества. Этим открылась широкая возможность и для военно-

---

[1] О настроении в корпусе свидетельствует также выступление солдат 1 мая. Вопреки запрещению со стороны штаба дивизии на демонстрацию вышел с красным флагом отряд добровольцев, которым командовал социалист Максим Чанак. В продолжение дня было несколько подобных выступлений (там же, стр. 166, 169).

[2] *Milada Paulová*, Jugoslovenski odbor, стр. 321.

[3] О плохом обращении с солдатами 7-го полка жаловался местный совет в Орехове Временному правительству («Југословенски добровољачки корпус у Русији», стр. 167).

[4] Там же, стр. 174. Общая численность добровольческого корпуса в мае 1917 г. составляла 20 662 человека солдат и офицеров (ЦГВИА, ф. 1837, оп. 1, д. 421, л. 41).

пленных славян либо к возвращению на родину, либо к участию в разгоравшейся в России гражданской войне.

Однако в силу различных обстоятельств многие военнопленные оставались и далее в лагерях, а часть из них оказалась на территориях, находившихся под властью различных контрреволюционных сил.

II. ОРГАНИЗАЦИИ ЮГОСЛАВЯН В СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Советское правительство проявляло постоянную заботу о военнопленных и помогало им организоваться.

Уже в конце 1917 г. в составе отдела военнопленных при Народном комиссариате иностранных дел был создан югославянский подотдел [1]. Вскоре после организации подотдела югославян при НКИД начала издаваться на сербохорватском языке газета «Земля и воля», выходившая как орган рабоче-крестьянского правительства — Совета Народных Комиссаров [2]. В газете указывалось, что она «издается для бесплатного распространения среди югославянских братьев-солдат» [3]. Газета обращалась к пленным как к свободным гражданам. Выход газеты на сербско-хорватском языке был одним из проявлений пролетарского интернационализма Советской власти и ее внимания к нуждам югославян, находившихся в России.

Военнопленные в лагерях продолжали оставаться под опекой ненавистной им сербской военной миссии. Нередко чины сербской военной миссии злоупотребляли доверием органов Советской власти и их готовностью помочь бывшим югославянским военнопленным [4]. Офицеры сербской военной миссии не прекращали пропаганды против Красной Армии и Советской власти. Продовольствие и обмундирование для бывших военнопленных, получаемые от Советского правительства, как правило, растаскивались и продавались чинами сербской миссии. В одном из докладов находим следующую характеристику деятельности представителей сербской военной миссии: «Реакционно-

---

[1] Необходимо заметить, что, кроме югославянских национальностей — сербов, хорватов и словенцев, подотдел охватывал и болгар.

[2] Газета «Земля и Воля» — «Zemlja i Sloboda» выходила непродолжительное время в начале 1918 г. в Петрограде.

[3] «Земля и Воля» — «Zemlja i Sloboda» № 1, 1918.

[4] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 418, л. 67.

спекулянтская деятельность этих представителей в России — в особенности после Октябрьской революции — ни для кого не тайна. Пользуясь благосклонностью Советской власти к истерзанному сербскому народу, эти представители делали свои темные дела, находясь на прямой службе у англо-французского капитала, наживая миллионы денег спекуляцией...» [1]

Первыми, кто под воздействием большевиков дал отпор агитации сербских королевских представителей и их деятельности как в еще сохранившихся добровольческих отрядах, так и в лагерях, были югославянские социал-демократы, главным образом рабочие и крестьяне, которые под влиянием Великого Октября все более вдохновлялись идеями социализма.

К началу 1918 г. в стихийном движении югославян можно отметить появление двух течений, двух тенденций. Первое течение выдвинуло лозунг «Освобождение» [2]. Видным представителем этого течения был упоминавшийся выше офицер добровольческого корпуса Банич. Происходивший в начале 1918 г. в Одессе съезд бывших добровольцев, инициатором которого явилась группа Банича, выдвинул лозунг создания такой Югославии, в которой все национальные области были бы равноправными [3]. Требования, выдвинутые участниками этого съезда, не выходили за рамки культурной автономии. Банич и его товарищи, после ухода из добровольческого корпуса в части русской армии, продолжали пропаганду своих идей. Они организовали весной 1918 г. в Москве Югославянскую революционную федерацию [4]. Группа эта состояла главным образом из югославянских буржуазных националистов, прикрывавшихся социалистическими лозунгами; благодаря последнему обстоятельству группа сумела обеспечить себе поддержку со стороны некоторых советских организаций. Югославянская революционная федерация начала издавать в Петрограде свою еженедельную газету «Слобода» («Свобода»), редактором которой был М. Радошевич [5]. В редакционную коллегию газеты входили члены исполни-

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 418, л. 67.
[2] Там же, л. 25.
[3] *Дејан Гајић*, Генерални штрајк 1919, Београд 1951, стр. 25—26.
[4] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 418, л. 17.
[5] После I съезда КПЮ в 1919 г. адвокат М. Радошевич был исключен из партии как центрист и ренегат.

тельного комитета федерации проф. Радослав Иованович, М. Банич, М. Комленович, Л. Мастняк [1]. Газета выходила на сербско-хорватском языке и была предназначена для военнопленных и добровольцев. Кроме того, федерация выпустила несколько листовок, адресованных югославянам в России.

Но вскоре выявился характер деятельности Югославянской революционной федерации [2]. Часть ее руководства начала пропагандировать лозунги «нейтралитета» и «невмешательства во внутренние дела Советской республики» [3], рассчитывая таким путем отгородить югославян от революционного союза с рабочими и крестьянами Советского государства. Выдвигая подобного рода лозунги, федерация фактически скатилась на позиции, которые пропагандировала королевская миссия. Кроме того, некоторые ее члены стали открытыми пособниками миссии. Поэтому уже летом 1918 г. революционные югославянские элементы предприняли решительные шаги для ликвидации этой организации [4].

Наряду с Югославянской революционной федерацией сложилась группа, которая начала вести линию, направленную на активную поддержку Советской власти. Эта группа стремилась организовать и сплотить югославян, в особенности тех, которые находились в рядах Красной Армии.

16 мая 1918 г. в Москве состоялось первое пленарное заседание группы югославян-коммунистов, которые решили, руководствуясь принципами марксистского научного социализма и III Интернационала, а также опытом революции и тактикой партии большевиков, организовать свою партию [5]. В резолюции, принятой на этом же первом засе-

---

[1] *Л. К. Ильинский*, Список повременных изданий за 1918 г., М. 1922, стр. 196.

[2] В октябрьском докладе комитета Федерации иностранных групп, в которой был представитель югославянской группы В. Чопич, сообщалось, в частности, что подрывная пропаганда агентов сербской военной миссии совпадала с деятельностью Югославянской революционной федерации (ЦГАОР, оп. 2, д. 38, л. 18).

[3] «Revolucija», М. 6. V. 1918. Лозунг «невмешательства» во внутренние дела России был провозглашен сербским правительством сразу же после Февральской революции (*Дејан Гајић*, Генерални штрајк, стр. 26).

[4] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 415, л. 3.

[5] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 414, л. 1.

дании, указывалось: «Принимая во внимание разрозненность югославянского коммунистического движения [1] и отсутствие единого центра для всех искренне преданных делу революции, мы, проживающие в Москве югославянские коммунисты, организовали «Югославянскую коммунистическую эмигрантскую партию», чтобы таким образом провести организацию всех югославян, стоящих *на почве коммунистической программы и защиты Советской власти*» [2].

Так было положено начало Югославянской коммунистической эмигрантской организации в России. Коммунистическая группа возникла с целью объединения всех находившихся в России югославян, стоявших на позициях защиты Советской власти и борьбы югославянских трудящихся за интересы пролетариата как в России, так и у себя на родине.

Спустя два месяца, 16 июля 1918 г., в Москве была завершена разработка Учредительного устава Югославянской группы Российской коммунистической партии. Этот устав имел девять параграфов. В § 7, определявшем отношение Югославянской коммунистической группы к РКП(б), говорилось: «Югославянская группа теоретически и практически стоит на платформе Российской коммунистической партии (большевиков) и подчиняется дисциплине РКП(б) вообще и всем решениям Комитета Федерации иностранных групп РКП в частности». Следовательно, Югославянская группа по существу являлась секцией РКП(б) [3]. В остальных параграфах устава говорилось главным образом об организации руководства партии, о выборе центрального и высшего органа.

Одним из основателей и первым руководителем Югославянской коммунистической группы был Вукашин Маркович [4].

---

[1] Необходимо напомнить, что Коммунистическая партия Югославии, точнее: Социалистическая рабочая партия Югославии (коммунистов), была организована в Югославии в апреле 1919 г. на I съезде в Белграде (Архив Комунистичке партије Југославије, т. II, Београд, 1949, стр. 9, 27).

[2] Там же, л. 1.

[3] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 422, л. 93.

[4] В у к а ш и н М а р к о в и ч родился в Черногории, по профессии ветеринарный врач, член Российской социал-демократической рабочей партии с 1903 г. В 1917 г. вступил в Красную гвардию. По поручению В. И. Ленина Маркович вел пропагандистскую работу среди военнопленных, был одним из организаторов интернациональных частей Красной

Через несколько месяцев Югославянскую группу при РКП(б) возглавил Владимир Чопич [1]. В 1920 г. в Югославии на II съезде КПЮ В. Чопич был избран вторым секретарем КПЮ [2].

Образование коммунистической группы явилось новым, высшим этапом в организации югославян в России. Оно вызвало большой подъем среди югославян, находившихся в России. В возникших вскоре после революции югославянских частях Красной Армии, дислоцированных в Саратове, 18 августа была принята резолюция, которая призывала «всех сербов, рабочих и крестьян, всех оставшихся южных славян объединиться в крепкие коммунистические организации, которые будут помогать Советской России в данный момент и в то же время подготовлять наш рабоче-крестьянский класс к великому моменту мировой революции, когда мы в наших странах сможем использовать богатый опыт русской революции» [3].

В партию начался приток заявлений. Из частей Красной Армии, из югославянских красноармейских отрядов в Москву специально приезжали солдаты и подавали свои заявления о принятии их в партию. Вот заявление бойца 1-го Югославянского коммунистического полка Лазара Манойловича от 10 сентября 1918 г.: «Товарищи! Приехав сюда как делегат 1-го Югославского коммунистического полка, я обращаюсь к вам: примите меня в семью коммунистов.., я рабочий-строитель. Член Интернационала с 1901 года в Новом Саду. С тех пор беспрерывно находился в рабочем движении. В период Февральской революции я вышел из сербского корпуса, был в Киевской организации... С июля беспрерывно нахожусь на фронте.

Армии. В 1921 г. уехал в Югославию. В 1921 г. был руководителем народного восстания в Черногории. Эмигрировал обратно в СССР в середине 20-х годов (ЦГАКА, ф. 28361, оп. 3, д. 895, л. 906; см. *Р. Стиенский*, За советскую Черногорию. Очерки революционного движения в Черногории, «Молодая гвардия», 1934).

[1] В. Ч о п и ч («Сенька»)—хорват из Сеня. Его революционная деятельность началась еще в добровольческом корпусе. В конце 1918 г., до отъезда в Югославию, занимал пост секретаря Югославянской коммунистической группы при РКП(б). Позже эмигрировал в СССР. В 1937 г. участвовал в борьбе испанского народа против фашистских мятежников и интервентов, командовал 15-й интернациональной бригадой имени А. Линкольна.

[2] *Лубомир Милин*, Бели терор, «Борба», Београд 22. XII. 195(, бр. 312.

[3] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 415, л. 7.

Мои социал-демократические убеждения до войны и сейчас полностью совпадают с тактикой большевиков» [1].

Подобные заявления поступали от других югославян [2].

В ряд мест, где были сосредоточены большие группы югославянских военнопленных и красноармейцев, из Москвы посылались специальные агитаторы. Так, в Царицын, где находилось в 1918 г. более тысячи югославян, была послана группа коммунистов-агитаторов с следующим полномочием: «Грулович Николай, Шипош Иван, Корошец Франц, Манойлович Лазар, Райкович Лазар и Гербанов Михаил уполномочиваются коммунистической группой южных славян создать коммунистическую организацию южных славян в гор. Царицыне. Вышеназванные товарищи действуют в качестве «Царицынского комитета коммунистической группы южных славян». Комитет имеет полное право принимать членов в организацию и исключать таковых из организации, а также контролировать членов в комитете. Комитет действует согласно инструкциям, полученным им от Центральной группы южных славян Российской Коммунистической партии (большевиков) в Москве, в полном контакте с Федерацией иностранных коммунистов в Царицыне и Царицынским комитетом РКП...» [3]

В сообщении, поступившем из Петрограда в Центральную группу, говорилось: «Живым и неустанным настоянием наших петербургских товарищей мы обогатили наше югославянское коммунистическое движение — организацией новой группы в Петербурге. Эта группа должна будет объединить всех наших товарищей в северной части России» [4].

В орган группы — газету «Всемирная революция» в связи с организацией Югославянской коммунистической группы поступали восторженные статьи, которые выражали правильное понимание происходивших событий. «...Коммунистическая партия,— писал агитатор группы Иван Ференчак, бывший офицер добровольческого корпуса, позднее секретарь ЦК Югославянской группы РКП(б),— является истинной партией трудового народа, которая не только словом, но и делом строит новый, социалистический мир, равенство и справедливость» [5].

[1] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, 1918 г., д. 418, л. 55 и др.
[2] Там же, л. 43.
[3] Там же, л. 41.
[4] «Всемирная революция», М. 19 декабря 1918.
[5] «Всемирная революция», М. 4 ноября 1918, стр. 4.

16-91

Центральный комитет Югославянской коммунистической группы обратился в 1919 г. ко всем южнославянским коммунистам: сербам, хорватам, словенцам и болгарам — с директивой сплотить свои организации в России и призвал их «организовать везде, во всех местах Советской России конференции, на которых должны быть выбраны комитеты там, где имеется свыше 4 членов партии, а где меньше указанного числа, надо выделить своих представителей. Эти комитеты и представители обязаны связаться с Центральным Комитетом в Москве» [1].

Очень важной стороной работы группы была агитация среди бывших военнопленных — южных славян. «Среди южных славян — бывших военнопленных,— говорилось в отчете о деятельности Югославянской группы РКП(б),— ведется агитация за немедленное возвращение на родину...» [2] Например, в середине июля 1918 г. в направлении Мурманска была отправлена группа агитаторов из числа сербов и др. для работы среди солдат сербского отряда, оперировавшего на севере в составе войск интервентов. В августе такие же группы агитаторов с коммунистической литературой были направлены на чехословацкий фронт, а также в Казань, Саратов, Царицын, Астрахань и другие города [3].

Одна из сильных югославянских групп — в городе Царицыне — 18 сентября 1918 г. следующим образом сформулировала свои задачи: «Пропаганда коммунистических идей среди южных славянских эмигрантов и военнопленных» [4].

Для подготовки пропагандистов организация отправляет своих членов на курсы агитаторов и лекторов, поддерживает постоянную связь с Центральным Комитетом Коммунистической группы южных славян в Москве, получает оттуда газеты, брошюры и другую литературу. Кроме того, организация устраивает митинги и лекции для ознакомления южных славян с программой коммунистов и для привлечения их в ряды борцов социальной революции [5].

Очень важной задачей организации, как сообщалось в этом же документе, являлась «вербовка южных славян

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 418, л. 59.
[2] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 415, л. 3, 14.
[3] Там же, л. 3.
[4] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 418, л. 42; д. 415, л. 3 об.
[5] Там же, л. 3 об.

16-2

в Красную Армию из лагерей военнопленных и организация коммунистических ячеек из красноармейцев южных славян» [1].

Везде, где оказались большие группы пленных югославян, начали возникать коммунистические группы, которые стремились связаться с центральной группой в Москве. Так, из Самары поступило сообщение, что 20 мая организовалась Югославянская революционная группа [2].

В отчете Центральному Комитету за сентябрь 1918 г. сообщалось, что Югославянская группа при ЦК РКП(б) имеет 112 членов и 320 сочувствующих [3].

В конце 1918 г. югославянские группы имелись в Петрограде, Царицыне, Астрахани, Саратове, Самаре, Черном Яре, Александровске. Кроме того, югославяне состояли в чешских, немецких, венгерских коммунистических группах при организациях РКП(б) Смоленска, Курска, Орши и других городов. Югославянские коммунистические группы были и в югославянских отрядах Красной Армии и во всех интернациональных отрядах, где имелись сербы, хорваты и словенцы [4].

Организационная деятельность еще шире развернулась в 1919 г. «Югославянская группа при РКП,— говорилось в отчете,— в начале 1919 года имела свои организации в провинции: в Самаре (27 членов), в Черном Яре (34 члена) и ячейку при 1-м Югославянском коммунистическом полку — 293 человека...» [5] Одна часть членов этих трех организаций находилась во время составления отчета на Восточном и Южном фронтах и входила в состав красноармейских коммунистических организаций, а другая часть выехала в Югославию.

На Украине в 1919 г. была организована Югославянская группа при ЦК КП(б) Украины, в состав которой входили группы Киева, Одессы и Екатеринослава [6]. В центральной группе в Москве в течение 1919 г. были зарегистрированы 171 человек и 6 сочувствующих [7].

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 415, л. 3 об.
[2] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 420, л. 2.
[3] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 415, л. 10.
[4] Там же, л. 11 об.
[5] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 422, л. 10.
[6] В июле—августе 1919 г. центром партийной организации Балкан являлась Украина, а центром Югославянской группы УКП(б) — Киев, где была сосредоточена организационная работа группы (там же).
[7] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 463, 482, 484.

В Сибири вело работу Югославянское Сибирское бюро при обл. Сиббюро РКП(б), которое объединяло югославян таких крупных центров, как Иркутск, Красноярск, Омск, Томск и др. Наконец, в Ташкенте, Самарканде, Чарджуе были местные бюро югославянских коммунистов при краевом бюро РКП(б); местные партийные организации югославян имелись также в Намангане, Перовске, Верном, (Алма-Ате), Пишпеке, Туркестане, Казалинске, Мерве [1].

Руководство югославянскими коммунистическими организациями осуществлял Центральный Комитет при ЦК РКП(б) в Москве в составе пяти членов.

В течение 1918—1919 гг. югославянские коммунисты развернули живую пропагандистскую работу в трех направлениях: среди бывших югославянских военнопленных, среди югославянских контрреволюционных частей на севере и в Сибири и среди сербов, хорватов и словенцев в Красной Армии. Проводилась эта пропаганда как путем распространения газет, листовок, брошюр, так и политическими работниками на местах.

Кроме пропагандистской работы, югославянские коммунисты вели значительную деятельность в помощь Красной Армии. Они добивались, чтобы все югославяне, способные к военной службе, но не состоявшие в рядах Красной Армии, числились в резерве Красной Армии и по крайней мере два раза в неделю обучались военному искусству.

Наконец, югославянские коммунисты вели борьбу с югославянскими контрреволюционерами, спекулянтами и мародерами. Они наблюдали за деятельностью членов сербской военной миссии [2].

Большую роль во всей этой работе сыграла печать.

Помимо центрального органа Югославянской группы при РКП(б) — газеты «Революция» (на сербско-хорватском языке) [3], позднее югославянские коммунистические группы выпускали в Иркутске газету «Комуна», в Киеве — газету «Югославянский революционер» [4], в Ташкенте — «Црвены баряк» («Красный флаг»).

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 534, л. 8; ф. 17, оп. 1, д. 484, л. 19.

[2] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 484, л. 19.

[3] Под этим названием газета выходила в Москве с апреля по июнь 1918 г.

[4] Газеты «Комуна» и «Югославянский революционер» обнаружить не удалось.

12—1

Редактором органа Югославянской группы при РКП(б) — газеты «Революция» был Иван Ференчак. Главной своей задачей газета ставила «...объединить югославян в крепкую организацию и стремиться всеми силами облегчить жизнь друг другу» [1].

Через два месяца газета стала называться «Всемирная революция» («Svjetska revolucija») и под этим названием выходила в Москве как орган Югославянской коммунистической группы (большевиков) еженедельно с июля 1918 г. по 1919 г. Газета печаталась на сербско-хорватском языке; иногда в ней появлялись статьи и на болгарском языке. Тираж газеты временами превышал 20 тыс. экземпляров [2].

Большое внимание газета посвящала теоретическим вопросам и опыту строительства социализма в Советской республике. Например, печатались статьи об аграрном вопросе в России, о том, как организовать коммуны. Много внимания посвящалось вопросам III Интернационала. Газета перепечатывала статьи В. И. Ленина и других руководителей большевистской партии и Советского государства.

Газета «Всемирная революция» пользовалась большим авторитетом среди югославян. Об этом свидетельствовали многочисленные обращения к руководству партии в Москве с просьбой прислать газету. Газета посылалась в Царицын, Саратов, Астрахань, Нижний Новгород, Казань, Тамбов, Пензу, Арзамас, Орел, Вязьму, Петроград, Петрозаводск, Пермь, Смоленск, Тверь, Курск, Воронеж и другие города [3].

«Газета распространяется,— говорилось в отчете ЦК в ноябре 1918 г.,— среди еще не уехавших бывших военнопленных и красноармейцев на Южном, Уральском и других фронтах, где имеются южнославянские отряды, через наркомат по иностранным делам среди сербов-белогвардейцев на Мурмане, Сибири и Украине» [4].

В деле подготовки агитаторов из югославян большую роль сыграли специальные курсы.

---

[1] «Revolucija», 15. IV. 1918.

[2] *Л. К. Ильинский*, Список повременных изданий за 1918 г., стр. 50; Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 415, л. 8 и 19 об

[3] Там же, л. 6.

[4] Там же, л. 15.

При отделе Всероссийского бюро военных комиссаров были организованы курсы для членов Югославянской коммунистической московской группы [1]. Обучавшиеся на этих курсах знакомились с практическим устройством сельских коммун. В сентябре партийные курсы при ЦК РКП(б) закончили 73 югославянских коммуниста [2]. Агитаторов, прошедших специальные курсы, партия посылала в красноармейские части или направляла на работу среди белогвардейцев.

В деятельности Югославянской коммунистической группы в Москве большое место занимали переводы работ В. И. Ленина [3]. Были переведены и изданы тиражом по 20 тыс. экземпляров ряд статей В. И. Ленина, в частности «На борьбу за хлеб (обращение Совета Народных комиссаров ко всем трудящимся)», «Письма о тактике», «Государство и революция», «Очередные задачи Советской власти», «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» и др. Была издана также «Биография Ленина».

Эта сторона деятельности Югославянской коммунистической группы заслуживает особого внимания, так как югославянский читатель впервые получил работы В. И. Ленина, изданные на сербско-хорватском и словенском языках [4].

Кроме работ В. И. Ленина, были напечатаны также брошюра Бела Куна «Кому принадлежит земля», «Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики», брошюра «Что такое солдат Красной Армии?», обращение «Помни, товарищ!», брошюра югославянского автора Л. Петрович «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и др. [5]

Наряду с этим печатались и распространялись листовки [6].

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 415, л. 14 об.
[2] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 416, л. 2 об., 11.
[3] Там же, л. 3.
[4] О первых переводах трудов В. И. Ленина на сербско-хорватский язык см. указ. соч. Т. Кацлеровича, стр. 9.
[5] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 415, л. 17.
[6] Приведем названия некоторых листовок, напечатанных на югославянских национальных языках: «Сербским солдатам в России» (тираж 50 тыс.), «Зачем Вас послали на Украину?», «Рабочие, крестьяне и солдаты» (на словенском языке, тираж 20 тыс.), «Сербским солдатам» (на сербском языке, тираж 30 тыс.), «Остановим обманутый пролетариат»

К лету 1918 г. возникла необходимость создать организацию, которая парализовала бы деятельность официальной королевской сербской миссии. Последняя вела антисоветскую пропаганду и вербовку в интервенционистские войска [1].

В связи с разгорающейся гражданской войной все более широко вставал вопрос о привлечении югославян в Красную Армию.

Для разрешения всех этих вопросов 25 июля 1918 г. Югославянская коммунистическая группа при РКП(б) обратилась в Комиссариат по делам национальностей с просьбой образовать при комиссариате отдел для южных славян. Под этим обращением подписались: по поручению болгар — Д. В. Юркович, сербов — Ф. Ф. Дробник, от хорватов — В. И. Чопич, от словенцев — К. Н. Година.

26 августа 1918 г. был организован отдел южных славян при Народном комиссариате по делам национальностей [2].

Председателем отдела был назначен В. Маркович, секретарем — В. Чопич [3].

Необходимо отметить, что еще 23 августа Югославянская коммунистическая группа обратилась с письмом в Комиссариат по иностранным делам с просьбой упразднить королевское консульство и военную миссию, являвшихся агентурой англо-французского капитала и занимавшихся антисоветской деятельностью [4].

В отделе южных славян при Наркомнаце были созданы секции: политико-агитационная, воинская, труда, культурно-просветительная [5].

Задачей воинской секции было формирование национальных частей для борьбы с врагами и защиты Советской власти. Секция поддерживала постоянную связь с те-

---

(на хорватском языке, тираж 20 тыс.), «Товарищам, уезжающим на родину» (на словенском языке, тираж 10 тыс.). (Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 415, л. 8, 11, 17.)

[1] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 418, л. 33.

[2] Сообщение об организации отдела для всех южных славян на территории Российской Социалистической Федеративной Советской Республики было опубликовано 21 сентября 1918 г. в газете «Всемирная революция». В этом сообщении говорилось, что отдел организован по инициативе Советского правительства.

[3] ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 38, л. 3.

[4] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 418, л. 38.

[5] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 414, л. 8.

ми из южных славян, которые уже состояли на службе в Красной Армии. В Москве и в районе Царицына создавались базы для формирования и обучения национальных рот, которые затем поступали в распоряжение Военного комиссариата для включения их в полки Красной Армии.

В задачу секции труда входила забота о безработных южных славянах, вопросы устройства их на работу, организация трудовых коммун, устройство сельскохозяйственных курсов и т. д.

В связи с освобождением Сибири от белогвардейских частей и установлением там Советской власти изучался вопрос о поселении южных славян в Сибири [1].

Культурно-просветительная секция занималась организацией библиотек и читален, устраивала курсы для неграмотных и лекторские курсы, издавала брошюры и книги научного характера на сербско-хорватском, словенском и болгарском языках. В задачу секции входила организация лекций, спектаклей, концертов, а также детских колоний и пролетарских трудовых школ для детей беженцев и т. д.

Наконец, политическо-агитационная секция занималась пропагандой коммунистических идей среди эмигрантов и военнопленных [2].

Как видно, отдел южных славян предусматривал проведение широкой деятельности среди южных славян, находившихся в России. Надо особо подчеркнуть, что отдел работал в постоянном контакте и под руководством Югославянской коммунистической группы.

В условиях развала монархии Габсбургов и окончания мировой войны возникла идея образования объединенного Совета для находящихся в России бывших австро-венгерских подданных и ликвидации всех открытых после Брестского мира австро-венгерских миссий [3]. Такой объединенный Австро-Венгерский Совет был создан. В его состав вошел и представитель Югославянской коммунистической группы. Совет должен был заниматься: 1) обеспечением

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 414, л. 8.

[2] Там же, л. 9.

[3] Эти миссии были открыты в Советской России после подписания Брест-Литовского мира на основании соглашения о пленных. Миссии использовали свое положение для оказания всяческой помощи русской буржуазии и меньше всего заботились о положении и отправке военнопленных на родину (Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 422, л. 50).

военнопленных; 2) эвакуацией их на родину; 3) политическим просвещением военнопленных [1].

Сначала объединенные Советы были организованы в Петербурге и Москве, а затем во всех местах, где имелись военнопленные. Во главе центрального Совета стоял президиум из представительств всех национальных групп, проживавших на территории, составлявшей бывшую Австро-Венгрию. Австро-Венгерский Совет рабочих и крестьянских депутатов развернул очень широкую работу и в сравнительно небольшой срок, с 5 ноября 1918 г. по 1 августа 1919 г., способствовал эвакуации 200 тыс. бывших военнопленных [2].

Представителем от Югославянской группы в Австро-Венгерском Совете рабочих и крестьянских депутатов был серб — бывший солдат Югославянского добровольческого корпуса Никола Грулович [3]. Он вошел в состав Совета 12 декабря 1918 г. [4]

В начале 1919 г. Югославянская группа поставила вопрос об организации отдельного Совета рабочих и крестьянских депутатов [5]. Организация отдельного Совета объяснялась необходимостью создания специального югославянского органа, который мог бы противодействовать контрреволюционным действиям сербского королевского консульства [6].

Этот Совет был организован 20 марта 1919 г. Руководство этого Совета было составлено из представителей всех югославянских национальных групп: хорватов, сербов и словенцев [7]. Задачи Совета остались те же, что и у Австро-Венгерского Совета рабочих и крестьянских депутатов.

23 апреля 1919 г. образовался Югославянский Совет

---

[1] В конце 1919 г. в лагерях все еще имелось большое количество бывших военнопленных: в Сибири — около 200 тыс. человек, в Ташкенте — 30 тыс., на Кавказе — 20 тыс. и т. д. (Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 422, л. 51).

[2] Там же, л. 51 об.

[3] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 415, л.11. Никола Грулович — член Югославянской коммунистической группы, был организатором 1-го Югославянского коммунистического полка. Позднее представитель КПЮ в Коминтерне; участник народной революции в Югославии (1941—1945 гг.), в настоящее время видный политический деятель ФНРЮ.

[4] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 9, л. 111.

[5] Там же, л. 118.

[6] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 443, л. 38.

[7] Там же, л. 119.

рабочих и крестьянских депутатов в Одессе [1]. Председателем был избран Николай В. Ирич (Хлаватый), секретарем — И. Бркич и членом — Г. Пушич [2] — люди, преданные делу революции и Советской России.

Югославянский Совет рабочих и крестьянских депутатов занимался организацией эвакуации бывших военнопленных и пытался для этого наладить сотрудничество с королевскими югославянскими органами. С этой целью 20 апреля Совет отправил в Белград телеграмму правительству сложившегося в ноябре — декабре 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев. Телеграмма гласила: «...Югославянский Совет рабочих и крестьянских депутатов, который организован 20 марта 1919 г. в Москве, взял под свою защиту всех югославян, проживающих в Советской России. В настоящее время находится здесь несколько тысяч сербов, хорватов и словенцев — как сербских граждан, так и бывших военнопленных бывшей Австро-Венгерской монархии. Большая часть этих граждан желает вернуться к своим домам. Для их отправки на родину необходимы льготы Русского Советского правительства и материальные средства от вас. Что касается Русского Советского правительства, оно делает все, чтобы облегчить возвращение даже и тем югославянам, которые с винтовкой боролись против него. Между тем мы не получили ни копейки от бывшего сербского генерального консула в Москве. Следовательно, так как в ваших руках находится все имущество сербов, хорватов и словенцев, вы обязаны послать необходимую материальную помощь, чтобы таким образом спасти от новых страданий тысячи людских существ, жертвы преступной империалистической войны, помочь им вернуться к их близким. Для этой цели необходимо послать предварительно не меньше 100 тысяч рублей, которые нужно послать тут же, срочным прямым путем. Москва, 20 апреля 1919 г.

Председатель Югославянского Совета рабочих и крестьянских депутатов М. Милькич, секретарь Ф. Дробник» [3].

Во второй телеграмме, отправленной в Белград 10 мая, говорилось: «... Югославянский Совет рабочих и крестьян-

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 443, л. 119.

[2] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 422, л. 24. Г. М. Пушич — серб, участник гражданской войны. Проживает в СССР, в настоящее время персональный пенсионер.

[3] «Svjetska Revolucija», 4. VI. 1919, str. 2.

ских депутатов в России обратился к народному комиссару иностранных дел Русской Социалистической Федеративной Республики со следующим письмом: «В Советской России и Советской Украине находятся тысячи югославян (сербов, хорватов и словенцев) — бывших военнопленных бывшей австро-венгерской монархии, а также сербских граждан. Многие из них больны и инвалиды. С целью скорейшей эвакуации этих граждан Югославянский Совет рабочих и крестьянских депутатов просит вашего разрешения и участия в деле их отправки через Одессу морским путем на родину».

На эту просьбу нам ответил народный комиссар иностранных дел 10 мая следующим документом:

«В связи с вашим письмом от 9 с. м. Народный комиссариат иностранных дел имеет честь сообщить вам, что он готов оказать помощь и содействовать отправке сербов — военнопленных бывшей австро-венгерской монархии — через один из южных портов. В связи с этим необходимо сообщить о числе пленных и времени их отправки...»

Из изложенного ясно, что Российская Советская Социалистическая Республика не только не воспрепятствовала отправке сербов, хорватов и словенцев на родину, но, наоборот, старалась облегчить осуществление этой задачи.

Следовательно, осуществление эвакуации югославян зависит сейчас только от белградского правительства и его союзников.

Таким образом, вашей обязанностью являются быстрые и необходимые меры, чтобы сербы, хорваты и словенцы, находящиеся в России, могли вернуться к своим очагам.

Москва, 10 мая 1919 г.

Председатель Югославянского Совета рабочих и крестьянских депутатов Милькич, секретарь Дробник» [1].

Но попытки получить необходимую эффективную помощь от правительства Королевства сербов, хорватов и словенцев в деле эвакуации на родину бывших военнопленных оказались безуспешными. Правительство королевства мало заботилось о своих земляках. Оно послало в Россию эвакуационную комиссию [2], которая должна была заняться вопросом о пленных, так как белградское правительство не признавало Совет и не хотело вступать с ним в сношения.

---

[1] «Svjetska Revolucija», 4. VI. 1919, str. 2.
[2] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 422, л. 24 об.

Но эвакуационная комиссия ничего для бывших военнопленных не сделала. Такое отношение официальных органов белградского правительства еще раз наглядно показало военнопленным, кто их друг и кто враг.

Бывшие военнопленные югославяне все более революционизировались. Бешеная антибольшевистская пропаганда со стороны официальных органов белградского правительства и расправы белых офицеров с прогрессивно настроенными пленными только способствовали этому. О настроении бывших военнопленных свидетельствовали многочисленные сообщения из разных лагерей. Так, в письме из Казани от 2 августа 1918 г. Йоже Сребрнич сообщает, что все бывшие военнопленные стоят на позициях Советской власти, что все они читают русские газеты и хорошо информированы о революционных событиях в России, кроме того, они получают и прессу на югославянских языках [1].

Таким образом, в период 1918 г. и начала 1919 г. среди военнопленных югославян в России оформились свои организации. Это сыграло решающую роль в дальнейшей жизни бывших военнопленных.

III. ЮГОСЛАВЯНСКИЕ ОТРЯДЫ КРАСНОЙ АРМИИ

Югославянские коммунистические группы в России обращали особое внимание на вовлечение сербов, хорватов и словенцев в ряды Красной Армии. В начале 1918 г. у многих югославян-коммунистов еще преобладало убеждение в том, что надо готовиться исключительно к отъезду на родину. Идея о возвращении в Югославию была близка каждому бывшему военнопленному. Это и понятно. Большинство из югославян пробыло на фронте с 1914 г., и, естественно, каждый из них стремился вернуться на родину.

Но события в Советской России показали многим югославянам, что их революционный, патриотический и интернациональный долг состоит прежде всего в посильной помощи молодому рабоче-крестьянскому государству.

Югославянская коммунистическая группа при РКП(б) через свой орган «Всемирная революция», с помощью листовок и брошюр и путем устной агитации призывала

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 422, л. 24 об.

югославянских военнопленных вступать в борьбу на стороне Красной Армии.

«Братья и товарищи! — говорилось в одной из передовых статей «Всемирной революции».— Венгры, сербы, болгары и немцы, рабочие и крестьяне, по примеру героических русских товарищей, по примеру русского пролетариата бросимся в бой за социализм» [1]. Следовательно, жизнь подсказывала югославянам, что так как в России рабочие и крестьяне делают дело, общее всем народам, то в первую очередь надо им помочь и только потом возвращаться домой.

Со своей стороны контрреволюционно настроенное большинство сербских офицеров, военная миссия и ее агенты в России вели систематическую агитацию за немедленное возвращение на родину и при этом утверждали, что революция является внутренним делом России, что югославяне не должны вмешиваться в ее дела [2].

Подобной точки зрения придерживалась, как было выше сказано, и Югославянская революционная федерация. Но идея «невмешательства» служила интересам империалистов и других врагов Советской России.

Над молодой Советской республикой, которая только что начала строить на глазах бывших югославянских солдат социалистическое государство рабочих и крестьян, нависла смертельная опасность.

Как известно, в первой половине 1918 г. против Советской власти поднялись две крупные силы, намеревавшиеся задушить государство рабочих и крестьян. Это были иностранные империалисты и внутренняя контрреволюция.

Бывшие военнопленные — рабочие и крестьяне — поняли, что их собственная судьба находится в опасности и что их долг состоит в массовом вступлении в части Красной Армии.

Участие югославян в борьбе за Советскую власть проявилось в нескольких формах: во-первых, в организации специальных югославянских отрядов, составленных только из сербов, хорватов и словенцев, которые принимали участие в борьбе с белогвардейцами, кулаками, мятежниками и т. п.; во-вторых, во вступлении югославян в интернацио-

---

[1] «Всемирная революция», 4 ноября 1918 г.
[2] Там же.

нальные части, организованные под руководством военной комиссии Федерации иностранных коммунистов в России; и, наконец, в-третьих, в том, что югославяне входили в части Красной Армии либо индивидуально, либо небольшими группами.

Первым проявлением солидарности югославян с Красной Армией явился отказ сражаться против нее и участие на ее стороне в борьбе против гайдамаков. Характерным в этом отношении является пример Одесского добровольческого батальона.

После Октябрьской революции в Одессе осталась часть Югославянского добровольческого корпуса — запасный батальон и некоторые другие подразделения.

Командование батальона, отдавая себе отчет в том, что ему не удастся втянуть солдат в борьбу против Советской власти, объявило о нейтралитете по отношению к начавшейся в России гражданской войне. Но в батальоне произошло восстание, в котором участвовало 100—140 человек. Восставшие добивались перехода на сторону Советской власти. Восстание было подавлено гайдамаками, но многие его участники ушли в Красную гвардию [1]. Когда 14 и 15 января 1918 г. в Одессе начались бои между Красной Армией и контрреволюционными частями, командование батальона не решилось выступить на стороне контрреволюционеров, так как опасалось, что приказ о помощи белогвардейцам может вызвать новое восстание. Вскоре в Одессе начали бесчинствовать анархисты и прочие банды. Председатель Одесского революционного комитета обратился за помощью к батальону. Под давлением солдат, не скрывавших симпатий к Красной Армии, командование батальона согласилось помочь восстановлению порядка в городе [2]. За оказанную помощь батальон получил письменную благодарность от Одесского революционного комитета [3]. Спустя некоторое время в Одессе был сформирован первый югославянский отряд Красной Армии численностью в 600—700 человек [4].

---

[1] ЦГАКА, ф. 28361, оп. 3, д. 889, л. 3.
[2] *Дејан Гајић*, Генерални штрајк, стр. 98
[3] Там же.
[4] ЦГАКА, ф. 28361, оп. 3, д. 889, л. 4.

По-видимому, последовавшее вслед за тем спешное передислоцирование запасного батальона имело целью предотвратить переход всего батальона на сторону Красной Армии.

В марте 1918 г. остатки добровольческого батальона оказались в Самаре. Местные органы Советской власти встретили батальон весьма настороженно, так как здесь было хорошо известно о том, что некоторые сербские добровольческие части в Сибири поддерживали силы контрреволюции. Кроме того, в Самаре в составе Красной Армии находилось около 600 югославянских добровольцев, и советское командование опасалось, как бы офицеры батальона не попытались развернуть в их среде контрреволюционную агитацию. Батальон получил было приказ направиться в Архангельск для последующей эвакуации за границу [1]. Но вскоре, как свидетельствует печать, «сербский отряд, прибывший из Одессы, разоружился...» [2] Этим завершилась история добровольческого батальона.

Характерен также случай с группой из бывшего добровольческого корпуса, оказавшейся под Киевом. После Февральской революции Временное правительство согласилось с просьбой этой группы организовать ударный батальон [3]. Батальон был организован, но огромное большинство солдат и офицеров отказалось от участия в борьбе против трудящихся России [4]. Солдаты намеревались поддержать борьбу трудящихся России за Советскую власть. Об этом батальоне сообщала в сентябре 1917 г. газета «Югославия», выходившая в Петербурге: «Югославянский революционный отряд хорошо развивается. В скорое время должен направиться на фронт 1-й революционный югославянский батальон. Сербские служебные круги предпринимают все возможное, чтобы уничтожить отряд. Они предпринимают всевозможные интриги и бросают большие деньги с этой целью. Между тем все их старания напрасны, так как сознание и честь наших солдат сильней всех интриг» [5]. Далее в этой же корреспонденции говорится, что среди югославян работает организация «Революционный

---

[1] *Дејан Гајић*, Генерални штрајк, стр. 28.
[2] «Уральский рабочий», 2 апреля (20 марта) 1918 г.
[3] ЦГАКА, ф. 28361, оп. 3, д. 897, л. 15.
[4] Там же, л. 16.
[5] «Югославия», 1(14) сентября 1917 г., стр. 60.

югославянский союз» [1], которая собирает в свои ряды всех югославян — солдат и бывших военнопленных [2].

В 1918 г. имели место многочисленные случаи проявления симпатии со стороны добровольческих частей к Красной Армии.

Уже в самом начале 1918 г. отдельные группы югославян формировали отряды, вступавшие в состав Красной Армии. Личный состав этих отрядов обращался к своим землякам, призывая их на борьбу против сил контрреволюции.

Показательной в этом отношении является резолюция, единогласно принятая на общем собрании сербов-красноармейцев 18 августа 1918 г. в городе Саратове.

«1. Мы, сербы, находившиеся на службе в Красной Армии в городе Саратове, стоящие на страже русской революции и рабоче-крестьянской власти, приветствуем русское рабоче-крестьянское правительство,— говорилось в этой резолюции.

Мы твердо решили бороться с каждым внутренним и внешним врагом, который пойдет против Советской власти, которая уничтожила все привилегии капиталистических, империалистических эксплуататоров, власти, передавшей всю власть и права в руки рабочих и беднейшего крестьянства.

2. Найстроже осуждаем выступление иностранных империалистов, которые подняли грабительские руки против рабоче-крестьянской русской власти и хотят силой оружия и кровавым насилием установить подлую власть царей, помещиков и буржуазии. Особенно строго осуждаем английских и французских империалистов и ими нанятых сербских лакеев, которые обманом, насилием и расстрелом принуждали нашу на Муроме рабоче-крестьянскую массу бороться для их капиталистических интересов, а против русской революции, которая открыла глаза рабочим и крестьянству всего мира.

3. Призываем всех сербов, рабочих и крестьян, всех прочих южных славян сплотиться в крепкие коммунистические организации, которые будут помогать Советской России в данный момент и в то же время подготовлять наш

---

[1] Такая организация югославян просуществовала на Украине до начала 1918 г.

[2] «Югославия», 1(14) сентября 1917 г., стр. 60.

рабоче-крестьянский класс к великому моменту мировой революции, когда мы в наших странах будем использовать богатый опыт Русской революции...» Резолюция заканчивалась приветствием русской революции, коммунизму, интернационализму, протестом против ненавистных империалистов, капиталистов и эксплуататоров рабочего класса [1].

Подобные же призывы печатались в большом количестве отдельно и в специальных статьях в органе партии «Всемирная революция» [2] и в других газетах [3].

Поддерживая инициативу югославянских коммунистов, Советское правительство несколькими постановлениями облегчило порядок вступления сербов, хорватов и словенцев в отряды Красной Армии и организацию ими самостоятельных отрядов Красной Армии. Так, органами по борьбе с контрреволюцией при верховном главнокомандующем войск республики на юге России 10 апреля 1918 г. было сделано секретное распоряжение под № 606 Пензенскому Совету депутатов и Пензенскому революционному штабу о формировании специальных славянских отрядов [4]. В этом документе говорится: «Прошу направить оружие, сданное чешским корпусом [5], согласно указанию верховного комиссара по формированию славянских отрядов...»

В документе от того же числа под № 613, направленном комиссару по формированию славянских отрядов Гузарскому, передается приказ: «Предписываю Вам с получением сего направиться в Москву, Пензу и Самару, где приступить к формированию славянских отрядов, для чего связаться с чешскими, польскими и сербскими организациями и отрядами и руководить ими» [6].

В другом документе (№ 321) — записке о формировании славянских отрядов,— направленном комиссаром славянского отряда 23 апреля 1918 г. в Народный комиссариат по военным и морским делам, подчеркивалось, что для такого формирования существует идеологическая

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 414, л. 3.

[2] См. «Всемирная революция», 22 июня 1918 г., 26 декабря 1918 г., 5 декабря 1918 г. и т. д.

[3] См. «Земля и Воля» — «Zemlja i Sloboda», П. 29 февраля 1918 г.

[4] ЦГАКА, ф. 1, оп. 1, д. 181, л. 6.

[5] Имеется в виду чехословацкий корпус, поднявший мятеж против Советской власти.

[6] ЦГАКА, ф. 1, оп. 1, д. 181, л. 17.

основа, что «...идейная основа открывает перед нами широкие перспективы, она позволяет нам надеяться, что боевая деятельность этих частей будет пропагандой действием и встретит живейший отклик по ту сторону кордона: среди польских, чешских и сербских частей, входящих в состав враждебных нам армий, среди польского, чешского, сербского люда...» [1]

Эти документы, помимо всего прочего, свидетельствуют о начавшейся в 1918 г. широкой организации славянских отрядов в составе Красной Армии.

На огромной территории России в течение 1917—1920 гг. основными районами концентрации югославян, а следовательно, и образования югославянских отрядов Красной Армии были Екатеринослав, Саратов, Самара, Казань, Царицын, Астрахань и Черный Яр [2].

В конце 1917 г. на Украине были организованы многочисленные отряды Красной гвардии из югославян. Об одном из таких отрядов писал впоследствии командир корпуса Красной Армии — бывший сербский рабочий Данило Сердич [3]: «Отряд т. Дундича — 150 человек, входивший в группу Сиверса. Этот отряд, один из самых героических отрядов, пробился к Царицыну и впоследствии влился в Морозово-Донецкий отряд, которым руководил ростовский портной Щаденко» [4].

В самом конце 1917 г. в Екатеринославе по разрешению Совета рабочих депутатов начал организовываться отряд из югославян — 1-й Сербский советский революционный отряд, насчитывавший около 600 человек [5].

---

[1] ЦГАКА, ф. 1, оп. 1, д. 188, л. 38.

[2] Там же.

[3] Сердич Данило Федорович (1896—1942) родился в Белграде; чернорабочий-грузчик. Получил начальное образование. В 1914 г. добровольно перешел на сторону России. После Февральской революции был арестован за революционную деятельность, просидел более двух месяцев в Петропавловской крепости. В Екатеринославе организовал 1-й Сербский советский революционный батальон. Член РКП(б) с 1 марта 1918 г. В 1918 г. был командиром 1-го Югославянского коммунистического полка, затем Крымского полка. В 1919—1920 гг. был командиром бригады в 1-й конной армии, а затем начальником штаба армии и командиром корпуса Красной Армии. За героизм награжден правительственными наградами. В 1920 г. получил орден Красного Знамени.

[4] Архив ИГВ, ф. IV, ч. III, оп. 2, п. 7, д. 35, л. 5.

[5] ЦГАКА, ф. 28361, оп. 3, д. 897, л. 17.

Командиром этого отряда был упомянутый выше Данило Сердич [1].

Весной 1918 г. в Саратове был организован сербский отряд Красной Армии. Командовал им Любомир Моин. Судя по найденному списку личного состава отряда, в нем насчитывалось 207 солдат и 13 лиц командного состава [2]. В командный состав входили инструкторы отряда, инструкторы рот и взводов. В качестве помощников инструкторов отряда в период его формирования числились инструкторы рот Дане Гутеша, Томо Илич, Марко Павлович, Миле Балабан, Милан Глумац, Дюро Чича, Лука Вучкович, Владимир Крстич и Марко Табакович [3]. Небезынтересно будет привести отчет об одном заседании 2-го взвода этого же Сербского отряда, происходившем 2 августа 1918 г. [4] Отчет составлен М. Глумацом — командиром роты. Председателем заседания был избран Келячки, заместителем — Миросавлевич и секретарем — Табакович. На повестке дня стояли вопросы: об организации отряда, выборы взводных делегатов (комиссаров) и об обязанностях последних. Крагуевич — по-видимому, политработник — обратил внимание отряда на необходимость борьбы с подозрительными элементами, которые действуют в пользу англо-французов, белогвардейцев или белочехословаков. В своем выступлении Крагуевич ознакомил собравшихся с принципами большевизма в России и призвал их учиться у большевиков, чтобы их опыт перенести в свою страну. Секретарь собрания Табакович отмечал, что на территории Советской федеративной республики под защитой революции находится 25 тыс. сербских коммунистов [5]. Он призывал вступать в ряды Югославянской коммунистической группы и объединиться в борьбе против общего врага — капитализма. Затем собравшиеся перешли к выборам делегатов (комиссаров).

Комиссаром роты избрали Крагуевича, а его заместителем — Табаковича. В 1-м взводе комиссаром был выбран Мариянович, во 2-м — Слободич, в 3-м — Келячкин,

---

[1] ЦГАКА, ф. 28361, оп. 3, д. 884, л. 24.
[2] ЦГАКА, ф. 10, оп. 1, д. 250, л. 92—95.
[3] Там же, л. 92.
[4] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 418, л. 31—32.
[5] Имеются в виду, конечно, не члены партии, а борющиеся в Красной Армии югославяне.

а в пулеметном — Стойков. В конце заседания была принята резолюция, в которой отмечалось, что в задачу выбранных взводных комиссаров входит восстановление связи с сербскими коммунистическими отрядами в Астрахани и Царицыне, установление связи с центральным руководством Югославянской коммунистической группы при ЦК РКП(б) [1]. Спустя несколько месяцев отряд посетила комиссия Федерации иностранных коммунистических групп. Представителем Югославянской группы в этой комиссии был В. Чопич. Он отметил, что сербские королевские офицеры — агенты сербской военной миссии и Югославянской революционной федерации — ведут в отряде усиленную агитацию за «нейтралитет» и невмешательство в русские дела [2]. Как подчеркивается в отчете, представленном комиссией Федерации иностранной группы, агитация сербских королевских офицеров не имела успеха, так как солдаты знали этих офицеров еще из добровольческого корпуса и помнили их жестокое с ними обращение. Им было ясно, что только борьба вместе с русским пролетариатом обеспечит им свободу.

Саратовский сербский отряд не только отверг провокаторские призывы, но арестовал членов сербской военной миссии и даже принял участие в подавлении контрреволюционных выступлений немецких колонистов в Саратовской губернии. За безупречное исполнение своего интернационального долга сербский отряд получил благодарность от Саратовского губисполкома [3].

Царицын, как известно, играл большую роль в стратегическом отношении в разгоревшейся гражданской войне.

Самая крупная концентрация югославянских отрядов Красной Армии оказалась на линии Царицын — Черный Яр.

---

[1] В примечании к отчету поясняется, что задача избранных комиссаров состоит в защите своих товарищей от преступной деятельности вражеских агентов (л. 31—32).

[2] В отчетах пояснялось, что были случаи, когда советские газеты, конечно, обманутые революционными лозунгами, печатали призывы Югославянской революционной федерации, в которых южные славяне призывались не принимать участия в борьбе русского пролетариата с империализмом (ЦГАОР, ф. 1318, оп. 2, д. 38, л. 18).

[3] Там же.

Часть югославян в результате договоренности руководства югославянских групп с командованием Красной Армии специально была переброшена на этот важный участок фронта. Летом 1918 г. в Царицыне находилось свыше тысячи югославян, из которых большинство уже прошло боевой путь в рядах Красной Армии [1]. Кроме того, сюда же прибыл Н. Груловнч с отрядом в 100 человек [2]. Здесь же находился Сербский батальон численностью в несколько сот человек, которым руководили, как говорилось в одном отчете, надежные люди [3]. Командовал батальоном Димитриевич — бывший офицер добровольческого корпуса, коммунист [4]. Офицер корпуса Шеремет в письме к своему другу — офицеру бывшего добровольческого корпуса Лапайне — писал: «Можешь сообщить в газету, что наших около 200 человек находится на фронте против донских казаков и что двое из бывших офицеров уже ранено в боях... Очень много ранено солдат, но они героически дерутся» [5]. О героической борьбе югославянских отрядов говорилось и в других документах [6].

Югославянские части, в частности 1-й Сербский советский батальон, сыграли значительную роль в обороне Царицына [7]. В период подготовки контрреволюционного заговора некоторые товарищи из Сербского советского батальона по договоренности с Царицынской чрезвычайной комиссией, стремясь раскрыть планы подготовлявшегося белыми заговора, повели переговоры о сотрудничестве с контрреволюционерами. Чтобы обмануть контрреволюцию, чрезвычайная комиссия разоружила батальон. Когда же заговор был полностью раскрыт, батальону была объявлена благодарность за помощь, оказанную в деле раскрытия заговора [8], и возвращено оружие.

Многие югославяне из этого батальона отдали жизнь за утверждение Советской власти в России. Например,

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 418, л. 25.
[2] Там же, л. 26.
[3] Там же, л. 28 об.
[4] Там же, л. 7.
[5] Там же, л. 17.
[6] См. «Доклады Югославянской секции при ЦК РКП(б) за 1918 г.» (Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 415, л. 3 об., 13 об.).
[7] ЦГАОР, ф. 1318, оп. 2, д. 38, л. 20.
[8] Там же.

6 мая 1918 г. в сражении на станции Лог и на реке Иловля погибла рота югославян (150 человек) [1].

Успешное участие югославян в рядах Красной Армии побудило центральное руководство Югославянской коммунистической группы в Москве сформировать специальную югославянскую часть, которая бы стала костяком крупной югославянской военной части Красной Армии [2].

По воспоминаниям Георгиевича [3], из Киевского, Екатеринославского и Царицынского югославянских отрядов в Царицыне было начато формирование 1-го Югославянского коммунистического полка. Командиром полка был назначен испытанный в боях командир Д. Сердич, командиром пулеметного отряда в полку — Георгиевич. Во второй половине 1918 г. по решению штаба 10-й армии полк был переведен в Черный Яр, где и закончилось его формирование.

Кроме трех революционных сербских батальонов, полк имел в своем составе также кавалерийский дивизион. В состав полка постепенно должны были влиться все югославянские отряды Красной Армии. «Этот полк должен явиться,— говорилось в одном обращении центрального руководства Югославянской коммунистической группы,— центром всех наших военных сил в Советской России» [4]. Югославяне-красноармейцы направлялись в эту часть.

Известно, что 1-й Югославянский коммунистический полк принимал участие во многих боях в окрестностях Царицына, а именно: под Орентой, Половянской, Черным Яром, Солодниковом и Астраханью [5]. По огромным потерям противника можно судить о боевом духе полка. Так, например, конный эскадрон полка в этих боях уничтожил 250 белых казаков [6]. Еще в период формирования полку пришлось отбивать от Волги набеги контрреволю-

---

[1] ЦГАКА, ф. 28361, оп. 3, д. 884, л. 28.

[2] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 434, л. 32.

[3] Д. Георгиевич (род. 1884) — серб, военнослужащий австро-венгерской армии; попал в плен в Россию в 1914 г. В конце 1917 г. вступил в Красную гвардию вместе с рабочими Брянского завода. С 1917 по 1920 г. он прошел путь от рядового бойца до командира. Принимал участие во многих боях. В 1921 г. стал руководителем Югославянского Совета рабочих и крестьянских депутатов в Москве. Принимал участие в народной революции в Югославии (ЦГАКА, ф. 28361, оп. 3, д. 895, л. доб., д. 898, л. 20—21, а также «Автобиография» в рукописи).

[4] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 415, л. 15.

[5] ЦГАКА, ф. 28361, оп. 3, д. 898, л. 21.

[6] Там же.

ционного астраханского казачества. Кроме того, в 1918 г. пришлось вести несколько боев с белогвардейскими отрядами Мамонтова и др.[1] Найденный в архиве именной список Югославянской коммунистической группы 1-го Югославянского коммунистического полка[2] позволяет установить, что в полку было 293 коммуниста. Как видно из этого списка, более половины бойцов вступило в Красную Армию с января по май 1918 г.[3]

Руководителями партийной организации полка были Никола Грулович и Иван Шипош[4].

1-й Югославянский коммунистический полк недолго действовал как самостоятельная часть: отдельные его батальоны и даже меньшие группы были направлены в интернациональные части или влились в состав различных частей Красной Армии. По приказу штаба 10-й армии было решено все конные части царицынского участка влить в Крымский кавалерийский полк, а пехоту — в 37-ю дивизию. Командиром Крымского кавалерийского полка стал Д. Сердич. Позднее этот полк был введен в состав кавалерийской бригады С. М. Буденного[5]. Кавалерийский эскадрон Л. Чолича оказался ядром формировавшегося 3-го кавалерийского полка, который вошел в 1-ю сводную донскую советскую кавалерийскую дивизию.

Как отмечалось в отчете Югославянской группы за август 1918 г.[6], в Саратове в то время также имелось два батальона красноармейцев-югославян, в Царицыне и в Астрахани — по одному батальону. Эти батальоны, говорилось в одном из сообщений, как и прочие югославянские части на юге, «...стойко защищают Советскую власть и наносят тяжелые удары казакам»[7]. Необходимо упомянуть, что в 1918 г. существовали еще многочисленные югославянские отряды местного значения. Такие отряды были на Украине[8], а также в Москве. Временами эти отряды, например отряд Максима Чанака[9], отряд под командова-

---

[1] ЦГАКА, ф. 28361, оп. 3, д. 884, л. 32—33.
[2] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 415, л. 37—38.
[3] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 418, л. 55.
[4] Там же, л. 38 об.
[5] ЦГАКА, ф. 28361, оп. 3, д. 884, л. 33.
[6] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 418, л. 23.
[7] Там же.
[8] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 432, л. 15, 16, 28.
[9] Максим Чанак — сербский рабочий-кожевник, один из первых покинул добровольческий корпус. Осенью 1917 г. он организовал

нием сербского рабочего Ковачевича [1] вырастали в крупные части; в составе 4-й армии Украины действовал отряд численностью до 600 человек, состоящий из сербов и хорватов, во главе с замечательным организатором и командиром Г. Барабашем [2]. В дальнейшем эти отряды или слились с другими в интернациональные отряды, или вошли в части Красной Армии и, таким образом, перестали существовать как самостоятельные югославянские отряды. В одном отчете говорится, что во второй половине 1917 г. и в начале 1918 г. на территории России насчитывалось около 20 довольно крупных югославянских красногвардейских отрядов [3].

На севере России положение с организацией югославянских частей Красной Армии было сложнее. Как известно, части бывшего добровольческого корпуса перебрасывались с юга на север в направлении Мурманска и Архангельска. Многие подразделения переходили на сторону Советской власти, а некоторые были использованы интервентами в борьбе против Советской власти.

Формирование югославянских отрядов Красной Армии на севере и в Сибири происходило позже, чем на юге,— в конце 1919 и начале 1920 г.

Весной 1918 г. английские и французские империалисты высадили свои войска на севере России, захватили Архангельск и Мурманск, организовали там белогвардейский мятеж, свергли власть Советов и создали белогвардейское правительство. Командование интервентов обратилось за помощью к сербскому правительству, которое дало приказ одному из прибывших туда из Одессы батальонов остаться вблизи Мурманска [4]. Кроме того, югославянское командование дало приказ об организации новых частей [5]. Такие новые части начали возникать в не-

---

в Киеве отряд, который героически сражался с немецкими оккупантами. В апреле 1918 г. в боях под Екатеринославом Чанак погиб вместе с 50 товарищами из своего отряда («Всемирная революция», 6 ноября 1918 г.; ЦГАКА, ф. 28361, оп. 3, д. 888, л. 5).

[1] ЦГАКА, ф. 28361, оп. 3, д. 884, л. 24.

[2] Там же, л. 28.

[3] ЦГАКА, ф. 28361, оп. 3, д. 888, л. 4.

[4] Батальон прибыл в Кандалакшу. Часть батальона была направлена в Мурманск для переброски в Салоники, часть офицеров разошлась по России с целью вербовки новых добровольцев (*Дејан Гајић*, Указ. соч., стр. 29).

[5] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 422, л. 17.

которых местах концентрации военнопленных-югославян. По свидетельству югославянского представителя в Коммунистическом Интернационале, у белогвардейцев в Мурманске было 1500—2000 югославян, а у Колчака — 10 тыс. [1]

Солдат заставляли насильно бороться против Красной Армии, а тех, которые не хотели принимать участие в борьбе, убивали.

В одной телеграмме из Казани (август 1918 г.) говорится: «По команде сербохорватских офицеров в городе Казани в лазарете белогвардейцы зарезали тридцать раненых коммунистов сербо-хорватов» [2]. О расстрелах и арестах коммунистов и революционно настроенных югославян сообщается и в других документах.

Югославянская коммунистическая группа сообщала 23 августа 1918 г. в Совет Народных Комиссаров и Народный комиссариат иностранных дел о положении дел на севере: «Сербский солдат Иван Прохоров [3], бежавший из гор. Кандалакши и приехавший в Москву, заявил, что его заставили поступить в Сербский батальон. То же самое заявили черногорские солдаты, вернувшиеся из Архангельска» [4]. Далее приводились другие примеры и рассказывалось о том, что «солдат, сражающихся сейчас под английским командованием в Архангельске и в Мурманске, сербские офицеры заставили остаться там и принять участие в походе против русских рабочих и крестьян, хотя они заявили, что не желают принимать участие в этом походе...» [5]

Югославянская коммунистическая группа посылала в белогвардейские части своих агитаторов [6]. Коммунисты, часто рискуя своей жизнью, вели неустанную агитацию. На севере героически погиб агитатор Саво Никитич [7]; бе-

---

[1] Необходимо отметить, что эти цифры охватывают также и тех югославян, которые находились в лагерях для военнопленных (Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 422, л. 46).

[2] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 418, л. 44.

[3] Фамилия явно изменена. Военнопленные нередко изменяли свою фамилию и имя, чтобы избежать репрессий в случае возвращения на родину.

[4] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 418, л. 37.

[5] Там же, л. 38.

[6] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 415, л. 3.

[7] «Svjetska Revolucija», 21. II. 1919.

лочехами был убит секретарь Югославянской группы в Саратове Урош Чонкич [1] и многие другие агитаторы. Революционные выступления в лагерях или в отрядах, оказавшихся на стороне интервентов, подавлялись оружием. Пытаясь воспрепятствовать росту революционных настроений, белогвардейцы распространяли лживые утверждения о том, что для югославян дорога на родину может быть открыта только в результате борьбы с большевиками [2].

Репрессии не могли заставить югославян сражаться против Красной Армии. Учащались случаи добровольной сдачи югославян в плен.

О революционных настроениях югославян из так называемых добровольческих частей свидетельствуют частые восстания. Об одном таком восстании сообщалось в «Приволжской правде»: «Среди сербских войск, находившихся на Мурманском полуострове вместе с войсками Антанты, вспыхнул мятеж, сербы отказываются сражаться против русских» [3].

В другой корреспонденции сообщается, что, по словам пленных и перебежчиков, «...сербы заражаются большевизмом и отказываются воевать. В Новониколаевске две их роты отказались выступать на позиции» [4]. Далее отмечается, что между сербами, оказавшимися на стороне белогвардейцев, и колчаковцами существует постоянный антагонизм из-за неравноправного положения сербов [5].

О готовности югославян отстаивать дело революции свидетельствуют многочисленные резолюции, принимавшиеся на митингах. В резолюции, принятой 10 мая 1920 г., говорилось: «Мы, славяне, бывшие военнопленные, заслушав речи на разных славянских языках, убедились в том, что Советская Россия действительно является опорой и кузницей счастья всемирного пролетариата. Как таковую, будем всеми силами поддерживать и укреплять позиции на всех фронтах до окончательной победы пролетариата над международной буржуазией...» [6] В конце 1919 г. под Челябинском сдалась часть,

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 420, л. 2.
[2] Там же.
[3] «Приволжская правда», 21 сентября 1918 г.
[4] «Известия», 5 августа 1919 г.
[5] Там же.
[6] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 484, л. 33.

которая должна была бороться против Советской власти [1]. В Сибири также формировались специальные красноармейские югославянские отряды. Большую организационную и политическую работу среди югославян проводило Сибирское областное бюро югославянских коммунистов при Сиббюро РКП(б).

Приведем таблицу, говорящую об общей численности югославян, организованных в отряды или состоявших в большевистских партийных организациях Сибири и Казахстана [2].

Город	Организация	Члены партии	Кандидаты партии	Остальные югославяне	Всего
Семипалатинск	Славянская секция РКП (б)	1	8	31	40
Ачинск	Ячейка при 3-м железнодорожном оборонческом батальоне	2	82	326	410
	На работах в городе . .	—	—	50	50
Томск	Югославянская секция .	13	5	282	300
Красноярск [3]	1-я Енисейская рабочая бригада	4	—	696	700
	Ячейка сочувствующих .	—	—	50	50
	Караульный полк . . .	—	2	58	60
	На работах в городе . .	—	—	300	300
Иркутск	Славянская секция . . .	—	5	25	30
	264-й кавалерийский полк	1	—	99	100
Нижне-Удинск	. . . . .	4	—	96	100
Верхне-Удинск	. . . . .	3	8	61	72
Омск	Югославянская секция РКП (б)	21	23	156	200
	Всего	49	133	2 230	2 412

Данные таблицы относятся к 1920 г., т. е. к периоду, когда значительная часть бывших военнопленных югославян-красноармейцев уехала на родину или вошла в состав интернациональных отрядов.

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 486, л. 24.

[2] Таблица составлена по данным Архива ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 490, л. 90 и д. 484, л. 19, 12.

[3] По другим данным, в Красноярске имелось 1200 югославян (Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 484, л. 19).

Самая крупная концентрация югославян в Сибири была в Красноярске. Здесь уже в 1918 г. почти все югославяне находились в частях Красной Армии [1]. Большинство югославян входило в 1-ю Енисейскую военно-инженерную бригаду. В период своего существования в 1918—1920 гг. эта бригада принимала участие как в работе на трудовом фронте, так и в боях с белогвардейцами [2].

Одной из самых крупных организаций югославянских коммунистов в Сибири была Омская партийная группа [3].

Интересна история создания Иркутской организации югославян. В конце 1919 г., во время эсеровского переворота, бывший доброволец, хорват по национальности, Марион начал организовывать югославян для помощи Советской власти. Марион призвал всех югославян вступить в рабоче-крестьянский отряд. Этот призыв был сделан еще в тот период, когда власть в Иркутске находилась в руках белочехословаков [4].

В период существования эсеровской власти в Самаре, а затем в Томске происходило формирование Югославянского полка, который предназначался для борьбы с Советской властью.

Этому полку было присвоено имя Матия Губец — вождя хорватского крестьянского восстания в 1573 г. Несмотря на все попытки антисоветских властей использовать полк в борьбе против Красной Армии, эти планы сорвались ввиду сопротивления солдат [5]. Например, когда вспыхнуло восстание красных партизан в Томском уезде, начальник

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 418, л. 168.

[2] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 489, л. 17.

[3] Будет небезынтересно узнать, что в списках коммунистов этой организации фигурирует Матвей Броз (Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 503, л. 49об.). По некоторому сходству биографических данных можно предположить, что это был Иосип Броз Тито — нынешний президент ФНРЮ. Как явствует из опубликованных в печати биографий, Иосип Броз оказался в 1915 г. в числе военнопленных в России. После Февральской революции (в июне 1917 г.) он приехал в Петроград, но вскоре здесь был арестован и выслан на Урал. В октябре 1917 г. в Омске Иосип Броз вступил в Красную гвардию. Затем он участвовал в сражении с колчаковцами. Вместе с советскими коммунистами вел революционную работу среди крестьян и военнопленных. В 1920 г. Иосип Броз Тито возвратился в Югославию («Правда», 2 июня 1956 г.).

[4] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 512, л. 40.

[5] Там же, л. 41.

гарнизона Томска потребовал от командования Югославянского полка выделить две роты на подавление восстания. Но югославяне отказались участвовать в подавлении восстания [1]. В полку подпольно работала группа революционеров [2]. По этому поводу в документе партийного руководства города Ачинска от 14 февраля 1920 г. под названием «Всем советским военным и гражданским учреждениям для информации — гисториат (так в тексте.— *И. О.*) Югославянского советского батальона» отмечается: «Более сознательные и социалистически настроенные элементы были в постоянной связи с подпольными организациями большевиков [3], давая им необходимые сообщения о положении и намерениях союзнической армии» [4]. В другом документе, выпущенном военным руководством после освобождения Томска, говорится: «Товарищи Югославянского советского батальона работали подпольно совместно с членами нашего Ревкома, оказывая нам всякое содействие. Во время наступления белогвардейских банд через город Нижне-Удинск они выставили в городе один батальон и тем прекратили начавшуюся резню и спасли местное население от произвола. Оцепив рабочие кварталы и станцию, не допустили белогвардейцев преследовать местных коммунистов и рабочих и дали им приют в своих эшелонах. Председателя и одного члена Ревкома

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 17, оп 1, д. 512, л. 41.

[2] Там же. Это подтверждал также скончавшийся в 1957 г. участник этих событий М. А. Томац, который в 1920 г. был секретарем тогда же созданного Центрального югославянского бюро при ЦК РКП(б).

[3] Связь между большевистской организацией и подпольщиками в Югославянском полку осуществлял коммунист рабочий-пекарь, серб Валаджия Милан Федорович. В Россию он прибыл в 1917 г. с румынского фронта. В РКП(б) вступил в 1918 г., но до этого с 1913 г. был членом Социал-демократической партии Хорватии в Загребе. В 1917 г. был членом подпольного комитета. В Томск был послан как агитатор (Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 492, л. 12).

[4] О подпольных связях Югославянского полка в Томске см.: Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 463, л. 6; д. 512, л. 40, 41; томскую газету «Красное знамя», 7 декабря 1920 г. С большевиками поддерживал связь молодой офицер Югославянского полка Павле Грегорич. Позднее П. Грегорич вместе с полком перешел в Красную Армию. В 1920 г. он был лектором на партийных курсах югославянских коммунистов и переводчиком пропагандистской литературы на сербохорватский язык. В период народной революции 1941—1945 гг. П. Грегорич являлся одним из ее руководителей в Хорватии. В настоящее время П. Грегорич является видным государственным деятелем ФНРЮ.

отправили в собственном броневике из Нижне-Удинска до станции Алзамай и тем дали возможность избегнуть опасности, грозившей им со стороны белогвардейцев, а также, что было самое главное, соединиться с наступающей Красной Армией» [1].

Революционно настроенная группа в Югославянском полку была настолько сильна, что когда в ноябре полк получил приказ своего командования перебазироваться в Нижне-Удинск на помощь союзническим войскам, то революционная группа выступила со следующим заявлением: «Мы, социалисты 1-го Югославянского полка, солдаты и офицеры, сим заявляем, что мы, если случайно будем вынуждены со стороны одних из союзнических империалистов бороться против Российской Советской Республики и своих друзей большевиков, то в этом случае мы все сложим оружие и сдадимся в плен. Наш девиз: «Ни одной пули против своих братьев, которые несут свободу всему передовому народу». У нас дома наш народ тоже ведет социалистическую борьбу...

Мы оставляем в гор. Томске тов. Векослава Смоляна [2], чтобы он ознакомил и известил Советские власти о нашем решении. Да здравствует социальная свобода и братство всех народов! Социалисты 1-го Югославянского полка» [3].

Этот исключительно интересный и во всех отношениях показательный документ ярко рисует картину настроения в полку. Социалисты из полка действительно выполнили свой долг.

Прибыв в Нижне-Удинск, полк взял на себя охрану одного участка Сибирской магистрали. «За все время его службы,— говорится в одном из документов,— красные партизаны не производили ни одного нападения на полк, в то время как на все остальные части союзнической армии, которые западнее и восточнее от нас охраняли полотно, партизаны производили нападение и вступали

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 512, л. 40.

[2] Векослав Смолян — хорват по национальности — был секретарем Югославянской коммунистической группы при организации РКП(б) в Томске. Принимал активное участие в народной революции в Югославии в 1941—1945 гг. В настоящее время пенсионер.

[3] ЦГАКА, ф. 185, оп. 1, д. 260, л. 107. Заявление это написано 20 ноября 1919 г. в Томске и скреплено собственноручной подписью Векослава Смоляна.

с ними в бой» [1]. Когда к Нижне-Удинску приблизились части Красной Армии, два батальона с оружием в руках перешли на сторону Красной Армии, что деморализовало контрреволюционеров, а советским частям облегчило выполнение их боевой задачи [2].

К переходу на советскую сторону в полку велась тщательная подготовка, так как здесь имелись и антисоветские элементы, особенно среди офицеров, которые всячески запугивали солдат. Для организации перехода еще до прихода Красной Армии группа солдат и офицеров полка вступила в связь с местным Ревкомом и комитетом местной организации РКП(б) [3].

О переходе говорится в телеграмме председателя Сибревкома и члена Реввоенсовета 5-й армии Смирнова из Нижне-Удинска от 16 февраля 1920 г. руководству Югославянской коммунистической группы при ЦК РКП(б) в Москву: «Сообщаю, что под руководством коммунистов-югославян на нашу сторону перешли два югославянских батальона с бронепоездами» [4]. Сразу же было начато формирование Югославянского советского батальона. Создание батальона было одобрено председателем Сибревкома Смирновым [5]. В батальоне числилось 700 штыков, и он сразу же после сформирования взял на себя охрану всего нижне-удинского гарнизона и являлся единственной воинской частью в городе, так как все остальные части Красной Армии были направлены на фронт [6].

Батальон показал исключительную политическую стойкость. В период тяжелого продовольственного кризиса бойцы и командиры батальона, буквально голодая, исправно несли ответственную службу по охране города. 26 февраля 1920 г. согласно приказу начштарма 1-армии батальон был прикомандирован к интернациональной дивизии имени III Интернационала, вошел в состав ее 1-й бригады и был отправлен на запад [7].

Менее удачной оказалась попытка, предпринятая Иркутской югославянской коммунистической группой, рас-

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 512, л. 41.
[2] Там же, л. 40.
[3] Там же, л. 41.
[4] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 438, л. 19.
[5] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 512, л. 41.
[6] Там же.
[7] Там же.

пропагандировать и перетянуть на сторону Советской власти отряд четников под командованием Влады Воскара [1].

Немного позднее на территории Сибири была организована из разных отрядов 1-я коммунистическая интернациональная дивизия, начальником которой стал вышеупоминавшийся Марион [2]. Эта дивизия успешно дралась с каппелевцами на реке Ангаре [3].

Представление о внутренней жизни югославянских частей в Сибири дает интересное сообщение Георгиевича, выехавшего туда из Москвы со специальным заданием. Посетив в Ачинске 3-й Югославянский железнодорожный оборонительный батальон, командиром которого был бывший офицер Сербского добровольческого корпуса, позднее коммунист Роберт Валгони [4], он писал 23 мая 1920 г. из Ачинска: «Приехав в город, обратился в уездный комитет РКП(б). Там я узнал, что югославяне находятся в III железнодорожном оборонительном батальоне. Политком того же батальона известил меня о состоянии батальона и находящейся там ячейки. Ячейка считает 2 действительных члена и 85 кандидатов. Работу ведет там тов. Григорич по указанию военкома тов. Федорова. Еженедельно бывает 2 общих собрания. Лекции читаются ежедневно тов. Федоровым, Грегоричем, Байдом и др. Существует теоретический кружок, струнный оркестр, певчий хор. Упражнение в хорах ведется на родном языке. При ячейке существует б-ка из 800 томов на русском и югославянском языках...» [5]

Югославянские отряды Красной Армии имелись также и в Туркмении. Как видно из доклада в ЦК РКП(б) от 2 июня 1920 г., из 3 тыс. югославян, проживавших в Туркмении, в Красной Армии находилось 300 человек. Кроме того, в городе Верный (Казахстан) была рота югославян численностью приблизительно в 100 человек [6].

---

[1] Из бывшего Югославянского добровольческого корпуса вышло около 12 тыс. человек. Разбившись на мелкие отряды, они долгое время блуждали по территории России. Одним из таких был отряд четников Владе Воскара (*Дејан Гајић*, Генерални штрајк, стр. 26).

[2] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 463, л. 6 об.

[3] Там же.

[4] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 491, л. 38—39.

[5] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 484, л. 55.

[6] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 445, л. 29.

Как уже указывалось, много югославян было в интернациональных частях Красной Армии [1]. В 1919 г. при Федерации иностранных коммунистических групп была организована военная комиссия [2]. Представителем Югославянской коммунистической группы в этой комиссии был Милан Кодрня [3].

В решении от 9 октября 1918 г. по этому поводу Федерация иностранных коммунистов отмечала, что ценное дополнение в Красной Армии составляют интернациональные отряды, которые до сих пор в разных городах формировались без всякого общего руководства и без системы, частью в рамках русских частей. «...При таких обстоятельствах все-таки можно с радостью констатировать, что и при полном отсутствии общего руководства отряды заслуживают уважения и с успехом удержали свое место в пролетарской революции против всех внешних и внутренних врагов» [4],— говорилось далее.

По подсчетам А. Шипека [5], в интернациональных частях в Царицыне состояло 3 тыс. человек, в Пензе — 3 тыс., в Тамбове — 200, в Ташкенте — 1 тыс., в Челябинске — 300, в Москве — 600, в Уральском отряде — 3 тыс. и в отряде Киквидзе — 1 тыс. человек. К этому можно добавить сформированную на Украине 1-ю интернациональную дивизию, которая состояла из 1-го интерполка особого назначения (1 тыс. человек), сформированного в Одессе в начале 1919 г., 2-го интерполка, сформированного в Херсоне, 3-го железного интерполка (300 человек), сфор-

---

[1] В разработанном Революционным военным советом плане предусматривалось формирование интернациональных отрядов Красной Армии — пехотных, кавалерийских и артиллерийских — в районах: Пермь — Екатеринбург, Челябинск и Уфа — Самара — Оренбург. Кадры частей составлялись из коммунистов. Для комиссаров организовывались краткосрочные курсы. Интернациональные части должны были пополняться только за счет добровольцев. Командный язык — русский; внутренняя переписка — на родных языках (ЦГАКА, ф. 11, оп. 5, д. 412, л. 142).

[2] ЦГАКА, ф. 1, оп. 1, д. 280, л. 1.

[3] М и л а н К о д р н я — хорват, член Югославянской коммунистической группы с 1918 г. С 1918 по 1920 г. был руководителем Югославянской коммунистической группы при ЦК РКП(б), а в 1920—1921 гг. — членом Центрального югославянского бюро при ЦК РКП(б). До 1944 г. жил в СССР. Умер в 1946 г. в Югославии.

[4] ЦГАКА, ф. 1, оп. 1, д. 280, л. 5.

[5] *А. Шипек*, Указ. соч., стр. 68.

мированного в Елизаветграде, и кавалерийского дивизиона при интердивизии (200 человек) [1].

По подсчетам Федерации иностранных коммунистов при ЦК РКП(б), в интернациональных частях Красной Армии к марту 1919 г. насчитывалось 30—35 тыс. человек [2].

Почти во всех интернациональных отрядах Красной Армии были югославяне. Так, в Саратовском интернациональном полку в конце 1918 г. находились две югославянские роты. Эти роты принимали участие совместно с другими частями в подавлении контрреволюционных выступлений немецких колонистов в Саратовской губернии [3]. В 1-й интернациональной дивизии в Иркутске начальником штаба был, как упоминалось, хорват Марион [4]. Югославяне служили в дивизии имени III Интернационала в Иркутске. В Самаре в составе интернационального караульного полка был 1-й батальон из югославян. Командовал полком серб Э. Чопп [5]. На Украине командиром интернациональной дивизии, а затем начальником штаба 4-й армии был хорват Г. Барабаш.

Местные советские органы весьма положительно относились к деятельности интернациональных частей. Например, Орловский губернский комиссариат по военным делам 16 сентября писал, что «интернациональный батальон в строевом отношении весьма дисциплинированный. Весь состав батальона вполне сознательно относится к службе и своим обязанностям. В военном отношении исполнителен и храбр; принимал 18 августа сего года деятельное участие в подавлении контрреволюционного кулацкого и белогвардейского восстания в г. Ливнах, Орловской

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 424, л. 49—50.
[2] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 9, д. 3, л. 6.
[3] ЦГАОР, ф. 1318, оп. 2, д. 38, л. 18.
[4] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 463, л. 6.
[5] Эмиль Михайлович Чопп — серб из города Сень (Хорватия), служил в 1916 г. в добровольческом корпусе. За революционную работу был приговорен к расстрелу. Бежал. На Украине вместе с О.Дундичем организовал отряд и боролся против гайдамаков и немцев. Его отряд разбили в Полтаве весной 1918 г. восставшие казаки. В течение 1918—1919 гг. был командиром Самарского интернационального полка, а в 1919 г. выехал на Петроградский фронт командиром 11-го полка. Чопп занимал также должность секретаря Югославянской коммунистической группы при РКП(б) в Самаре. В настоящее время Чопп живет в СССР, персональный пенсионер (из личного дела персонального пенсионера Чопп Э. М. — Архив Министерства социального обеспечения РСФСР, д. 10612; Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 280, л. 7).

губернии, где в деле потерял 18 человек убитыми и 9 человек ранеными» [1].

Исключительно высоко оценивались боевые качества славянских частей. Верховный комиссар по формированию славянских отрядов писал: «...Боевые качества, проявленные славянскими частями в последнее время, их доблесть, дисциплинированность, сознательная преданность революции являются порукой тому, что славянские революционные отряды сумеют с честью выполнить свой революционный долг» [2].

Почти на всех участках русского революционного фронта находились югославяне. Во многих отрядах они вписали славные страницы в историю борьбы с врагами Советской власти. Многие из них пали смертью храбрых на советской земле.

При штабах ряда частей были специальные отделы или инструкторы по работе среди югославян. Так, при штабе 5-й армии имелась югославянская секция; при штабе 4-й армии на Украине политическим представителем югославян был бывший редактор газеты «Югославянский революционер» [3].

В 4-й армии югославян было так много, что политический представитель при штабе 4-й армии Стефан Ландикушич просил выпускать для них специальную газету. Эта же газета должна была служить и для гражданского югославянского населения [4].

В Тамбове в интернациональном полку 4-й дивизии находилась рота из югославян [5]. Группа югославян-кавалеристов из 3-го кавалерийского полка 1-й сводной кавалерийской дивизии дралась под командованием С. М. Буденного против белых под Гнильаксайском. Их героизм отметил Буденный. «Это истинные интернациональные бойцы...» [6],— указывал он.

Если трудно установить общее количество югославян, служивших в Красной Армии, то нетрудно убедиться в

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 280, л. 7.
[2] ЦГАКА, ф. 1, оп. 1, д. 188, л. 42.
[3] Орган Югославянского революционного союза в Киеве. Газета выходила в начале 1918 г., редактором был С. Ландикушич.
[4] ЦГАКА, ф. 14, оп. 1, д. 50/с., л. 13.
[5] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 434, л. 39.
[6] «Герои гражданской войны», М. 1938, стр. 137.

том, что они вместе со своими братьями — русскими рабочими и крестьянами — дрались под общим знаменем против Колчака, англо-французских интервентов, Краснова, Корнилова и Деникина, украинских контрреволюционеров и белополяков и сербских пособников англо-французских интервентов.

На секторе Марийского фронта в Ачинском полку, а затем в партизанском отряде дрался с 1917 по 1920 г. рабочий-пекарь из Баня Луки (Босния) коммунист Андреевич (М. Н. Андреев). Он командовал интернациональной ротой, в которой сражались и югославяне [1]; в боях за Советскую власть на Дальнем Востоке был несколько раз ранен.

В отряде знаменитого Котовского было много сербов. Подразделение югославян находилось в Астрахани. А на Кубани у Кочубея дрался отважный разведчик, сербский рабочий, коммунист М. Павлов [2].

Нельзя не упомянуть медсестру Красной Армии югославянку Эльзу Беркович (Перкович Елисавета). Как удалось установить, это была единственная женщина-югославянка, участвовавшая в гражданской войне. Родилась она в Боснии (город Ливно) в 1897 г. Юношеские годы ее прошли на работе в руднике. Уже в этот период своей жизни она участвовала в Боснийской молодежной социал-демократической организации. В 1916 г. она переехала в Россию. Двадцати лет, в 1918 г., Перкович пошла с Красной Армией на фронт [3]. Она прошла тяжелый путь красноармейца-санитара, фельдшера и помощника лекаря. 22 февраля 1920 г. Перкович была назначена сестрой-санитаркой госпиталя 17-й стрелковой дивизии в перевязочный отряд. Таковы скупые анкетные данные этой храброй женщины, которая, кроме медицинской службы, выполняла как коммунист важные государственные задания. Нельзя не упомянуть, что офицер Советской Армии военный врач Перкович принимала участие в Великой Отечественной войне, несколько раз была ранена, лишилась одного глаза.

---

[1] Со слов Андреевича (Андреева) М. Н., в настоящее время персонального пенсионера. Это же подтвердил бывший комиссар Марийского фронта Масленкин А. С.

[2] По воспоминаниям М. Павлова (ЦГАКА, ф. 28361, оп. 3, д. 898, л. 10—15).

[3] ЦГАКА, ф. 28361, оп. 3, д. 898.

Не останавливаясь больше на биографических данных многочисленных югославян, служивших в Красной Армии, сделаем исключение для одного из выдающихся героев борьбы за Советскую власть — Олеко Дундича, имя которого высечено на Кремлевской стене в Москве рядом с именами таких славных героев гражданской войны, как Пархоменко, Морозов, Латунов и др. О видной роли этого героя-серба в известной мере говорит большое количество работ, которые написаны о нем в Советском Союзе и Югославии [1].

Очень интересны данные о жизни О. Дундича, опубликованные спустя несколько месяцев после его героической гибели в органе 1-й Конной армии — газете «Красный кавалерист» [2]. В ней сообщается, что О. Дундич родился в 1894 г. в Крушеваце в Сербии [3]. Разойдясь во

---

[1] Десятки журнальных и газетных статей, пьесы и даже опера, написанные о легендарном Дундиче, ярко свидетельствуют о его героической жизни, отданной борьбе за счастье народа. Следует отметить работы *Косарева М.*, Олеко Дундич, «Военно-исторический журнал» №4, 1931 г., стр. 119—124; *Орестова И.*, Памяти Олеко Дундича, «Военно-исторический журнал» № 9, 1940 г., стр. 144—146; *Зотова С.*, Дундич, «Красная конница» № 4, 1938 г., стр. 40—41; *Косарева М.*, Герой гражданской войны О. Дундич, «Красный воин», 5 июля 1940 г.; «Дундич Иван Антонович», в кн. «Герой гражданской войны в СССР», М. 1938; *Городовикова О.*, В рядах первой конной, М. 1939, стр. 65—66, 119; «Красный Дундич», «Историко-революционный календарь», М. 1940, стр. 443—444; «Борьба за Воронеж», Статьи и очерки к 20-летию освобождения Воронежа, Воронеж 1939, стр. 146—147; *Герасимова Е.*, Красный Дундич, «Блокнот агитатора Красной Армии» № 17, 1944 г., стр. 31—32; *Емельянова Б.*, Олеко Дундич, «Красноармеец» № 21, 1941 г., стр. 16—18; «Герой Первой Конной Армии», «Красноармеец» № 21, 1939 г., стр. 10—12; *Шепилло О.*, Легендарный герой, «Красная звезда», 5 июля 1940 г.; *Тюленева М.*, Дундич — народный герой гражданской войны, Воспоминания, «Красная звезда», 6 февраля 1938 г.; «Смелый и отважный боец», К 35-летию со дня гибели героя гражданской войны О. Дундича, «Правда», 10 июля 1955 г. (подобные же статьи печатались в «Московском комсомольце», «Комсомольской правде», «Красной звезде» за это же число); *Количева О.*, Олеко Дундич, Поэма, М. 1942, стр. 63; *Ржевский* и *Кац*, Олеко Дундич, М. 1942; *Павле Мијовић* , Лав са срцем милог дјетета, «Борба», 10.IX. 1945, стр. 2—3 и др.

[2] *Б. В. Агатов*, За победу коммунизма, Памяти Красного Дундича (биография), «Красный кавалерист», 22 октября 1920 г., стр. 4.

[3] *О. Дундич*, по-видимому, из конспиративных соображений давал о себе в период гражданской войны неточные сведения. Это и породило впоследствии многочисленные предположения о его месте рождения. Изменение имен, замалчивание фамилий, присвоение себе псевдонимов или русских фамилий в отрядах среди югославян было общепринято. Как уже указывалось, это происходило потому, что югославяне, намерева-

взглядах с отцом, он после окончания второго класса гимназии бросил родительский дом и поступил в ученики к механику. Несколько лет он жил в Америке. В 1912 г. поступил в сербскую армию оружейным техником и участвовал во многих боях в балканских войнах. В начале первой мировой войны Дундич воевал против австро-германских захватчиков и за особую доблесть в боях на Дунае получил чин подпоручика. В 1914 г. он был дважды ранен и вскоре попал в плен. В 1916 г. бежал из плена, сумел пробраться в Россию, где поступил в Югославянский добровольческий корпус. После Октябрьской революции Дундич боролся с врагами Советской власти. Он сформировал в Одессе добровольческий отряд и, возглавив его, вел борьбу против гайдамацких и других контрреволюционных банд. В 1918 г. О. Дундич в 1-м Югославянском коммунистическом полку [1]. В этом же году он возглавил объединенный интернациональный отряд, сформировавшийся в Воронеже. Позднее на Царицынском фронте он командовал бронепоездом, участвовал в борьбе против красновских банд. Затем Дундич сформировал конный отряд, выросший впоследствии под его командованием в полк. В 1919 г. он был помощником командира полка [2]. В начале 1920 г. О. Дундич командовал кавалерийским дивизионом при штабе 1-й Конной армии [3]. Как следует из приказа по 6-й дивизии, О. Дундич был назначен с 27 июня 1920 г. помощником командира кавалерийского полка [4]. Сражался с белоказаками. Во время гражданской войны Дундич был 16 раз ранен. Его личная отвага снискала ему звание Красного Дундича. За свои подвиги Дундич получил много наград.

В марте 1920 г. О. Дундич был награжден высокой правительственной наградой — орденом Красного Знамени. Как отмечалось в приказе, он получил награду за то,

---

ясь возвратиться на родину, опасались репрессий за свою революционную деятельность, а также стремились отвратить репрессии, которые угрожали в Югославии их родственникам.

[1] Об этом пишет Н. Г. Костич («Борба», Београд, 7.XII.1956), имя которого фигурирует в списке членов Коммунистической ячейки 1-го югославянского коммунистического полка (Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 420, л. 34 об.)

[2] *С. Зотов*, Красный Дундич, «Красная конница», 4 апреля 1938, стр. 40—41.

[3] ЦГАКА, ф. 245, оп. 4, д. 70, л. 157.

[4] ЦГАКА, ф. 7672, оп. 1, д. 218, л. 3.

что, «...состоя в Красной Армии с самого образования таковой,.. непрерывно участвовал в боях и, неоднократно раненный, своим примером постоянно воодушевлял красноармейцев, являя собой образец идейного борца за интересы революции, а также за то, что неоднократно лихими налетами у Воронежа наносил вред противнику, дезорганизуя его части, чем неоднократно доказал свою преданность революции и рабоче-крестьянской власти» [1].

В архивах сохранилось немного материалов об О. Дундиче. Найдена брошюра «Конная армия, ее вожди и бойцы», изданная политуправлением 1-й Конной армии в 1921 г. Здесь после имен видных руководителей 1-й Конной — К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного, С. К. Тимошенко, П. Н. Бахтурева, Ф. М. Латунова — стоят имена павших за дело народа. О последних говорится: «Да, их много, очень много. Шесть фронтов имела наша армия, и эти фронты обильно политы кровью отважных, смелых, бесстрашных героев Красной Армии. Без этих жертв, без этих могил не могло бы быть победы... Мы можем вспомнить лишь о немногих из них. Красный Дундич — серб по происхождению...» [2]

Несмотря на то обстоятельство, что о подвигах Красного Дундича написано много в популярной и художественной литературе, до сих пор остается невыясненным ряд данных из его биографии. Например, все еще остаются неизвестными точное имя героя, год и место его рождения [3]. Автор статьи, опубликованной в югославской газете «Борба», сообщает, что в архивах Югославии до сих пор не удалось ничего обнаружить о Дундиче [4].

Приведем еще лишь свидетельство участника гражданской войны С. Зотова, лично знавшего О. Дундича. «...Красный Дундич,— пишет С. Зотов,— был красой и гордостью 1-й Конной армии. Его боевые действия под Царицыном, под Калачом, Воронежем, под Ровно, на Север-

---

[1] ЦГАКА, ф. 245, оп. 4, д. 70, л. 153.

[2] В 1940 г. И. Орестов опубликовал в «Военно-историческом журнале» (№ 9, стр. 145—146) краткое сообщение об обнаружении в Центральном государственном архиве Красной Армии некоторых материалов об О. Дундиче (цит. по указ. ст. И. Орестова).

[3] Интересно отметить, что участник гражданской войны и друг О. Дундича Э. М. Чопп утверждает, что О. Дундич родился в 1893 г. около города Сень.

[4] *С.-Б.*, Где је рођен Алекса Дундић?, «Борба», 18.XI. 1956.

ном Кавказе запечатлелись у нас, конноармейцев. Дундич сражался, как богатырь; он показывал на примере то, как нужно уничтожать врагов Советской власти. Он отлично действовал при прорыве польского фронта, его даже персонально знали польские уланы...

Смерть настигла его в момент атаки на польской границе. На этот раз Дундич был далеко впереди полка, и пробраться к нему на помощь не было никакой возможности. Дундича окружили 20 польских кавалеристов. Он храбро отбивался. Очевидцы рассказывают, что Дундич убил 13 польских улан, а затем сам был сражен пулей...» [1]

О гибели О. Дундича сообщается лаконично в приказе № 95 6-й дивизии 1-й Конной армии от 11 июля 1920 г.: «Пом. ком. 36-го кавполка тов. Дундича, убитого в бою 8-го июля, исключить из списков полка» [2].

* * *

Заканчивая краткую историю об участии югославян в борьбе за победу Советской власти в России, необходимо сказать несколько слов о возвращении югославян на родину.

Возвращаться бывшим пленным, в особенности бывшим красноармейцам-югославянам, на родину было нелегко. Помимо объективных трудностей, были и другие препятствия, чинимые со стороны реакционных югославянских властей. Сербская военная миссия и другие сербские комиссии, действовавшие на территории России, стремились мобилизовать югославян в помощь белогвардейцам и этим же способом освободить новообразованное Королевство сербов, хорватов и словенцев от «коммунистической заразы» [3].

Бывшие военнопленные-югославяне добивались возвращения на родину. При этом участие в совместной борьбе с русским пролетариатом за победу в России

---

[1] *С. Зотов*, Красный Дундич, «Красная конница», 4 апреля 1938 г., стр. 40—41.

[2] ЦГАКА, ф. 7672, оп. 1, д. 218, л. 10.

[3] Как видно из жалоб бывших югославянских военнопленных, с которыми они обращались в сербскую военную миссию, их не пускали на родину как большевиков и припоминали им, например, уход из добровольческого корпуса (Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 422, л. 92).

Советской власти они понимали как свой революционный, интернациональный долг. Многие из тех, кто не сумел понять классовый смысл боев в России и их международное значение, руководствовались просто симпатиями к близким им по языку, культуре и обычаям русским рабочим и крестьянам России, стихийным стремлением к выполнению своего классового долга. О чувстве, с каким югославяне покидали Советскую республику, говорят многие документы, в частности обращение группы бывших военнопленных, возвращавшихся в декабре 1918 г. из Саратова на родину, к своим оставшимся товарищам и русским друзьям: «Дорогие товарищи! Мы, пленные и солдаты бывшей Австро-Венгрии, т. е. югославянские рабочие и крестьяне, возвращаемся на родину, а вам желаем счастливо остаться. Вы, товарищи, не думайте, что раз мы уезжаем, то мы контрреволюционеры. Нет! Нет! Мы уезжаем к нашим родным, чтобы им помочь раздуть пламя революции, чтобы показать путь к свободе нашим братьям, которые еще не знают, что такое свобода и кто такой пролетариат.

Товарищи, мы никогда не будем бороться против вас и всегда будем с левой стороны, всегда будем против капиталистов и против империалистов, которые вели нас на бойню, как скот. Мы будем бороться во имя счастья нашего бедного народа. Мы уезжаем, а вы торопитесь, мы вас будем встречать с красным флагом. А когда нам будет труднее всего, мы вспомним «Марсельезу», вспомним празднование годовщины Октябрьской революции и сразу нам станет легче. До свидания, товарищи! Да здравствует свобода! Да здравствует революция! Да здравствует пролетариат!» [1]

Следует привести также обращение уезжавших на родину членов Югославянской коммунистической группы при РКП(б), адресованное Российской коммунистической партии (большевиков). В этом обращении говорится: «Позвольте нам выразить свою благодарность вам, русским товарищам, которые неустанно трудятся за дело освобождения и будущего всех угнетенных пролетариев и всего мира. Мы благодарим вас за великую науку, которую мы от вас получили, за вашу солидарную поддержку, через которую и мы приобрели возможность продолжать

---

[1] «Всемирная революция», 12 декабря 1918 г., стр. 4.

вами начатое великое дело к конечной цели — уничтожению капитализма и проведению коммунизма во всех наших краях — Балканах и Европе. Зная, что вы, дорогие товарищи, будете и впредь поддерживать наших товарищей, которые остаются здесь и которые возвращаются, мы вам за это благодарны всем нашим коммунистическим сердцем. Мы вас заверяем, что мы не успокоимся и будем действовать до последнего вздоха, пока последнего капиталистического тирана не станет на поверхности нашей земли. С тем опытом и той наукой, которую нам вы дали, мы возвращаемся и восклицаем: «Да здравствует свободная коммунистическая Россия, да здравствует Всемирный коммунистический союз во главе с нашим великим вождем Владимиром Ильичем Лениным!»»[1]

Опыт, приобретенный в России, не пропал даром. Искра, зажженная Великой Октябрьской социалистической революцией в сердцах рабочих и крестьян — югославян, разгорелась в общенародное движение в 1917—1920 гг. в новом югославянском государстве. Многие из югославян, прибывших из России, оказались активными участниками революционного движения у себя на родине[2]. Когда спустя многие годы в Югославии развернулась антифашистская, освободительная борьба и народная революция и когда благодаря этой борьбе и победе Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. югославянские народы завоевали свою свободу, среди ее участников нашли свое достойное место как те, кто прошли славную школу героической борьбы в Советской республике в 1917—1920 гг., так и те, кто вырос и закалился в традициях Великой Октябрьской социалистической революции.

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 422, л. 64.

[2] Надо отметить, что правительство Королевства сербов, хорватов и словен рассматривало возвращавшихся военнопленных как пропагандистов большевизма и поэтому предпринимало меры предосторожности. Как свидетельствуют документы, югославянская военная миссия в Вене, принимая военнопленных югославян, немедленно информировала об этом министерство внутренних дел в Белграде. В одном донесении (1920 г.) в связи с возвращением Г. Барабаша и др. говорится, что сообщаются имена «наших подданных, которые принимали видное участие в большевистском перевороте в России...» (см. подробно об этом в «Građa za povjest sindikalnog pokreta u Hrvatskoj godine 1919 i 1920. Od kongresa ujedinjenja do Obznane», Knj II. Zagreb 1956, str. 232—233).

Ю. ПИСАРЕВ

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ БОРЬБА НАРОДОВ ЮГОСЛАВИИ В 1917—1920 гг.

1. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ОБЛАСТЯХ АВСТРО-ВЕНГРИИ В КОНЦЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

К концу первой мировой империалистической войны стал неизбежен развал многонациональной империи Габсбургов. Война усилила внутриполитический кризис монархии, который и до войны носил уже затяжной и хронический характер, но в годы войны достиг своего предела. Обнажились и обострились противоречия, разъедавшие прогнившее Австро-Венгерское государство, и главное среди них — противоречие между буржуазией и помещиками господствовавших австрийской и венгерской наций, с одной стороны, и рабочим классом и крестьянством порабощенных народов — с другой, между трудящимися и эксплуататорскими классами каждой национальности.

Многонациональная империя Габсбургов была тюрьмой народов. Проживавшие в ее пределах чехи, словаки, сербы, хорваты, словенцы, украинцы и другие народы испытывали национальный гнет со стороны господствующих классов австрийской и венгерской наций и были лишены многих элементарных политических прав. Национальный гнет тесно переплетался с социальным; национальный вопрос в Австро-Венгрии являлся одним из основных внутриполитических вопросов, разрешение которого исключало возможность сохранения самого существования монархии. «Какие бы вопросы ни стояли на повестке в верхней палате или в палате депутатов,— указывалось в обзоре венской газеты «Нейе Фрейе Прессе» от 7 июля 1917 г., сделан-

ном для главного штаба русской армии,— прения, в конце концов, сводились к национальной проблеме» [1].

В годы войны национальный вопрос резко обострился. Австрийское правительство распустило в 1914 г. и до мая 1917 г. не созывало рейхсрат и фактически ликвидировало местное самоуправление, заменив его диктатурой военного командования. Австрийская и венгерская буржуазия усилили угнетение неполноправных наций, подавляя при помощи террора национально-освободительное движение. Но это вызывало лишь растущее сопротивление порабощенных народов, укрепляло их стремление к ликвидации двуединой монархии и созданию национальных государств. В Южнославянских областях Австро-Венгрии в годы войны среди народных масс все большее распространение получали идеи объединения всех югославянских народов в одно единое и независимое государство. Освободительное движение южных славян В. И. Ленин называл «национальной революцией южного славянства» [2].

Война обострила социальные противоречия. Югославянский рабочий класс испытывал двойную эксплуатацию: как со стороны инонациональной — австрийской или венгерской буржуазии, так и со стороны своих собственных капиталистов. Монополистическая буржуазия в погоне за прибылями компенсировала нехватку рабочих рук, вызванную многочисленными мобилизациями, увеличением интенсификации труда и другими формами эксплуатации рабочего класса.

Подавляющее большинство предприятий работало на армию; в промышленности был введен удлиненный рабочий день. Многие предприятия были вообще милитаризованы и подчинены военному командованию. Рабочие этих предприятий считались мобилизованными, не имели права ухода с работы и в случае неповиновения подлежали суду по всем строгостям военного времени. Фактически они были отданы на полный произвол администрации. Рабочие милитаризованных предприятий подвергались особенно тяжелой эксплуатации. Продолжительность рабочего дня на этих предприятиях превышала 12 часов. В южнославянских провинциях Австро-Венгрии — в

---

[1] ЦГВИА, ф. 2000/с., оп. 1, д. 185, л. 462.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 21, стр. 11.

Крайне (Словения), Хорватии, Боснии и др.— милитаризованы были все предприятия тяжелой и военной промышленности и многие рудники [1].

Материальное положение югославянского рабочего класса в годы войны резко ухудшилось. Значительно снизилась реальная заработная плата. Так, в Штирии заработная плата горняков, среди которых было много словенцев, повысилась к началу 1918 г. вдвое по сравнению с мирным временем, а цены на продукты питания и предметы первой необходимости возросли за тот же период в 10 раз [2]. По данным современного югославского исследователя истории профсоюзного движения Арпада Лебля, одна семья из 5 человек в южнославянских землях Австро-Венгрии в 1914 г. расходовала в неделю в среднем 42,68 кроны на приобретение продовольствия и всего необходимого для жизни, а в 1918 г. те же виды расходов требовали уже 289,5 кроны [3], т. е. стоимость жизни возросла примерно в 7 раз. Средняя же заработная плата той же семьи, указывает Лебль, возросла с 30—39 крон в неделю в 1914 г. до 140—200 крон в 1918 г., т. е. всего лишь в 4 раза [4].

По сравнению с довоенным временем цены на основные продовольственные товары к 1918 г. выросли в южнославянских районах (в динарах за 1 *кг*): на хлеб — с 0,30—0,54 в 1914 г. до 1,8 динара в 1918 г., на мясо — с 2—2,5 до 11,2, на масло — с 1,52 до 16, на картофель — с 0,14 до 0,78, на фасоль — с 0,4 до 1,6 динара за 1 *кг* [5].

Цены имели непрерывную тенденцию к росту, причем повышение цен происходило настолько стремительно, что заработная плата вообще переставала иметь реальное значение. «Дороговизна за последнее время не поддается описанию,— заявлял в газете «Нейе Фрейе Прессе» от 21 декабря 1916 г. секретарь биржи сельскохозяйственных продуктов Л. Горовитц,— это не повышение, а какая-то не знающая предела анархия цен, с которой население

---

[1] На рудниках Каринтии за день прогула рабочего бросали в карцер на срок от 3 до 6 дней (см. *В. М. Турок*, Очерки истории Австрии в 1918—1929, М. 1955, стр. 15).

[2] См. там же, стр. 16.

[3] *Arpad Lebl*, Sindikalna borba agrarnog proletarijata, Beograd 1954, str. 171.

[4] Там же.

[5] Там же.

бороться не в силах»[1]. В крупных городах некоторые продукты вообще нельзя было купить на деньги. «Деньги в Вене,— сообщалось в датской газете «Политикен» от 27 декабря 1916 г.,— не ставятся ни во что. Городское население вернулось к доисторической форме купли-продажи — к натурообмену»[2]. В 1917 г. и особенно в 1918 г. произошел дальнейший значительный рост цен и диспропорция между заработной платой и стоимостью жизни еще более увеличилась.

Все более тяжелым становилось положение югославянского крестьянства. Сельское хозяйство переживало кризис. Не хватало рабочих рук. Из деревень в армию была мобилизована основная часть работоспособного мужского населения. На военные нужды были реквизированы лошади и другой рабочий скот. Сократились посевы и хлебные запасы. А правительство издавало одно постановление за другим о насильственной реквизиции сельскохозяйственных продуктов. В том же обзоре о положении в Австро-Венгрии датская газета «Политикен» писала: «Государство ввело своего рода монополию на хлеб. Все запасы, имеющиеся у крестьян, скупаются казной. Однако реквизиция эта происходит по столь низким ценам, что крестьяне предпочитают прятать зерно и даже откармливают им скот»[3]. В марте 1917 г. было издано распоряжение о реквизиции не только зерна, но и сыра, яиц и овощей[4]. В 1918 г. реквизиционные отряды начали забирать даже семена, предназначенные на посев. Особенно свирепствовали эти отряды в южнославянских землях, которые были житницей Австро-Венгрии.

В годы войны в южнославянских землях еще более возрос гнет помещиков, большинство которых были австрийцами и венграми. Усилилась эксплуатация батрачества и беднейшего крестьянства кулаком и сельским ростовщиком — «зеленашем». Разорившиеся и опутанные долгами бедняки попадали во все более тяжелую кабалу к помещикам и зажиточным крестьянам.

Война пагубно отразилась на состоянии экономики Австро-Венгрии. Нарушившиеся в результате войны

---

[1] ЦГВИА, ф. 2000/с., оп. 1, д. 185, л. 123.
[2] Там же, л. 121 об.
[3] ЦГВИА, ф. 2000/с., оп. 1, д. 185, л. 122.
[4] Там же, л. 295.

внешнеторговые связи и вызванное войной истощение всех материальных ресурсов привели к острой нехватке необходимого промышленного сырья — хлопка, нефти, руды, угля, каучука,— сельскохозяйственных и других товаров. Отсутствие сырья и топлива, а также все возрастающие перебои в работе железнодорожного и водного транспорта усилили дезорганизацию народного хозяйства. К концу войны стал резко ощущаться дефицит самых необходимых товаров — обуви, одежды и других предметов первой необходимости. Не хватало мыла, керосина, топлива.

Непрерывно ухудшалось положение с продовольствием. В городах было введено голодное нормирование — 100 *г* хлеба на взрослого человека. Но и эта норма выдавалась нерегулярно. В июне 1918 г. хлебная норма была сокращена до 82 *г* в день. В шахтерских поселках, на рудниках, на лесоразработках и в провинциальных городах Боснии и Герцеговины, Словении и Хорватии нормированного распределения хлеба вообще не производилось. Трудящиеся были обречены на голод.

Датская писательница Карин Михаэлис, побывавшая в годы войны в Австро-Венгрии, воспроизвела картину тяжелого продовольственного положения в стране в статье «Под знаком бережливости», опубликованной в копенгагенской газете «Политикен» от 27 декабря 1916 г.

«Первое, что бросается в глаза на улицах (городов Австро-Венгрии.— *Ю. П.*),— пишет она,— это выражение лиц прохожих: на них начертано одно зловещее слово — нужда... Большие фургоны, возившие по улицам городов уголь, исчезли, так как в этом продукте ощущается сильный недостаток. Керосина за последнее время тоже не было... В австрийских городах, в том числе в Вене, наблюдается картофельный голод... Картофель окончательно исчез на городских рынках... Цены на пищевые продукты растут с каждым днем» [1].

О том же сообщила и газета «Арбейтер Цейтунг» от 17 февраля 1917 г.: «...Стоит только пройтись по улицам австро-венгерских городов и посмотреть на толпы истощенных, скудно одетых женщин, часами стоящих в очереди перед лавками за получением нескольких кусков угля, чтобы ясно себе представить жизнь широких слоев населения» [2].

[1] ЦГВИА, ф. 2000/с., оп. 1, д. 185, л. 121.
[2] Там же, л. 246.

На почве голода в стране вспыхивали волнения, организовывались голодные демонстрации, нападения на продовольственные лавки и склады; недовольство населения нарастало. Лондонская газета «Дейли телеграф» писала 3 февраля 1917 г.: «Лица, прибывшие из Австрии, сообщают, что внутреннее положение в ней обострилось до крайности. Гражданское население лишено самых насущных средств существования... Ежедневно происходят беспорядки, заканчивающиеся расстрелом и приговором множества лиц к весьма строгим наказаниям. На почве недоедания сильно распространяются болезни. Солдаты, лишенные надзора со стороны офицеров, просят на улицах подаяние. Все страшно жаждут мира. В стране растут антивоенные настроения» [1].

Особенно сильно антивоенные настроения проявлялись в славянских районах, население которых не хотело вести войну за чуждые им интересы австрийских и венгерских помещиков и капиталистов и верхушки господствовавших классов местных национальностей, за интересы кайзеровской Германии, подчинившей своему влиянию правительство двуединой монархии. Уже с первых дней войны на Восточном фронте стала наблюдаться массовая добровольная сдача в плен русским войскам солдат австро-венгерской армии, большую часть которых составляли славяне. В 1916 и особенно 1917 г. переход русской линии фронта заметно участился. К концу войны в русском плену находилось уже около 1 млн. солдат и офицеров австро-венгерской армии [2]. Все возрастающие масштабы принимало дезертирство из армии. В одной только Хорватии в связи с дезертирством было возбуждено около 100 тыс. судебных дел [3].

На фронте и в тылу несправедливая империалистическая война вызывала у солдат и гражданского населения растущее озлобление против ее инициаторов. Будапештская буржуазная газета «Аз эшт» сетовала 12 декабря 1916 г. на безразличное, по ее мнению, отношение населения к воинственным планам правящих кругов. «Общественное мнение Австрии находится в летаргическом состоя-

---

[1] ЦГВИА, ф. 2000/с., оп. 1, д. 185, л. 246, 246 об.

[2] См. *Л. С. Каминский* и *С. Л. Новосельский*, Потери в прошлых войнах, М. 1947, стр. 75.

[3] *Hermann Wendel*, Der Kampf der Südslawen um Freiheit und Einheit, Frankfurt am Main 1937, S. 752.

ции,— с сокрушением писала газета.— Все проявляют величайшее равнодушие к государственным вопросам. Это равнодушие бросается в глаза каждому и доходит до того, что общественное мнение совершенно безучастно отнеслось к победе центральных держав в Трансильвании. В Австрии незаметно ни малейших следов воодушевления этими победами» [1].

Но побед было значительно меньше, чем поражений. Австрийской буржуазной общественности было не до энтузиазма...

Что касается народных масс, то они хотели лишь одного — прекращения бессмысленной и кровопролитной империалистической войны. Солдаты на фронте и трудящиеся массы в тылу не ограничивались одними пассивными формами сопротивления, и к концу войны они все чаще стали переходить к революционной борьбе против господствовавших классов. «Более чем четырехлетняя изнурительнейшая и реакционная война,— писал В. И. Ленин,— сделала свое дело. В Европе чувствуется дыхание нарастающей пролетарской революции — и в Австрии, и в Италии, и в Германии, и во Франции, даже в Англии...» [2]

Таково было внутриполитическое положение в южнославянских землях Австро-Венгрии и всей монархии в последние годы войны, когда стала назревать революционная ситуация, развитию которой способствовали русские революции: Февральская и особенно Октябрьская.

2. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В СЕРБИИ

Внутриполитическое положение в Сербии отличалось от положения в Австро-Венгрии.

Сербия, явившись жертвой агрессии со стороны держав Четверного союза, самоотверженно вела войну с превосходящими силами противника и до 1915 г. наносила серьезные удары австро-венгерским армиям, которые безуспешно пытались продвинуться на сербском фронте. Только помощь австрийским войскам со стороны германских частей, а также вступление Болгарии в войну привели к изменению положения дел. В 1915 г. Сербия была оккупирована австро-венгерскими и болгарскими войсками, а сербская

---

[1] ЦГВИА, ф. 2000/с., оп. 1, д. 185, л. 96.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 28, стр. 85.

армия с боями пробилась к городу Битоли в Македонии, где соединилась с экспедиционными войсками своих союзников, среди которых были и русские части. Союзные армии стали вести бои на Салоникском фронте, и только в 1918 г., после поражения войск Четверного союза на Балканах, сербские войска снова вернулись в Сербию, неся освобождение сербскому населению. В течение же трех лет — с 1915 по 1918 г.— Сербия была оккупирована неприятельскими войсками и население страны испытывало гнет иноземных захватчиков.

О внутриполитическом положении Сербии в эти годы достаточно красноречиво говорят данные, приведенные в меморандуме Сербской социал-демократической партии и впервые опубликованные в Женеве в 1918 г. в виде отдельной брошюры и вновь приведенные в вышедшей в 1951 г. в Белграде документированной книге Триши Кацлеровича «Циммервальдская конференция» [1].

Согласно этим данным, положение трудящихся масс Сербии в годы войны и особенно иностранной оккупации было исключительно тяжелым.

Неимоверно трудные условия ведения войны с численно превосходящим противником, отступление с боями в горные районы, а также эпидемия холеры, обрушившаяся на сербскую армию, привели к большим людским потерям. Они составили свыше 800 тыс. человек, или почти четверть всего населения страны [2]. Особенно велики потери были среди наиболее работоспособной части мужского сербского населения, находившегося в войсках. В общей сложности к ноябрю 1918 г. было убито и ранено 62,5% мужского населения в возрасте от 15 до 55 лет [3].

В оккупированной Сербии царил произвол войск Четверного союза. В течение трех месяцев — октября, ноября и декабря 1916 г.— на территории Сербии хищнически хозяйничали немецкие войска, вывозя из нее сельскохозяйственные продукты, скот и т. д. То, что не успели разграбить немецкие войска, довершили австрийские, венгерские и болгарские войска. Всех, кто сопротивлялся грабежу оккупантов, жестоко преследовали. Свыше 150 тыс. серб-

---

[1] См. *Триша Кацлерович*, Цимервалдска конференција. Апел српских социјалиста цивилизованом свету, Београд 1951.

[2] См. там же, стр. 51.

[3] *Julijana Vrčinac*, Kraljevina Srba, Hrvata i Slovenaca od ujedinjenja do vidovdanskog procesa, Beograd 1956, str. 8.

ских патриотов было арестовано и интернировано в Венгрию и Австрию, где большинство из них погибло в лагерях и тюрьмах [1].

О действиях оккупантов говорят примеры Мачвы, Поцерина, Ядра и Топлицы, где австро-венгерские войска сожгли многие села и подвергли разграблению города. Главный город Мачвы — Шабац, насчитывавший до войны 14 тыс. жителей, был выжжен, а его население сократилось до 6 тыс. человек. Тяжелые испытания претерпели Крагуевац, Крушевац, Ниш и многие другие разрушенные и разграбленные оккупантами сербские города [2].

В Сербии австро-венгерскими захватчиками был установлен террористический оккупационный режим. Население было лишено всех политических прав. Все общественные организации, в том числе профессиональные и даже спортивные и культурные, были распущены. Военные власти запретили собрания, демонстрации, ограничили свободу печати. В стране выходила только газета «Белградские новости» — орган австрийского военного генерал-губернаторства [3].

Австрийской жандармерией и полицией были введены черные списки, в которые записывали всех неблагонадежных, а затем подвергали их репрессиям. Гонения на сербскую национальную культуру зашли так далеко, что австрийские оккупационные власти запретили употребление сербской письменности — кириллицы не только в официальной переписке, но даже и в частных письмах [4].

Оккупированная австрийскими войсками сербская территория была разделена на новые административные районы; экономическая связь между районами была нарушена. В Белграде и в других крупных городах Сербии ощущалась острая нехватка продовольствия, а к концу войны начался настоящий голод.

Истощенная, растерзанная и обескровленная Сербия жаждала мира. Несмотря на все несчастья и невзгоды, свободолюбивый сербский народ не покорился захватчикам и боролся не просто за прекращение войны, а прежде

---

[1] *Триша Кацлерович*, Цимервалдска конференција, стр. 55, 67.
[2] *Julijana Vrčinac*, Kraljevina Srba, Hrvata i Slovenaca od ujedinjenja do vidovdanskog procesa, str. 8—10.
[3] *Триша Кацлерович*, Цимервалдска конференција, стр. 64.
[4] Там же.

всего за разгром оккупантов и за освобождение своей родины от иноземных поработителей. Именно поэтому такими близкими и понятными сербскому народу были требования Советского правительства о заключении справедливого и демократического мира — мира без аннексий и контрибуций.

На трудящиеся массы Сербии, так же как и на югославянские народы Австро-Венгрии, огромное влияние произвели великие революционные события в России.

3. ВЛИЯНИЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ НА ПОДЪЕМ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ ЮГОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В 1917—1918 гг.

Уже Февральская революция 1917 г. в России оказала большое революционизирующее влияние на народные массы и передовую общественность Сербии и южнославянских областей Австро-Венгрии. Подобно царской России, обе эти страны были монархиями, и свержение царского самодержавия вызвало самые горячие отклики среди широких слоев населения этих государств.

Буржуазно-демократическая революция в России была с огромным энтузиазмом встречена югославянской прогрессивной интеллигенцией. Лидер Хорватской крестьянской партии Степан Радич горячо приветствовал Февральскую революцию. В органе партии — газете «Дом» Радич завел специальный раздел, в котором освещались революционные события в России. В № 22 газеты за 1917 г. была опубликована его статья под названием «Русская революция — школа для всех народов» [1]. В статье говорилось о значении Февральской революции для югославянских народов.

Неизмеримо дальше Радича шли революционные социал-демократы. Они видели в Февральской революции лишь начало великого революционного подъема в России. В принятой 8 апреля 1917 г. на собрании социалистических рабочих Триеста резолюции говорилось, что русская революция одержала победу не только над царизмом и воен-

---

[1] *E. Stanić*, Stjepan Radić o Sovjetskoj Rusiji, Zagreb 1945, str. 10.

ным насилием в России, но и послужила великим примером для трудящихся всех стран [1].

Передовая часть югославянского рабочего класса, и прежде всего социал-демократы, внимательно следила за развитием событий в России, горячо приветствуя борьбу В. И. Ленина и большевиков за мир, демократию и социальное освобождение. 30 июня 1917 г. в органе Социал-демократической партии Боснии и Герцеговины — газете «Глас слободы» Главный комитет партии опубликовал «Манифест рабочего класса Боснии и Герцеговины». В воззвании говорилось: «Русская революция, которую осуществил русский трудовой народ, свалила империалистов и реакционеров и провозгласила демократию, свободу и самоопределение народов, а также осуществление всеобщего мира» [2].

Манифест отмечал то большое влияние на международное социалистическое движение, какое имела борьба партии большевиков с социал-патриотизмом партий II Интернационала, борьба за немедленное прекращение войны и превращение империалистической войны в войну гражданскую.

«Под влиянием Русской социал-демократической партии,— говорилось в манифесте,— пришли в движение все социалистические партии в мире, как те, которые входили перед войной в социалистический Интернационал, так и те, которые постоянно боролись против войны» [3]. Газета «Глас слободы» имела при этом в виду позицию Сербской социал-демократической партии, которая с начала войны наряду с РСДРП(б) последовательно боролась против империалистической бойни, и точку зрения самой Социал-демократической партии Боснии и Герцеговины, которая провозгласила своей задачей борьбу за мир.

1 мая 1917 г. впервые за годы войны в южнославянских провинциях Австро-Венгрии в ряде городов были проведены собрания и митинги рабочих. Они прошли под лозунгами борьбы за мир. Многие собрания возникали стихийно и вопреки воле реформистского руководства социал-демократических и профсоюзных организаций. «Революция в России пробудила в австрийском пролетариате со-

---

[1] Zgodovinski arhiv Komunistične partije Jugoslavije, Beograd 1951, t. V, str. 301—302.

[2] Arhiv Komunističke partije Bosnei Hercegovine, t. II, str. 249—250.

[3] Там же.

знание международной солидарности,— отмечали участники первомайских празднеств,— и он был полон решимости осуществить празднование 1 Мая против воли партийного руководства» [1].

В столице Боснии — городе Сараеве 1 мая социал-демократами было созвано массовое собрание во вновь открытом Рабочем доме. На торжественном собрании присутствовало несколько сот человек. Собрание приняло приветствие рабочим Петрограда [2].

12 и 19 мая 1917 г. в Сараеве заседала конференция рабочих-активистов, также созванная социал-демократами. Конференция суммировала требования рабочих-металлистов, типографских рабочих и рабочих табачной фабрики и направила эти требования предпринимателям [3].

Вскоре началась работа по обновлению профсоюзов Боснии. Представители профсоюзного центра — так называемого Главного рабочего союза стали принимать участие в работе официальных органов, занимавшихся распределением продуктов питания и помощью отдельным семьям [4]. Усилилась издательская деятельность Социал-демократической партии Боснии и Герцеговины. 30 июня 1917 г. после трехлетнего перерыва снова начала выходить социалистическая газета «Глас слободы» тиражом в 3 тыс. экземпляров [5]. В ней широко публиковались материалы о революционном движении в России [6].

Таким образом, Февральская революция способствовала усилению рабочего движения в южнославянских землях Австро-Венгрии.

Еще более мощным толчком для бурного подъема революционной борьбы югославского рабочего класса послужила Великая Октябрьская социалистическая революция.

Едва были получены первые известия о победе социалистической революции в Петрограде, как в социал-демократической печати Боснии и Герцеговины и других южно-

[1] См. *В. М. Турок*, Очерки истории Австрии в 1918—1929 гг., М. 1955, стр. 18.

[2] См. «Glas slobode» № 12, 1919; см. *Nedim Šarac*, Sindikalni pokret u Bosni i Hercegovini do 1919 godine, Sarajevo 1955, Beograd 1951, str. 179.

[3] *Nedim Šarac*, Sindikalni pokret u Bosni i Hercegovini, str. 179—184.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Там же.

славянских областей Австро-Венгрии появились подробные описания событий в России. С 10 ноября 1917 г. боснийская социалистическая газета «Глас слободы» стала выходить 2 раза в неделю. 10 же ноября в газете на первой странице было перепечатано обращение Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов о свержении Временного правительства и переходе власти в руки рабочих [1].

13 ноября «Глас слободы» поместила большую статью под заголовком «Рабочая власть в Петрограде». «В Петрограде,— сообщалось в статье,— установлена рабочая власть, диктатура пролетариата». Первый раз после Парижской Коммуны рабочие имеют в своих руках полную власть [2].

В статье отмечалось международное значение Октябрьской революции и указывалось на то, что русские рабочие «стали пионерами великого общественного преобразования» и что они «объявили *пролетарскую войну* всему капиталистическому строю и его режиму» [3].

17 ноября газета посвятила Октябрьской революции передовую статью. В статье подчеркивалось, что победа социалистической революции в России нанесла идейное поражение социал-реформизму. Газета разоблачала оппортунистическую тактику шейдеманов и реннеров, которую она назвала тактикой «топтания на месте» и «пустых разговоров» о революционном штурме, в то время как русские рабочие уже совершили революцию. Газета отмечала, что Октябрьская революция вызвала дальнейшее развитие идей, порожденных Парижской Коммуной 1871 г. «Парижская Коммуна сыграла огромную роль в формировании идеологии рабочего класса. События в Петрограде имеют еще большее значение» [4],— писала газета.

В Хорватии и Славонии, кроме социал-демократической печати, правдивые материалы о революционных событиях в России помещал орган Хорватской крестьянской партии — газета «Дом», на страницах которой печатались статьи об Октябрьской революции, написанные Степаном Радичем.

---

[1] «Glas slobode», 10.XI. 1917; *Nedim Šarac*, Указ. соч., стр. 184.
[2] Arhiv Komunističke partije Bosne i Hercegovine, t. II, str. 252.
[3] Там же.
[4] *Nedim Šarac*, Sindikalni pokret u Bosni i Hercegovini do 1919 godine, str. 184.

75-2

В Австрии и Венгрии материалы об Октябрьской революции публиковали социал-демократические газеты, а также печатные органы радикальной интеллигенции и некоторые так называемые беспартийные газеты, вроде «Нейе Фрейе Прессе».

Реакционная буржуазная периодическая печать и вся правительственная пропаганда намеренно извращали сообщения о революционных событиях в России, клеветали на Республику Советов, стремились помешать распространению правды об Октябрьской революции.

Но эта правда, несмотря на все препоны, доходила до широких народных масс. Большую роль в распространении революционных идей сыграли военнопленные, возвращавшиеся на родину из Советской России. Многие из них были очевидцами и даже непосредственными участниками революции.

Огромное революционизирующее влияние имели мероприятия Советского правительства — декреты о земле, о мире, о переходе власти в руки трудового народа. Отмечая международное значение первых декретов Советской власти, В. И. Ленин указывал: «...Китайской стеной не отгородишься от России. Нет ни одной рабочей организации в мире, где не встречали бы с энтузиазмом наши декреты о земле, о национализации банков и т. д.» [1]

Справедливое разрешение земельного вопроса в Советской России — передача земли крестьянам — служило вдохновляющим примером для многомиллионного крестьянства южнославянских провинций Австро-Венгрии, задавленного нуждой и страдающего от безземелья. В значительной части этих провинций не только сохранилось помещичье землевладение, как это имело место в Хорватии, Воеводине и Словении, но и сильнейшие пережитки феодализма в виде колоната и кметчины в Далмации и Боснии и Герцеговине, которые В. И. Ленин считал «могучими остатками средневековья» [2]. Ликвидация феодальных пережитков и раздел помещичьей земли были лозунгами поднимающегося крестьянского движения.

На угнетенные югославянские народы Австро-Венгрии огромное впечатление произвели мероприятия Советского правительства по разрешению национального вопроса в

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 26, стр. 467.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 18, стр. 340.

75-2

Советской России, направленные на ликвидацию национального неравенства и угнетения и предоставление всем народам широких возможностей для свободного и беспрепятственного развития, а также последовательная борьба Советского государства за демократический мир.

Сразу после прихода к власти Советское правительство выступило с предложением заключить демократический мир, т. е. мир без аннексий и контрибуций, и, исходя из принципа самоопределения наций, потребовало вывода оккупационных войск с захваченных во время войны территорий, восстановления во всей полноте политической самостоятельности народов, подвергшихся иностранной оккупации, и предоставления народам, не пользовавшимся политической самостоятельностью, права самим решать вопрос о будущем государственном устройстве и своей принадлежности к тому или иному государству, при помощи подлинно свободного референдума [1].

Советская программа демократического мира имела огромное и непосредственное значение для народов Сербии, оккупированной в 1915 г. австрийскими войсками, Боснии и Герцеговины, насильственно аннексированной Австро-Венгрией в 1908 г., а также австрийской части Польши, Западной Украины, Закарпатской Украины, Хорватии и других районов, население которых стремилось к освобождению от гнета империи Габсбургов.

Мирные предложения Советского правительства находили горячую поддержку у югославянских народов. Они порождали надежду на быстрое окончание войны в сердцах людей, измученных длительной кровопролитной бойней, всех, кто стремился к своим домашним очагам и мирной жизни,— солдат, рабочих, крестьян, городского люда. Никакие попытки реакции — ни жестокие репрессии, ни бесчестный обман, ни замалчивания — не могли помешать распространению революционизирующего влияния благородной борьбы Советского правительства за демократический мир.

Когда австро-венгерское правительство вместе с правительством кайзеровской Германии отвергло мирные предложения Советской России в Бресте и предъявило советской делегации наглые ультимативные требования, в Австро-Венгрии вспыхнула всеобщая политическая стачка ра-

---

[1] См. «Внешняя политика СССР», т. 1, М. 1944, стр. 33.

бочих, потребовавших немедленного заключения мира на условиях, предложенных Советским правительством. Эта стачка, начавшаяся 14 января 1918 г., была грозным предостережением австрийскому правительству. Она не имела себе равных в истории рабочего движения Австро-Венгрии: в забастовке участвовало около 700 тыс. рабочих всех профессий и всех национальностей [1]. Рабочие требовали также отмены военного режима на заводах и повышения жизненного уровня. Забастовка охватила многие промышленные предприятия южнославянских районов Австро-Венгрии.

В ходе стачки в ряде городов возникли Советы рабочих депутатов, в военно-морских гаванях на югославянском побережье Адриатики — в Риеке, Шибенике и Которе — моряками были созданы военно-революционные комитеты [2].

Под руководством военно-революционного комитета города Котора 1 февраля 1918 г. на 40 военно-морских кораблях было поднято восстание [3]. В нем участвовало свыше 6 тыс. моряков и рабочие порта [4]. В течение 3 дней над городом развевалось красное знамя революции. Восставшие требовали прекращения войны и предоставления независимости Хорватии и другим славянским землям [5]. Только после присылки в гавань Котор германских подводных лодок командованию военно-морского флота удалось подавить восстание.

Следующим крупным выступлением трудящихся была вторая всеобщая забастовка, происходившая в июне 1918 г. Она возникла на экономической почве — в связи со снижением хлебной нормы до 82 *г* в день, но быстро приобрела политический характер. Снова среди требований забастовщиков было требование о немедленном пре-

---

[1] См. *В. М. Турок*, Подъем австрийского рабочего движения под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. «Известия АН СССР», Серия истории и философии, № 3, 1952 г., т. IX, стр. 280.

[2] «Revolucionarni pokret jugoslovenskih mornara u Šibeniku 1917—1918», Split 1919, str. 20—28.

[3] Подробно история революционного движения в Которе и других портах Далматинской Адриатики изложена в книге известного югославского исследователя д-ра Фердо Чулиновича (*Dr. Ferdo Culinović*, 1918 na Jadranu, Zagreb 1951, str. 57 и др.).

[4] «Политика», 11 февраля 1926 г.

[5] *Hermann Wendel*, Der Kampf der Südslawen um Freiheit und Einheit, Frankfurt am Main 1937, S. 742.

кращении войны. Возобновили свою деятельность Советы рабочих депутатов в Вене и других городах, был создан Совет рабочих депутатов в Будапеште [1]. Забастовка охватила не только трудящихся города, но и сельскохозяйственных рабочих. Особенно сильным было движение среди югославянского сельского пролетариата, в первую очередь в Банате [2], где оно проходило под лозунгами борьбы за мир и за хлеб.

В городе Сараево имели место совместные выступления рабочих и крестьян. На митинге 16 июня, принявшем целую программу требований (13 пунктов), участвовало более тысячи человек — рабочих города и крестьян соседних деревень [3].

В. И. Ленин высоко оценил вторую всеобщую политическую забастовку в Австро-Венгрии. В своем выступлении на IV конференции профессиональных союзов 28 июня 1918 г. он заявил: «Когда в Германии и Австрии дело доходит до образования Совета рабочих депутатов и до второй массовой стачки, тогда мы должны сказать... что это означает момент наступления революции» [4].

Осенью 1918 г. в Австро-Венгрии поднялась третья волна стачечного движения. Она началась в Чехии выступлением пролетариата Праги 14 октября; забастовки произошли также в других частях двуединой монархии.

В южнославянских областях наряду с рабочим движением широкий характер приняли волнения крестьянства. Вспыхнули крестьянские восстания в Хорватии, Меджумурье, Воеводине. Крестьяне захватывали помещичьи земли и делили их между собой. Так, помещики были изгнаны, а их земли захвачены крестьянами в следующих районах: Иваничград, Кутина, Попович, Дубрава, Великий Джуржевац (Хорватия), в окрестностях города Сплит, в волостях Вргорац, Имотски (Далмация) и в других местах. В Далмации и Хорватском Приморье зависимые крестьяне — колоны почти повсеместно явочным порядком отказывались выполнять повинности по отношению к

---

[1] См. «Правда», 4 июля 1918 г.

[2] *Arpad Lebl*, Sindikalna borba agrarnog proletarijata, str. 123.

[3] *Nedim Šarac*, Sindikalni pokret u Bosni i Hercegovini do 1919 godine, str. 188.

[4] *В. И. Ленин*, Соч., т. 27, стр. 442.

помещикам [1]. В Воеводине в ряде районов восставшие крестьяне и сельскохозяйственные рабочие взяли власть в свои руки. В Моравице, например, был создан новый орган власти — народное вече. Крестьяне взяли в свои руки власть также в селах Меленцы, Елемир, Враньево, Кумане и Тараш Волошиновского и Зреньянинского районов: здесь была образована так называемая «Красная республика». То же самое произошло в Дебельяче, Иланджже и в некоторых других местах [2].

Большую помощь крестьянам оказывали отряды так называемых зеленых («Зелени кадар»), действовавшие в лесах и горах Хорватии, Славонии, Трансильвании, Истрии, Далмации и других районов. Составленные из дезертировавших из армии солдат и бежавших от преследований властей крестьян, эти отряды нападали на помещичьи имения, полицейские посты и коммуникации австрийских войск [3]. В составе отрядов «Зеленого кадара» имелись подлинно революционные элементы. Некоторые принимали непосредственное участие в Октябрьской революции в России как бывшие военнопленные и после революции перешли линию фронта. Общая численность вооруженных отрядов «Зеленого кадара» в южнославянских областях превышала 50 тыс. человек [4]. Целый ряд районов, в том числе крупный хорватский город Вуковар, находился под контролем повстанческих отрядов [5].

Резко усилилось революционное движение в армии. Измученные войной и непрерывными поражениями на фронте (в июне—октябре — на Итальянском, в сентябре—на Балканском), солдаты легко поддавались революционной пропаганде. Они отказывались подчиняться ненавистным австрийским офицерам и германскому командованию и создавали революционные комитеты, а в ряде частей и Советы солдатских депутатов. В октябре открытые восстания в армии приняли массовый характер. 23—24 октября вспыхнуло восстание моряков, солдат и рабочих в приморских городах Риека и Пула. 26 октября вышли из повиновения командованию укомплектованные

[1] См. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. VII, 1953, стр. 153.

[2] *Arpad Lebl*, Sindikalna borba agrarnog proletarijata, str. 123—124.

[3] *Дејан Гајић*, Генерални штрајк, str. 15.

[4] *O. Frangeš*, Die sozialökonomische struktur der jugoslawischen Landwirtschaft, Berlin 1937, S. 181.

[5] *Josip Cazi*, Vukovar u klasnoj borbi, Zagreb 1955, str. 76 u 77.

югославянами австро-венгерские войска в районе города Загреб, и столица Хорватии фактически порвала с Веной и Будапештом. То же самое происходило в Словении, а 29—30 октября все бывшие южнославянские провинции Австро-Венгрии — Хорватия, Словения, Далмация, Босния и Герцеговина — объявили о разрыве с империей Габсбургов. Непосредственно перед отделением южнославянских земель от монархии Габсбургов, 28 октября, была провозглашена независимой республикой Чехословакия. 30—31 октября началась буржуазно-демократическая революция в Венгрии. 12 и 16 ноября власть Габсбургов окончательно была низложена в Вене и Будапеште. Революционная волна, прокатившаяся под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России по всей Австро-Венгрии, ликвидировала лоскутную реакционную монархию.

На развалинах монархии Габсбургов начали создаваться национальные независимые государства — Чехословакия, Венгрия, Австрия и Королевство сербов, хорватов и словенцев [1]. Польские земли, находившиеся под властью Австрии, воссоединились с остальной польской территорией в независимое Польское государство.

Прежде чем освободившиеся от габсбургского владычества южнославянские области бывшей Австро-Венгрии воссоединились с Сербией и Черногорией в единое югославское государство, прошел месяц. За это время между отдельными югославянскими политическими партиями велись переговоры по вопросу о будущем государстве. Все партии и группы — от социал-демократических до буржуазных — высказывались за объединение югославянских народов в одно государственное целое. Разногласия проявлялись только по вопросу о государственном устройстве. Выдвигались республиканские, централистские и федералистские идеи. Существовала даже идея создания общего славянского государства на Балканах с включением в него Болгарии.

Не останавливаясь на подробном анализе программ политических партий, что является предметом специального исследования, следует все же указать на основные причины, заставившие буржуазно-политические партии

---

[1] После военно-монархического переворота 1929 г. Королевство сербов, хорватов и словенцев стало называться Югославией.

Хорватии и Словении согласиться с программой правящей в Сербии радикальной партии, которая предусматривала присоединение южнославянских областей бывшей Австро-Венгрии к Сербскому королевству.

На определение позиции католической партии Словении и хорватских буржуазных партий, из представителей которых было создано в Загребе Народное вече [1], провозгласившее себя временной властью в бывших южнославянских провинциях Австро-Венгрии, оказал влияние ряд обстоятельств. Хорватская и словенская крупная буржуазия и помещики, которые представляли эти партии, соглашаясь на присоединение бывших южнославянских австро-венгерских провинций к Сербскому королевству, исходили прежде всего из необходимости использовать сербскую армию и войска Антанты, которая поддерживала Сербское королевство, для подавления революционного движения, охватившего Хорватию и Словению. 4 ноября Народное вече в Загребе под предлогом необходимости проведения разоружения австро-венгерских войск призвало войска Антанты и Сербского королевства в Хорватию и Далмацию для подавления революционного движения [2].

Другая причина, побудившая Народное вече пойти навстречу требованиям Сербии, состояла в позиции стран Антанты, в частности Франции, которая стремилась создать взамен распавшейся Австро-Венгрии ряд относительно крупных военно-полицейских государств в Восточной и Юго-Восточной Европе. В связи с этим правительства западных держав-победительниц, несмотря на ряд противоречий в их балканской политике, в целом проводили линию, направленную к объединению южнославянских областей вокруг милитаристского Сербского королевства. 6—9 ноября 1918 г. в Женеве по инициативе Антанты была созвана конференция представителей Сербского королевства, Загребского Народного веча и лондонского эмигрантского «Югославского комитета». На конференции было принято согласованное решение о создании

---

[1] В состав буржуазного Народного веча вошли и реформистские лидеры хорватской и словенской социал-демократических партий.

[2] *Ferdo Šišić*, Dokumenti o postanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca 1914—1919, Zagreb 1920, str. 228—229.

югославского государства под эгидой сербской династии Карагеоргиевичей [1].

В третьих, хорватская и словенская крупная буржуазия и ее политические партии, соглашаясь на объединение всех южнославянских земель вокруг Сербии, рассчитывали на то, что Хорватия и Словения, как более развитые в экономическом отношении области, чем Черногория, Босния, Герцеговина, Македония и даже Сербия, будут иметь больший вес во вновь созданном государстве, чем в бывшей Австро-Венгрии, и что хорватская и словенская буржуазия получит значительные позиции на южнославянском рынке и даже будет играть на нем роль гегемона.

Наконец, была еще одна причина быстрого согласия Загребского Народного веча на присоединение Хорватии, Словении и других южнославянских земель к Сербскому королевству. Она была связана с возросшей угрозой итальянской агрессии в Адриатике. В ноябре 1918 г. Италия, основываясь на секретных статьях Лондонского договора 1915 г., начала военную оккупацию побережья Далмации и Хорватского Приморья [2] и стала претендовать даже на всю Хорватию, Словению и Черногорию. Присоединение бывших южнославянских областей Австро-Венгрии к Сербскому королевству могло служить известной гарантией от захвата этих областей Италией. Народное вече принимало во внимание также и то, что границы складывавшегося югославского государства еще не были определены мирным договором, а ввод в южнославянские области сербских войск мог в какой-то мере закрепить эти области за югославским государством и предотвратить их захват Италией.

Таковы были основные соображения лидеров буржуазных политических партий Хорватии и Словении в вопросе об объединении южнославянских земель в одно государство.

Несколько иной была позиция лидера Хорватской крестьянской партии Степана Радича, который отстаивал в Народном вече независимость Хорватии в рамках единого югославского государства, а позднее высказался за республиканскую форму правления в Хорватии.

---

[1] *Ervin Holzer*, Die Entstehung des jugoslawischen Staates, Berlin 1929.

[2] «Papers. Relating to the Foreign Relation of the United States, 1919. The Paris peace conference», Washington 1942, vol. II, p. 316—317.

Хорватская и Словенская социал-демократические партии не имели достаточно четко выраженной программы по вопросу о создании югославского государства. Они выдвигали ряд прогрессивных требований, в том числе требование о демократизации государственного строя и общественной жизни, об участии народа в управлении государством, об осуществлении всеобщего избирательного права и др., но не ставили перед рабочим классом задачу борьбы за установление власти трудящихся. Правые лидеры Хорватской и Словенской социал-демократических партий — Витомир Корач, Вилим Букшег, Антон Кристан стремились к сотрудничеству с буржуазией; они вошли в состав делегации Народного веча, отправившейся в конце ноября 1918 г. в Белград для передачи адреса сербскому королю.

Прибыв в столицу Сербии, делегация Народного веча вручила 1 декабря адрес принцу-регенту Александру, причем предварительно из текста адреса были удалены требования об обеспечении во вновь создаваемом государстве прав отдельных народов. 4 декабря 1918 г. принц-регент Александр Карагеоргиевич опубликовал манифест о создании Королевства сербов, хорватов и словенцев. В состав нового государства вошли: Сербия и Черногория, бывшие ранее самостоятельными государствами, а также Хорватия, Словения, Босния и Герцеговина, Далмация и Воеводина, входившие до распада двуединой монархии в состав Австро-Венгрии. Во вновь созданном югославском государстве оказалась и часть Македонии, присоединенная к Сербии еще в 1912—1913 гг. в результате Балканских войн. Так завершился в основном процесс национального воссоединения югославянских народов в одном государстве.

Ликвидация империи Габсбургов и создание югославского национального государства имели большое прогрессивное значение. Югославянские народы освободились от тяжелого национального гнета австрийской и венгерской буржуазии и получили лучшие возможности для развития национальной культуры и общественной жизни. Была ликвидирована реакционнейшая австрийская монархия, в течение веков угнетавшая хорватский, словенский, сербский и другие народы. С распадом этого феодально-абсолютистского государства были устранены многие препятствия, мешавшие развитию производительных сил. Вос-

соединение югославянских народов отвечало их многовековым чаяниям. Возникновение югославского национального государства было результатом победы национально-освободительного движения, могучий толчок которому дала Великая Октябрьская социалистическая революция в России.

Однако победа народных масс была неполной. В состав вновь созданного югославского государства из-за противодействия стран Антанты, перекроивших в Версале карту Европы, не вошли некоторые земли, населенные югославянами,— Южная Каринтия, часть Штирии, Горица, часть Хорватского Приморья, называвшаяся Истрией.

Власть во вновь образовавшемся Королевстве сербов, хорватов и словенцев захватила сербская крупная буржуазия. Она стала проводить великодержавную политику по отношению к хорватскому, словенскому и другим народам, поставленным в неравноправное по сравнению с сербами положение. Югославское многонациональное государство не превратилось в свободное объединение равных народов с демократической формой правления, как этого требовали прогрессивные круги югославянской общественности и прежде всего социал-демократы, а было создано как королевство под эгидой династии Карагеоргиевичей, проводившей реакционную внутреннюю и внешнюю политику.

Хорватия, Словения, Босния и Герцеговина, Черногория и другие присоединенные к Сербскому королевству южнославянские земли не получили национальной самостоятельности. Что касается македонцев, албанцев, венгров и других национальных меньшинств в Югославии, то им было запрещено даже употребление родного языка в суде, школе, печати. В Македонии, Косово и Метохии была восстановлена существовавшая в период турецкого ига ответственность всей семьи и целого села за отдельных своих членов. Сербским властям в этих районах было дано разрешение на насильственное выселение шиптаров (албанцев) в случае отказа их перейти из мусульманского вероисповедания в православное. Особенно жестоким преследованиям подвергалось и население пограничных с Албанией и Болгарией сел — в районах Охрида, Преспы, Куманова, Штипа, Джевджелии и др. [1]

[1] *Julijana Vrčinac*, Kraljevina Srba, Hrvata i Slovenaca od ujedinjenja do vidovdanskog procesa, str. 16—17.

В Воеводине насильственной ассимиляции стало подвергаться венгерское и румынское население.

Правительство Сербо-хорвато-словенского государства, возглавляемое лидером сербской буржуазной партии старых радикалов Стояном Протичем, не только не оправдало тех надежд, которые питали народные массы, рассчитывавшие, что после ликвидации империи Габсбургов и воссоединения они обретут свободу, но своей политикой репрессий и террора по отношению к революционно настроенным трудящимся оно вызывало растущее недовольство рабочего класса и крестьянства. Несмотря на ликвидацию Австро-Венгрии, крестьяне не получили земли австрийских и венгерских помещиков, не было улучшено положение рабочих, ничего не делалось для преодоления продовольственных и иных трудностей [1].

Хотя война и окончилась, экономическое положение трудящихся продолжало оставаться исключительно тяжелым. В народном хозяйстве царили разруха и хаос. Не работали многие железные дороги, промышленные предприятия, рудники и шахты, не было налажено снабжение городов продовольствием, не предпринималось никаких мер для обуздания спекуляции. Огромные размеры приняла безработица. Десятки тысяч рабочих, особенно вернувшиеся из армии солдаты, не могли найти работы.

Сербская, хорватская и словенская крупная буржуазия воздерживалась от финансирования работ по восстановлению промышленных предприятий, выжидала наступления «более спокойных времен», предпочитая отдавать свои капиталы в рост и даже помещать их в заграничные банки.

Дороговизна жизни во вновь созданном государстве приняла поистине чудовищные размеры. В 1919 г. цены на продовольствие выросли по сравнению с довоенным уровнем на 250—300%, а цены на обувь и другие предметы первой необходимости — на 300—400% [2]. Цены на соль в Боснии и Герцеговине, Македонии поднялись более чем на 1000% [3].

Характеризуя послевоенное экономическое положение в стране, Сербская социал-демократическая рабочая пар-

[1] Историјски архив КПЈ, т. III, str. 328.

[2] «Архив за правне и друштвене науке». Књига прва (XVIII), другог кола, свеске 1—6, Београд 1921, стр. 222—223.

[3] «Коммунистический Интернационал» № 13, 1920 г., стр. 2567—2572.

тия в своем письме в Коммунистический Интернационал сообщала: «Неимоверные трудности, нехватка топлива и одежды, бессовестная спекуляция и прекращение железнодорожного сообщения вызывают все возрастающее недовольство широких народных масс. С нашим национальным объединением дело нимало не двинулось вперед. «Наша югославянская буржуазия показала свою неспособность завершить национальную революцию»» [1].

Трудящиеся массы требовали принятия решительных мер для немедленного пресечения спекуляции и ликвидации создавшегося тяжелого экономического положения, рабочие усиливали борьбу за свои социальные права, в деревне развертывалось крестьянское движение, угнетенные народы оказывали сопротивление великосербской колонизаторской политике и поднимались на национально-освободительную борьбу. В Сербо-хорвато-словенском государстве росло и ширилось революционное движение. В стране происходил революционный подъем.

IV. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В СЕРБО-ХОРВАТО-СЛОВЕНСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В 1919 г.

Первые месяцы существования югославского государства показали, что хорваты, словенцы, черногорцы и другие народы, поставленные в неравноправное положение, не хотят примириться со своей судьбой. Едва было получено сообщение из Белграда о манифесте принца-регента Александра Карагеоргиевича от 4 декабря 1918 г., в котором провозглашалось создание Королевства сербов, хорватов и словенцев, но ни слова не говорилось о национальных правах вновь присоединенных к Сербии народов и полностью игнорировались требования рабочего класса и крестьянства, как в Хорватии и других землях начались волнения.

В Хорватии по инициативе Хорватской крестьянской партии был организован сбор подписей под петицией, в которой выдвигалось требование о предоставлении хорватскому народу права самому решить вопрос о форме государственного управления при помощи референдума. Петиция с 200 тыс. подписей была передана в Париже

---

[1] Историјски архив КПЈ, т. III, стр. 327.

президенту США Вудро Вильсону и другим руководителям собравшейся там в январе 1919 г. мирной конференции, но была отвергнута ими [1]. Правительства США, Англии и Франции, игнорируя права народов, отказались даже ознакомиться с петицией [2].

Хорватская крестьянская партия не ограничилась петиционной кампанией. Она объявила себя сторонницей республиканского строя, а ее лидер Степан Радич высказался за превращение Хорватии в республику в рамках югославской федерации в составе Сербии, Черногории и Хорватии. Радич был брошен властями в тюрьму, что лишь усилило его авторитет среди хорватского крестьянства.

В январе—феврале в Хорватии и других районах Сербо-хорвато-словенского государства широкий размах приняло крестьянское движение. В Черногории произошли волнения крестьян многих деревень в связи с введением непосильных налогов и ущемлением сербскими властями прав черногорских сельских общин, имевших ранее большую самостоятельность. В волнениях участвовали белопавличская, кучская общины и община пиперов, проживавших в горах близ Подгорицы [3].

В Македонии, Косово и Метохии [4] революционное брожение охватило ряд македонских и албанских деревень в районах Джевджелии, Охрида и Преспы. В 1919 г. произошли волнения крестьян шиптаров (албанцев) в окрестностях Печи [5].

Но особенно сильным крестьянское движение было в Хорватии, Среме, Боснии и Герцеговине, а также в Славо-

---

[1] *Ervin Holzer*, Die Entstehung des jugoslawischen Staates, S. 20.

[2] Там же.

[3] В Черногории особенно сильный размах крестьянское движение приняло в 1921 г., когда в ряде районов произошли вооруженные выступления.

[4] В Македонии наиболее мощный подъем крестьянского и национально-освободительного движения падает на 1923—1924 гг. К этому времени резко обостряются национальные противоречия в связи с проведением в Македонии великосербской колонизаторской политики и массового сгона с земли македонских крестьян и расселения на этих землях сербских переселенцев. В Македонии, Косово и Метохии в 1923—1924 гг. развернулось широкое движение против великосербской политики и во многих районах были созданы партизанские отряды (так называемые кичаки и комитаджии).

[5] *Julijana Vrčinac*, Kraljevina Srba, Hrvata i Slovenaca od ujedinjenja do vidovdanskog procesa, str. 17.

ции. Крестьянская беднота, не получив земли от нового правительства, стала захватывать помещичью землю силой. «Каждый день,— писал один из министров правительства Протича,— министерство получало все новые и новые известия о крестьянских волнениях — в Загорье, Среме, Воеводине, Славонии, Боснии и Герцеговине. Ежедневно мы узнавали о поджогах помещичьих усадеб и перестрелках... Положение становилось очень острым» [1].

Чтобы предотвратить аграрную революцию, правящие круги решили пообещать крестьянству наделение землей. 25 февраля был обнародован закон об аграрной реформе — «Предварительные распоряжения» о проведении в стране земельной реформы [2]. В этом Распоряжении содержались обещания об отчуждении излишков помещичьей земли и распределении их между крестьянами.

Но на деле возвещенная сверху аграрная реформа представляла собой паллиативное мероприятие. Она предусматривала передачу в государственный фонд для последующего распределения земли тех помещичьих имений, которые превышали установленный земельный максимум. Но земельный максимум был столь значителен (для Хорватии — 150—400 *га,* для Воеводины — 300—500 *га*), что фактически исключал отчуждение подавляющей части помещичьей земли [3]. Распределение земли между крестьянами должно было производиться за плату, а помещики за отчужденные излишки получали полную денежную компенсацию. Закон об аграрной реформе, отменяя кметчину, что имело прогрессивное значение, вместе с тем предусматривал (§ 1—8) сохранение так называемых «временно обязанных отношений», при которых зависимые крестьяне — кметы и колоны — по-прежнему должны были выполнять старые повинности, вплоть до уплаты выкупа за свое освобождение. Практические итоги аграрной реформы для трудового крестьянства были значительно меньшими, чем ожидали крестьяне. Само проведение реформы растянулось более чем на 20 лет.

Но правящим кругам удалось при помощи аграрной реформы и других обещаний на время отвлечь крестьян-

---

[1] *Vitomir Korać*, Povijest radničkog pokreta u Hrvatskoj i Slavoniji, knj. I, str. 265.

[2] См. сборник законов «Agrarna reforma», Zagreb 1920.

[3] См. «Наше село», Београд 1936, стр. 543.

ство от революционной борьбы за землю и тем помешать совместному выступлению крестьянства и рабочего класса, что имело для господствующих классов особенно большое значение ввиду резкого обострения в стране весной 1919 г. внутриполитического положения.

Уже начало 1919 г. было предвестником тех грозных революционных бурь, которые разразились в Сербо-хорвато-словенском государстве весной и летом 1919 г.

В рабочих центрах страны — в Белграде, Загребе, Любляне, Осиеке — на рудниках Трбовля в январе — феврале 1919 г. произошли массовые забастовки [1]. Они начинались на экономической почве, но затем перерастали в политические выступления.

Наиболее серьезным политическим выступлением рабочего класса была всеобщая забастовка в Боснии и Герцеговине 21 февраля 1919 г. Это была первая после 1906 г. всеобщая забастовка в Боснии и Герцеговине; по своим масштабам она выделялась из всех стачек, проводившихся в этой области. В стачке участвовали рабочие всех предприятий Сараева, Мостара, Тузлы, Банья-Луки, Травника и Зеницы — всего около 30 тыс. человек [2]. К бастующим рабочим присоединились безработные. Забастовка носила ярко выраженный политический характер. Основными требованиями стачечников были: прекращение белого террора, обеспечение политических прав и свобод и принятие социального законодательства. Забастовщики требовали введения 8-часового рабочего дня и трудоустройства всех безработных [3].

Во время забастовки социал-демократами проводились массовые собрания и митинги. На многотысячном митинге в Сараеве выступил один из виднейших деятелей революционного движения — Джуро Джакович, который уже в то время пользовался огромным авторитетом среди рабочего класса. Он призвал рабочих организовать политическую демонстрацию. «На демонстрацию! На демонстрацию!» — ответили на его призыв тысячи голосов рабочих. Немедленно была организована демонстрация, в которой участвовало 12 тыс. человек. Она прошла под лозунгами:

---

[1] См. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. VII, стр. 170.

[2] Историјски архив КПЈ, т. VI, стр. 105.

[3] *Дејан Гајић*, Генерални штрајк, str. 18—19.

«Долой цензуру! Да здравствует свобода печати! Да здравствует свобода объединений! Да здравствует единство всего народа! Долой буржуазию!» [1]. Участники демонстрации выделили делегацию, которая передала требования рабочих местным властям. Среди членов делегации был и Джуро Джакович [2].

Рабочие Сараева обратились ко всем рабочим Сербо-хорвато-словенского государства с призывом объединить свои усилия для борьбы против наступления реакции. В принятой на собрании резолюции говорилось, что сараевские рабочие «призывают трудовой народ Боснии и Герцеговины и всей Югославии еще крепче сплотиться в своих классовых, политических и профсоюзных организациях, чтобы тем самым дать отпор насильственной политике буржуазии» [3]. Забастовка в Боснии и Герцеговине имела широкий отклик по всей стране. Она свидетельство-

---

[1] *Дејан Гајић*, Генерални штрајк, str. 18—19.

[2] Джуро Джакович родился в Хорватии в 1886 г. в бедной крестьянской семье. С молодых лет начал работать — сначала учеником слесаря, а потом слесарем в Сараеве. В 1906 г. принимал участие во всеобщей забастовке. В это время в Сараеве были созданы профсоюзные организации, и Джакович стал одним из активных профсоюзных деятелей. В 1909 г., после создания Социал-демократической партии Боснии и Герцеговины, Джакович вступил в партию и примкнул к ее левому крылу. Он участвовал во всех съездах и конференциях Боснийской СДП и нередко избирался в состав ЦК. В 1909—1914 гг. Джакович работал на табачной фабрике и одновременно вел большую пропагандистскую, революционную работу. В 1915 г. на массовом собрании рабочих города Сараево он выступил с осуждением империалистической войны, за что подвергся аресту. За революционную деятельность Дж. Джакович был приговорен к смертной казни, замененной затем ссылкой на принудительные работы в Венгрию. В конце 1918 г., после революции в Австро-Венгрии, Джакович вернулся в Сараево. Он вел активную борьбу за организацию Коммунистической партии Югославии. На I съезде КПЮ, в апреле 1919 г., Джакович возглавлял делегацию от Боснийской СДП. В 1920 г. Джакович был избран депутатом в Скупщину от рабочих Сараева. После того как КПЮ была объявлена вне закона, Джакович перешел на нелегальное положение.

В 1927 г. рабочие-металлисты Загреба избрали Джаковича секретарем областного профсоюза металлистов Хорватии. Осенью 1927 г. Джакович был отправлен на партийную учебу в СССР, после завершения которой в 1928 г. вернулся в Югославию и на IV съезде КПЮ осенью 1928 г. был избран секретарем ЦК КПЮ. Джакович вел непримиримую борьбу против оппортунизма, за очищение партии от враждебных и случайных элементов, против фракционных группировок. 19 апреля 1929 г. он был арестован и 25 апреля 1929 г. зверски убит полицией.

[3] Arhiv Komunističke partije Bosne i Hercegovine, t. II, str. 306.

вала о росте сознательности и организованности рабочего класса.

Под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в югославском рабочем и социалистическом движении произошли серьезные сдвиги. Претворение в жизнь в Советской России ленинской теории о возможности победы социалистической революции в одной отдельно взятой стране способствовало кристаллизации левых, революционных сил в югославянском рабочем движении. В начале 1919 г. в основном завершилось размежевание двух направлений в социалистическом движении — революционного и оппортунистического.

Сербская социал-демократическая партия, во главе руководства которой долго находились такие выдающиеся деятели рабочего движения и популяризаторы марксизма, как Дмитрий Туцович и Душан Попович, во время первой мировой войны 1914—1918 гг. занимала правильную позицию по вопросу об отношении к войне. Она оценила войну как империалистическую, а депутаты-социалисты голосовали в Скупщине против военных кредитов [1].

Сербская социал-демократическая партия была одной из первых партий, признавших программные документы образовавшегося в 1919 г. Коммунистического Интернационала. Она выступила инициатором создания Коммунистической партии Югославии на основе программы и организационных принципов Коминтерна. Это решение было принято Сербской социал-демократической партией в результате победы левых элементов над реформистами и оппортунистами [2].

Другим активным сторонником создания Коммунистической партии Сербо-хорвато-словенского государства была Социал-демократическая партия Боснии и Герцеговины. Под влиянием Октябрьской революции в России эта партия пересмотрела ряд своих программных положений и свою тактику [3]. Так, в декабре 1917 г. она приняла решение об изменении программы по аграрному вопросу, высказавшись за конфискацию помещичьей земли, и признала необходимым усилить

---

[1] *Триша Кацлерович*, Цимервалдска конференција, стр. 10.
[2] *Jovan Marjanović*, Nastanak i razvitak radničkog pokreta u jugoslovenskim zemljama do prvog svetskog rata, Beograd 1954.
[3] Там же, стр. 17—31.

работу в деревне [1]. Хотя в этом вопросе социал-демократическая партия еще не поднялась до ленинского понимания аграрной программы, все же изменение довоенных программных положений было значительным шагом вперед. В мае 1918 г., во время празднования 100-летней годовщины со дня рождения Карла Маркса, Социал-демократическая партия Боснии и Герцеговины провела кампанию под лозунгом «назад к Марксу», что в условиях того времени означало выступление за марксизм, против реформизма [2]. В течение 1918—1919 гг. в социал-демократической партии и рабочих профсоюзах Боснии и Герцеговины велась работа по обновлению состава этих организаций, их идейному воспитанию и организационному укреплению. Количество членов профсоюзов выросло с 2879 человек в январе 1918 г. до 15 822 человек в конце 1918 г. [3] Были созданы женские и молодежные организации, находившиеся под влиянием социал-демократической партии. Боснийские социалисты выступали против раскольнических действий правых лидеров социал-демократических партий Хорватии и Словении, высказываясь за создание единой партии югославского рабочего класса и признание программы Коминтерна.

Иным было положение в социал-демократических партиях Хорватии и Словении, где у руководства находились правые элементы, которые стояли на реформистских позициях. Однако и здесь лучшая часть социал-демократии вела борьбу против оппортунизма. 26—28 января 1919 г. на съезде социал-демократической партии Хорватии произошел раскол. Левые социалисты выступили против решения реформистских лидеров о вхождении в контрреволюционное буржуазное правительство и созвали свой съезд, который принял резолюцию о разрыве с социал-предателями и поддержке программы Коминтерна. «Югославский пролетариат,— говорилось в резолюции,— отказывается от всякой связи с партиями, которые не верят в социализм, и присоединяется к тем, кто участвует только в III Интернационале» [4].

---

[1] См. Историјски архив КПЈ, т. VI, стр. 96—97.

[2] *Nedim Šarac*, Sindikalni pokret u Bosni i Hercegovini do 1919 godine, str. 185.

[3] Там же, стр. 186.

[4] Istorijski arhiv KPJ, t. IV, str. 165

Аналогичное решение было принято на конференции социал-демократической партии Далмации 25 марта 1919 г. Конференция высказалась против раскола рабочего и социалистического движения и заявила о необходимости объединения югославянских социалистов в одну партию, указав, что «это объединение возможно только на основе признания принципов непримиримой классовой борьбы и последовательной поддержки III, Коммунистического Интернационала» [1].

В Югославянской социал-демократической партии (СДП Словении) также стали все более отчетливо выявляться левые элементы, хотя здесь дело и не дошло до организационного размежевания между революционным крылом и реформистами.

Таким образом, почти во всех социал-демократических партиях Сербо-хорвато-словенского государства левые, революционные элементы не только порывали с социал-реформизмом и начали преодолевать груз прежних ошибок, но и высказывались за принятие программных положений Коминтерна и присоединение к международному коммунистическому движению. Это была серьезная победа марксистско-ленинских идей над оппортунизмом, идей Великой Октябрьской социалистической революции.

Показателем огромного влияния Октябрьской революции на югославское рабочее движение явилось также усиление популярности среди передовой части рабочего класса Сербо-хорвато-словенского государства идей международной пролетарской солидарности, что сказывалось прежде всего в активном выступлении трудящихся масс в защиту Советской России, против происков империализма стран Антанты. В эту трудную для молодого социалистического государства пору, когда Антанта вела вооруженную борьбу против Советской России, все передовое и прогрессивное человечество встало на защиту завоеваний Октября.

Лучшая, революционная часть югославянской социал-демократии развернула борьбу за немедленный вывод из Республики Советов войск Антанты. В числе войск, использовавшихся интервентами для борьбы с Советской властью в России, были некоторые югославянские части,

---

[1] Istorijski arhiv KPJ. t. IV, str. 193

сформированные из бывших военнопленных в России. Советское правительство предоставило военнопленным возможность вернуться на родину, но отдельные югославянские части были втянуты своим реакционным командованием в борьбу против Красной Армии. Правда, участие этих частей в антисоветской интервенции было незначительным, так как югославянские солдаты не хотели вести борьбу против своих русских братьев. В то же время многие югославянские подразделения, состоявшие из бывших военнопленных, добровольно включались в состав Красной Армии и активно сражались вместе с ней против белогвардейских войск и интервентов.

Югославянские социал-демократы выступали с протестом против включения югославянских военнопленных в белогвардейские армии и требовали немедленного их отозвания.

2 августа 1918 г. депутат Сербской Народной скупщины от социал-демократической партии, видный деятель рабочего движения Сербии Триша Кацлерович обратился к сербскому правительству и парламенту с письмом, требуя прекращения использования югославянских войск против Советской России [1]. Письмо под заголовком «В защиту Октябрьской революции» было опубликовано в Женеве отдельной брошюрой вместе с воззванием Совета Народных Комиссаров РСФСР «К пролетариату всего мира». В ноябре 1919 г. оно было перепечатано в социалистической рабочей газете «Радничке новине».

Письмо Кацлеровича представляет собой важный документ, мало известный в исторической литературе. На русский язык оно еще не переводилось. В начале письма говорилось о международном значении Октябрьской революции. «Окончательная победа этой революции,— писал Кацлерович,— означала бы не только коренное демократическое и социальное преобразование России, но и начало такого преобразования для всей Европы. И не только пролетариат и родственные ему широкие народные массы, но и все порабощенные народы с победой русской революции и социалистической республики добьются своего освобождения» [2].

---

[1] *Триша Кацлеровић*, Цимервалдска конференција, стр. 31—35.
[2] Там же, стр. 31—32.

Социал-демократическая партия, писал далее Кацлерович, требует прекращения интервенции в Советскую Россию. «Рассматривая русскую революцию как общее, совместное достижение всего человечества, я считаю,— писал Кацлерович,— что моральная обязанность любого демократа состоит в том, чтобы трудиться для сохранения этого великого достояния. Из этого соображения я и призываю Народную скупщину и правительство Сербии, находящееся в лагере антантовской политики, немедленно предпринять необходимые шаги перед правительствами держав Антанты, чтобы они прекратили всякое вмешательство в дела русской революции и Советской республики и немедленно покинули ее территорию» [1].

В конце письма говорилось: «Русская революция своими делами показала, какое значение она придает претворению в жизнь великого принципа самоопределения народов. Сербский народ совершил бы смертельный грех, если бы солидаризировался с врагами русской революции; тем самым он лишился бы симпатий самой демократической и самой могущественной мировой организации — интернационального мирового пролетариата, который в конечном счете держит в своих руках судьбу народов и всего человечества. Веря, что сербский народ может питать только симпатии к победе русской революции, я как депутат Народной скупщины и как представитель социалистической партии в ней чувствую политическую обязанность обратиться к Народной скупщине и правительству Сербии — стать на сторону русской революции. Если этого не будет сделано, то Народная скупщина и правительство Сербии будут нести моральную ответственность перед сербским народом» [2].

Письмо заканчивалось словами: «Да здравствует русская революция и социалистическая республика! Да здравствует мир между народами!» [3]

17 января 1919 г. в Сараеве Социал-демократической партией Боснии и Герцеговины был проведен массовый митинг протеста против участия югославянских войск в антисоветской интервенции. В принятой резолюции говорилось: «Французские и английские капиталисты в борьбе против рабоче-крестьянской власти жертвуют кровь не

---

[1] *Триша Кацлерович*, Цимервалдска конференција, стр. 33.
[2] Там же, стр. 34—35
[3] Там же, стр. 35.

только своих солдат, они принуждают и наших братьев, сербские и югославянские батальоны, чтобы и они проливали свою кровь за их интересы... Ради интересов франко-английских капиталистов от нашего брата требуют, чтобы он выполнял роль палача русской рабочей революции» [1].

В резолюции разоблачались захватнические планы Антанты в отношении Советской России и контрреволюционная политика югославского королевского правительства: «...Капиталисты Антанты имеют своей целью занять как можно больше русской территории, чтобы с помощью захваченных железных дорог, рудников и природных богатств обеспечить прибыль... Кроме того, наши капиталисты хотят удушить рабочую революцию, чтобы она нас больше не воодушевляла и чтобы она не показывала, как можно сбросить ярмо капитализма» [2].

Участники митинга заявляли о своей верности идеям пролетарского интернационализма и подчеркивали свои классовые задачи: «Мы не ведем войны ни против Советской России, ни против венгерских и немецких коммунистов,— говорилось в резолюции,— мы ведем борьбу против капиталистического ярма в Югославии и во всем мире. Рабочий класс протягивает вам руку, пролетарии всех стран» [3].

Движение протеста против участия югославских войск в антисоветской интервенции становилось все более широким. Правительство получало также известия из Советской России о революционных брожениях среди югославянских военнопленных, об отказе их воевать на стороне белых армий и об активном участии многих подразделений в боях на стороне Красной Армии. Во избежание полного разложения югославянских военнопленных и учитывая все нарастающее недовольство народных масс внутри страны, королевское правительство отдало распоряжение об эвакуации югославянских войск из Мурманска и других районов Советской России.

В 1919 г. в Сербо-хорвато-словенское государство из Советской России вернулись десятки тысяч югославян-

---

[1] «Радничке новине», 12(25). I. 1919. Цит. по указ. соч. Лејана Гајића, стр. 23—24.

[2] Там же.

[3] Там же.

ских военнопленных, которые были очевидцами, а многие и непосредственными участниками происходивших в Республике Советов революционных событий. Они несли народным массам правду об Октябрьской революции и величайших завоеваниях рабочего класса и крестьянства в Советской России. Рассказы живых свидетелей революционных преобразований в первом в мире социалистическом государстве революционизировали народные массы образовавшегося государства югославян [1].

Огромное вдохновляющее воздействие на трудящихся Сербо-хорвато-словенского государства оказывали военно-политические успехи Советской России, которая, несмотря на активную помощь Антанты белогвардейщине, разбивала одну контрреволюционную армию за другой и не только продолжала существовать вопреки всем лживым пророчествам международного империализма о неизбежной гибели Советской власти, но и осуществляла дальнейшие революционные преобразования.

Революционный пожар, зажженный в Советской России, переносился на другие страны, в том числе на соседние с Королевством сербов, хорватов и словенцев государства, что также оказывало революционизирующее влияние на югославский пролетариат. 21 марта произошла советская революция в Венгрии, в апреле — в Баварии, весной 1919 г. развернулись мощные классовые бои во многих городах Северной Италии, в июне 1919 г. была провозглашена Советская республика в Словакии. Все более широкий размах принимало революционное движение и в других соседних государствах — в Болгарии, Румынии, Австрии, Греции.

«Если до сих пор,— говорил В. И. Ленин,— Советская власть побеждала только внутри, среди входивших в состав бывшей Российской империи народов, если до сих пор близорукие люди, особенно трудно расстающиеся с рутиной, со старыми привычками мысли (хотя бы они и принадлежали к лагерю социалистов), могли думать, что только особенности России вызвали этот неожиданный

---

[1] Среди вернувшихся из Советской России югославянских военнопленных было много видных коммунистов, которые принимали непосредственное участие в революционной борьбе советского народа и были организаторами и членами югославянских коммунистических групп в Советской России (см. статью И. Очака в настоящем сборнике).

поворот к пролетарской советской демократии... если такое мнение еще могло держаться, то теперь оно разрушено до основания» [1].

Весной 1919 г. в Сербо-хорвато-словенском государстве повсеместно усилилась революционная пропаганда, начали возникать отдельные коммунистические группы и организации, а левые социалисты стали все решительнее ставить вопрос о создании Коммунистической партии Югославии. Даже в такой части государства, как Черногория, где рабочий класс был значительно слабее, чем в других частях страны, и то были созданы первые коммунистические группы (в городах Цетинье, Риеке-Црноевиче и Подгорице). 20 апреля в Славонском Броде должен был быть созван профсоюзный рабочий съезд Черногории, но он был запрещен полицией. В связи с этим съезд был перенесен в Белград, где и состоялся 21—23 апреля. Съезд высказался за укрепление рабочего единства в Черногории [2]. 1 мая 1919 г. в Риеке-Црноевиче под руководством коммуниста Марко Машановича была организована демонстрация черногорских трудящихся под лозунгами: «Да здравствует Ленин!», «Да здравствует Советская власть!», «Да здравствует III Интернационал!»[3]

В Сербии, Хорватии и Воеводине революционное движение весной 1919 г. было еще более сильным, чем в Черногории. Характеризуя внутриполитическое положение в этих районах, крупный правительственный чиновник в Воеводине Живоин Мишич в секретном письме командующему французскими войсками в Венгрии генералу де Лобит сообщал 22 марта 1919 г.: «Большевистская пропаганда ведется очень сильно во всех слоях общества, где находится какой-либо повод для недовольства. Это осо-

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 29, стр. 199.

[2] *Нико Маринковић*, Раднички покрет у Црној Гори под руководством Јована Томашевића (1918—1924), Београд 1955, стр. 28, 29.

[3] Там же. В январе и октябре 1921 г. в Черногории были подняты восстания под лозунгом «За Советскую Черногорию!» Восстаниями руководил военно-революционный комитет во главе с коммунистами Саввой Распоповичем, Милованом Милутиновичем, Иованом Томашевичем, Милутином Марковичем и командиром одного из повстанческих отрядов Вука Стоичем. Руководящими деятелями коммунистической организации Черногории в ту пору были Марко Машанович-Шульгин и Брацан Брацанович, посвятившие всю свою жизнь борьбе за свободу трудового народа.

бенно относится к Загребу. Она ведется также в Белграде, где значительно усилилась за последние две недели» [1].

Министр внутренних дел Светозар Прибичевич в своем конфиденциальном письме министру военных и морских дел Рашичу сообщал 20 марта 1919 г. о революционном брожении в Воеводине. Он переслал ему донесение заместителя губернатора (поджупана) города Печа, в котором говорилось: «Извещаю господина министра, что в Капошварском срезе... большевизм в высшей степени бьет ключом. Все крупные имения в срезе обобществлены, приходы имений разделены между слугами» [2]. Министр внутренних дел просил военного министра срочно прислать войска для подавления волнений. Необходимо, писал он, «отдать распоряжение о посылке в самое ближайшее время достаточного количества войск» [3].

Генерал Божидар Терзич, командующий югославскими войсками в пограничных с Венгрией районах, в своем рапорте Верховному командованию сообщал о сильном революционном движении в Воеводине и предлагал принять радикальные меры для его пресечения. «В целях подавления... большевистского движения на нашей новой территории, южнее демаркационной линии от Венгрии,— писал Терзич,— было бы целесообразно сформировать известное число легких и мобильных отрядов народной гвардии. Эти отряды в зависимости от необходимости могут быть сконцентрированы для объединенных действий, а потом опять разъединены...» [4].

Само предложение о сформировании вспомогательных для жандармерии войск, которые генерал Терзич называл «Народной гвардией», объяснялось тем, что на регулярные войска уже нельзя было положиться: среди солдат югославских воинских частей, расположенных в приграничных районах с Венгерской Советской республикой, происходило сильное революционное брожение. Солдаты отказывались выступать против венгерских красноармейцев, братались с ними и даже переходили на их сторону.

«...Сербские солдаты,— писала 15 апреля 1919 г. «Правда»,— вместо борьбы с венгерскими революционны-

---

[1] *Дејан Гајић*, Генерални штрајк, стр. 66.
[2] Там же, стр. 65.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 63.

ми отрядами побратались с венгерскими красноармейцами...

Братание... шло по всей демаркационной линии» [1].

17 апреля 1919 г., согласно сообщению командования Осиекской дивизии, произошел переход группы югославских солдат на Меджумурском участке фронта на сторону венгерской Красной Армии [2].

В конце апреля в районе городов Печ и Дравастар вспыхнули восстания в югославских войсках. Восставшие солдаты потребовали провозглашения в Королевстве сербов, хорватов и словенцев республики и низложения династии Карагеоргиевичей. Посланные на усмирение восстания французские войска оказались неблагонадежными и были отозваны [3].

Неблагоприятная для правительства атмосфера создавалась и в югославской столице — Белграде. Здесь рабочие открыто заявляли о своей солидарности с венгерским пролетариатом. На состоявшемся в Белграде массовом митинге 26 марта они приняли приветствие Венгерской Советской Республике [4]. Рабочие собрания и митинги в поддержку Советской власти в Венгрии произошли и в других городах страны. Это было лишь частью общего революционного подъема в Сербо-хорвато-словенском государстве.

Нарастание революционного движения требовало создания единой, централизованной партии рабочего класса, способной руководить этим движением. 20—25 апреля 1919 г. в Белграде был созван I Учредительный съезд Коммунистической партии, на котором присутствовали представители от социал-демократических партий Сербии, Боснии и Герцеговины и Далмации. Кроме того, на съезде присутствовали левые социалисты из социал-демократической партии Хорватии — Славонии и отдельные представители от социалистических и коммунистических групп Черногории, Македонии и Воеводины. В работе съезда не приняла участия социал-демократическая партия Словении, руководство которой не выступило с осуждением предательской тактики II Интернационала и социал-министериализма, что было обязательным условием участия в

---

[1] «Правда», 15 апреля 1919 г.
[2] *Дејан Гајић*, Генерални штрајк, стр. 68.
[3] «Жизнь национальностей», 29 апреля 1919 г.
[4] «Жизнь национальностей», 26 апреля 1919 г.

съезде. Левые же элементы в Словенской СДП не имели еще достаточно сил, чтобы выступить против руководства [1]. I съезд принял решение об объединении всех социал-демократических партий и организаций страны в единую Социалистическую рабочую партию Югославии (коммунистов) на базе программы Коминтерна (на II съезде в Вуковаре в 1920 г. партия была переименована в Коммунистическую партию Югославии). I съезд высказался за присоединение к Коминтерну и осудил деятельность II Интернационала во время мировой империалистической войны.

Съезд заявил о своей решительной поддержке Советской России и других советских республик. В принятой резолюции говорилось, что съезд особо подчеркивает свою солидарность с делом русского и венгерского рабочего класса и обращается к югославянским солдатам с призывом решительно выступить в их защиту [2]. Съезд принял временный Устав партии и избрал руководящие органы. Но на съезде еще не была выработана программа и не были с достаточной четкостью определены задачи партии в крестьянском, национальном и в некоторых других вопросах.

Одновременно с объединением социал-демократических партий произошло объединение рабочих профсоюзов, а также молодежных и женских организаций. Коммунистическая партия насчитывала в своих рядах свыше 60 тыс. человек, рабочие профсоюзы — 300 тыс. человек и коммунистическая молодежная организация — около 6 тыс. человек [3]. Коммунистическая партия издавала 15 газет (не считая профсоюзных), в том числе три ежедневные — «Радничке новине» в Белграде (тиражом в 14 тыс. экземпляров), «Нова истина» в Загребе (8 тыс. экземпляров) и «Глас слободы» в Сараево (5 тыс. экземпляров). Для работы среди женщин была создана женская секция Коммунистической партии, имевшая свой печатный орган — газету «Еднакост» («Равенство»). Союз коммунистической молодежи также имел свой печатный орган — газету «Црвена застава» («Красное знамя»). В хорватском городе Вировитице для крестьян издавалась газета «На-

---

[1] *Jovan Marjanović*, Potsetnik iz istorije Komunističke partije Jugoslavije (1919—1941), Beograd 1953, str. 13.

[2] «Коммунистический Интернационал» № 14, 1920 г., стр. 2880.

[3] Историјски архив КПЈ, т. II, стр. 24.

родни глас», а в сербском городе Пожеге — учительская газета «Учителска борба» [1].

Социалистическая рабочая партия (коммунистов) развернула широкую печатную и устную пропаганду марксизма. На югославянские языки значительным тиражом был переведен ряд работ К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина [2]. Во многих крупных городах были созданы так называемые рабочие дома, являвшиеся центрами просветительской деятельности партии.

Чтобы обессилить Коммунистическую партию, правительство сразу после I съезда КПЮ обрушилось с арестами на ее руководство. По приказу министра внутренних дел Прибичевича в тюрьму были брошены секретари партии и почти все члены Центрального Комитета, а также многие руководящие работники краевых и местных организаций партии [3].

Еще сильнее стал свирепствовать белый террор. В Сараеве и в других городах полиция производила налеты на рабочие дома, ломала в них мебель, сжигала марксистскую литературу. Следовали все новые и новые аресты. Преследованиям подвергались не только коммунисты, но и члены их семей, а также все прогрессивные деятели.

В день 1 мая 1919 г. были произведены полицейские обыски в помещениях партийных и профсоюзных организаций в Сараеве, Мостаре, Тузле, Зенице, Банья-Луке, Креке, Дервенте и других городах Боснии и Герцеговины [4]. В одном только Сараеве было снова арестовано 600 коммунистов [5]. Цензурой были конфискованы все коммунистические газеты, кроме белградских «Радничке новине». В Сербии было запрещено празднование 1 Мая [6]. Такие же запрещения были сделаны и в остальных частях королевства.

---

[1] «Доклады II конгресса Коминтерна», Доклад представителей КПЮ на II конгрессе Коминтерна, изд. Коммунистического Интернационала, Петроград 1920, стр. 150—151.

[2] Работы К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина переводились на югославянские языки и раньше, в частности, некоторые статьи В. И. Ленина были опубликованы в социал-демократической газете Сербии «Радничке новине» уже в 1904 г.

[3] Там же, стр. 147; «Коммунистический Интернационал» № 13, 1920 г., стр. 2567; *Љубомир Милин*, Бели терор, «Борба», 1956.

[4] См. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. V, 1952, стр. 83.

[5] *Дејан Гајић*, Генерални штрајк, стр. 33—34.

[6] В Сербии впервые празднование 1 Мая было проведено в 1893 г. Лишь в 1898 г., в период усиления реакции, в так называемую «глухую

Правительство хотело спровоцировать рабочий класс на неподготовленное выступление, а затем при помощи войск, в том числе и войск Антанты, задушить рабочее движение. С этой целью в Белград были стянуты воинские части и во многих местах города выставлены артиллерийские батареи. Но Коммунистическая партия разгадала коварный замысел полиции. Она призвала рабочих к выдержке и организованности. В день 1 Мая орган партии газета «Радничке новине» поместила воззвание «Опасная провокация». В воззвании говорилось: «Майское празднование в Белграде запрещено. Дома многих наших товарищей в Белграде, Загребе, Сараеве, Нови-Саде и Осиеке подверглись полицейским обыскам. Товарищи! Сохраняйте спокойствие и не поддавайтесь на провокацию. Будьте достойны своей высокой задачи! Да здравствует классовая солидарность рабочих!»[1] Партия призывала провести празднование 1 Мая организованно, не дав повода для вооруженного вмешательства войск и полиции.

Откликнувшись на призыв партии, рабочие широко отметили 1 Мая. В Белграде в этот день организованно забастовало около 200 тыс. рабочих и служащих, т. е. фактически все трудящееся население столицы [2]. Во втором по величине городе Сербии — Нише рабочая демонстрация, в которой участвовало около 10 тыс. человек, смяла полицейские кордоны и прошла по улицам города.

В главном городе Македонии — Скопле демонстрация состоялась, несмотря на сильный дождь. Вот как описывает эту демонстрацию газета «Радничке новине» в номере от 15 мая 1919 г.: «По улице короля Петра демонстрирует свыше 3,5 тыс. рабочих, и, чем дальше идут демонстранты, тем все более увеличиваются их ряды... Дождь падает, как из ведра, но число участников шествия не уменьшается. Оно достигает уже 4 тыс. человек. Весь путь демонстранты поют рабочие песни и марсельезу» [3].

В столице Черногории — Цетинье 1 Мая была объявлена забастовка на всех предприятиях. Это была первая в истории Черногории всеобщая стачка.

эпоху», полицией было запрещено празднование 1 Мая. С 1899 г. и до периода оккупации Сербии войсками центральных держав в стране ежегодно отмечался день 1 Мая. Запрет празднования 1 Мая в 1919 г. был, таким образом, чрезвычайной мерой.

[1] *Дејан Гајић*, Генерални штрајк, стр. 34.

[2] Там же, стр. 34—35.

[3] «Радничке новине», 15.V. 1919.

Первомайские выступления рабочих выявили революционные настроения трудящихся. Среди лозунгов демонстрантов были лозунги, призывавшие рабочих и крестьян бороться против военной интервенции в Советскую Россию и Советскую Венгрию.

Антанта в это время бросала все новые и новые силы для удушения социалистических республик. Юденич предпринял наступление на Петроград, Деникин рвался к Москве, Колчак шел на Урал и Волгу. Положение Республики Советов было исключительно тяжелым. Зажатая в огненном кольце фронтов, Советская Россия отбивала натиск белогвардейщины и международного империализма. 14 капиталистических государств, в том числе Королевство сербов, хорватов и словенцев, должны были, по замыслам Антанты, обрушиться на Советскую республику, чтобы окончательно задушить ее.

Одновременно Сербо-хорвато-словенское государство должно было играть роль палача Венгерской советской революции. Вместе с чехословацкими и румынскими контрреволюционными войсками в поход против красного Будапешта должны были идти и югославянские войска. В Белграде формировались многие хортистские банды. Здесь же находилась и ставка французских оккупационных войск. Последние были сосредоточены также в Южной Венгрии, в районе Арада и Сегеда, где под крылышком французских оккупантов было создано контрреволюционное венгерское правительство во главе с графом Юлиусом Каролыи. Военным министром этого правительства был назначен Миклош Хорти, задушивший матросское восстание в Которе в январе 1918 г. В Вене на американских хлебах подкармливался другой претендент в правители Венгрии — махровый социал-предатель Гарами [1].

13 июня 1919 г. председатель Парижской мирной конференции Ж. Клемансо предъявил ультиматум Венгерскому советскому правительству, угрожая интервенцией. 24 июня в Будапеште международным империализмом был организован контрреволюционный путч. Он был подавлен отрядами рабочей самообороны, но положение Советской Венгрии продолжало оставаться тяжелым.

Все черные силы международной реакции заранее торжествовали в предвкушении победы белогвардейщины в

---

[1] «Papers», vol. XI, p. 322.

Советской России и контрреволюции в Советской Венгрии. В Королевстве сербов, хорватов и словенцев крупная буржуазия, военщина и придворная камарилья снаряжали югославянские войска в распоряжение Верховного командования Антанты. Жичский епископ Велимирович в эти дни отдал распоряжение по всем церквам своей епархии провести молебны за победу адмирала Колчака [1].

Но планы использования югославянских войск в интервенции против Советской России и Советской Венгрии снова потерпели сокрушительное поражение. И снова — из-за организованного отпора рабочего класса.

На 21 июля 1919 г. по предложению коммунистических партий различных стран было назначено организованное выступление международного пролетариата в защиту советских республик. В этот день во всем мире должны были состояться массовые митинги и демонстрации пролетарской солидарности.

15 июля в газете «Радничке новине» было опубликовано обращение Югославской компартии к трудящимся страны с призывом организовать 20 и 21 июля забастовки и демонстрации. В той же газете были опубликованы две статьи: «Международная солидарность пролетариата» и «Международный смотр сил пролетариата 21 июля» [2].

В первой статье говорилось: «...Пролетариат предупреждает международную буржуазию, что дело русской и венгерской революции есть дело не только русского и венгерского рабочего класса, но дело всего международного пролетариата. Борьба против России и Венгрии означает борьбу против пролетариата всего мира» [3].

20 и 21 июля по всей стране состоялись выступления рабочих, которые вылились во всеобщую забастовку. Эта стачка по своим масштабам и по массовости была самой крупной из всех организованных до тех пор выступлений рабочего класса Сербо-хорвато-словенского государства. Она прокатилась по всем промышленным центрам, а также охватила железные дороги страны.

Особенностью забастовки было и то, что она носила ярко выраженный политический характер и прошла под

---

[1] *Дејан Гајић*, Генерални штрајк, стр. 44.

[2] Там же, стр. 42.

[3] «Радничке новине», 15. VII. 1919. Цитировано по указ.ки. Дејана Гајића, стр. 42.

лозунгами солидарности югославянского рабочего класса с трудящимися социалистических республик. Накануне всеобщей забастовки, 20 июля, в «Радничке новине» было опубликовано следующее воззвание Центрального Комитета партии: «Империализм и капитализм снова тайно вооружаются. Предпринимаются новые шаги к удушению завоеваний великой социалистической революции в России и Венгрии. Тем самым перед пролетариатом ставится новая задача — противопоставить им международный отпор масс... Пролетариат Югославии хорошо знает, какую международную обязанность он должен выполнить. 21 июля при помощи всеобщей забастовки он выразит свою международную солидарность!» [1]

20 июля в Белграде, Обреновце, Вальеве, Смедереве, Пироте, Княжевце, Зайечаре и других сербских городах состоялись массовые демонстрации и митинги. В Белграде было проведено 10 митингов и многолюдных собраний. В Обреновце вместе с рабочими в демонстрации участвовали крестьяне окрестных сел и жители города Стублина [2]. В Зайечаре на улицу вышло свыше 2 тыс. человек, т. е. почти все рабочее население города. В Нише было проведено массовое собрание протеста против антисоветской интервенции, несмотря на то что полиция и войска перекрыли все дороги, ведущие в город, и установили кордоны в самом городе[3].

На следующий день, 21 июля, в Нише, Белграде и в других городах Сербии были объявлены забастовки. Выступления рабочих произошли также в остальных частях Сербо-хорвато-словенского государства—в Хорватии, Воеводине, Македонии, Боснии и Герцеговине, Словении и др.

Один из очевидцев и непосредственных участников этих выступлений, старейший деятель рабочего движения Хорватии — Иосип Цази следующим образом описывает события в городе Вуковаре: «В воскресенье, 20 июля, в 4 часа дня, в Вуковаре был созван огромный митинг, в котором участвовало до 2 тыс. человек. Состоялись также сходки в селах. В понедельник, 21 июля, была проведена всеобщая забастовка. Она началась в полночь. Неожиданно полный

---

[1] «Радничке новине», 20. VII. 1919. Цитировано по указ. кн. Дејана Гајића стр. 45.

[2] Там же, стр. 46—47.

[3] Там же, стр. 48.

мрак окутал весь город — перестала работать электростанция... Вся экономическая жизнь в городе замерла, были закрыты не только промышленные предприятия, но все кафе, магазины, гостиницы. Вуковарские торговцы и владельцы гостиниц договорились было открыть их без обслуживающего персонала, но не решились этого сделать, а тот, кто открыл лавки, тотчас снова закрыл их по требованию рабочих — так велик был страх перед рабочими... По городу проходили организованные рабочие патрули, которые охраняли Рабочий дом от полиции и жандармерии и предупреждали провокации со стороны последних. В городе сохранялось спокойствие...» [1]

В книге Деяна Гаича «Всеобщая забастовка 1919 года» приводятся воспоминания очевидца о всеобщей стачке в Загребе.

«Вся общественная жизнь в Загребе полностью прекратилась.Стачка была всеобщей и всесторонней. Из фабричных труб 21 июля не клубился дым, машины стояли. Целый день были закрыты отели, рестораны, магазины; не работали даже частные канцелярии и банки. Ни одна газета не вышла 21 июля... Стояли трамваи, автомобили и фиакры. Одним словом, весь Загреб являл собой вид пустого и мертвого города, в котором прекратилась всякая жизнь. Буржуазия была в панике. Паника была особенно велика оттого, что забастовка началась ночью. По городу носились всякие фантастические слухи. По будуарам и салонам, где скрывалась буржуазия, шептались, что социалисты начали революцию. Войска и полиция были наготове, при оружии, но на улицах не появлялись [2].

21 июля в Загребе под открытым небом на площади перед гостиницей «Коло» состоялся массовый митинг, в котором участвовало 10 тыс. человек.

В городе Славонском Броде на митинге присутствовало 3 тыс. рабочих. Не работало ни одно предприятие [3].

Всеобщая забастовка охватила также многие города Воеводины, Далмации, Словении и Македонии [4].

Одновременно произошли революционные волнения в армии. 22 июля вспыхнуло восстание в 43-м Мариборском

---

[1] *Josip Cazi*, Vukovar u klasnoj borbi, Zagreb 1955, str. 104.
[2] *Дејан Гајић*, Генерални штрајк, стр. 50—51.
[3] Там же, стр. 52.
[4] См. «Коммунистический Интернационал» № 13, 1920 г., стр. 1567—1572; «Правда», 26 июля 1919 г.

пехотном полку и Дравском конном полку в Словении. Непосредственной причиной волнений были несправедливые аресты солдат за неповиновение офицерам. Восставшие солдаты покинули казармы и через мост на реке Драве направились на главную площадь Марибора, чтобы заявить свой протест командованию гарнизона. Здесь они были встречены войсками, которые еще оставались верными правительству. Завязалась схватка, продолжавшаяся несколько часов. Только после подхода подкреплений восстание было подавлено [1]. 23 июля вспыхнуло восстание в хорватском городе Вараждине в Савском конном полку [2]. 25 июля восстали три хорватских отряда, посланные в район Сегеда против венгерской Красной Армии. Восставшие отказались сражаться с венгерскими солдатами и побратались с ними [3]. 8 августа вспыхнуло солдатское восстание в городе Крижеваце [4], а в сентябре — восстание в 29-м пехотном полку в Черногории [5]. Армия была явно «неблагонадежна», и ее нельзя было посылать против Советской России.

Выступления рабочего класса и солдатских масс заставили правящие круги отступить. Сербо-хорвато-словенское государство не приняло участия ни в интервенции в Венгрию, ни в интервенции в Советскую Россию. Это было серьезной победой югославянского пролетариата и его существенным вкладом в дело международной пролетарской солидарности с Советской Россией и Советской Венгрией.

Рабочему классу Сербо-хорвато-словенского государства удалось также вырвать у правительства ряд уступок. Был введен 8-часовой рабочий день, принято трудовое законодательство, обеспечивающее рабочим право на заключение коллективных договоров и охрану труда рабочих на предприятиях, увеличен размер пособий, выдаваемых в случае потери на производстве трудоспособности и т. д.[6] Правительство дало обещание соблюдать конституционные свободы и не вмешиваться в деятельность партийных

---

[1] *Љубомир Милин*, Бели терор, «Борба», 28. X. 1956.
[2] Там же.
[3] «Korrespondenz-Express», 25. VII. 1919; «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. V, 1952, стр. 84.
[4] «Sudslawische-Korrespondenz», 9.VIII. 1919.
[5] *Julijana Vrčinac*, Kraljevina Srba, Hrvata i Slovenaca od ujedinjenja do vidovdanskog procesa, str. 18—19.
[6] «Crveni Kalendar», I—V. 1920.

и профсоюзных рабочих организаций, отменило предварительную цензуру и другие политические ограничения. Но прошло всего несколько месяцев — и все принятые законы были отменены, а на предприятиях всюду был ликвидирован 8-часовой рабочий день.

5. РАБОЧЕЕ И КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В 1920 г.

После подавления солдатских восстаний в Мариборе, Вараждине и в Черногории и в особенности после удушения Антантой революции в Венгрии правящие круги королевства осмелели и, забыв обо всех своих обещаниях, приступили к введению в стране режима террора и репрессий. Снова усилилось преследование коммунистов и прогрессивных деятелей. Тюрьмы были переполнены сотнями и тысячами арестованных рабочих и крестьян.

Распоясавшаяся полиция предъявила Коммунистической партии ультиматум, требуя прекращения революционной деятельности. 21 января 1920 г. министр внутренних дел Прибичевич вызвал к себе руководящих работников Центрального Комитета Коммунистической партии и с неприкрытой наглостью заявил им, что полиция использует все средства для подавления революционного движения.

В заявлении Прибичевича вместе с тем сквозил животный страх перед революцией. «Согласно сведениям, которые мы имеем,— сказал он,— ваша партия бурно растет, ваши коммунистические идеи быстро распространяются» [1]. Прибичевич выразил большую тревогу по поводу успехов, одержанных советским народом в борьбе с интервентами, отметив, что победы Красной Армии оказывают революционизирующее влияние на трудящихся Сербо-хорвато-словенского государства. «Принимая во внимание ситуацию, которая возникла в нашей стране, и события, которые разыгрываются в мире в связи с успехами Красных войск Советской России,— заявил министр,— мы вам не можем позволить работать дальше так же...» [2]

Министр внутренних дел угрожал коммунистам репрессиями: «Если вы не покоритесь нашему приказу, мы будем

---

[1] «Радничке новине», 28. I. 1920. Цит. по указ. соч. Дејана Гајића стр. 63.

[2] Там же, стр. 63—64.

запрещать ваши собрания, мы будем распускать ваши организации, мы будем арестовывать всех, кто своей деятельностью выступает против нас» [1].

«Теории, которые вы проповедуете,— говорил Прибичевич, обращаясь к коммунистам,— воплощаются в настоящее время в жизнь, и в вашем сегодняшнем движении таится опасность. Ввиду этого мы должны принять все меры, чтобы создать препятствия на пути распространения вашей пропаганды. Для этого мы употребим и полицию, и жандармерию, и войско, и все то, что находится в нашем распоряжении» [2].

Но революционные коммунисты не отказались от борьбы. Их не запугали тюрьмы и преследования. Несмотря на массовый белый террор, установившийся в стране после удушения Венгерской Советской Республики, Коммунистическая партия продолжала свою деятельность.

В марте 1920 г. состоялись муниципальные и общинные выборы в Хорватии, Славонии и Далмации. На этих выборах Коммунистическая партия одержала значительную победу: в состав муниципалитетов во многих общинах были избраны коммунисты, а в некоторых общинах — Загребе, Осиеке, Дугой Ресе, Подринье, Селце, Земуне и др.— коммунисты получили даже большинство голосов [3].

Во многих городах Хорватии в связи с итогами выборов состоялись массовые манифестации, и полиция на этот раз не решилась запретить эти выступления рабочих [4].

Внутриполитическое положение в стране в 1920 г. продолжало оставаться исключительно сложным и напряженным. Как и в 1918—1919 гг., Сербо-хорвато-словенское государство переживало серьезнейшие экономические трудности. Трудящиеся массы испытывали тяжелые материальные лишения. Буржуазия стремилась произвести обновление основного капитала за счет беспощадной эксплуатации рабочего класса, а правительство пыталось выйти из финансового кризиса при помощи политики безудержной инфляции, которая, однако, приводила лишь к противоположным результатам.

---

[1] «Радничке новине», 28. 1. 1920 г. Цит. по указ.соч. Д ејана Гајића, стр. 64.

[2] Там же.

[3] *Jovan Marjanović*, Potsetnik iz istorije Komunističke partije Jugoslavije (1919—1941), str. 19.

[4] Там. же.

В 1920 г. произошло дальнейшее падение динара. По сравнению с французским франком динар упал на 200—250%. Номинальная стоимость находившихся в обращении бумажных денег достигла в 1920 г. 10 млрд. динаров [1]. «Денежный рынок в Югославии,— писала 13 июля 1920 г. английская «Таймс»,— наводнен бумажными деньгами, курс которых все время падает... В Сербо-хорвато-словенском государстве появилась новая буржуазия, наживавшаяся на войне, спекуляциях и царящей в стране инфляции» [2].

В результате инфляции и необузданной спекуляции в 1920 г. катастрофически выросли цены на продукты питания и предметы первой необходимости, следствием чего было падение реальной заработной платы рабочих. В целом, по данным Центрального комитета рабочих профсоюзов Сербо-хорвато-словенского государства, общий индекс цен в 1920 г. по сравнению с 1913 г. вырос в 13 раз [3]. В то же время повышение заработной платы было весьма незначительным.

Рабочий класс развернул борьбу против наступления капитала на его жизненный уровень. В 1920 г. огромного размаха достигла стачечная волна. Всего в течение года было проведено около 600 забастовок с общим числом участников свыше 200 тыс. человек [4].

Наиболее массовыми выступлениями югославянского пролетариата в 1920 г. были: всеобщая железнодорожная стачка в апреле, антивоенные демонстрации в июле и забастовки горняков, текстильщиков, металлистов и рабочих других профессий осенью и в конце 1920 г.

Всеобщая забастовка железнодорожников началась 10 апреля и сразу приняла грозный характер. В ней участвовало около 60 тыс. рабочих и служащих железных дорог Хорватии, Словении и Сербии. Центрами забастовки были города Белград, Загреб, Сараево, Любляна и Мостар [5]. Для руководства забастовкой был избран стачечный комитет, который выдвинул следующие требования:

---

[1] «Jutarnji List», 10.IX. 1921.
[2] «Times», 13.VII. 1920.
[3] «Centralni radnički sindikalni odbor Jugoslavije. Jzveštaj za 1923—1927 godinu», Beograd 1927, str. 11.
[4] См. «Красный интернационал профсоюзов» № 8, 1921 г.
[5] *Josip Cazi*, Vukovar u klasnoj borbi, str. 132.

введение отмененного 8-часового рабочего дня, создание выборных рабочих представительств для участия в управлении железными дорогами и др.

К бастующим железнодорожникам присоединились рудокопы Трбовля. Они не ограничивались этими требованиями, а прогнали местные власти и провозгласили в городе Советскую республику, просуществовавшую три дня [1]. Бурные события произошли и в Любляне. Здесь на рабочую демонстрацию напала полиция, учинившая кровавую расправу, в результате чего было убито 17 демонстрантов [2].

Правительство для прекращения забастовки использовало все средства. Министерство военных и морских дел издало приказ об отправке на железные дороги призывников в возрасте от 21 года до 38 лет в порядке мобилизации. «Всякий, кто не явится на призывной пункт,— говорилось в приказе министра за № 117048 от 17 апреля 1920 г.,— будет рассматриваться как дезертир и предаваться военному суду» [3]. Реформистский профсоюз железнодорожников пытался организовать вербовку штрейкбрехеров. Администрация железных дорог обещала машинистам, вышедшим на работу, крупные денежные премии. Буржуазная печать выступала с клеветническими утверждениями о том, что продовольственные затруднения в городах вызваны якобы забастовкой на железных дорогах. Тем самым создавалось неблагоприятное для рабочих «общественное мнение» и делалась попытка расколоть рабочий класс и противопоставить забастовщикам средние слои населения.

Коммунистическая партия призвала рабочих других профессий объявить стачку солидарности с железнодорожниками. Эта стачка солидарности состоялась 21 и 22 апреля. Однако реформистскому руководству профсоюзов все же удалось разобщить рабочих и после почти двухнедельной борьбы добиться прекращения всеобщей забастовки железнодорожников [4].

После поражения железнодорожной забастовки реакция подняла голову и правительство усилило репрессии

---

[1] *Jovan Marjanović*, Potsetnik iz istorije Komunističke partije Jugoslavije (1919—1941), str. 20.

[2] Там же.

[3] *Josip Cazi*, Vukovar u klasnoj borbi, str. 138.

[4] «Crveni kalendar», V. 1920.

против рабочих. Одновременно возросла активность реформистских элементов в профсоюзах и в рядах молодой и еще не окрепшей Коммунистической партии. В последней появилась центристская группа, заявившая о бесцельности массовой революционной борьбы рабочих, ввиду якобы наступившей в стране стабилизации капитализма [1].

В такой обстановке с 20 по 25 июня 1920 г. заседал II съезд Коммунистической партии, состоявшийся в городе Вуковаре. На съезде развернулась борьба с центристской фракцией, закончившаяся ее поражением. Однако съезд не исключил центристов из партии, и они образовали после съезда свою группу, которая была исключена из КПЮ только в декабре 1920 г. [2]

II съезд Коммунистической партии снова подтвердил верность партии программным принципам Коминтерна и принял новое название партии — Коммунистическая партия Югославии. Вуковарский съезд выработал программу и устав партии и принял ряд важных решений, способствовавших развертыванию дальнейшей деятельности партии. В программе не была определена правильная линия в крестьянском, национальном и некоторых других вопросах [3], но в целом программа основывалась на революционных и интернационалистических принципах.

Компартия после съезда приняла участие в муниципальных и парламентских выборах.

На муниципальных и общинных выборах в Сербии и Македонии в августе 1920 г. она завоевала значительное количество мандатов, а в ряде городов — в Белграде, Вальево, Крагуевце, Лесковце, Шабаце, Пироте, Скопле, Ужице, Куманове, Велеше, Прилепе, Льешнице и Чукарице — вышла на первое место по числу собранных голосов [4]. Особенно внушительной была победа в Белграде, где Коммунистическая партия получила 30 мандатов в муниципалитет, в то время как буржуазные партии радикалов и демократов в общей сложности получили только 14 мандатов [5].

---

[1] *Jovan Marjanović*, Potsetnik iz istorije Komunističke partije Jugoslavije (1919—1941), str. 20.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 17—18.

[4] См. «Коммунистический Интернационал» № 14, 1920 г., стр. 2880. «Novi Svijet», 22,28. X. 1920.

[5] См. «Бюллетень Коммунистического Интернационала» № 2—3, 1921 г., стр. 5.

На состоявшихся 28 ноября выборах в парламент коммунисты снова собрали в городах значительное количество голосов и вышли на третье по количеству мандатов место, получив 58 мандатов (из 419) в Учредительное собрание [1].

Однако партия не сумела достичь таких же успехов в деревне. Здесь коммунисты получили большинство голосов на общинных выборах только в 27 селах[2]. Исход голосования в сельских местностях явился следствием недостаточной работы партии в деревне.

В 1920 г. в Сербо-хорвато-словенском государстве широкий и массовый характер приняло движение трудящихся против угрозы новой войны.

Идя в фарватере внешней политики держав Антанты и прежде всего Франции, правительство Королевства сербов, хорватов и словенцев занимало враждебную по отношению к Советской России позицию. Несмотря на протест Советского правительства в Королевстве сосредоточивались выброшенные из Советской России белогвардейцы и формировались войска для помощи барону Врангелю.

Первые белогвардейские части, разбитые Красной Армией, прибыли в Сербо-хорвато-словенское государство еще в 1919 г.[3] В 1920 г. их приток заметно усилился. В портовом городе Котор в 1920 г. был высажен целый ряд белогвардейских воинских соединений. Многие из них переформировывались и возвращались обратно в Россию, в частности в Крым, где включались в состав белых армий [4]. Оружие для этих войск доставлялось из Франции, США и других стран Антанты. Так, согласно данным современного югославского исследователя этого вопроса Миролюба Кршльянина, в 1920 г. в Котор прибыли два американских парохода с оружием и амуницией для барона Врангеля, а также незаконно захваченные белогвардейцами корабли бывшего царского флота «Самара» и «Владимир» с военными материалами и похищенным в петроградских банках золотом для белогвардейских воинских частей, переформи-

---

[1] См. «Бюллетень Коммунистического Интернационала» № 2—3, 1921 г., стр. 5.

[2] *Jovan Marjanović*, Potsetnik iz istorije Komunističke partije Jugoslavije (1919—1941), str. 22.

[3] *Miroljub Kršljanin*, Kontrarevolucionarna akcija kraljevskih vlada u Beogradu protiv SSSRa (1918—1929); — «Pregled» knj. 2, 1956, br. 10, str. 647.

[4] Там же.

ровывавшихся на югославянской территории [1]. В сербской рабочей газете «Радничке новине» 14 августа 1920 г. были опубликованы материалы, разоблачающие контрреволюционную роль югославского королевского правительства, которое, выполняя требование Антанты, дало разрешение на провоз через территорию страны оружия и боеприпасов для интервенционистских армий Польши. Распоряжение правительства было подписано его главой Миленко Весничем и министром путей сообщения Антоном Корошецем [2].

Королевство сербов, хорватов и словенцев, по планам Антанты, должно было принять непосредственное участие в антисоветской интервенции вместе с буржуазно-помещичьей Польшей. 25 июля 1920 г. на банкете, данном югославским премьером Весничем в честь французского посланника в Белграде Фонтеня, ориентировочно было названо даже предназначавшееся для этого количество югославянских войск — намечалось послать до 100 тыс. солдат и офицеров. Для уточнения сроков и масштабов операций в Белград прибыли представители военных миссий стран Антанты в Будапеште адмирал Трубридж и генерал Гордон [3], которые имели предварительную договоренность с венгерскими хортистскими властями об организации совместного похода Венгрии, Румынии, Польши и Королевства сербов, хорватов и словенцев против Советской России [4]. Как сообщала сербская газета «Политика» в номере от 15 августа 1920 г., Антанта обещала Сербо-хорвато-словенскому государству за его участие в антисоветской интервенции Банат и Темешвар, а Румынии — часть Украины и Черноморского побережья России [5].

Милитаристские круги и различного рода фашистские и полуфашистские организации, возникшие в это время в Сербо-Хорвато-словенском государстве, вынашивали авантюрные планы [6].

---

[1] См. *Miroljub Kršljanin*, Kontrarevolucionarna akcija vlada u Beogradu...str. 648.

[2] «Pregled», knj. 2, 1956, br. 10, str. 648.

[3] Там же.

[4] Там же, стр. 348.

[5] Там же, стр. 647.

[6] В 1919—1920 гг. оживилась деятельность милитаристских организаций «Черная рука» и «Белая рука». Кроме того, в это время были созданы такие профашистские организации, как «Орјуна», «Јадранска стража» и др.

Помимо планов участия в интервенции против Советской России, среди придворных кругов все более зрела идея отвоевания у Италии незаконно захваченного в 1919 г. итальянскими фашистскими отрядами Габриэля д'Анунцио южнославянского портового города Риека (Фиуме). В 1920 г. резко обострились югославско-итальянские отношения, вследствие чего стала реальной угроза военного конфликта. Летом 1920 г. югославское военное министерство начало даже проводить частичную мобилизацию в армию.

Трудящиеся массы с тревогой следили за развитием событий, чреватых новой войной. В 1920 г. в стране произошел ряд антивоенных выступлений. Во главе этого движения встала Коммунистическая партия. 30 июля краевой комитет Коммунистической партии Хорватии и Славонии обратился к населению с призывом организовать массовые демонстрации и митинги против подготовки войны с Италией и формирования в стране контрреволюционных белогвардейских войск для оказания помощи Врангелю. В воззвании говорилось: «Товарищи рабочие и работницы, беднейшие и угнетенные вдовы, потерявшие своих мужей, инвалиды, загубившие свое здоровье в прошлых войнах, матери, сестры, жены — поднимем свой голос протеста против поджигателей войны! Организуем по всей стране митинги протеста!» [1]

С таким же призывом к населению обратились сербская, словенская, боснийская и далматинская организации Коммунистической партии. В городе Осиеке на митинге протеста против развязывания новой войны присутствовали 2 тыс. человек, в Земуне и Вуковаре — по 5 тыс., в Карловаце — 1,5 тыс., в Белграде — 15 тыс. человек [2]. Особенно внушительными были выступления в Загребе, где, кроме митингов, была проведена демонстрация. Она проходила под лозунгами: «Да здравствует русская революция!», «Вон контрреволюционеров и белогвардейцев из Югославии!», «Долой войну!», «Долой правительство, которое помогает Врангелю!» [3]

«Мы,— говорилось в резолюции митинга загребских рабочих,— осуждаем реакционную политику правительства

---

[1] «Novi Svijet», 31.VIII. 1920.
[2] «Novi Svijet», 3. VIII. 1920.
[3] «Novi Svijet», 10.VIII. 1920.

и разоблачаем антинародные намерения правящих кругов вовлечь страну в новую войну, чтобы укрепить тем самым реакцию.

Правительство хочет мобилизовать весь трудовой народ городов и сел в армию и тем сорвать выполнение наших требований о демобилизации. Общее собрание предупреждает трудовой народ об опасности, которая исходит от реакции, опасности, против которой требуется вести самую решительную борьбу. Долой реакционеров-милитаристов, поджигателей новой войны! Долой войну! Да здравствует братский народ Советской России!» [1]

Решительное выступление народных масс сорвало авантюрные планы сербской военщины. Как и в 1919 г., королевское правительство не решилось на участие в антисоветской интервенции. Оно не осмелилось и на военный конфликт с Италией: слишком уж напряженным было в это время внутриполитическое положение в стране.

Положение для правящих кругов усугублялось тем, что в национальных районах снова стало подниматься крестьянское движение.

Причины нового подъема крестьянского движения состояли в следующем. Крестьянство в 1920 г. уже успело разочароваться в аграрной реформе, увидев всю недостаточность буржуазных преобразований. Основной вопрос — вопрос о земле — не был решен при помощи реформы.

Правительство же не только не собиралось идти навстречу требованиям трудящихся крестьян, но и провело в 1920 г. одно мероприятие, которое еще больше ограничивало возможность бедноте получить землю. Согласно принятому 3 июля 1920 г. Министерством аграрной реформы решению из списков на получение земли исключались все вдовы, сироты, инвалиды и все те, кто был не в состоянии сам обработать землю [2]. Этим решением ущемлялись интересы огромной массы крестьян: в одной только Сербии было убито или искалечено во время войны несколько сот тысяч человек, преимущественно работоспособного мужского населения, и тем самым по новому закону члены их семей лишались права на землю. Это решение министерства вызвало взрыв возмущения в деревне. Еще большее негодование крестьянства, в особенности

---

[1] «Novi Svijet», 10. VIII. 1920.
[2] «Agrarna reforma», Beograd 1923.

национальных районов, вызвала налоговая политика. Великосербская буржуазия проводила в налоговом вопросе дискриминационную, колонизаторскую политику. Согласно официальным данным Министерства финансов, население Хорватии, Боснии и Герцеговины, Далмации и Восводины, составлявшее немногим более 50% населения страны, уплачивало 72,8% всей суммы прямых налогов [1].

Не ограничившись сбором налогов, королевское правительство приступило в 1920 г. к насильственной реквизиции в Хорватии и в других национальных районах лошадей для армии и скота в связи с военными мероприятиями. Во внимание не принималось даже то обстоятельство, что нередко у крестьянина отбиралась последняя лошадь. Крестьянину не выплачивалось никакой компенсации.

В начале сентября в ряде районов Хорватии и Славонии произошли крестьянские волнения [2].

В ночь с 4 на 5 сентября в селах Кошино, Святи-Иван, Злинского котара (волости), и Беловарская Моравча, Беловарского котара, большая толпа крестьян напала на помещения местных органов власти и сожгла списки описи скота. В восставшие села были направлены властями жандармерия и войска, учинившие над крестьянами дикую расправу; все жители сел Кошино и Беловарская Моравча были перепороты и жестоко избиты [3]. Известие о разгуле жандармерии с быстротой молнии облетело соседние села. К восстанию присоединились деревни: Иваньска, Гарешница, Дугосело, Велика Грдевча, Новосело и др.[4]

Движение стремительно нарастало. 6 сентября началось восстание в Чазменском и Дугосельском котарах, затем — в окрестностях города Иваничграда, а также в районе Грубишнополя, расположенном от первоначального очага восстания в 50 *км* [5]. 7 сентября восстание охватило почти всю Хорватскую Посавину и Хорватское Загорье [6].

В Дугосельском котаре толпа крестьян, вооруженных топорами, косами и обрезами, напала на отряд жандарме-

---

[1] О налогах см. «Народна енциклопедија Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца», т. III, стр. 500.

[2] «Novi Svijet», 11. IX. 1920.

[3] «Novi Svijet», 11, 12. IX. 1920.

[4] «Agramer Tagblatt», 11.IX. 1920; «Novi Svijet», 12.IX. 1920.

[5] «Работнически вестник», 12.IX. 1920, 1. X. 1920.

[6] См. «Правда», 9 октября 1920 г.

рии и обратила его в бегство. Были вынуждены отступить и присланные воинские подкрепления.

В ночь с 9 на 10 сентября вооруженные крестьянские отряды появились вблизи города Сисака, заняли мелкие железнодорожные станции, перерезали железнодорожную линию, по которой правительство отправляло войска, и захватили в свои руки телеграф и телефон [1].

13 сентября к восставшим присоединились крестьяне многих деревень Загорья. «Крестьянские беспорядки,— говорилось в сообщении хорватской коммунистической газеты «Новый Свет» от 14 сентября 1920 г.,— распространились и на район Загорья. Телефонная связь в местности Мария-Бистрица прервана... Ночью крестьяне напали на город Златар и призвали солдат присоединиться к ним... Восставшие требуют провозглашения крестьянской республики» [2].

Крестьянское восстание в Хорватии, таким образом, приняло очень широкий размах. Но оно было все же слабо организовано. Движение крестьянства не сочеталось с выступлением городского пролетариата и проходило без руководства с его стороны.

Между тем правительство принимало срочные меры. Оно двинуло против повстанцев войска с артиллерией и конницей. В середине сентября крестьянское восстание было подавлено. Для расправы с участниками восстания была создана специальная «Комиссия по делу о крестьянских беспорядках» и учреждены чрезвычайные суды, приговорившие к тюремному заключению сотни крестьян [3].

Расправившись с крестьянским движением, правительство обрушилось на Коммунистическую партию и рабочий класс. В Белграде и других городах, где коммунисты получили большинство голосов на муниципальных выборах, были распущены муниципалитеты. В ночь с 30 на 31 декабря 1920 г. правительство без ведома Народной скупщины издало распоряжение о роспуске Коммунистической партии Югославии и прогрессивных профсоюзов.

В июле 1921 г. был принят новый закон «об охране государства», согласно которому принадлежность к Коммунистической партии каралась каторжными работами на

---

[1] «Novi Svijet», 14.IX. 1920.
[2] Там же.
[3] Там же.

срок до 20 лет. Все 58 депутатов-коммунистов были лишены депутатской неприкосновенности и отданы под суд. Были закрыты прогрессивные газеты и установлена жесточайшая цензура. Коммунистическая партия ушла в подполье. В стране установился открыто реакционный режим.

Но лучшие революционные силы Коммунистической партии Сербо-хорвато-словенского государства и югославский рабочий класс не прекратили борьбы и в этих тяжелых условиях. Несмотря на дикие преследования и полицейский террор, они продолжали начатое дело.

Коммунистическая партия, перейдя на нелегальное положение, вела революционную работу, используя все малейшие легальные возможности. С этой целью в январе 1923 г. была создана Независимая рабочая партия Югославии и Независимые профсоюзы. Через периодическую печать — газеты «Борба» (Загреб), «Раднички делавец», «Организовани радник» (Белград) и партийный журнал «Борба» (Белград) — Коммунистическая партия вела политическую пропаганду среди масс. Коммунистическая партия сочетала легальные и нелегальные способы борьбы. Несмотря на все преследования полиции и происки реакции, наиболее стойкие революционные силы югославского рабочего класса продолжали сохранять и развивать революционные традиции, которые они восприняли от Великой Октябрьской социалистической революции в России. Они мужественно вели революционную борьбу в тяжелые годы подполья. Вдохновляющим примером у трудящихся масс в этой борьбе по-прежнему оставалась Советская республика, народы которой первыми в мире прокладывали путь к социализму.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Кабакчиев Х., Партия тесных социалистов, революция в России и циммервальдское движение 9

Ермолаева Р., К истории польских коммунистических организаций и органов РКП(б) для работы среди польского населения на территории Советской Республики в 1917—1921 гг. 35

Манусевич А., Деятельность польских социал-демократических организаций в России в период подготовки Октябрьской революции (март—октябрь 1917 г.) 67

Калениченко П., О деятельности Польского временного революционного комитета 147

Сухомлинова Г., К истории образования Чехословацкого государства в 1918 г. 190

Марьина В., Революционное движение в Словакии в 1918—1919 гг. 233

Очак И., Из истории участия югославян в борьбе за победу Советской власти в России (1917—1921 гг.) 271

Писарев Ю., Великая Октябрьская социалистическая революция и революционная борьба народов Югославии в 1917—1920 гг. 328

Октябрьская революция
и зарубежные славянские народы

Редактор *И. Седов*

Оформление художника *А. Кобрина*
Художественный редактор *Н. Симагин*
Технический редактор *А. Данилина*
Ответственные корректоры
Я. Кононович и *Е. Иванченко*

*

Сдано в набор 11 июня 1957 г. Подписано
в печать 13 сентября 1957 г.
Формат 84×108 1/32. Физ. печ. л. 12 1/8.
Услови. печ. л. 19,8. Учетно-изд. л. 20,87.
Тираж 25 тыс. экз. А 07067. Заказ № 572.
Цена 7 руб.

*

Государственное издательство политической литературы.
Москва, В-71, Б. Калужская, 15.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

55527